

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный журнал

2017 № 3

Главный редактор **Пашенцев Дмитрий Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора **Ирошников Денис Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Алексеев Кирилл Васильевич, кандидат филологических наук, доцент
Артемьев Николай Семёнович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Грибов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук
Жаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, доцент
Ковалева Наталья Витальевна, доктор юридических наук
Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Матузов Николай Игнатьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Мещерякова Ольга Михайловна, доктор юридических наук, доцент
Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Пантюхина Инга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Сангаджиев Бадма Владимирович, доктор юридических наук, доцент
Чердаков Олег Иванович, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор
Южанин Вячеслав Ефимович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)
Учредитель Ирошников Денис Владимирович

Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77 – 41561** от 13.08.2010 г.
Выходит шесть раз в год

ISSN 2220-5500

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук (Перечень журналов ВАК)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 82319
Подписной индекс в Официальном каталоге Почты России «Подписные издания» (интернет-каталог) – П5314

Сайт журнала: www.jur-science.com

Электронная почта: jur-science@mail.ru

Почтовый адрес редакции:
390044, г. Рязань, а/я 58

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1
conception.rzn@gmail.com
8-800-250-73-02 (Звонок по России бесплатный)

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Свободная цена

JURIDICAL SCIENCE

Science journal

2017 № 3

Editor-in-chief **Pashentsev Dmitriy Alekseevich**, Doctor of legal sciences, professor
Deputy of editor-in-chief **Iroshnikov Denis Vladimirovich**, Candidate of legal sciences, associate professor

Editorial Board:

Alekseyev Kirill Vasilyevich, Candidate of philology, associate professor

Artemyev Nikolay Semenovich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation

Gribov Aleksandr Sergeevich, Candidate of legal sciences

Zharov Sergey Nikolayevich, Doctor of legal sciences, associate professor

Krylova Elena Gennad'evna, Doctor of legal sciences, professor

Kovaleva Natal'ya Vital'yevna, Doctor of legal sciences

Malko Aleksandr Vasilyevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of Science of the Russian Federation

Matuzov Nikolay Ignatyevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of Science of the Russian Federation

Mesheryakova Olga Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, associate professor

Mikhaylova Irina Aleksandrovna, Doctor of legal sciences, professor

Mordovets Aleksandr Sergeevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation

Pantyukhina Inga Vladimirovna, Candidate of legal sciences, associate professor

Redkous Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor

Sangadzhiev Badma Vladimirovich, Doctor of legal sciences, associate professor

Cherdakov Oleg Ivanovich, Doctor of legal sciences, Candidate of history, professor

Yuzhanin Vyacheslav Efimovich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation

The journal is registered in the Federal service for supervision in the sphere of communications, information technology and mass communications (ROSKOMNADZOR).

Promoter Iroshnikov Denis Vladimirovich

Media registration certificate PI № FS77 – 41561 from August the 13th, 2010.

The journal is published 6 times a year

ISSN 2220-5500

The journal is included in the “List of Russian scientific journals, which should be published basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences”

The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue “Russian Press” (index 82319).

Subscription index in the catalogue of the Russian post “Subscription edition” (online directory) – П5314

Official web-site: www.jur-science.com

E-mail: jur-science@mail.ru

Postal address of editorial office:

Ryazan, post office box 58, postal code – 390044.

Publishing house: “Conception” Co Ltd

Krupskaya Street, 17/1, Ryazan, postal code – 390044.

conception.rzn@gmail.com

8-800-250-73-02

In case of reprinting the publication the link to the journal is obligatory

Uncontrolled prices

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Абдуразаков А.А. Правовой режим деятельности религиозных организаций в исправительных учреждениях Российской Федерации.....5

Алексеев К.В. Правовые идеи в творчестве русских поэтов XIX в. А.С. Пушкина и Я.П. Полонского.....10

Ахметова С.В. Язык судебных документов – разновидность языка права.....18

Глинин Р.А. Представители у восточных славян в предгосударственный и раннегосударственный периоды (VI–XIV вв.).....23

Гончаров В.В. Государственный суверенитет и глобальный конституционализм: вопросы соотношения.....37

Дорская А.А. К вопросу об основных этапах интернационализации права.....45

Звонарев А.В., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А. Развитие формальных источников образовательного права в советский период (1917–1936 гг.).....52

Жежелевская О.Ю. К вопросу о понятии юридической квалификации.....57

Жильцов Н.А., Коржиков О.Н., Чердаков О.И. Обоснование изменения правовой системы Российского государства в философско-правовых доктринах второй половины XIX – начала XX в.63

Ирошников Д.В. Безопасность как функция права.....69

Исаков И.Н. Научная и практическая значимость системного подхода в исследовании разнородных правовых систем.....73

Сабанина Н.О., Чупров В.М. Дума «народного возмездия» или «государственной неопыт-

ности»: реакция провинции на роспуск I Государственной думы (по материалам Тульской губернии).....79

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Артемова О.Е. Конституционно-правовой статус центральных избирательных органов стран Средней Азии – участниц СНГ.....85

Жунусканов Т.Ж., Верба Д.В. Казахстанская модель конституционного законодательства как следствие унитаризации устройства государства.....89

Колесников А.В. Проблемы осуществления органами местного самоуправления функции муниципального контроля из-за отсутствия единого понятия.....96

Михайлова Н.В. Правовое регулирование государственно-церковных отношений в России...101

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Рейнгольд В., Долотов В. Европейская компания: новые возможности наднационального юридического лица.....105

Романова И.Н. Организационно-правовые формы страхования предпринимательской деятельности.....113

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Иванчин А.В. О некоторых правилах образования уголовно-правовых запретов.....117

Ларин В.Ю. Публичность оскорбления представителя власти как конструктивный признак состава преступления.....124

Ларина Л.Ю. Государство как субъект уголовно-правовых отношений.....130

Пантюхина И.В. Анализ судебной практики заведомо ложного доноса о совершении полового преступления.....135

Соловьев О.Г., Соколова О.В. Стимулирующие нормы-новеллы в статьях о преступлениях в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ).....143

Шуба Е.С. Институт замены штрафа иным наказанием: проблемы реализации.....148

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Попов К.И. Разграничение уголовно-процессуального и уголовно-правового задержания.....153

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Васильев И.А. Модельный договор о совместной деятельности участников кластера и догово-

вор о сетевой форме реализации образовательных программ: проблемы соотношения предмета и условий.....157

Доренко К.С. Современная социальная политика стран Европейского союза: проблемы и перспективы развития.....166

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Буравлев Ю.М., Сидорова С.А. Государственная служба как объект внутреннего контроля.....173

Гапонов О.Н., Исаев В.М. Проблемы достижения целей применения отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.....178

Сергеев А.В., Воробьев Н.Ф. Опыт использования административно-правовых режимов в целях противодействия терроризму в государствах – участниках СНГ.....183

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АБДУРАЗАКОВ Ахмед Абдурахманович

***Аннотация.** Современная пенитенциарная система уделяет большое внимание вопросу нравственного и правового воспитания осужденных, объективно полагая, что данная работа должна способствовать успешной ресоциализации осужденных. Особо отмечается необходимость более тесного сотрудничества с религиозными организациями, это обусловлено ее существенным влиянием на развитие общества, на мировоззрение людей, культуру и нравственность человека. В данной статье освещаются существующие проблемы данного вида работы, проведен анализ трудов по пенитенциарной педагогике и возможностей интеграции в эту сферу религиозных учений. Предлагаются также общие пути и методы решения возникающих проблем и нормативного сопровождения деятельности тюремных капелланов.*

***Annotation.** The prison system pays great attention to the question of moral and legal education of prisoners. Believing that this work should contribute to the successful re-socialization of convicts, because it affects the development of society, on the attitudes, culture and human morality. This article highlights the problems of this work, the analysis of the works of the penitentiary pedagogy and the integration possibilities in the realm of religious teachings. Suggested ways and methods of solving problems concerning the development of lecture materials, training and regulatory support activities of prison chaplains.*

***Ключевые слова:** религиозные организации, канонические нормы, тюремный капеллан, противодействие экстремизму, воспитание осужденных, нормативное обеспечение.*

***Keywords:** religious organizations, canonical norms, the prison chaplain, combat extremism, the education of prisoners, regulatory support.*

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) особое внимание уделено вопросу эффективности воспитания и ресоциализации осужденных. Высокий уровень рецидивной преступности обуславливает актуальность данной проблематики. Улучшения результатов в этой сфере планируется достичь «за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведения в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освободившихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества»¹. Осуж-

денному «следует помогать поддерживать и укреплять связи с ...учреждениями, находящимися за стенами исправительного учреждения, которые способны обеспечить защиту интересов его семьи и способствовать его включению в жизнь общества после освобождения»². Представляется важным с самого начала, со стадии правового сопровождения не допускать ошибок и формального подхода к реализации данной формы воспитательного воздействия. Последующее ее исправление и корректировка представляется крайне сложным процессом, не говоря уже о тех непоправимых ошибках, ко-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс».

² Лампежев А.С. Постпенитенциарный контроль: отдельные аспекты международного регулирования и зарубежного опыта // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6, № 11А. С. 120.

торые можно допустить при ее реализации на местах. В изложенном ниже материале попытаемся рассмотреть наиболее часто встречающиеся противоречивые моменты взаимодействия с религиозными организациями.

Священникам предписано «духовно-нравственное воспитание осужденных и лиц, содержащихся под стражей, принадлежащих к другим конфессиям»³. Данное предписание весьма спорно по целому ряду причин: 1) хотя и имеется отсылка этого пункта к типовым должностным инструкциям, в самих инструкциях данная работа не вменяется в обязанность помощника начальника; 2) сложно спрогнозировать реакцию верующих осужденных иных конфессий, данное мероприятие может быть воспринято ими как проявление прозелитизма; 3) для проведения религиозно-просветительской беседы с верующими иных конфессий необходимо обладание гораздо более глубокими знаниями по религии, исповедуемой осужденным, чем знает он сам, иначе данное занятие не даст необходимого воспитательного эффекта. На сегодняшний день данный нормативный документ носит рекомендательный характер, территориальные органы ФСИН России разрабатывают положения и должностные инструкции, регламентирующие порядок деятельности помощника начальника территориального органа ФСИН России по работе с верующими, самостоятельно, исходя из особенностей региона.

Как известно, ч. 4 ст. 14 УИК РФ разрешает осужденным «проведение религиозных обрядов и церемоний, пользование предметами культа и религиозной литературой»⁴. Данное право прописано и в п. 3 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», однако данные нормы имеют правовое ограничение, а именно в обоих нормативных актах прописано, что данные религиозные мероприятия должны осуществляться с соблюдением требований уголовно-исполнительного законодательства РФ⁵. Порядок работы религиозных организаций оговорен в том числе и в правилах внутреннего распо-

рядка исправительных учреждений, в п. 15 которых сказано, что «при осуществлении осужденными своих прав администрацией ИУ не должны нарушаться порядок и условия отбывания наказаний»⁶. Исходя из вышеизложенного, можно сделать явный вывод о том, что деятельность религиозных организаций, а также исполнение осужденными положенных религиозных обрядов имеют естественное правовое ограничение, выведенное из особого статуса данной категории лиц и присущего им общего ограничения прав и свобод. Данные ограничения (не только религиозного характера) обусловлены целым рядом объективных причин, среди которых обеспечение безопасности осужденных, пресечение побегов и иных чрезвычайных обстоятельств, а также, безусловно, воспитание осужденного и воздействие на него с целью исправления.

В изложенном выше порядке регламентации деятельности религиозных организаций со всей очевидностью проявляется превосходство принципа светскости государства, закрепленного в Конституции РФ. Согласно существующему конституционному принципу отделения церкви от государства последнее не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти и государственных учреждений. Однако в Конституции РФ также защищены права верующих и религиозных организаций. В ст. 19 Конституции РФ равенство религиозных объединений корреспондирует равенству прав и свобод человека и гражданина независимо от его убеждений и отношения к религии, но отделение религиозных объединений от государства не влечет за собой ограничения прав членов объединений. Таким образом, светский характер государства не запрещает ему взаимодействовать с религиозными организациями. Российская Федерация создает законы, обеспечивающие права и свободу вероисповедания, и устанавливает определенные санкции за их нарушение, оскорбление религиозных чувств верующих⁷.

Другими словами, исходя из Конституции РФ, сотрудники УИС обязаны в своей деятель-

³ Письмо ФСИН России от 14 апреля 2016 г. № исх-07-21143 «О направлении методических рекомендаций по порядку и условиям назначения на должность помощника начальника территориального органа ФСИН России по организации работы с верующими».

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Приказ Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Воробьев С.М. Конституционно-правовые основы деятельности религиозных организаций в уголовно-исполнительной системе России // Уголовно-исполнительное право. Научный журнал. 2016. № 1 (23). С. 33.

ности руководствоваться принципами светского государства, исключая зависимость от религиозного санкционирования или давления, от религиозных объединений или от подчиненности таковым, но при этом, во взаимодействии с религиозными организациями (для определения особенностей отправления религиозных обрядов и осуществления культовых ритуалов), должны обеспечивать данный вид законного права осужденных.

Практика, сложившаяся в учреждениях УИС, демонстрирует нам ряд сложностей, возникших на стадии реализации такого правоприменительного механизма:

1. Ввиду большого количества религиозных организаций, течений (даже если принимать во внимание только те, которые зарегистрированы в установленном порядке в Минюсте России), крайне сложно наладить продуктивное взаимодействие и разобраться в концепции и религиозных постулатах того или иного религиозного течения. Причем «осознание права в историческом прошлом изменяется под влиянием приоритетов проводимой политики, основных философских воззрений»⁸, соответственно, выработка единого подхода для всех религиозных концепций невозможна ввиду их многообразия, изменчивости и противоречивости.

2. Применительно к исламу всегда остается риск привлечения к работе с осужденными или в качестве консультанта представителя, придерживающегося фундаментальных или даже радикальных течений в исламе, даже если его религиозная организация соответствующим образом зарегистрирована. Необходима специальная подготовка сотрудников УИС для заблаговременного выявления такого рода агитаторов, так как даже краткосрочное присутствие их в местах лишения свободы представляется недопустимым.

В России порядок предоставления допуска в учреждение представителям религиозных организаций регламентирован уголовно-исполнительным законодательством, в ст. 14 УИК РФ указано, что священнослужители должны принадлежать к зарегистрированным в установленном порядке религиозным объединениям⁹. Остается открытым вопрос, кто именно должен осуществлять проверку данных орга-

низаций. Профессор О.В. Филимонов полагал, что «перекладывать решение данного вопроса на администрацию исправительных учреждений недопустимо, она не обладает возможностями дать правильную оценку этим обстоятельствам»¹⁰. Однако ряд исследователей рекомендуют «администрации исправительного учреждения... подробно выяснить содержание проповеднической деятельности религиозных представителей (отзывы об их прошлой деятельности, рекомендательные письма, оперативные данные)»¹¹. В целом, соглашаясь с представленными точками зрения, представляется наиболее разумным предложить альтернативный вариант, а именно возложить данную обязанность на помощника начальника территориального органа ФСИН России по работе с верующими, так как работа по организации взаимодействия с религиозными организациями возложена на него типовой инструкцией ФСИН России¹².

3. Правовое положение тюремных священнослужителей в местах принудительного содержания, закрепленных правящими архиереями за учреждениями УИС, остается неопределенным, отсутствуют положения (инструкции) об их правах и обязанностях. На эту проблему также обращает внимание С.М. Воробьев: «Нет регламентированного нормативно-правового акта, который регулировал бы деятельность священнослужителей при пенитенциарных учреждениях»¹³.

4. Религиозная догматика – это не строго кодифицированные нормы позитивного права, здесь нормы выражены фигурально, иносказательно, в поэтическом стиле или в форме аллегорий. Поэтому даже, казалось бы, несущественные изменения в позитивном праве в угоду религиозной догме создают крайне трудно прогнозируемый прецедент. Например, для совершения религиозных обрядов в п. 83 при-

¹⁰ Филимонов О.В. Уголовно-исполнительное право России. Учебник и основные нормативные правовые акты. М.: ЮрИнфоР, 2000. С. 168.

¹¹ Белова Т.В. Организация взаимоотношений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с традиционными религиозными организациями России // Роль образовательных учреждений в реформировании уголовно-исполнительной системы: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под. общ. ред. Б.Б. Казака. Псков: Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2010. С. 113.

¹² См., напр.: Письмо ФСИН России «О направлении методических рекомендаций по порядку и условиям назначения на должность помощника начальника территориального органа ФСИН России по организации работы с верующими».

¹³ Воробьев С.М. Конституционно-правовые основы деятельности религиозных организаций в уголовно-исполнительной системе России.

⁸ Кученев А.В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 4 (26). С. 113.

⁹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

каза Минюста России «священнослужителям разрешается проносить на территорию исправительного учреждения необходимые им предметы культа, перечень которых определен в соглашениях о взаимодействии... в том числе вещество для совершения причастия (евхаристические хлеб и вино)»¹⁴. Говоря сугубо юридическим языком, запрета на пронос спиртосодержащих жидкостей не существует, религиозной догме не сделано исключение и из нормы светского права о запрете передачи «запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания»¹⁵, так как алкоголь передавать осужденным им не разрешено. Ввиду изложенного остается непонятным смысл разрешения проноса на режимную территорию вина, если его передача осужденным все так же находится под запретом. Данное обстоятельство может послужить основанием для проноса иных «предметов культа» для осужденных, мотивировать это можно религиозной потребностью, создавая таким образом неприятный юридический прецедент.

5. Большое многообразие религиозных потребностей, их разнохарактерность и взаимные противоречия объективно невозможно удовлетворить в замкнутом пространстве исправительного учреждения. В России, естественно, не имеется практики дифференциации осужденных по признаку их религиозного вероисповедания (как это делается, например, в Израиле), что приводит к ограничению требований культовых обрядов. Более того, апеллирование к правилам внутреннего распорядка при организации работы исправительных учреждений – это крайняя мера, так как является элементом принуждения к повиновению, а не убеждением, т. е. с точки зрения воспитательного воздействия также является не вполне эффективным и разумным. Более продуктивным представлялось бы религиозную догматику ввиду

ее гибкости и возможности интерпретации, при осуществлении того или иного религиозного обряда, использования религиозной атрибутики или совершения обряда оптимизировать под требования законодательства.

Указанные выше факторы обуславливают необходимость:

1) скорейшего и юридически грамотного создания нормативной базы для работы неформальных рабочих групп при помощниках начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими;

2) разработки лекционных и методологических материалов, направленных на общеколлегиальное духовно-нравственное воспитание осужденных; представители религиозных организаций способны дать более объективную теологическую оценку литературе и каноническим догматам;

3) внесения изменений в типовые должностные инструкции с дополнением их следующим пунктом: «помощник начальника обязан организовывать воспитательное занятие по духовно-нравственному или правовому воспитанию верующих осужденных не реже одного раза в квартал».

Практика и многочисленные наблюдения показывают, что принятие и соблюдение человеком религиозных идеалов отнюдь не служит гарантией того, что такой человек не будет совершать преступлений. Поэтому речь может идти о том, чтобы объективно и всесторонне подойти к религиозным моральным заповедям и точно определить для себя, что из них можно использовать в нравственном развитии современного человека, а что может навредить ему. Отсюда необходимость «акцентирования внимания на тех религиозных нормах, которые действительно способны побудить человека к совершению добра, соблюдению принципов справедливости, работе над собой, своему духовно-нравственному совершенствованию»¹⁶.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Приказ Минюста России «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений».

¹⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ст. 19.12) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Гусейнов О.М. К вопросу о роли религиозных моральных ценностей в нравственном развитии личности // Исламоведение. 2012. № 4. С. 70–71.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приказ Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Письмо ФСИН России от 14 апреля 2016 г. № исх-07-21143 «О направлении методических рекомендаций по порядку и условиям назначения на должность помощника начальника территориального органа ФСИН России по организации работы с верующими».
7. Белова, Т.В. Организация взаимоотношений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с традиционными религиозными организациями России // Роль образовательных учреждений в реформировании уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под. общ. ред. Б.Б. Казака. – Псков : Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2010.
8. Воробьев, С.М. Конституционно-правовые основы деятельности религиозных организаций в уголовно-исполнительной системе России // Уголовно-исполнительное право : науч. журнал. – 2016. – № 1 (23).
9. Гусейнов, О.М. К вопросу о роли религиозных моральных ценностей в нравственном развитии личности // Исламоведение. – 2012. – № 4.
10. Кученев, А.В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Российского университета кооперации. – 2016. – № 4 (26).
11. Лампежев, А.С. Постпенитенциарный контроль: отдельные аспекты международного регулирования и зарубежного опыта // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Т. 6, № 11А.
12. Филимонов, О.В. Уголовно-исполнительное право России. Учебник и основные нормативные правовые акты. – М. : ЮрИнфоР, 2000.

ПРАВОВЫЕ ИДЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX в. А.С. ПУШКИНА И Я.П. ПОЛОНСКОГО¹

АЛЕКСЕЕВ Кирилл Васильевич

Аннотация. В статье с точки зрения продвижения правовых идей рассматриваются произведения А.С. Пушкина «Вольность», «Анджело» и Я.П. Полонского «Свежее преданье». В ходе анализа выявляются такие правовые проблемы современной указанным поэтам России, отраженные в их творениях, как наиболее приемлемая для Российского государства форма правления, права и свободы подданных (граждан), всеобщая личная свобода, связанная прежде всего с отменой крепостного права, верховенство закона, равенство всех перед законом и судом и др. Правовые идеи, пропагандируемые А.П. Пушкиным и Я.П. Полонским, сохраняют свою актуальность как для современной теории государства и права, так и для практического законотворчества, поскольку фактически обосновывают принципы правового демократического государства, правового статуса личности, а также направлены на решение некоторых вопросов соотношения права, с одной стороны, и нравственности, милосердия – с другой.

Annotation. In the article from the point of view of promotion of legal ideas, the works of A.S. Pushkin's "Liberty", "Angelo" and Ya.P. Polonsky "Fresh devotion". The analysis reveals such legal problems to the contemporary poets of Russia, reflected in their creations, as the most acceptable form of government for the Russian state, the rights and freedoms of citizens (citizens), universal personal freedom, primarily associated with the abolition of serfdom, the rule of law, equality all before the law and the court, etc. Legal ideas, advocated by A.P. Pushkin and Ya.P. Polonsky, retain their relevance both for the modern theory of the state and law, and for practical lawmaking, since they in fact justify the principles of a legal democratic state, the legal status of the individual, and also address some issues of the relationship between law, on the one hand, and morality, mercy on the other.

Ключевые слова: правовые идеи в произведении, право и литература, А.С. Пушкин, ода «Вольность», поэма «Анджело», Я.П. Полонский, «Свежее преданье», правовое государство, абсолютизм, конституционная монархия, свобода, верховенство закона, крепостное право.

Keywords: legal ideas in the work, law and literature, A.S. Pushkin, ode "Liberty", the poem "Angelo", Ya.P. Polonsky, "Fresh Tradition", the rule of law, absolutism, constitutional monarchy, freedom, the rule of law, serfdom.

Право и литература – два тесно связанных между собой явления культуры, и необходимость междисциплинарных исследований в этой сфере за рубежом осознали достаточно давно. В США и Европе с середины XX в. развивается научное движение «Право и литература»², одним из направлений которого является «исследование правовой тематики в литературных произведениях («право в литературе») <...> Американские и европейские правоведы последних десятилетий, которые обозначают свои научно-академические интересы словосочетанием «право и литература», полагают, что правовые кол-

лизии, представленные в литературе, даже имея вымышленный, воображаемый характер, способны, тем не менее, рассказать многое о политической и социальной жизни и о людях, вовлеченных в правовые конфликты»³. По мнению одного из основателей движения «Право и литература» Р. Вайсберга, «право изначально было связано с литературой как формализованная попытка структурировать реальность через язык и до сих пор сохраняет свою литературную сущность»⁴.

В нашей стране, как справедливо отмечает А.А. Нейстат, исследующая проблемы взаимодействия правосознания и художественной литературы, «среди огромного множества литературоведческих, культурологических и соб-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-04-00501а «Литературное наследие Я.П. Полонского: исследование и комментарий» на 2017 год.

² Подробнее см.: Борщ И.В. «Право и литература» – направление в зарубежных междисциплинарных исследованиях // Государство и право. 2013. № 9.

³ Борщ И.В. «Право и литература» ... С. 73.

⁴ Weisberg R.H. Diritto e letteratura // Enciclopedia Scienze Sociali Treccani. Roma, 1993. Vol. 3. P. 107.

ственно юридических исследований нет ни одной серьезной работы»⁵, посвященной «аналогичным или, хотя бы, близким по тематике вопросам».

Между тем исследование правовых проблем в русской литературе представляется весьма актуальным, нужным и перспективным. На сегодняшний день в рамках курса «История учений о праве и государстве», на наш взгляд, можно было бы шире использовать наиболее значимые произведения русских писателей и поэтов, в которых вопросы права и государства представлены достаточно весомо.

Размышления русских поэтов XIX в. о судьбах России часто приводили их к осмыслению правовых проблем, среди которых, в частности, рассматривались такие, как предпочтительная для Российской империи форма правления, правовое государство, демократия как вид политического режима. Естественно, поэты не употребляли в своих творениях приведенных терминов современной теории государства и права, однако суть этих понятий была некоторыми из них представлена очень точно.

Согласно ст. 1 Конституции РФ современная Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Путь к такому конституционно-правовому статусу страны был тяжелым и тернистым. Однако еще со времен Древней Руси находились люди, которые приближали время демократического развития Российского государства. Среди них было немало мастеров пера.

Говоря о поэтах XIX в., которые высказывали правовые идеи в своих стихотворных произведениях, прежде всего необходимо выделить А.С. Пушкина. В 1817 г. в возрасте 18 лет великий русский поэт написал оду «Вольность»⁶, которая по праву может быть названа наставлением государственной власти по реформированию Российской империи. Название произведения А.С. Пушкин позаимствовал у А.Н. Радищева, который впервые со всей революционной горячностью изложил свое отношение к крепостному строю и самодержавию в оде с таким же названием.

Пушкинская «Вольность» в отечественном литературоведении, как правило, относилась к политической лирике, тогда как, пожалуй, в большей степени это произведение представляет собой правовую концепцию государства. Уже в начале оды поэт, подобно М.В. Ломоносову («Разговор с Анакреоном»), отказывается от любовной тематики и обращается к гражданским и, в частности, правовым проблемам:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица? –
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Две последние строки приведенного фрагмента оды отнюдь не свидетельствуют о неприятии поэтом монархии как таковой. Автор ставит цель прославить свободу и выявить самые негативные черты монархической формы правления. Главным и страшным злом А.С. Пушкин считает тиранию, которую может породить абсолютизм. Откровенной и бескомпромиссной ненавистью пронизаны строки оды, адресованные самодержцу-тирану:

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.

Заметим, под самовластительным злодеем, по мнению одних ученых, автор имел в виду Наполеона, другие литературоведы считают, что речь идет об Александре I. Для целей нашей работы это не имеет принципиального значения, поскольку нас интересует прежде всего отношение поэта к монархической форме правления в двух ее проявлениях: самодержавие (абсолютная монархия) и конституционная монархия. Прилагательное «самовластительный» в данном случае не оставляет сомнений в отношении А.С. Пушкина к неограниченной власти царя. Поэт не просто не признает такую форму правления, он испытывает к ней ненависть, ведь она предполагает деспотию, а на троне всегда может оказаться человек крайне без-

⁵ Нейстат А.А. Методологические аспекты использования литературно-художественного материала при анализе вопросов формирования правосознания. URL : <http://www.jourclub.ru/36/1326/7/>

⁶ Существует мнение, что ода написана позже, в 1819 г. (см. напр.: Шкловский В.Б. Заметки о прозе Пушкина. М. : Советский писатель, 1937).

нравственный. Позже в стихотворении «К Чаадаеву» А.С. Пушкин выразит убеждение в том, что самодержавие в России непременно рухнет:

...Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Еще раз подчеркнем, что речь идет не о монархии в принципе, а о самодержавии (самовластью). Интересно, что М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Предсказание» предрек гибель в России царизма как такового:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь.

В оде «Вольность» А.С. Пушкин именно с абсолютизмом связывает такие негативные явления российской действительности, как крепостное право, отсутствие прав и свобод у основной части населения, а также порочность существующих законов.

Увы! куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде желёзы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слёзы;
Везде несправедная Власть
В сгущённой мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Однако в абсолютизме, по мнению поэта, кроется опасность не только для подданных, но и для самого самодержца. Примеры из российской и французской истории, приведенные А.С. Пушкиным в оде, не оставляют сомнений в этом. Людовик XVI, павший жертвой Великой французской революции, и Павел I, убитый заговорщиками с молчаливого согласия сына императора Александра, становятся яркой иллюстрацией ненадежности такой формы правления, как абсолютная монархия. При этом отношение поэта к двум государям различное: в описании Людовика XVI явно есть сочувствие автора, которое, в том числе, подчеркивается отсутствием негативных слов в адрес французского короля (Людовик XVI вошел в историю как честный и добрый, но робкий и нерешительный король, видимо, поэтому поэт называет его «мученик ошибок славных»); напротив, даже не названный по имени

Павел I сопровождается такими авторскими характеристиками, как «тиран», «увенчанный злодей», и сравнивается поэтом с кровожадным римским императором Калигулой. Однако финал для двух правителей одинаков – смерть. При этом А.С. Пушкин отнюдь не одобряет убийство монарха. Так, казнь Людовика XVI поэт сопровождает словами «кровавая плаха вероломства», «преступная секира», а убийцам императора Павла I и их пособникам дает и вовсе нелицеприятные характеристики: им свойственны трусость («На лицах дерзость, в сердце страх»), склонность к предательству («Врата отверсты в тьме ночной // Рукой предательства наемной...»), злоба и подлость («Вином и злобой упоенны, // Идут убийцы потаенны»). Само царевубийство воспринимается поэтом как безобразный, постыдный и отвратительный акт:

О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...

На первый взгляд может показаться, что А.С. Пушкин в данном случае противоречит сам себе, ведь он осуждает царевубийц и одновременно радуется, как следует из приведенного ранее отрывка, гибели «самовластительного злодея» и даже смерти его детей. Думается, что никакого противоречия здесь нет, ибо для поэта самовластительный злодей – самозванец и узурпатор. При этом конкретная историческая личность здесь не имеет особенного значения. Как отмечалось выше, одни ученые называют в качестве прототипа злодея Наполеона, а другие – Александра. Первый был провозглашен императором в результате революционных событий во Франции, второй вззошел на престол после вероломного убийства его отца Павла I. Таким образом, очевидно, для А.С. Пушкина эти правители были не только деспотичными, но и незаконными самодержцами.

Приход таких, говоря современным языком, нелегитимных властителей, как следует из оды А.С. Пушкина, – прямое следствие незаконного убийства монархов. На смену монархам, насильственно лишенным жизни, приходило еще более деспотичные и жестокие правители, не имеющие никаких прав на престол.

В условиях преобладания монархической формы правления в современном ему мире поэт видит выход в смене абсолютизма конституционной монархией, которая способна, по мнению

автора оды «Вольность», решить обозначенные им в произведении проблемы. Только главенство закона способно обеспечить процветание и безопасность и народам, и их правителям.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит
И преступленья свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.

В приведенном фрагменте оды «Вольность» А.С. Пушкин утверждает целый ряд правовых идей, актуальных в современной теории государства и права.

Поэт разделяет понятия «вольность» и «закон» (сочетание святой вольности и мощных законов). Представляется вполне обоснованным предположение о том, что под вольностью А.С. Пушкин понимал совокупность так называемых естественных прав и прежде всего главную категорию теории естественного права – личную свободу. Законы же в данном контексте представляют собой позитивное право. Однако среди этих законов автор оды выделяет один, дающий верховную власть:

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

Отрицая природное, а может быть, и божественное происхождение царской власти, А.С. Пушкин, вероятно, считал вечным законом нечто подобное общественному договору. Таким образом, закон вечный и иные законы в сочетании с естественным правом обеспечивают стабильность и безопасность государства и являются обязательными как для народа, так и для правителя.

Отсюда проистекает вторая идея – о всеобщности законов, призванных дать защиту всем без исключения подданным (гражданам) государства («...всем простерт их твердый щит»), включая главу государства. Естественно, что функцию защиты выполняет не сам

закон, а на его основе государственная власть. В действующей Конституции РФ данная идея выражена в ст. 2: «...защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Третья правовая идея, полностью разделяемая А.С. Пушкиным и заявленная в оде «Вольность» – равенство всех перед законом. При этом принцип равенства рассматривается в двух аспектах: как равенство подданных (граждан) между собой («Граждан над равными главами») и как равенство перед законом граждан и властителей («Но вечный выше вас Закон»). В Конституции РФ указанный принцип закреплен в ч. 1 ст. 19, согласно которой все равны перед законом и судом. Однако данная идея в оде «Вольность» не ограничивается только общим, конституционно-правовым ее содержанием, здесь содержится и уголовно-правовой ее аспект: («Граждан над равными главами // Их меч без выбора скользит»). Отметим, что рассматриваемая идея сформулирована как принцип в УК РФ: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом...».

Как уже отмечалось выше, А.С. Пушкин в своей оде отождествляет закон и государство. Подобное отождествление имеет место и в отношении закона и суда («Где не подкупна их рука // Ни алчной скупостью, ни страхом»). Говоря о законах, поэт в данном случае имеет в виду суд и формулирует своего рода требования, которые, по его мнению, должны предъявляться к судье: неподкупность и смелость.

Последняя правовая идея А.С. Пушкина связана с необходимостью обеспечения объективности законов, которые должны учитывать интересы всех. Кроме того, поэт считает неприемлемой ситуацию, при которой законы существуют, но являются фиктивными и когда закон становится инструментом или властителя, или народа.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!

В финале оды «Вольность» А.С. Пушкин призывает прежде всего правителей принять идею верховенства закона:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Иного пути обеспечить спокойствие и безопасность государства поэт не видит:

И днесь учитесь, о цари:
 Ни наказанья, ни награды,
 Ни кров темниц, ни алтари
 Не верные для вас ограды.

Главным лейтмотивом оды А.С. Пушкина «Вольность», помимо прочих правовых идей, стала идея верховенства закона – одного из признаков правового государства, где главенствует закон, перед которым равны все (и простые люди, и правитель) и который должен обеспечивать права и свободы подданных (граждан), а также неотвратимость наказания за совершенное преступление, назначаемого не взирая на лица.

Позже поэт более глубоко и разносторонне осмысливал перечисленные выше идеи. В поэме «Анджело», написанной в 1833 г. на сюжет пьесы В. Шекспира «Мера за меру», А.С. Пушкин размышляет о том, к чему ведет неисполнение законов в государстве, возможно ли в виде исключения отклонение от закона, как могут соотноситься понятия «законность» и «милосердие». Кроме того, автора поэмы волнует нравственный облик правителя-правоприменителя.

Поэма «Анджело» начинается с описания властителя одного из городов Италии, старого предоброго Дука, который характеризуется автором как «Народа своего отец чадолюбивый, // Друг мира, истины, художеств и наук». Такие качества, однозначно одобряемые в простом человеке, становятся вредными, когда они присущи правителю, ведь, как пишет А.С. Пушкин, «власть верховная не терпит слабых рук». Излишняя доброта и мягкость Дука приводит к тому, что народ, любящий своего властителя, совершенно теряет страх перед законом и возможным наказанием за проступки и преступления, и это влечет нравственную деградацию.

Народ любил его и вовсе не боялся.
 В суде его дремал карающий закон,
 Как дряхлый зверь уже к ловитве неспособный.
 Дук это чувствовал в душе своей незлобной
 И часто сетовал. Сам ясно видел он,
 Что хуже дедушек с дня на день были внуки,
 Что грудь кормилицы ребенок уж кусал,
 Что правосудие сидело сложа руки
 И по носу его ленивый не шелкал.

Чтобы исправить ситуацию, Дук убывает из города и оставляет править Анджело, которого автор характеризует следующим образом:

...муж опытный, не новый
 В искусстве властвовать, обычаем суровый,
 Бледнеющий в трудах, ученье и поспе,
 За нравы строгие прославленный везде,
 Стеснивший весь себя оградой законной,
 С нахмуренным лицом и с волей непреклонной...

Справедливо отмечая половинчатость всего в городе, где правил Дук, А.Н. Архангельский подчеркивает несомненную «цельность характера Анджело (хотя он и надменен), его убежденность в том, что закон выше всего и вся»⁷. В короткое время Анджело сумел сделать законы реальными и начал добиваться их строгого исполнения:

Лишь только Анджело вступил во управление,
 И все тотчас другим порядком потекло,
 Пружины ржавые опять пришли в движение,
 Законы поднялись, хватая в когти зло,
 На полных площадях, безмолвных от боязни,
 По пятницам пошли разыгрываться казни.

В числе прочих Анджело реанимировал суровый закон, предусматривающий смертную казнь за прелюбодеяние, и первым, кто был арестован и приговорен к смерти, стал молодой патриций Клавдио. Здесь и возникает первая правовая проблема. С одной стороны, с точки зрения строгого исполнения существующих законов повеса должен понести наказание, с другой стороны, столь жестокое наказание, как смертная казнь, представляется чрезмерным, поскольку закон, предусматривающий такую расплату, длительное время не действовал, а сам молодой преступник в изображении А.С. Пушкина лишь отложил официальный брак. Интересно, что русский поэт изменил причину отсрочки законной женитьбы: если у В. Шекспира брак отложен в силу меркантильных интересов молодых людей (они ожидают увеличения приданого невесты), то такая же отсрочка в пушкинском «Анджело» связана скорее с легкомыслием.

Суровый законник Анджело ни на минуту не допускает сомнений в справедливости назначенной казни Клавдио, ведь закон для него

⁷ См.: Архангельский А.Н. Герои Пушкина. Очерки литературной характерологии. М.: Высшая школа, 1999.

превыше всего. Сестра приговоренного к смерти молодого человека приходит к наместнику с просьбой помиловать ее брата. В диалоге Изабелы и Анджело А.С. Пушкин ставит сложнейшие правовые проблемы. Прежде всего девушка взывает к милосердию правителя:

...ни царская корона,
 Ни меч наместника, ни бархат судии,
 Ни полководца жезл – все почести сии –
 Земных властителей ничто не украшает,
 Как милосердие. Оно их возвышает.

 Подумай, если тот, чья праведная сила
 Прощает и целит, судил бы грешных нас
 Без милосердия; скажи: что было б с нами?

Однако Анджело в ответ резонно возражает: «Не я, закон казнит». Действительно, придав древнему закону былую силу или, иначе говоря, сделав его реальным, наместник должен строго следовать его букве, иначе право вновь станет «пужалом из тряпицы», // На коем наконец уже садятся птицы». Доводы наместника весьма убедительны: возрождая законность и правопорядок, он не может позволить себе отступить от закона.

Тогда Изабела прибегает ко второму аргументу, обращая внимание Анджело на то, что преступление, совершенное ее братом, длительное время фактически не каралось:

Ты знаешь, государь, несчастный осужден
 За преступление, которое доселе
 Прощалось каждому; постраждет первый он.

При этом девушка не отрицает преступность деяния своего брата, но пытается указать на очевидную несправедливость, ведь до Клавдио за прелюбодеяние не наказывали совсем, а он приговорен к самому суровому наказанию.

Анджело находит слова и против этого аргумента:

Закон не умирал, но был лишь в усыпленье,
 Теперь проснулся он.

 Потворствовать греху есть то же преступленье,
 Карая одного, спасаю многих я.

Думается, что с точки зрения обыденного сознания читателю должна быть ближе гуманная позиция Изабелы, но, если рассматривать

ситуацию в правовом аспекте, уважения заслуживала бы непреклонность правителя, который поставлен наместником для того, чтобы возродить почтение людей к закону и осознание ими необходимости неукоснительного исполнения последнего. Следует подчеркнуть, что Клавдио был избалован, когда всем, а значит и ему, была известна готовность Анджело применять жестокий древний закон, о чем свидетельствуют следующие строки:

Так Анджело на всех навел невольню дрожь,
 Роптали вообще, смеялась молодежь
 И в шутках строгого вельможи не щадила,
 Меж тем как ветрено над бездною скользила...

Более того, готовящаяся стать монахиней Изабела, получив от Анджело непристойное предложение, признает всю греховность и преступность действий своего брата:

...Невольню я душой
 Тогда лукавила. Увы! себе самой
 Противуречила я, милое спасая
 И ненавистное притворно извиняя.

Впрочем, такое признание звучит из уст девушки позже, а во время первого диалога с Анджело она, не видя отклика на свои доводы, предпринимает последнюю попытку:

...Ужель душа твоя
 Совсем безвинная? спросись у ней: ужели
 И мысли грешные в ней отроду не тлели?

Эти слова задела Анджело:

Невольню он вздрогнул, поникнул головой
 И прочь идти хотел...

Именно с этого момента начинается нравственное падение Анджело и как правителя, и как человека, и именно поэтому выше мы писали о том, что его непреклонность заслуживала бы уважения, используя сослагательное наклонение. Охваченный страстью наместник пытается не только совратить Изабелу, но и цинично обмануть ее, не собираясь отменить казнь Клавдио. В итоге с помощью хитроумного плана Дука Анджело избалован и должен быть казнен, но помилован по просьбе Изабелы и своей жены Марьяны. Казалось бы, Дук вновь впадает в излишний гуманизм, но с точки зрения права благодаря плану муд-

рого правителя Анджело так и не совершил преступление, которое осталось лишь намерением. На это совершенно верно обращает внимание А.Н. Архангельский: «Самое забавное заключается в том, что прощение, которое Дук дарует Анджело, не только милосердно, но и законно с формально-юридической точки зрения. По стечению обстоятельств (Дуком же и обеспеченным) Анджело так и не стал прелюбодеем, проведя ночь с женой; он так и не отменил приговор в расплату за свидание. А в итоге все встает на свои места, “половинчатость” устраняется»⁸. Далее автор пишет: «Вопрос для Пушкина состоит лишь в том, возможно ли было это “восстановление”, эта победа порядка над неупорядоченностью, без Анджело. Прямого ответа в повести нет»⁹. Действительно, прямого ответа в произведении А.С. Пушкина нет, однако, на наш взгляд, только непреклонность Анджело позволила возродить законность, и это подтверждается всем повествованием. Другое дело, что моральный облик наместника оказался в итоге весьма далеким от образа «идеального государя».

Таким образом, в поэме «Анджело» А.С. Пушкин, как представляется, не нашел однозначного решения вопроса о том, что же для правителя должно стать приоритетом: закон или милосердие. С одной стороны, неисполнение законов влечет хаос, с другой – жизнь намного богаче любого нормативного установления. Большую роль в обеспечении подлинной законности, как следует из поэмы «Анджело», играет нравственный облик того, кто призван стоять на страже закона, а также соответствие последнего интересам и чаяниям народа. Закон, противоречащий запросам населения, обречен: даже под страхом жестокого наказания он будет нарушаться, а это расширяет основы законопорядка и самого государства, пожалуй, не меньше, чем бездействие закона при попустительстве власти. Не менее опасным является закон, устанавливающий несоразмерное наказание за проступок или преступление. Авторы учебного пособия «Право и история художественной культуры» высказали следующую мысль: «Когда же монарх передал власть в городе наместнику Анджело, восстановившему все законы, которые были зафиксированы “в громаде уложенья”, то ока-

залось, что далеко не все старинные законы приемлемы для подданных и даже правитель в лице наместника может стать перед выбором: следовать букве бесчеловечного несправедливого закона или нарушить, обойти его, следуя велению совести, и тогда неизбежно встать на путь беззакония»¹⁰. В целом соглашаясь с данным высказыванием, отметим, однако, что закон о наказании за прелюбодеяние сам по себе не является бесчеловечным и несправедливым (особенно для описываемого времени), а вот мера ответственности, безусловно, превышает все мыслимые пределы.

Еще одним русским поэтом XIX в., разработавшим в своих произведениях политические и правовые идеи, был Я.П. Полонский. Необходимо отметить, что поэт имел юридическое образование. Наиболее ярко правовые идеи Я.П. Полонского проявились в романе в стихах «Свежее преданье», который не был доведен до конца в стихотворной форме, но благодаря оставленному автором плану представляет собой сюжетно и идейно законченное произведение.

Главным героем произведения Я.П. Полонского стал Камков – типичный представитель прогрессивной русской интеллигенции 1840-х гг. В условиях крепостного права и беззакония Камков мечтает о народной свободе («...есть у всякого народа // Святая цель – его свобода»). При этом свобода понимается им как совокупность не только прав, но и обязанностей, она не может отождествляться со вседозволенностью. Истинно свободный человек обязан ограничивать себя в интересах всего народа, других людей.

По-своему он понимал
Свободу. Быть вполне свободным –
Он думал – значило связать
Себя во многом, сочетать
Свой личный идеал с народным.

Такой идеал Я.П. Полонского, высказанный устами героя романа в стихах Камкова, полностью согласуется с современными принципами демократического государства и реализацией прав и свобод человека и гражданина. Так, например, в ч. 3 ст. 17 Конституции

⁸ См.: Архангельский А.Н. Герои Пушкина.

⁹ Там же.

¹⁰ Право и история художественной культуры : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В.Г. Вишневский [и др.]. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 431 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/34493.html>. ЭБС «IPRbooks»

РФ сказано: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Идеалист, идеолог свободы, равноправия и справедливости Камков становится жертвой несправедливой и жестокой крепостнической системы, которую олицетворяет крепостник-самодур князь Таптыгин. Князь, не допускающий даже мысли о дружеских отношениях своей дочери Лоры и Камкова, оскорбляет последнего, но, не добившись желаемого результата, приказывает своим людям вытолкать Камкова на улицу.

В современной ему российской действительности Камков никак не может ответить на оскорбление. Закон и правосудие не действуют против «хозяев жизни» – крепостников. Я.П. Полонский пишет, что «жалоба в суд будет совершенно бесполезна; его [Камкова. – К. А.] обвинят за непочтительность к князю – князя оправдают». Известно также, что Таптыгин уже решил одно уголовное дело с помощью взяток.

Страшная крепостническая реальность, в которой вне закона остаются не только крепостные крестьяне, но и многие другие слои населения, настолько ненавистна Я.П. Полонскому и герою его романа в стихах «Свежее преданье», что первый через второго выводит

идею оправдания убийства тирана. Крестьянский мальчик Илюша, стремясь оградить сестру от произвола помещика, убивает Таптыгина. Узнав об этом, Камков не осуждает Илюшу за преступление, а говорит о последнем как о справедливом возмездии: «Бессильный я был человек; но вижу, слова мои были сильны. Через вас прошли они в душу какого-то деревенского мальчика и за меня он отомстил ему. Не мог я за себя вступить, он за меня вступился. Не мог я освободить вас, он вас освободил». Подобное оправдание преступления содержится и в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» («О двух великих грешниках»).

Таким образом, русские поэты XIX в., в частности А.С. Пушкин и Я.П. Полонский, в своих произведениях пропагандировали в том числе и правовые идеи демократического правового государства, неразрывно связанного с такими категориями, как личная свобода, верховенство закона, равенство всех перед законом и судом, право на сопротивление тирании и др. Конечно, в рамках данной статьи невозможно рассмотреть все произведения указанных поэтов и творчество других русских литераторов в контексте правовой проблематики. Это остается задачей последующих исследований.

Библиографический список

1. Архангельский, А.Н. Герои Пушкина. Очерки литературной характерологии. – М. : Высшая школа, 1999.
2. Борщ, И.В. «Право и литература» – направление в зарубежных междисциплинарных исследованиях // Государство и право. – 2013. – № 9.
3. Нейстат, А.А. Методологические аспекты использования литературно-художественного материала при анализе вопросов формирования правосознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.jourclub.ru/36/1326/7/>
4. Право и история художественной культуры [Электронный ресурс] : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В.Г. Вишневский [и др.]. – Электрон. текстовые дан. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 431 с. – Режим доступа : <http://www.iprbookshop.ru/34493.html>. – ЭБС “IPRbooks”
5. Шкловский, В.Б. Заметки о прозе Пушкина. – М. : Советский писатель, 1937.
6. Weisberg, R.H. Diritto e letteratura // Enciclopedia Scienze Sociali Treccani. – Roma, 1993. – Vol. 3.

ЯЗЫК СУДЕБНЫХ ДОКУМЕНТОВ – РАЗНОВИДНОСТЬ ЯЗЫКА ПРАВА

АХМЕТОВА Светлана Васильевна

Аннотация. В статье обосновывается существование относительно самостоятельной разновидности языка права – языка судебных документов. В связи с тем, что судопроизводство имеет в основном документарную форму, язык судебных документов определяет качество отправления правосудия в целом. Наряду с языком закона и языком юридической науки, язык судебных документов является неотъемлемой частью языка права, которая незаслуженно обделена вниманием современных исследователей. Язык судебных документов обладает своими стилевыми, лексическими и синтаксическими особенностями. Языковые дефекты судебных документов могут привести к судебным ошибкам, что определяет важность и актуальность затронутой темы.

Annotation. The article substantiates the existence of a variety of relatively independent of language rights – the language of court documents. Due to the fact that the proceedings are mostly documentary form, the language of court documents determines the quality of the administration of justice in general. Along with the language of the law and the language of legal science language of court documents is an integral part of the language law, which unfairly deprived of attention of modern researchers. The language of court documents has its own stylistic, lexical and syntactic features. Language defects judicial documents may lead to miscarriages of justice that defines the importance and relevance of this topic.

Ключевые слова: судебный документ, язык права, язык судебных документов, структура языка права, ошибки в судебных документах.

Keywords: court document, the language of law, the language of court documents, the right structure of language, errors in the court documents.

Документы организуют деятельность людей, поэтому так важен стиль документа, в котором выражается ясное веление, соответствие слова делу. Язык при этом служит средством реализации и в определенном смысле материализации закрепления результатов познания. Язык позволяет организовать правовое регулирование. Носителем знаков в таком регулировании является юридический документ. В рамках осуществления правосудия последний приобретает форму судебного документа. Знания о языке позволяют формулировать правила юридической техники. В существовании судебных документов проявляется прагматическая функция языка, которая заключается в необходимости появления у адресатов документа определенных реакций, желания действовать определенным образом.

Существование языка права сегодня мало кем оспаривается. В то же время в отношении структуры данного языка не существует единства мнений. В качестве теоретической основы построения такой функциональной структуры выступают знания о структуре правовой системы и уровнях существования самого права.

А.Н. Шепелев выделяет в структуре юридического языка следующие элементы: 1) язык закона; 2) язык правовой доктрины; 3) профессиональная речь юристов; 4) язык процессуальных актов; 5) язык договоров¹.

Л.А. Морозова и Т.Д. Зражевская выделяют следующие сферы существования юридического языка: язык правотворчества (закона, ведомственных, локальных актов), язык правоприменительной практики, технико-языковые средства распространения правовой информации (устное выступление в суде, компьютерные средства распространения информации), язык справочной, научной, учебной юридической литературы, государственный язык².

Сандрини говорит о трех типах юридических текстов, функционирующих в различных сферах: правотворчество (договоры, уставы); осуществление правосудия (судебные решения, показания, экспертизы, иски и др.); ад-

¹ Шепелев А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 14.

² Морозова Л.А., Зражевская Т.Д. Язык и право // Право : сб. учеб. программ. М. : Юрист, 2001. С. 108.

министративные тексты (ведомственный язык и язык ведомственной корреспонденции)³.

К выделению разновидностей юридического языка можно подходить при помощи разных критериев. В качестве одного из них могут выступать уровни правовой системы: нормативный, деятельностный, идеологический. В этой связи следует говорить о трех сферах функционирования языка: язык нормативных правовых актов, язык правоприменительной, а также договорной и иной правореализационной деятельности, язык правовой доктрины. Другим критерием являются стилистические особенности языка, функционирующего в той или иной сфере. При этом язык нормативных правовых актов имеет определенное стилистическое единство, а вторая группа распадается на язык документов (составляемых как государственными органами, так и частными лицами) и устную речь юристов.

В.Б. Исаков выделяет более шести стилей юридического языка: язык законодательства, язык подзаконных правовых актов, язык правоприменительной практики, язык юридической науки, язык юридического образования, язык юридической журналистики и др.⁴

С точки зрения стилистического своеобразия М.Л. Давыдова предлагает выделить четыре уровня юридического языка: язык нормативных правовых актов, язык правоприменительных иных индивидуальных актов, профессиональная речь юристов, язык правовой доктрины. Является актуальным и целесообразным изучать юридический язык в его целостности, комплексно рассматривать все сферы его приложения, его особенности. Именно с этой точки зрения исследование языка судебных документов как самостоятельного стиля имеет несомненную ценность для юристов.

Стилистическую основу языка права, с точки зрения М.Л. Давыдовой, составляют два функциональных стиля: официально-деловой, соответствующий языку законов (законодательный подстиль), и язык иных юридических документов – обиходно-деловой подстиль⁵.

³ См.: Мушнина М.М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии // Юрислингвистика – 5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 23.

⁴ Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 65.

⁵ Давыдова М.Л. К вопросу о стиле языка права // Юрислингвистика – 11: право как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева, К.И. Бринева. Кемерово : КемГУ, 2011. С. 73.

Язык законов при этом можно рассматривать как эталонный по отношению к другим уровням по точности, краткости, понятности, правильности, к нему предъявляются повышенные требования, он выступает как образец грамотно составленного документа. То, что юристы с пристальным вниманием относятся к правотворческим ошибкам, свидетельствует о высоких требованиях в отношении качества нормативных текстов. Кроме того, по отношению к другим уровням права закон обладает более высокой юридической силой, а следовательно, авторитетом, что приводит к частому копированию или использованию аналогичных правовых средств, а также цитированию значительных отрывков нормативных правовых актов.

Язык других юридических документов включает множество подгрупп: язык процессуальных актов, язык управленческих актов, язык договоров, язык документов, составляемых обычными гражданами и т. п. По содержанию эти документы отличает от закона их казуальный характер: они всегда привязаны к конкретным обстоятельствам и лицам. В них гораздо чаще встречаются отклонения от норм литературного русского языка, а также функционального стиля, т. е. от критериев допустимости употребления тех или иных слов и выражений.

На практике стилистическая чистота судебного документа – явление достаточно редкое. Правоприменительные акты, а также документы, составленные частными лицами, несут на себе отпечаток публицистического, разговорного или, реже, научного стиля (в зависимости от уровня подготовки и профессионализма участника процесса, составляющего документ). Влияние правовой доктрины на право обуславливает воздействие научного стиля на все срезы юридического языка. Таким образом, в языке судебных документов представлены элементы всех стилей.

Соблюдение правил юридической техники при подготовке судебных актов является предпосылкой эффективности судебной работы, высокого качества таких документов, которые могут рассматриваться как в юридическом, так и в лингвистическом и дискурсивном аспектах. Можно говорить о так называемом «языке судебных документов», который имеет следующие признаки:

– использование языка как средства выражения, изложения определенных процессуальных требований в рамках правоприменения;

– ограничение в использовании непрофессиональной, просторечной лексики;

– придание судебному документу точности, ясности;

– эффективное использование языковых средств – синонимов, омонимов, антонимов и др.

В построении текста судебного документа участвуют языковые средства разных уровней: грамматического, стилистического, лексического и др.

Целесообразность рассмотрения языка судебных документов как самостоятельной подотрасли, вида языка права обусловлена значимостью языковых средств, которые призваны сделать применение права судом эффективным и соответствующим закону.

Язык судебных документов является частью литературного языка в целом, что позволяет квалифицировать его как разновидность единого литературного языка – особый подвид официально-делового стиля литературного языка как языка естественного. С другой стороны, язык судебных документов квалифицируется как особый юридический язык, искусственно сформировавшийся в особой сфере юридической деятельности – отправлении правосудия.

Наиболее значимые общественные отношения регулируются и оформляются определенными документами. Стилиевые особенности языка судебных документов заключаются в следующем. Официально-деловой стиль, проявляясь в судебных документах, имеет запас средств выражения и способов построения текста, характеризующихся строгой точностью, объективностью, конкретностью, лаконичностью, отсутствием двусмысленностей и разночтений.

Требование точности ведет к употреблению большого количества имен существительных и прилагательных, составных юридических терминов с последовательной цепочкой родительных падежей. При обозначении лица употребляются признаки, обусловленные каким-либо действием: свидетель, истец и т. п.

Официально-деловой стиль основан на общественно-закрепленных формулах, точно и определенно выражающих и отражающих соответствующие понятия и факты: квалификацию правонарушения, состав преступления. Для официально-делового стиля характерно употребление глагола с ослабленным лексическим значением, тогда как основное значение концентрируется в существительном (напри-

мер, «по данному эпизоду», «он должен нести ответственность»). Используется большое количество безличных предложений со значением долженствования (например «в этом случае»). Употребление языка судебных документов характерно для обозначения элементов состава правонарушения, процессуального положения участников, разнообразных процессуальных действий.

В то же время следует учитывать требования стандартизации, которая пронизывает всю сферу судебного языка. Судебный документ – это деловая бумага, обладающая юридической силой, имеющая письменную форму, что непосредственно определяет язык документа: письменная речь – речь в отсутствии собеседника, требующая развернутости и полноты изложения в целях понятности ее читателю.

Подведение естественного языка к правовой сфере означает его неизбежное упрощение, схематизацию и, как следствие, «наличие упрощенных, схематизированных положений, без которых принятие юридических решений может превратиться в сложные лингвистические исследования в следственной практике, в бесконечные дискуссии лингвистического характера на суде»⁶.

Существует, таким образом, подотрасль юридического языка – язык судебных документов, особенностью которого является, во-первых, внимание к описанию фактических обстоятельств и, во-вторых, строгое применение норм права к реальным жизненным ситуациям.

Письменный характер судебных документов влияет на язык этих документов: это речь, требующая развернутости и полноты изложения в целях придания содержанию логичности, понятности.

С.С. Алексеев говорил о юридическом языке, «особенностями которого являются императивный стиль изложения, определенность и точность мысли»⁷. Главной задачей языка судебных документов является высокая определенность при максимальной простоте, учитывается такой признак, как конкретность содержания и абстрактность форм выражения, так как язык судебных документов является

⁶ Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 10.

⁷ Алексеев С.С. Государство и право : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрид. лит., 1996. С. 146.

обобщением, отражением текстов нормативных правовых актов.

Ученые-юристы полагают основными функциями юридического языка конструктивную и коммуникативную. В этой связи представляется возможным конкретизировать функциональное значение языка судебных документов, который, кроме названных, выполняет функцию обеспечения деятельности суда.

Язык судебных документов – это особый юридический язык, сформировавшийся в сфере судопроизводства для обеспечения посредством особых языковых средств эффективной деятельности суда, а также коммуникации участников судебного процесса.

Выполнение указанных функций предполагает наличие следующих требований к языку судебных документов:

– формулировки должны быть грамматически единообразными, что означает использование единого юридического понятийного аппарата;

– терминология судебных документов должна отличаться в зависимости от отраслей процессуального и материального права.

Юридическая теория и практика требуют однозначного употребления терминов, использования одних и тех же слов для обозначения одних и тех же понятий, ликвидации неоправданного использования синонимов.

Судебный документ имеет свои текстовые особенности, свое языковое выражение. По мнению ученых-лингвистов, всякий текст имеет лексическую (языковую), логическую и грамматическую основы, определенным образом организованные с целью передачи информации. Юридические тексты, независимо от их функционального назначения и прагматической роли, имеют такие же основы. В зависимости от функциональной цели юридические тексты различаются определенной организацией, принципами и правилами выполнения⁸.

Особенности языка судебных документов – отсутствие эмоциональной окраски, связность и последовательность изложения материала, точность, ясность и простота изложения. Использование коротких предложений, исключение навязчивых фраз, применение юридических штампов и клише.

Судебные документы должны отвечать требованиям законности и справедливости. Строй и содержание таких документов определяют правовые ценности. В судебных документах находят выражение, наряду с иными правовыми ценностями, ценности юридического процесса. Непротиворечивое и точное отражение ценностей в судебных документах предполагает постоянное совершенствование их языка. Важность тщательного изучения последнего определяется тем, что наличие ошибок в документах порой приводит к серьезным дефектам в отправлении правосудия.

Многие ошибки, встречающиеся в судебных документах, имеют серьезные процессуально-правовые последствия, вплоть до отмены судебных актов. Это такие ошибки, как подписание документа иным лицом за рамками своей компетенции (или неподписание его); ненадлежащее оформление документа, несоблюдение формальных и (или) содержательных требований; противоречивые или взаимоисключающие положения; коллизии или фактографические ошибки (отсылка к несуществующему акту); расширительное (ограничительное) толкование там, где это недопустимо; подмена понятий (ошибки в терминах); опечатки, описки, ошибки.

Для уменьшения количества ошибок в судебных документах следует: 1) отыскивать нормативные требования к форме и содержанию того или иного документа; 2) тщательно проверять документ в полном объеме; 3) соблюдать законы логики при подготовке документа; 4) устранять все взаимоисключающие и противоречащие положения; 5) исключить неопределенность и многозначность терминологии.

Посредством языка права в повседневную правовую жизнь проникает ценность справедливости и равенства. Справедливость в структуре права связана с достижением разрешения конфликтов на основе добра и целесообразности. «Справедливость – это примирение враждующих сторон, обеспечение равенства в судебном разбирательстве, презумпция невиновности, состязательность и гласность судебного процесса...»⁹.

Судебные документы позволяют реализовать локальную справедливость, которая существует наряду с глобальной ценностью спра-

⁸ Власенко Н.А. Язык права / Гос. ин-т регион. законодательства администрации Иркут. обл. Иркутск : Изд-во Вост.-Сиб. кн., 1997. С. 15–16.

⁹ Бабенко А.Н. Ценности в государственно-правовом измерении : моногр. Челябинск : Изд. центр ЮурГУ, 2015. С. 59.

ведливости. Границы применения первой определяются эффективностью участия в правовой жизни конкретного человека. Справедливость такого рода – не предмет веры, а объект повседневных забот, размышлений и практических действий, в сфере судопроизводства в том числе. Вера в правосудие чаще всего зависит от того,

насколько укоренены ценности локальной справедливости в правовое сознание всех без исключения участников судебного процесса. Судебный дискурс распространяет ценности локальной справедливости от человека к человеку, способствуя развитию определенного типа правовой культуры в сфере судопроизводства.

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Государство и право : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрид. лит., 1996.
2. Бабенко, А.Н. Ценности в государственно-правовом измерении : моногр. – Челябинск : Изд. центр ЮурГУ, 2015.
3. Власенко, Н.А. Язык права / Гос. ин-т регион. законодательства администрации Иркут. обл. – Иркутск : Изд-во Вост.-Сиб. кн., 1997.
4. Голев, Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000.
5. Давыдова, М.Л. К вопросу о стиле языка права // Юрислингвистика – 11: право как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева, К.И. Бринева. – Кемерово : КемГУ, 2011.
6. Исаков, В.Б. Язык права // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000.
7. Морозова, Л.А. Язык и право / Л.А. Морозова, Т.Д. Зражевская // Право : сб. учеб. программ. – М. : Юрист, 2001.
8. Мушнина, М.М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии // Юрислингвистика – 5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004.
9. Шепелев, А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫЙ И РАННЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОДЫ (VI–XIV вв.)

ГЛИНИН Роман Александрович

Аннотация. В статье анализируется проблема генезиса института представительства. Предпринимается попытка реконструкции представительства в условиях существования родового и общинного суда. Вероятным моментом зарождения института представительства следует считать выделение представителей из посредничества, использовавшегося в практике родовой и общинной.

Annotation. The article analyzes the problem of the genesis of the institution of representation. An attempt is being made to reconstruct the representation in the conditions of the existence of a tribal and communal court. Probably the moment of origin of the institution of representation should be considered the allocation of representatives from mediation, used in the practice of the clan and community.

Ключевые слова: представительство, община, древнерусское право, родовой суд, судебный процесс.

Keywords: representation, community, ancient Russian law, tribal court, litigation.

История исследования судопроизводства в Русском государстве охватывает более чем два века развития отечественной историко-юридической науки. Однако, несмотря на то, что основные работы исследователей посвящались проблемам описания принципов древнерусского процесса, выяснения роли участвующих в нем лиц, практически отсутствуют исследования, проясняющие вопрос зарождения института представительства в судебном процессе Древней Руси. Попытки изучения генезиса данного института предпринимались с момента проведения судебных реформ середины XIX в. Но исследователи, как правило, ограничивали свои изыскания границами достаточного позднего периода уже существующего Древнерусского государства, а именно позднее XII–XIII вв. Так называемый потестарный (предгосударственный) период¹ у восточных славян до IX в. остался практически неизученным. Современные исследования материальной культуры древних славян и сравнительно-правовой метод позволяют нам смоделировать генезис института представительства и на самых ранних этапах образования государственности у восточных славян.

Рассуждая о генезисе института представительства, следует сразу указать на весьма важное обстоятельство, которое, как правило,

игнорируется исследователями истории судопроизводства. В потестарный период у восточных славян более правильно говорить не о существовании суда как органа государственной власти, а о некоем варианте разрешения внутриобщинных споров, содержание которого ближе к современному пониманию третейского разбирательства, своеобразным переговорам сторон, как справедливо указывают отдельные исследователи². В последующем, как показывают материалы древнерусских летописей и исследования по юридическому быту древнерусской общины, такой вариант разрешения конфликтов успешно сосуществовал и даже конкурировал с собственно государственным (княжеским) судом. Верно пишет по этому поводу В.А. Глухов: «Общинный строй на догосударственном уровне развития определяет и первичный судебный орган – общину»³. С течением времени юрисдикция общинного суда была сильно сокращена, но своего значения он не потерял в России вплоть до начала XX в.⁴ По-

² Чебаненко С.Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 23.

³ Глухов В.А. Становление церковной юрисдикции в Киевской Руси X–XI вв. // Российская юстиция. 2006. № 3. С. 54.

⁴ См.: Александров В.А. Обычное право крепостной деревни XVII – начала XIX в. М., 1984. С. 38; Карцев Е.Е. Сельское правосудие в жизни русской деревни // Вестник Европы. 1882. С. 22; Кистяковский А.Ф. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Труды этнографической экспедиции в Западно-Русский край. СПб., 1872. Т. 6. С. 86; Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX в. // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 13.

¹ См.: Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999. С. 396.

сколькx внутриобщинный суд гораздо архаичнее княжеского суда, зачаточные элементы судебного представительства следует искать именно в его практике, а не в практике возникшего впоследствии суда князя. Суд же, в современном его понимании, как инструмент разрешения конфликтов появляется сравнительно поздно.

Необходимо также отметить, что представительство сторон рассматривается некоторыми исследователями как один из признаков суда, наряду с такими, как прения сторон, доказательства, свидетели, собственно судебная процедура. В то же время они небезосновательно заявляют, что представительство как признак судопроизводства уже известно и на досудебных стадиях⁵ (назовем это догосударственно-княжескими стадиями развития судопроизводства). Те архаические институты, из которых в последующем и зародился собственно суд, были нацелены прежде всего на разрешение конфликта⁶. В условиях существования древнего общества, по обоснованному мнению исследователей, любой конфликт мог перерасти во вражду и месть, как внутриплеменную, так и в межплеменную⁷. Неоспоримо, что изначальной формой мирного разрешения конфликтов были прямые переговоры между потерпевшей стороной и стороной, причинившей ущерб. Однако вполне закономерным будет вопрос: «А как развивались события, если какая-либо из сторон не желала по определенным причинам лично участвовать в этих разбирательствах, или она уже не могла этого сделать чисто физически (смерть)?». И вот здесь, по нашему мнению, возникает потребность в представителях в том смысле как мы понимаем этот термин ныне, или в тех, как отмечается в литературе, кто мог выполнять подобные функции в древности⁸. Уже на этапе догосударственного развития общества, в так называемый позднепервобытный (потестарный) период, когда появляется протосуд, возможно было появле-

ние представительства интересов сторон в процедуре урегулирования как внутриплеменных, так и межплеменных конфликтов⁹. Современные подходы в исследовании проблем возникновения государства и права допускают возможность существования зачатков представительства и в период предгосударственных форм общественной организации¹⁰. На этапе общинного суда споры решались сторонами прямо либо с помощью представителей, посредников, или через посредство третейского суда¹¹.

Вероятным моментом зарождения института представительства следует считать выделение представителей из посредничества, использовавшегося в практике родовой и общинной. Как и в настоящее время, представитель в древнем обществе – это человек, который обладал более обширными познаниями в деле разрешения конфликтов. К нему обращались за советом, если в споре было много неясностей или не могли определить размер ущерба и компенсации, или неясна была сама процедура разрешения спора (конфликта)¹². Однако, в отличие от современности, представитель должен был обладать не только большим по сравнению с обыкновенным членом общины набором знаний и навыков участия в разрешении споров (конфликтов), но и несомненным авторитетом среди членов рода (общины), а такой авторитет в условиях первобытного общества, как правило, основывался на старшинстве (старейшинстве)¹³ либо физической силе и ловкости, поскольку представитель, как показала последующая известная уже по писанным источникам практика, мог представлять интересы своего доверителя не только в устных баталиях, но и в реальном судебном поединке с помощью оружия. В этой связи в литературе справедливо отмечается, что важной особенностью в какой-то степени первобытно-престижного и в полной мере предклассового об-

⁵ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб. : Равена : Альфа, 1997. С. 49.

⁶ Воскобитова Л.А. Судебная власть: возникновение, развитие, типология. Ставрополь, 2001. С. 44.

⁷ Семенов Ю.И. Общие проблемы нормативной этнологии и материалы по нормативной культуре народов Северной Евразии и Дальнего Востока // Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока. М., 2000. С. 18–19.

⁸ Воскобитова Л.А. Судебная власть ... С. 14–15; Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, 1999. С. 28.

⁹ См.: История первобытного общества. Эпоха классового разложения. М., 1988. С. 449–451; Общая теория права / под общ. ред. А.С. Пиголкина. М., 1996. С. 48.

¹⁰ См.: Нагих С.И. Нормативная система догосударственного общества и переход к государству // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 32.

¹¹ См.: Семенов Ю.И. Общие проблемы нормативной этнологии ... С. 28–29.

¹² См.: Аннэрс Э. История европейского права. М., 1995. С. 13; Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т. 2. С. 221; Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 161.

¹³ См.: Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права: возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 23.

щества было очень своеобразное разрешение конфликтов¹⁴. Авторы новейших исследований верно отмечают характерную особенность возникновения института представителей в Древней Руси, которая была прежде всего связана с условиями древнейшего процесса и главным образом с таким видом процессуального доказательства, как поединок. Этот вид процесса требовал для достижения справедливости при таком виде разрешения спора поставить стороны, участвующие в нем, в равные условия, т. е. первоначальной причиной общественной необходимости в институте представителей стало естественное физическое различие людей¹⁵.

Первоначальное представительство не имело существенных различий, будь это процедура разбирательства, связанная с преступлением, или гражданский спор, поскольку сам характер древнего процесса, который даже если дело касалось в современном понимании уголовных преступлений (убийства, разбой и т. п.), был по своей процедуре ничем не отличим от гражданского процесса¹⁶. Для процедуры рассмотрения многих известных ныне преступлений такая практика сохранялась длительное время уже и при сложившемся государстве¹⁷. В условиях, когда на потерпевшую сторону возлагалась инициатива и по инициации судебного процесса, и по сбору доказательств, и все послесудебные действия, роль представителей становилась весьма значительной. Более поздние древнерусские источники фиксируют уже сложившуюся практику активного участия представителей, например в поиске доказательств¹⁸. Заслуживает внимания в этой связи высказанное Н.Н. Ступниковой мнение о том, что представители, задействованные в различных процедурах доказывания, были известны славянскому обществу задолго до возникновения государства, а затем участие в этих процедурах было последним санкционировано¹⁹.

Таким образом, начальным этапом формирования института представительства следует признать период существования общинного (догосударственного) суда. Отличие судебных представителей этого периода от периода существования уже государственного суда заключается в том, что на первом этапе они рекрутировались преимущественно из членов того рода, интересы которого были нарушены (по принципу старшинства – силы), а на последующих этапах развития судопроизводства и распада больших родов на соседские общины эти представители уже не ассоциируются с конкретным родом потерпевшего. В России, как указывали авторы «Истории русской адвокатуры», сначала в качестве защиты возникло родственное представительство, а только потом появились и наемные поверенные²⁰.

Хронологически современные данные археологии и считающиеся достаточно надежными письменные источники позволяют говорить о существующих общинных судах и зарождении института представительства у славян не ранее VI в. н. э. Более ранние источники, соотносящие некоторые племена со славянами и позволяющие сделать какие-либо подтвержденные выводы об их общественном строе, подвергнуты в современной литературе весьма обоснованной критике²¹. Как свидетельствуют археологические данные, типичная восточнославянская община представляла собой в VI–VII вв. группу поселений, расположенных гнездами (гнезда-общины). Гнезда-общины располагались одно от другого на расстоянии 10–15 км. Население гнезда-общины доходило до 200 человек. В них выделяются общинные центры – общинные селения. Община состояла из родственных больших патриархальных семей²². Таким образом, гнездо-община представляло автономный, относительно малочисленный эгалитарный в имуще-

¹⁴ См.: Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права ... С. 27.

¹⁵ См.: Геворгиз А.А. Присяжная адвокатура по судебным уставам 1864 года и ее опыт для современной адвокатуры : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 4.

¹⁶ См.: Воскобитова Л.А. Судебная власть ... С. 27–43.

¹⁷ См.: Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права ... С. 29.

¹⁸ См., напр.: Памятники русского права. Вып. 1 : Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин ; под ред. С.В. Юшкова. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952. С. 21.

¹⁹ См.: Ступникова Н.Н. Формирование публично-правовых институтов в Древней Руси (VI–XII вв.) : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. С. 10.

²⁰ См.: История русской адвокатуры. Т. 1–3. М., 1914–1916. Т. 1 : Адвокатура, общество и государство: 1864–20/XI. 1914 / И.В. Гессен. 1914. С. 16.

²¹ См. напр.: Гиндин Л.А. К вопросу о венедах в «Своде древнейших письменных известиях о славянах» // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время : тезисы XIII конференции. М., 1994. С. 12 ; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004. С. 148–154.

²² Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в). Л., 1968. С. 128 ; Рыбаков Б.А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 27 ; Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990. С. 79–85.

ственном отношении союз с тесными внутренними связями²³.

Сравнительные данные развития общины у разных народов, приведенные специалистами, позволяют говорить о том, что на данном этапе развития общины внутриобщинные (внутриродовые) конфликты решались внутри коллектива и не выносились за его пределы. Род в этот период являлся основной общественной ячейкой, регулировавшей соблюдение социальной нормы²⁴. Однако ранее право уже проникает внутрь общины. Исследователи связывают этот процесс с усложнением структуры общины, которая перестает совпадать с родом, а состоит теперь из нескольких коллективов родственников²⁵. Споры, таким образом, выходят за рамки одного рода, становятся межгрупповыми родственными, правда, принадлежащими по-прежнему к одной общине. Такие конфликты между отдельными группами грозили привести к межродовой вражде и находили двоякое разрешение.

Во-первых, конфликтующие стороны могли договориться непосредственно сами и тем самым урегулировать конфликт (спор).

Во-вторых, для разрешения конфликта могли привлекаться представители – посредники. Такая же процедура, по мнению Л.А. Воскобитовой, соблюдалась и при разрешении конфликтов между представителями разных общин²⁶. Каким именно был порядок представительства на этом самом раннем этапе его зарождения у славян практически ничего не известно. Очевидно лишь одно, что упомянутая ранее нами родственная связь доверителя и его представителя является более или менее подтверждаемым фактом. Арабский писатель и географ Ибн-Даста значительно позднее, в X в., подтвердит уже сложившуюся у славян практику родственного представительства в судебном процессе: «На борьбу эту [судебную] родственники обеих тяжущихся сторон приходят вооруженными и становятся; тогда соперники вступают в бой...»²⁷. Следует обратить внима-

ние, что Ибн-Даста говорит о подобном судебном представительстве, как о факте, уже имеющем широкое распространение.

Вполне обоснованным следует признать и мнение о непосредственной причастности к институту представительства старейшин в эпоху общинного суда. Появление у старейшин функции представительства при разрешении споров (конфликтов) исследователи относят к периоду начала разложения родового строя у восточных славян²⁸. Наделение старейшин такими функциями является закономерным процессом, поскольку у многих народов старейшины прежде выполняли функции «знатоков», «вещателей права»²⁹. Они обладали особым набором знаний, обычаев и прецедентов, которые использовались при разрешении конфликтов, что способствовало выделению их в особую «касту» протоадвокатов-судебников.

Однако отдельные исследователи не разделяют гипотезу о существовании у восточных славян особой группы (касты) старейшин протоюристов, «знатоков права». Свое мнение они обосновывают тем, что в этой роли могли выступать не только старейшины, но и взрослые люди вообще, поскольку у многих народов приобщение к племенному «праву» происходило во время инициации юношей и хранителями этих традиций были взрослые мужчины. Отсюда делается вывод, что хранение правовых традиций у славян не было монополизировано одной группой, а оставалось в ведении всех старших мужчин коллектива. Следовательно, представителем стороны в процедуре разрешения конфликта (спора) мог выступить любой взрослый соплеменник³⁰. Но даже и сторонники такого общего представительства соглашаются с тем, что в первую очередь пред-

²⁸ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. С. 39, 52–53.

²⁹ К таковым относились брегоны в Ирландии, друиды у кельтов, понтифики в Риме, жрецы в раннефеодальной Швеции (см.: Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. С. 196–202; Его же. Шведские областные законы как исторический источник // Средние века. М., 1971. Вып. 33. С. 65–66; Кофанов Л.Л. Роль коллегии авгугов в разработке римского архаического права // Древнее право. 1997. № 1 (2). С. 23; Сморгачев А.Н. Коллегия понтификов: частнопроводные функции // Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 17; Широкова Н.С. Ранняя государственность и сакральное право у древних кельтов // Древнее право. 2001. № 1 (8). С. 35–37.

³⁰ См.: Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. С. 134; Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права. С. 29; Новосельцев А.В. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГВЕ. 1998. М., 2005. С. 303, 305.

²³ См.: Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 119; Тимошук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 132–135.

²⁴ См.: Воскобитова Л.А. Судебная власть ... С. 14; Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права ... С. 26.

²⁵ См.: Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права ... С. 20–21.

²⁶ Воскобитова Л.А. Судебная власть ... С. 17.

²⁷ См.: Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.) / собр., пер. и объясн. А. Я. Гаркави. СПб., 1870. С. 269.

ставителями выступала «ближайшая родня виновного или пострадавшего»³¹.

Рубеж VIII–IX вв. можно выделить как начало нового этапа развития института представительства. Этот этап был связан с появлением сторонних представителей, не являвшихся родственниками сторон спора (конфликта). Изменение состава представителей было связано с новыми процессами в социально-экономическом укладе жизни восточных славян, которые происходят в этот период, и в первую очередь это возникновение городов. Современные исследования обосновывают появление городов у восточных славян главным образом с внешними причинами, как опорных пунктов международной торговли. Располагаясь на торговых путях, часто вдали от традиционных племенных поселений, города становятся чужды племенному строю, а население их формируется не по принципу племенной принадлежности³². В таких городах заметным элементом становятся пришлые (чужие) люди. Эти процессы вписываются в общую тенденцию распада родоплеменного строя у восточных славян, когда вместо организации, в основе которой лежали кровнородственные начала, возникает организация, основанная на территориальных началах. Род уступает место большой семье, все большую роль в древнеславянском социуме начинает играть малая семья. Родовая община уступает место территориальной. Роды разрушаются, извергая большое количество людей, которые активно перемещаются в города³³. Теперь пришлые вполне могли попасть и в категорию представителей, если обладали необходимым для разрешения споров опытом. О том, что такая практика могла иметь место, свидетельствуют сведения, приведенные Л.А. Фуксом в докторской диссертации 1948 г. при описании архаических форм судебного процесса у казахов, соотносимые хронологически со временем, исследуемом в данной части нашей работы, когда в судебном поединке сходились принявший очистительную присягу со своими представителями и представителями другой

стороны, причем представители другой стороны могли и не являться родственниками тяжущихся³⁴. Работа С.Л. Фукса привлекает внимание нешаблонным подходом ученого к изучению и трактовке судебно-правовых институтов, в том числе института представительства с применением сравнительного анализа подобных институтов у разных народов, в том числе славян. Использование неродственников-представителей встречается в этот период и у лангобардов, причем их опять же использовали, как правило, в судебном поединке³⁵.

Следующим этапом в развитии института представительства становится рубеж X и XI вв., когда наступает пик распада родоплеменного строя у восточных славян. В этот период судебный процесс уже вплотную приближается к «вживлению» его в общегосударственный (княжеский) механизм. Только с X в., по мнению С.В. Юшкова, в исполнении судебных функций общинные власти и родоплеменная верхушка уступают свое место княжеской власти³⁶. Множество людей, вышедших по разным причинам из общины и вследствие этого лишившиеся защиты традиционных институтов, переходят под юрисдикцию князя³⁷. Княжеская власть начинает активно заниматься вопросами внутреннего управления, в том числе и судом³⁸. В первую очередь это относится к судам по убийствам, кровной мести³⁹. Вместе с тем нельзя сказать, что включение судебного процесса в орбиту княжеской юрисдикции повлекло для института представительства какие-либо существенные новации. Скорее мы здесь видим сохранение более древних традиций, присущих еще общинным судам. На первых порах государственная власть санкционирует

³⁴ Фукс С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. / под общ. ред. С.Ф. Ударцева; предисл. С. Ф. Ударцева, Н.О. Дулатбекова (на рус. и каз. языках); вступ. ст. Ш.Ф. Тлепина. Республика Казахстан : Юридическая книга, 2008. С. 218.

³⁵ См.: Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (к раннему этногенезу итальянцев). М., 1992. С. 39, 40, 44, 67, 84, 88, 104.

³⁶ См.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 106.

³⁷ См.: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 220; Фроянов И.Я. Начала русской истории ... С. 740.

³⁸ См.: Фроянов И.Я. Начала русской истории ... С. 739–740, 743.

³⁹ См.: Чебаненко С.Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси. С. 99; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А.П., Шушарин В.П., Шапов Я.Н., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 153.

³¹ Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 217.

³² См.: Носов Е.Н. Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы: история и археология) // Исторические записки. 2002. № 5 (123). С. 5, 36–37 (5–43); Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200. СПб., 2000. С. 56–81.

³³ См.: Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 26, 512, 702–706.

довольно ограниченное количество норм, преимущественно уголовного характера, что отчетливо видно на примере первых законодательных памятников⁴⁰. Так, один из первых памятников писаного княжеского законодательства Русская Правда вполне в духе общинного права допускает представительство родственников пострадавшего в процедуре мщения обидчику: «Аще ли утнет руку, и отпадет рука, либо усъхнеть, то 40 гривны. Аще ли будет нога цела, а начнет хромати, тогда чада смирать»⁴¹. Однако об упоминаемом варианте представительства родственников в судебных поединках, зафиксированном в арабских и византийских источниках⁴², Русская Правда умалчивает. Некоторые авторы объясняли это случайными причинами, другие – влиянием на процессы составления Русской Правды христианского духовенства⁴³. Последнее утверждение, правда, вряд ли следует признать обоснованным, поскольку пока не найдено данных, подтверждающих участие церкви в составлении Русской Правды⁴⁴.

Это не означает, впрочем, по справедливому мнению некоторых исследователей, что на остальных территориях Древней Руси представительство родственников в судебных поединках не было распространенным явлением. Вероятнее всего, отмечал по данному поводу Н.А. Максимейко, что Русская Правда возникла там, где судебный поединок не был в ходу⁴⁵. Наоборот, в специальной литературе отмечается для периода X–XI вв. противоположная тенденция замены кровной мести поединками, в том числе групповыми, с представительством сторон⁴⁶. Представительство коллектива род-

ственников проявляется и в таких процессуальных процедурах, как «заклич», «гонение следа», «свод»⁴⁷.

Более обоснованной также выглядит версия тех исследователей, которые связывают исключение из Русской Правды института поединка с воздействием на суд фигуры князя⁴⁸. Часть сторонников данной версии поясняют это экономическими причинами, поскольку за поединки пошлины князю не взымались, следовательно, они были экономически невыгодны княжескому суду⁴⁹. Другая часть увязывает это обстоятельство с сакральными моментами в древнерусском праве, подчеркивая усиление роли князя в области права в качестве сакральной фигуры. Прежде поединок рассматривался как реализация божественной воли. Постепенно князь заменяет собой божественную волю, эта воля передается через него, выражается в его судебном решении, а поединок как выражение божественной воли здесь уже не нужен, так как он конкурирует с княжеской волей⁵⁰.

Конец X начало XI в. знаменует собой резкое усиление роли князя в сфере социорегулирования, особенно на юге Руси, поэтому «поле» в судебном процессе здесь никогда более не практикуется, и именно это явление зафиксировала Русская Правда. В других землях Древней Руси в силу слабой распространенности личного суда князя этого не произошло⁵¹.

Таким образом, перевод судебных процедур в юрисдикцию князя непосредственным

⁴⁰ См.: Гейман В.Г. Право и суд // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. С. 37–39; Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 97.

⁴¹ Правда Русская. Тексты. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 22.

⁴² См.: Лев Диакон. История. М., 1989. С. 79; Захoder Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 95–96; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 303; Сюзюмов М.Я., Иванов С.А. Комментарии // Лев Диакон. История. С. 211.

⁴³ См.: Ключевский В.О. Боярская Дума в Древней Руси. М., 1908. С. 536; Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 591–592.

⁴⁴ См.: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси ... С. 343; Щапов Я.Н. Предисловие // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 2. С. 37.

⁴⁵ См.: Максимейко Н.А. Русская Правда и русско-литовское право // Сборник статей по истории права, посвященных М.Ф. Владимировскому-Буданову. Киев, 1904. С. 15.

⁴⁶ См.: Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003. С. 351–370; Чельцов-Бебутов М.М. Курс уголовно-процессуального права. С. 43–48; Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957. С. 13.

⁴⁷ См.: Беляев П.И. Очерки права и процесса в эпоху Русской Правды // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1895. Т. 5. С. 43; Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. СПб.; Киев, 1899. Вып. 1. С. 44–45; Гейман В.Г. Право и суд. С. 52–53; Довернуа Н. Источники права и суд в древней России. М., 1969. С. 110; Леонтович Ф.И. Старый земский обычай. Одесса, 1889. С. 105–108; Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. С. 349; Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. С. 582.

⁴⁸ См.: Пахман С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву. М., 1851. С. 20; Сыромятников Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. С. 53; Чебаненко С.Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси. С. 155–156.

⁴⁹ См.: Сыромятников Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России. С. 53.

⁵⁰ См.: Лаушкин А. Идея богоустановленности княжеской власти в летописании Северо-Восточной Руси второй половины XII – начала XIII в. // Русское средневековье. М., 1997. С. 28–35; Одесский М.П. Поэтика власти на Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 4–5; Чебаненко С.Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси. С. 156.

⁵¹ См.: Максимейко Н.А. Русская Правда и русско-литовское право. С. 15–16; Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. СПб.; М., 1995. С. 83–88, 93–96; Его же. Начала Русской истории ... С. 506–510.

образом повлиял и на институт представительства. В первую очередь меняется значимость представителей сторон и возможность их влияния на решения суда. Ранее, как нами уже отмечалось, представителями выступали, как правило, члены одного коллектива (рода, общины). Имея достаточный авторитет в среде такого коллектива в повседневной жизни, они могли напрямую влиять на вынесение определенного решения, особенно если учесть, что сам суд не выходил за пределы этого коллектива-общины⁵². Представители нужны были не столько для того, чтобы доказать факты, а больше для того, чтобы оказать влияние на успех самой претензии той стороны, за которую стоят⁵³.

Такая же картина, вероятно, наблюдалась и в представительстве при урегулировании межгрупповых конфликтов во внесудебном порядке⁵⁴.

Появление независимого от представителей сторон судьи в лице князя, по вполне обоснованному мнению исследователей, означало лишение их возможностей воздействовать на принятие решения. Поэтому на княжеском суде статус представителей принижается и смешивается со статусом «свидетелей доброй воли» стороны⁵⁵. Вероятно, это и есть упоминаемые в Русской Правде послухи. Новейшие исследования подтверждают нашу гипотезу. В частности, О.В. Бобровский верно указывает, что с развитием процессуальных отношений в более поздних списках Русской Правды понятие «послух» становится собирательным и вбирает в себя понятие свидетеля-защитника⁵⁶.

Вместе с тем Русская Правда не дает возможности судить о роли представителей-послухов в самом судебном процессе. Она лишь констатирует уже сложившуюся к моменту ее написания практику как само собой разумею-

щееся⁵⁷. Косвенным образом Русская Правда фиксирует возможность участия представителей и на досудебных процедурах (ст. 16)⁵⁸. Некоторые исследователи полагают, что привлечение представителей-послухов есть дань старой традиции привлечения сторонами своих авторитетных представителей – общинных знатоков права, поскольку древние редакции Русской Правды еще достаточно общи и не точны, «для судьи не было ясно право». И только позднее, в Пространной Правде, когда право уже предстает в виде точно определенной «догмы», роль и значение представителей-послухов сводится на нет⁵⁹.

Еще одна причина утраты значения родственных (внутриобщинных) представителей в судебном процессе при переходе к княжескому суду кроется в том, что в этот период обращение к такому суду происходило в случаях конфликта (спора) между различными коллективами и общностями (например, славяне и варяги) и в других особо сложных случаях. В этих условиях представителей у стороны могло и вообще не быть, поскольку такие находились преимущественно в среде внутриобщинной (родственной). А пришлые вряд ли могли найти таковых в среде чуждого для них коллектива⁶⁰. Представители-наймиты появляются на Руси значительно позднее. Представителей в этих условиях заменяют люди князя. Однако это еще не обязательное правило, все остается на усмотрение стороны, например истца. Во всяком случае именно такую ситуацию зафиксировало одно из первых упоминаний о подобном замещении в процедуре свода в берестяной грамоте № 109, датированной концом XI – 10-ми – 20-ми гг. XII в.⁶¹

Также среди исследователей причиной принижения в древнерусском праве XI в. роли представительства называется утрата значения в праве так называемой модели «ориентации на память». В условиях существования такой модели представитель может претендовать на полноправие участника судебного разбира-

⁵² См.: Гейман В.Г. Право и суд. С. 52–53; Милов Л.В. Об «изводе пред 12 человека» Правды Ярослава // Культура славян и Руси. М., 1998. С. 199–201; Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. С. 358; Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права ... С. 27, 29–30; Сеницына И.Е. В мире обычая. М., 1997. С. 120–121.

⁵³ Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. С. 181.

⁵⁴ См.: Семенов Ю.И. Общие проблемы нормативной этнологии ... С. 18–19.

⁵⁵ См.: Гейман В.Г. Право и суд. С. 53; Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. С. 181–182; Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 79–80; Хачатуров Р.Л. Русская Правда. Тольятти, 2002. С. 85–86.

⁵⁶ См.: Бобровский О.В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. С. 6.

⁵⁷ См.: Правда Русская. Т. 1. С. 105–116.

⁵⁸ Там же. Т. 1. С. 71.

⁵⁹ См.: Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. С. 182.

⁶⁰ См.: Франклин С., Шепард Д. Начало Руси ... С. 417–419.

⁶¹ См.: Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 138–141; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 257; Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 62.

тельства, поскольку его статус подтверждается результатом «длительного совместного бытия, общего прошлого, памяти о нем» своеобразной «полной ассоциацией» с представляемой стороной⁶². Однако в рассматриваемое время, когда происходит разрушение прежних, родовых связей и формирование территориальных, подобная модель «ориентации на память» не могла реализовываться в полной мере.

Первый удар по институту родственного (внутриобщинного) представительства княжеской властью был нанесен в сфере дел, вытекающих из кровной мести. Как справедливо отмечают исследователи, действие кровной мести изымало из ведома княжеского суда значительное количество дел. Переговоры о кровной мести и возмещении вреда вполне успешно могли вести представители рода или общины как основные носители этих традиций и не требовали привлечения княжеской администрации. Кроме того, следует учитывать, что на практике причины для инициирования мести не ограничивались только теми случаями, которые зафиксированы в Русской Правде, но любое ущемление прав и интересов могли сойти за необходимость мщения⁶³. Причем авторы особо отмечают, что действия представителей в таких делах не были произвольными, но подчинялись особым процессуальным нормам и правилам, выработанным древним обществом и зафиксированным впоследствии в обычаях разных племен, с которыми столкнулись европейцы в эпоху мировой колонизации⁶⁴.

Летописные источники свидетельствуют о том, что XI в. является примером особо упорной борьбы княжеской власти за контроль над обычаем кровной мести. Это, помимо усиления позиций князя в судебной сфере, сулило последнему и немалый доход. Потерпев неудачу в прямой перестройке судебной практики

по образцу более развитых государств, древнерусские князья переходят к практике осторожного вживления государственного начала в законодательство, сочетая эти новации с «уступкой старине»⁶⁵. Действительно, если проанализировать положения Древнейшей и Краткой Правды, то услуги княжеского представительства в суде были востребованы только в том случае, если потерпевшая сторона почему-то не желала мстить убийце или была не в состоянии этого сделать⁶⁶. Во всяком случае определенно можно сказать, что такое состояние дел сохранялось до эпохи сыновей князя Ярослава Мудрого, когда произошло решительное вмешательство княжеской власти в институт кровной мести и, как следствие, в судебный процесс⁶⁷. В этой связи Л.В. Черепнин справедливо отмечал, что само содержание устава Ярославичей «отрицало месть как правовой институт»⁶⁸. Обязывание рассмотрения всех дел о мести исключительно судом князя полностью устраняло из этого процесса институт родовых (внутриобщинных) представителей. Эта реформа вполне вписывается в общую канву событий по поиску Древнерусским государством дополнительных источников дохода, в том числе и посредством изменений в праве⁶⁹.

Таким образом, институт представительства был существенно ограничен княжеской властью в делах, говоря современным языком, уголовного процесса. Несколько иная картина наблюдалась в рассмотрении гражданских споров, где процедуры общинного суда оставались, по замечанию исследователей, вне

⁶⁵ См.: Милов Л.В. Легенда или реальность? (о неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. 1996. № 1. С. 210–213; Щапов Я.Н. Устав князя Ярослава: вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. М., 1971. Т. 31. С. 118; Его же. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 305–306.

⁶⁶ См.: Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России. М., 2001. С. 48; Зимин А.А. Правда Русская. С. 73–74; Новицкая Т.Е. Русская Правда. Краткая редакция. Комментарии // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 51–52; Правда Русская. Т. 1. С. 70; Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. С. 634.

⁶⁷ См.: Правда Русская. Т. 1. С. 71; Полное собрание русских летописей. 1846. Т. 1. Стб. 171, 182.

⁶⁸ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. С. 171.

⁶⁹ См.: Исаев М.М. Уголовное право Киевской Руси // Ученые труды ВИЮН. М., 1946. Вып. 8. С. 164; Чебаненко С.Б. О связи остракизма и кровной мести в Древней Руси: «поток и разграбление» и «убиение за голову» // Университетский историк: альм. СПб., 2005. Вып. 3. С. 164.

⁶² См.: Варьяш О.И. Право и историческая память // ДГВЕ. 2001. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 162.

⁶³ См.: Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права. С. 34; Момотов В.В., Улетова Г.Д. Судебный процесс и исполнение судебных решений в средневековой Руси // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 4. С. 41; Нагих С.И. Нормативная система догосударственного общества и переход к государству. С. 36; Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права ... С. 29; Шервуд В.А. Законы лангобардов ... С. 21, 23, 27.

⁶⁴ См.: Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права. С. 57; Рулан Р. Юридическая антропология. С. 168–174.

прямого влияния княжеской власти⁷⁰. Однако и известно об общинном правосудии XI в. значительно меньше. В основном сведения о нем косвенные, когда общинное правосудие попадало в сферу внимания княжеской власти. Отчасти общий алгоритм разрешения споров по делам, где виновность одной из сторон была очевидна, как и размер причиненного ущерба, и где конфликт решался путем переговоров самими сторонами или их представителями, предусмотрен в ст. 15 Краткой Правды⁷¹. Практика привлечения конфликтующими сторонами представителей по гражданским спорам была, по мнению Ю.И. Семенова, обычным явлением⁷². Причем такие споры по-прежнему решались в подавляющем большинстве случаев внутриобщинным судом, и только при невозможности решить дело таким способом прибегали к суду князя⁷³. Многие авторы прямо ассоциируют описываемый в ст. 15 Краткой Правды извод перед 12-ю человеками с представительством сторон в процессе разрешения спора – по 6 представителей с каждой стороны⁷⁴. Вместе с тем общинный суд с представительством сторон используется по-прежнему только в практике рассмотрения споров между членами своей общины⁷⁵, сфера «княжого права» охранялась от посягательств общинного суда законодательными запретами⁷⁶.

Однако и гражданское судопроизводство все больше и больше ставится под контроль князя. В XII–XIII вв. мы уже наблюдаем на примере Пространной Правды низведение роли представителей сторон с лиц, оказывающих часто решающее значение на исход дела, до роли рядовых свидетелей имевших место процедур и правоотношений⁷⁷. В Пространной

Правде они низводятся до роли послухов, обязанных идти на «роту» (ст. 47)⁷⁸.

Таким образом, представители сторон лишаются права воздействовать на вынесение решения о правоте сторон или способах их примирения. Необходимо отметить, что подобная тенденция была характерна не только для Древнерусского государства, но и вообще для славянских государств, что прослеживается на примере Законника Стефана Душана (Сербия XV в.)⁷⁹.

Пространная Правда в отношении института представительства пошла значительно дальше, чем все известные до того времени правовые источники.

Во-первых, она вносит первые известные законодательные ограничения возможности представительства. Функции представителя-послуха теперь нельзя возлагать на холопов; по несложным категориям дел представительство допускается возлагать на закупов, и, наконец, появляется в судебном процессе своего рода государственный представитель – боярский тиун⁸⁰. Во всяком случае с этого времени представительство в суде – это привилегия только свободного человека⁸¹.

Во-вторых, Пространная Правда содержит первое ясное законодательное указание на привлечение в качестве представителей стороны «чужих людей» (ст. 77), т. е. появляются представители-наймиты. И такое упоминание, по справедливому замечанию исследователей, есть определенная правовая новация⁸². В частности, Ф.Б. Мухаметшин пишет в своем исследовании по этому поводу: «Новым словом в юридической практике явилось появление института “представителей”»⁸³. Причем эти представители могли быть задействованы уже со стадии

⁷⁰ См.: Чебаненко С.Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси. С. 176.

⁷¹ Правда Русская. Т. 1. С. 71.

⁷² См.: Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права ... С. 23.

⁷³ См.: Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 55.

⁷⁴ См.: Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Т. 2. С. 26–27; Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 29; Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. С. 643–644.

⁷⁵ См.: Древнерусское государство и право / под ред. Т.Е. Новицкой. М., 1998. С. 15.

⁷⁶ Полное собрание русских летописей. 1841. Т. 3. С. 58–59, 259–260.

⁷⁷ Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. С. 91; Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. М., 1953. С. 130; Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. С. 643.

⁷⁸ Правда Русская. Т. 1. С. 109.

⁷⁹ См.: Иванов Ю.А., Колесников В.А. Государство и право южных и западных славян в Средневековье. Воронеж, 1999. С. 106–107.

⁸⁰ Правда Русская. Т. 1. С. 112.

⁸¹ См.: Алексеев В.Г. Судебник Ивана III. Традиции и реформа. М., 2001. С. 157–159; Мерило Праведное по рукописи XIV века / под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 162; Смирнов И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII вв. М.; Л., 1961. С. 267; Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. М., 1941. С. 206.

⁸² См.: Зимин А.А. Правда Русская. С. 251; Инкин В.Ф. «Гонение следа» в Галицкой общинной практике XV–XVIII вв. (материалы для объяснения 77-й статьи Пространной Правды) // ДГТ СССР. 1985. М., 1986. С. 65.

⁸³ Мухаметшин Ф.Б. Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России: IX – начало XX века: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 346.

предварительного следствия (гонения следа) и специально нанимались сторонами⁸⁴.

Вместе с тем отдельные авторы не избежали противоречий в оценке института представительства времен Пространной Правды. В частности, Т.Ю. Амплеева в своей докторской диссертации указывает, что представителям потерпевших (истцов) принадлежала в древности как функция обвинения, так и функция защиты⁸⁵. Причем, по ее мнению, было возможно не только индивидуальное представительство, но и коллективное (семья, род, община в целом)⁸⁶. Свою позицию она обосновывает ссылкой на Пространную Правду (ст. 70, 77), которая предоставляет возможность представления ответчика в делах о татьбе целым коллективом – вервью⁸⁷. С другой стороны, Т.Ю. Амплеева буквально сразу же пишет, что в текстах древнейших источников права институт представительства отсутствует, объясняя это тем, «что в системе доказательств значительную роль играли присяга, судебный поединок – “поле” и различные испытания... Следовательно, в процессе судебного разбирательства требовалось личное присутствие сторон»⁸⁸. Однако нарративные источники свидетельствуют как раз об обратном и подтверждают верность начального рассуждения автора.

Исследуя процессы зарождения и развития института представительства у восточных славян, нельзя обойти вниманием проблему профессионального представительства, связываемую с упоминанием в древних источниках такого лица, как ябедник. Несмотря на то, что указанное лицо упоминается только в ст. 1 Русской Правды (Краткой редакции Академического списка), существует большой массив литературы, посвященной этому термину, начиная от филологической (семантического его толкования) и заканчивая, собственно, нас интересующими юридическими исследованиями⁸⁹.

Часть исследователей полагают, что ябедник – это человек княжеской судебной адми-

нистрации⁹⁰ (сам судья⁹¹), следователь⁹², судебный исполнитель⁹³ и даже некий скрытый агент, выявляющий тайные правонарушения, о которых доносил князю⁹⁴.

Другая группа авторов усматривает в ябедничестве начало института профессиональных поверенных по чужим делам⁹⁵, подкрепляя свои доводы ссылками на общеславянскую практику, где «соки», аналогичные упомянутым в Русской Правде ябедникам, за свою помощь в различных процессуальных действиях получали от представляемой ими стороны установленное вознаграждение⁹⁶.

С нашей точки зрения, в том контексте, в каком ябедничество упоминается в первичных древнерусских письменных памятниках права, а также соотнесение этих сведений с общеславянской судебной практикой позволяют говорить о том, что ябедничество есть начальный этап профессионального судебного представительства. Упомянув «отсочение», Русская Правда ясно указывает на представителя – «сока», который в литовских памятниках именовался также «ябетником». Аналогичный субъект судебного процесса упоминается и в польских актах, например в грамоте Врацловскому монастырю 1214 г.⁹⁷ То, что ябедничество («сочение») в древности становится профессией, подтверждается позднейшими памятниками права, например, Смоленским привилеем 1505 г., где было сказано, что ябетники ходят по земле, «заряживают великие заряды [платежи] и пришедши на суд доискиваются своего соченья»⁹⁸.

⁹⁰ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории : в 6 т. М., 1989. Т. 6. С. 149; Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1910. Ч. 1. С. 131; Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 50; Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 33; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1983. Т. 4. С. 463.

⁹¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб., 1996. Т. 4. С. 538.

⁹² Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 150.

⁹³ Зимин А.А. Правда Русская. С. 83–84.

⁹⁴ См.: Бобровский О.В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде. С. 9.

⁹⁵ См.: Корнеев А.А. Зарождение и развитие института адвокатуры до судебной реформы 1864 г. // Адвокатская практика. 2005. № 4. С. 22.

⁹⁶ См.: Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства в России (IX–XIX вв.). С. 146–149; Иречек. О жупных судах в Чехии и Моравии // Архив Калачева. 1859. Кн. 6. С. 42, 43; Леонтович Ф.И. Русская Правда и Литовский статут, в видах настоятельной потребности включить литовское законодательство в круг истории русского права // Киевские университетские известия. 1865. № 3. С. 12, 17.

⁹⁷ См.: Леонтович Ф.И. Русская Правда и Литовский статут ... С. 16.

⁹⁸ Там же. С. 17.

⁸⁴ См.: Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства в России (IX–XIX вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : МГИМО(У), 2009. С. 87.

⁸⁵ Там же. С. 146.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Русская Правда. Т. 1. С. 69.

⁸⁸ Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства в России (IX–XIX вв.). С. 147.

⁸⁹ См. об этом подробнее: Гаврилов С.Н. Профессиональное ябедничество в истории России XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005.

Библиографический список

1. Александров, В.А. Обычное право крепостной деревни XVII – начала XIX в. – М., 1984.
2. Алексеев, В.Г. Судебник Ивана III. Традиции и реформа. – М., 2001.
3. Амплеева, Т.Ю. История уголовного судопроизводства в России (IX–XIX вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук. – М. : МГИМО(У), 2009.
4. Аннэрс, Э. История европейского права. – М., 1995.
5. Арциховский, А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.) / А.В. Арциховский, В.И. Борковский. – М., 1958.
6. Беляев, П.И. Очерки права и процесса в эпоху Русской Правды // Сборник правоведения и общественных знаний. – СПб., 1895. – Т. 5.
7. Бобровский, О.В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде : дис. ... канд. юрид. наук. – Тольятти, 2007.
8. Варьяш, О.И. Право и историческая память // ДГВЕ. 2001. Историческая память и формы ее воплощения. – М., 2003.
9. Владимирский-Буданов, М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. – СПб. ; Киев, 1899. – Вып. 1.
10. Воскобитова, Л.А. Судебная власть: возникновение, развитие, типология. – Ставрополь, 2001.
11. Гаврилов, С.Н. Профессиональное ябедничество в истории России XIX века : дис. ... канд. ист. наук. – Архангельск, 2005.
12. Геворгиз, А.А. Присяжная адвокатура по судебным уставам 1864 года и ее опыт для современной адвокатуры : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
13. Гейман, В.Г. Право и суд // История культуры Древней Руси. – М. ; Л., 1951.
14. Гиндин, Л.А. К вопросу о венедах в «Своде древнейших письменных известиях о славянах» // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время : тезисы XIII конференции. – М., 1994.
15. Глухов, В.А. Становление церковной юрисдикции в Киевской Руси X–XI вв. // Российская юстиция. – 2006. – № 3.
16. Данилова, Л.В. Сельская община в средневековой Руси. – М., 1994.
17. Древнерусское государство и право / под ред. Т.Е. Новицкой. – М., 1998.
18. Дьяконов, М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб., 1912.
19. Дювернуа, Н. Источники права и суд в древней России. – М., 1969.
20. Жильцов, С.В. Смертная казнь в истории России. – М., 2001.
21. Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект. – М., 2004.
22. Заходер, Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М., 1967. – Т. 2.
23. Зимин, А.А. Правда Русская. – М., 1999.
24. Иванов, Ю.А. Государство и право южных и западных славян в Средневековье / Ю.А. Иванов, В.А. Колесников. – Воронеж, 1999.
25. Инкин, В.Ф. «Гонение следа» в Галицкой общинной практике XV–XVIII вв. (материалы для объяснения 77-й статьи Пространной Правды) // ДГТ СССР. – 1985. – М., 1986.
26. Иречек. О жупных судах в Чехии и Моравии // Архив Калачева. – 1859. – Кн. 6.
27. Исаев, М.М. Уголовное право Киевской Руси // Ученые труды ВИЮН. – М., 1946. – Вып. 8.
28. История первобытного общества. Эпоха классового образования. – М., 1988.
29. История русской адвокатуры. – Т. 1–3. – М., 1914–1916. – Т. 1 : Адвокатура, общество и государство: 1864–20/XI.1914 / И. В. Гессен. – М., 1914.
30. Карцев, Е.Е. Сельское правосудие в жизни русской деревни // Вестник Европы. – 1882.
31. Кистяковский, А.Ф. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Труды этнографической экспедиции в Западно-Русский край. – СПб., 1872. – Т. 6.
32. Ключевский, В.О. Боярская Дума в Древней Руси. – М., 1908.
33. Ключевский, В.О. Курс русской истории : в 6 т. – М., 1989. – Т. 6.

34. Ковалевский, М.М. Современный обычай и древний закон. – М., 1886. – Т. 2.
35. Ковалевский, М.М. Шведские областные законы как исторический источник // Средние века. – М., 1971. – Вып. 33.
36. Корнеев, А.А. Зарождение и развитие института адвокатуры до судебной реформы 1864 г. // Адвокатская практика. – 2005. – № 4.
37. Кофанов, Л.Л. Роль коллегии авгуров в разработке римского архаического права // Древнее право. – 1997. – № 1 (2).
38. Кривошеев, Ю.В. Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. : дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1999.
39. Куницын, А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. – СПб., 1843.
40. Лаушкин, А. Идея богоустановленности княжеской власти в летописании Северо-Восточной Руси второй половины XII – начала XIII в. // Русское средневековье. – М., 1997.
41. Лев Диакон. История. – М., 1989.
42. Леонтович, Ф.И. Русская Правда и Литовский статут, в видах настоятельной потребности включить литовское законодательство в круг истории русского права // Киевские университетские известия. – 1865. – № 3.
43. Леонтович, Ф.И. Старый земский обычай. – Одесса, 1889.
44. Ляпушкин, И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в). – Л., 1968.
45. Максимейко, Н.А. Русская Правда и русско-литовское право // Сборник статей по истории права, посвященных М.Ф. Владимирскому-Буданову. – Киев, 1904.
46. Мальцев, Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов н/Д, 1999.
47. Мерило Праведное по рукописи XIV века / под ред. М.Н. Тихомирова. – М., 1961.
48. Милов, Л.В. Легенда или реальность? (о неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. – 1996. – № 1.
49. Милов, Л.В. Об «изводе пред 12 человека» Правды Ярослава // Культура славян и Руси. – М., 1998.
50. Момотов, В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. – М., 2003.
51. Момотов, В.В. Судебный процесс и исполнение судебных решений в средневековой Руси / В.В. Момотов, Г.Д. Улетова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2003. – № 4.
52. Мухаметшин, Ф.Б. Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России : IX – начало XX века : дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004.
53. Нагих, С.И. Нормативная система догосударственного общества и переход к государству // Юридическая антропология. Закон и жизнь. – М., 2000.
54. Новицкая, Т.Е. Русская Правда. Краткая редакция. Комментарии // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. – М., 1984. – Т. 1.
55. Новосельцев, А.В. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГВЕ. – 1998. – М., 2005.
56. Носов, Е.Н. Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы: история и археология) // Исторические записки. – 2002. – № 5 (123).
57. Общая теория права / под общ. ред. А.С. Пиголкина. – М., 1996.
58. Одесский, М.П. Поэтика власти на Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2000. – № 1.
59. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. – М., 1953.
60. Памятники русского права. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952.
61. Пахман, С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву. – М., 1851.
62. Першиц, А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. – М., 1979.
63. Петрухин, В.Я. Очерки народов России в древности и раннем Средневековье / В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский. – М., 2004.

64. Полное собрание русских летописей. – 1846. – Т. 1.
65. Полное собрание русских летописей. – 1841. – Т. 3.
66. Правда Русская. Тексты. – М. ; Л., 1940. – Т. 1.
67. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка. – СПб., 1910. – Ч. 1.
68. Пресняков, А.Е. Княжое право в Древней Руси: лекции по русской истории. Киевская Русь. – М., 1993.
69. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. – М., 1984. – Т. 1.
70. Рулан, Н. Юридическая антропология. – М., 1999.
71. Рыбаков, Б.А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. – М., 1969.
72. Свердлов, М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. – М., 1988.
73. Семенов, Ю.И. Общие проблемы нормативной этнологии и материалы по нормативной культуре народов Северной Евразии и Дальнего Востока // Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока. – М., 2000.
74. Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права: возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь. – М., 2000.
75. Сергеевич, В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб., 1910.
76. Сеницына, И.Е. В мире обычая. – М., 1997.
77. Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.) / собр., пер. и объясн. А. Я. Гаркави. – СПб., 1870.
78. Смирнов, И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII вв. – М. ; Л., 1961.
79. Сморгачев, А.Н. Коллегия понтификов: частнопроводные функции // Древнее право. – 1998. № 1 (3).
80. Ступникова, Н.Н. Формирование публично-правовых институтов в Древней Руси (VI–XII вв.) : дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2011.
81. Сыромятников, Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа. – М., 1915. – Т. 1.
82. Тимошук, Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. – М., 1990.
83. Тимошук, Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. – М., 1995.
84. Тихомиров, М.Н. Исследование о Русской Правде. – М., 1941.
85. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – СПб., 1996. – Т. 4.
86. Франклин, С. Начало Руси: 750–1200 / С. Франклин, Д. Шепард. – СПб., 2000.
87. Фроянов, И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. – СПб. ; М., 1995.
88. Фроянов, И.Я. Начала русской истории. Избранное. – М., 2001.
89. Фукс, С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. / под общ. ред. С.Ф. Ударцева ; предисл. С.Ф. Ударцева, Н.О. Дулатбекова (на рус. и каз. языках) ; вступ. ст. Ш.Ф. Тлепина. – Республика Казахстан : Юридическая книга, 2008.
90. Хачатуров, Р.Л. Русская Правда. – Тольятти, 2002.
91. Чебаненко, С.Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси : дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2007.
92. Чебаненко, С.Б. О связи остракизма и кровной мести в Древней Руси: «поток и разграбление» и «убиение за голову» // Университетский историк : альм. – СПб., 2005. – Вып. 3.
93. Чельцов-Бебутов, М.А. Курс уголовно-процессуального права. – СПб. : Равена : Альфа, 1997.
94. Черепнин, Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А.П. Древнерусское государство и его международное значение / А.П. Новосельцев [и др.]. – М., 1965.
95. Черепнин, Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. – М., 1969.
96. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 1983. – Т. 4.

-
97. Шаргородский, М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. – М., 1957.
 98. Шатковская, Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX в. // Вопросы истории. – 2000. – № 11–12.
 99. Шервуд, Е.А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (к раннему этногенезу итальянцев). – М., 1992.
 100. Широкова, Н.С. Ранняя государственность и сакральное право у древних кельтов // Древнее право. – 2001. – № 1 (8).
 101. Шапов, Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. – М., 1972.
 102. Шапов, Я.Н. Устав князя Ярослава: вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. – М., 1971. – Т. 31.
 103. Юшков, С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М., 1949.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

ГОНЧАРОВ Виталий Викторович

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена исследованию вопросов соотношения государственного суверенитета с процессами глобализации общественно-политического, государственно-правового и финансово-экономического развития национальных обществ и государств. Автор исследует различные научные подходы, сложившиеся в зарубежной и отечественной философской, политико-правовой и экономической науке в определении понятия и направлений развития государственного суверенитета в эпоху глобализации. В статье обосновывается точка зрения, согласно которой государственный суверенитет является необходимым условием противодействия процессам глобализации общественно-политического, государственно-правового и финансово-экономического развития национальных обществ и государств, что требует разработки и принятия на уровне национальных государств и их региональных объединений системы мер по его поддержке и развитию.*

***Annotation.** This article is devoted to the study of the issues of the correlation of state sovereignty with the processes of globalization of socio-political, state-legal and financial-economic development of national societies and states. The author examines the various scientific approaches developed in foreign and domestic philosophical, political, legal and economic science in determining the concept and directions of development of state sovereignty in the era of globalization. The article justifies the view that state sovereignty is a necessary condition for countering the processes of globalization of socio-political, state-legal and financial-economic development of national societies and states, which requires the development and adoption at the level of national states and their regional associations of a system of measures for its support and development.*

***Ключевые слова:** социально-философская концепция, глобальный конституционализм, государственный суверенитет, национальное государство, народ, регионализация мира, неолиберализм, неоконсерватизм, глобальная управляющая элита, глобальный управляющий класс.*

***Keywords:** a socio-philosophical concept, global constitutionalism, sovereignty, national state, the people, the regionalization of the world, neoliberalism, neoconservatism, the global ruling elite, a global control class.*

Мировая капиталистическая система на рубеже XX и XXI вв. с развалом СССР, а также исчезновением с политической карты стран социалистического лагеря перешла в качественно новое состояние, которое охарактеризовалось рядом признаков.

Во-первых, она приобрела глобальный характер, так как в зоне ее функционирования оказались практически все страны мира (включая даже страны-изгои, такие как, например, КНДР, в силу их участия в международной торговле и международном разделении труда). Некоторые страны, которые формально декларируют себя в качестве социалистических государств (в частности, мировой экономической лидер – КНР) по факту являются странами периферии мировой капиталистической системы и в своем развитии

зависят от современного ее состояния и дальнейших перспектив функционирования.

Во-вторых, в качестве единственной сверхдержавы в современном мире выступают США¹, которые одновременно являются основным глобальным эмитентом денежных средств, военной сверхдержавой, а также центром конструирования современных социальных технологий и своеобразной «фабрикой идей и смыслов» (данные технологии являются сердцевиной нового формирующегося шестого технологического уклада).

В-третьих, с окончанием эпохи «двухполярного мира» существенно снижается роль

¹ Добрынин Н.М. Государственный суверенитет в контексте последних тенденций глобализации: право или привилегия? // Государство и право. 2015. № 6. С. 36–42.

и значение ООН и связанных с нею международных организаций, созданных после окончания Второй мировой войны с участием СССР и стран капиталистического лагеря. Причем при создании ООН СССР преследовал в качестве основных задач и целей недопущение и снижение рисков начала Третьей мировой войны, а в 1960–1980 гг. в рамках концепции мирного сосуществования и мирной конкуренции стран социалистического и капиталистического лагерей – использование ООН как мирной дипломатической площадки для диалога с развитыми капиталистическими государствами. В свою очередь страны развитого капитализма изначально использовали ООН в качестве инструмента навязывания политической и экономической воли глобальной управляющей элиты в лице глобального управляющего класса остальным странам мира (прежде всего странам так называемого «третьего мира»).

В-четвертых, на рубеже XX и XXI вв. неоконсервативные и неолиберальные социально-философские концепции, актуальные в период противостояния капиталистического и социалистического лагерей, выхолостились в своей внутренней философской онтологической идентичности, сблизилась, обнажив свою главную цель – сохранение и развитие мировой капиталистической системы как оптимальной на современном этапе развития человечества социально-экономической организации общества в общепланетарном масштабе, позволяющей сохранять власть и собственность в руках глобальной политической элиты в лице глобального управляющего класса.

В связи с этим в рамках мировой социально-философской, государственно-правовой и политической мысли стала формироваться система знаний, прежде всего социально-философского и политико-правового характера (социально-философская концепция глобального конституционализма), основанная на фундаментальных общемировых демократических ценностях относительно необходимости организации межгосударственной, государственной и общественной жизни в общепланетарном масштабе в соответствии с идеологической основой современного этапа развития капитализма в мире, которая обосновывает минимизацию негативных последствий в развитии капиталистической системы путем экспорта издержек от центра (ядра) к ее периферии, опирается на единую систему разделения тру-

да в рамках мирового рынка, направлена на обеспечение развития мирового капиталистического финансово-экономического базиса и его общественно-политической надстройки.

Впервые в человеческой истории данная экспансия носит системный характер, включая в себя совокупность военно-политических, финансово-экономических, культурно-творческих и информационных мероприятий и технологий, реализуемых Западом по всему миру посредством навязывания национальным государствам при помощи сформированных единых управляющих центров регулирования и контроля западных государственно-правовых, общественно-политических институтов, принципов, связей, отношений, идей с целью планомерной и всесторонней защиты и продвижения финансово-экономических интересов и потребностей стран ядра мировой капиталистической системы.

Таким образом, социально-философская концепция глобального конституционализма вступает в определенное противоречие с самой концепцией существования суверенного государства, самостоятельно определяющего основные направления своей внешней и внутренней политики², а также нивелирует право народа на самостоятельное осуществление власти на территории своего проживания, формирование государственного аппарата и органов местного самоуправления.

Глобализация общественно-политического, государственно-правового и финансово-экономического развития национальных обществ и государств создает угрозу государственному суверенитету, причем не только стран периферии мировой капиталистической системы (например, Российской Федерации), но и государств, являющихся ее ядром (в частности, самих США).

В настоящее время в мировой и отечественной государственно-правовой, политической, экономической и философской научной и учебной литературе сложилось несколько подходов в определении понятия государственного суверенитета, его содержательного единства, а также перспектив сохранения и развития в рамках осуществляемых процессов глобализации в современном мире.

² Чиркин В.Е. Глобализация и базовые изменения современных конституций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1 (56). С. 137–141.

Во-первых, ряд авторов рассматривает государственный суверенитет в современном мире как следствие единства национальных и международной демократий.

Так, по мнению М.В. Шугурова, «современной цивилизацией востребовано современное суверенное государство и свойственный ему современный государственный суверенитет, предполагающий единство национальной и международной демократии. Переход к новым стандартам государственного суверенитета не может быть одномоментным и во многом зависит от темпов модернизации, которая ныне предполагает уже не освобождение от национально-специфических форм государственности, а опору на них. Следовательно, глобализация в ее позитивных тенденциях не упраздняет, а утверждает многообразие традиций государственности и возможных моделей государственного суверенитета, несмотря на известную унификацию государственного строительства по западному образцу»³.

Однако сторонники данного подхода игнорируют то обстоятельство, что в современном мире в качестве международных форм демократии доминируют политико-правовые конструкты, возникшие и развивавшиеся в рамках политико-правовых систем стран Запада. Кроме того, сознательно игнорируются достижения стран исламской демократии (например, Исламской Республики Иран), стран социалистической демократии (в частности, КНДР и КНР).

Тем не менее в рамках данного понимания государственного суверенитета делается однозначный вывод о том, что этот политико-правовой институт переживает в современном мире бурную трансформацию⁴, при которой интересы и потребности национальных обществ и государств выступают в качестве вторичных относительно международных.

Ряд ученых, описывая процесс согласования государственного суверенитета и международных отношений, вводят категорию экстерриториальности⁵. Так, М.Г. Никитина отме-

чает: «Как реакция на осмысление данных тенденций возник подход, указывающий на сохранение сути суверенитета при наличии трансформаций в его проявлении. Так, новые формы экономического регулирования не означают конца суверенитета, а только вводят в его содержание принцип экстерриториальности, в соответствии с которым способность государства выполнять свои функции уже не столь тесно связана с территорией. Следовательно, экстерриториальность совместима с суверенностью»⁶.

Таким образом, данные авторы допускают возможность того, что на территории того или иного государства, формально являющегося суверенным и независимым, могут напрямую действовать нормы международного законодательства. При этом если они соответствуют международному праву и международному пониманию демократических норм и принципов, это не будет считаться ущемлением национального государственного суверенитета.

Во-вторых, ряд авторов рассматривает государственный суверенитет как подчиненный субъект по отношению к диктату международного права и надгосударственных международных центров согласования и примирения при условии сохранения национальной и культурной самобытности государства.

Так, Н.И. Грачев отмечает: «Отсюда для других государств и их народов возникает необходимость обеспечения и защиты своих интересов и ценностей, собственной национальной и культурной идентичности. Но в рамках тех форм политической и территориальной организации, которые являются в настоящее время преобладающими, современные государства с этими задачами справиться не в состоянии. Это ведет к поиску путей и средств, способных трансформировать форму и содержание современного государства, а следовательно, его суверенитет, организацию и реализацию верховной власти и принципы государственно-территориального устройства»⁷.

При этом авторы данного подхода не учитывают то обстоятельство, что утрата нацио-

³ Шугуров М.В. Государственный суверенитет и глобализация: философия вызовов и перспектив // Современное право. 2009. № 2. С. 47.

⁴ Ковалев А.А. Глобализация и вопрос трансформации государственного суверенитета // Евразийский юридический журнал. 2012. № 11 (54). С. 40–43.

⁵ Тынянова О.Н. Национальный суверенитет и государственные границы в эпоху глобализации // Век глобализации. 2010. № 1. С. 89–105.

⁶ Никитина М.Г. Государственный университет и глобализация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2009. Т. 1, № 22 (61). С. 75–76.

⁷ Грачев Н.И. Политическая глобализация и государственный суверенитет // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2012. № 1. С. 25.

нальными государствами государственного суверенитета в долгосрочной перспективе приведет к исчезновению национальной, культурной, этнической, религиозной и любых иных форм самоидентификации территорий некогда суверенных государств и проживающего на них населения, слому их национально-культурного кода⁸. Это приведет к исчезновению народов и наций как основных признаков, идентифицирующих то или иное национальное государство с последующим стиранием территориальных, этнических и иных границ.

В-третьих, ряд ученых рассматривает государственный суверенитет в современном мире через призму добровольного ограничения самостоятельности национальных государств.

Так, Ю.Н. Трифонов отмечает: «Научный подход к государственному суверенитету позволяет утверждать, что и в современных условиях многие положения классической теории суверенитета не потеряли своего значения. Однако процессы, происходящие сегодня в мире, вносят в нее существенные новации и дополнения. Действительно, усиление взаимных связей и взаимозависимости между государствами ведет к усилению роли наднациональных органов, которым государства частично делегируют свои суверенные права (например, Европейский союз). Кроме того, общепризнано, что ряд проблем (например, права человека) выходят за рамки исключительного ведения отдельных государств и подлежат международному регулированию»⁹.

Однако возникает сомнение в том, насколько «добровольным» было делегирование национальными государствами своих суверенных прав наднациональным образованиям (например, в рамках Европейского союза). На практике отдельные государства Европы были вынуждены войти в состав Европейского союза под экономическим давлением США и стран, являющихся экономически доминирующими в Европе (Германии и Франции). Кроме того, первые шаги к регионализации Европы осуще-

ствлялись еще с середины XX в., когда активно использовался политический жупел «красной угрозы» в лице СССР и СЭВ¹⁰. И утрата части государственного суверенитета преподносилась как позитивный процесс во имя обеспечения национальной безопасности.

Так, М.Г. Никитина отмечает: «В этих условиях главная задача государства остается постоянной – обеспечение безопасности. Поэтому о суверенитете государства следует говорить как о политико-юридическом механизме обеспечения национальной безопасности. И в том случае, если безопасность требует утраты части суверенитета, т. е. делегирования его наднациональным образованиям, то данный процесс следует рассматривать как позитивный. Перспективы дальнейших исследований связаны с выявлением факторов активизации роли государства и их взаимодействием в системе обеспечения коллективной безопасности в условиях обострения как международной конкуренции, так и интенсификации интернационализации. Таким образом, соотношение национальной безопасности и суверенитета можно рассматривать с двух позиций: с одной стороны, национальная безопасность как комплекс мероприятий по обеспечению суверенитета, с другой – обладание суверенитетом как инструментом обеспечения национальной безопасности. Принятие одной из диаметральных позиций вряд ли целесообразно в условиях сложных трансформационных процессов, затрагивающих все современное мироустройство, поэтому более правомерным нам представляется подход, когда суверенитет рассматривается не как безусловная цель, а как средство, дающее возможность обеспечить наиболее эффективную политику в сфере национальной безопасности»¹¹.

Однако утрата части государственного суверенитета странами Европейского союза на деле обернулась невозможностью осуществления национальной внешней и внутренней политики в интересах местного населения (например, в Греции, Испании), когда в угоду интересам транснациональных компаний и стран,

⁸ Гончаров В.В. Глобальный конституционализм и «сломя» национального культурного кода: социально-философский анализ // Культура и искусство. 2016. № 6. С. 755–761; Бок А.А. Государственный суверенитет в условиях глобализации: понятие и основные угрозы // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. 2014. С. 51–55.

⁹ Трифонов Ю.Н. Глобализация и государственный суверенитет: диалектика взаимосвязи // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. 2014. № 1. С. 8–9.

¹⁰ Гончаров В.В. О некоторых вопросах социально-исторического генезиса глобального конституционализма как социальной концепции // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 5. С. 483–492; Его же. Политическая философия глобального конституционализма // Философская мысль. 2016. № 10. С. 83–111.

¹¹ Никитина М.Г. Государственный университет и глобализация. С. 76.

являющихся экономическими доминантами, уничтожаются целые отрасли национальной экономики.

Некоторые авторы считают, что утрата государственного суверенитета в связи с подчинением национальных государств и их правовых систем международному праву является своеобразной компенсацией за развитие в рамках стремительно глобализирующегося мира. Так, А.В. Тен отмечает: «Проблема заключается в том, чтобы обеспечение суверенных прав государств сопровождалось своего рода ее международно-правовой компенсацией. Имеются в виду, во-первых, дополнительные гарантии государствам вследствие их участия в межгосударственных объединениях, во-вторых, широкие возможности внесения проектов общих решений, в-третьих, поддержка сообществом действий государств-членов»¹².

То есть национальные элиты капиталистических государств (особенно стран периферии мировой капиталистической системы) утратой части национального государственного суверенитета «расплачиваются» с глобальной управляющей элитой за гарантии, с одной стороны, доступа национальных элит к мировому разделу прибыли, а с другой стороны, недопущения в данных странах социальных революций.

В-четвертых, ряд ученых рассматривает государственный суверенитет как основное условие сохранения национальной самобытности государств, его главный идентифицирующий признак.

Так, С.В. Адамович считает, что «оптимальным «ответом» на «вызовы» американско-западной модели глобализации со стороны суверенного государства станет ответ того государства, которое будет опираться на собственный менталитет, культурно-исторические опыт и традиции. Для восточнославянских народов таким «ответом» видится формирование цивилизационного центра развития и силы центра на собственной «культурно-цивилизационной основе»¹³.

Таким образом, национальные государства для сохранения своего государственного

суверенитета вынуждены не только укреплять свои национальные экономики, структуру государственного аппарата, вооруженные силы, но и активно участвовать в процессах глобализации общественно-политического, государственно-правового и финансово-экономического развития в рамках существующих международных отношений¹⁴.

Так, Ю.Н. Трифонов пишет: «Вместе с тем требует своего повышения роль суверенных государств в решении глобальных проблем, которые, в отличие от множества других: а) охватывают весь мир в целом; б) от которых зависит само существование всего человечества; в) которые могут быть разрешены усилиями всех народов и стран; г) промедление с решением которых может привести к гибели всего человечества. Таким образом, к вопросу о роли государственного суверенитета в условиях глобализации необходимо подходить диалектически: в одном отношении она снижается, а, в другом – многократно возрастает»¹⁵.

В противном случае национальные государства не смогут противостоять процессам глобализации и полностью утратят свой государственный суверенитет, что максимально ослабит страны и их способность к равноценному участию в конкурентной борьбе за выживания в современном мире. По мнению ряда авторов, «в этих условиях проблема сохранения национально-государственного суверенитета фактически отражает проблему способности стран к выживанию в условиях международного противостояния. Не вызывает сомнения, что полный крах мультиполярной системы устройства мирового хозяйства и установление монополярной системы единым мировым лидером приведет к установлению контроля данного лидера над действиями других стран и потере их национально-государственного суверенитета»¹⁶.

¹⁴ Клепацкий Л.Н. Роль государства в международных отношениях в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2009. № 14. С. 133–144; Коңуров А.И. Государственный суверенитет в условиях глобализации: дис. ... д-ра полит. наук // Военный университет. М., 2012. С. 102.

¹⁵ Трифонов Ю.Н. Глобализация и государственный суверенитет: диалектика взаимосвязи // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. 2014. № 1. С. 9.

¹⁶ Аكوпова Е.С., Альбеков А.У., Полуботко А.А. Национально-государственный суверенитет в условиях глобализации: дискурс идентичности // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2014. № 4 (48). С. 16.

¹² Тен А.В. Юрисдикция государства и государственный суверенитет в условиях глобализации // Наука, новые технологии и инновации. 2008. № 7–8. С. 272.

¹³ Адамович С.В. Национально-государственный суверенитет в контексте современных процессов глобализации и регионализации мира // Весник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1 «Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія». 2013. № 2 (152). С. 115.

Представляется, что в качестве одного из прогрессивных сценариев мирового социально-политического развития, при котором будет сохраняться и укрепляться национально-государственный суверенитет на уровне национальных государств, является политическая регионализация мира. При этом важную роль в данных процессах исторически будет играть Российская Федерация¹⁷.

В-пятых, ряд авторов рассматривает государственный суверенитет в качестве средства противодействия «цветным революциям» и хаотизации национальных государств до состояния их фактической ликвидации как самостоятельных субъектов международного права.

Так, С.В. Смирнова отмечает: «В результате “удачного” применения данной технологии свергается существовавший ранее государственно-политический режим, а государственная власть нелегитимным и противоправным путем переходит в руки управляемого извне политика или их группы. Таким образом, прямо попирается не только суверенитет государства, но и народный суверенитет, ведь смена государственно-политического режима происходит не в результате волеизъявления населения государства, а с подачи внешних заинтересованных сил, причем, как правило, отнюдь не в интересах народа. В современной России в условиях приближающегося очередного выборного цикла представляется весьма вероятной попытка реализации сценария “цветной революции”. Более того, очевидно, что подготовительный этап уже фактически осуществляется, а потому предлагается рассматривать “цветную революцию” в качестве одной из угроз суверенитету Российской Федерации и продолжать реализовывать комплекс государственных мер по ее нейтрализации»¹⁸.

При этом технологии «цветных революций» следует рассматривать в современном мире исключительно в качестве средства, используемого глобальной управляющей элитой в лице глобального управляющего класса, по предотвращению, с одной стороны, осуществления в национальных государствах социаль-

ных революций, а с другой стороны, появления национально (государственно) ориентированных политических элит.

С.Р. Гадисов пишет: «Следуя общетеоретической схеме “цель – средство – результат”, для обеспечения фактического и формально-юридического государственного суверенитета представляется необходимым заблаговременно выявлять, анализировать и учитывать в право-творческой деятельности причины, ослабляющие суверенитет (риски, вызовы и угрозы); в соответствии с целью противодействия данным негативным факторам – конструировать эффективные правовые процедуры, постоянно совершенствуя систему гарантий государственного суверенитета»¹⁹.

Все это требует у национально и государственно ориентированных элит разработки и внедрения систем мероприятий по прогнозированию и противодействию «цветным революциям»²⁰, укреплению государственного аппарата²¹, созданию условий для формирования государственно ориентированных элит²², кооперации с другими государствами – противниками глобализации по «западному» образцу²³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процессы глобализации общественно-политического, государственно-правового и финансово-экономического развития национальных обществ и государств в качестве одной из своих целей преследуют уничтожение национального суверенитета государств как самостоятельных участников международных отношений и субъектов международного права.

В связи с этим на государственный аппарат на уровне национальных государств ло-

¹⁹ Гадисов С.Р. Угрозы государственному суверенитету в условиях глобализации // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 6 (51). С. 127.

²⁰ Бок А.А. Угрозы государственному суверенитету в условиях глобализации // Современное общество, образование и наука : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 16 ч. 2015. С. 23–24.

²¹ Гончаров В.В., Ковалева Л.И. Власть как социально-философская и правовая категория: институционально-политический анализ // Государственный и муниципальный финансовый контроль. 2016. № 1. С. 4–12.

²² Гончаров В.В. Роль политического лидерства в укреплении исполнительной власти: современные проблемы и перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2010. № 2. С. 49–53; Его же. Влияние глобального конституционализма на формирование социально-философских концепций в России // Мировая политика. 2016. № 3. С. 37–52.

²³ Гончаров В.В. О некоторых вопросах современного состояния социальной концепции альтерглобализма // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15, № 6 (119). С. 152–159; Хабиров Р.Ф. Глобализация, государственный суверенитет, права человека // Юридический мир. 2007. № 10. С. 45–50.

¹⁷ Гончаров В.В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ : моногр. М. : Спутник+, 2016 ; Его же. Социально-политические и исторические трансформации глобального конституционализма в современном мире // Юридические исследования. 2016. № 9. С. 119–136.

¹⁸ Смирнов С.В. «Цветная революция» как угроза государственному суверенитету в условиях глобализации // Юридическая мысль. 2016. Т. 96, № 4. С. 65.

жится обязанность по формированию системы мер по противодействию глобальной экспансии и сохранению государственного суверенитета. Так как национальные политические элиты (государственно ориентированные) и национальные государства в условиях стремительно протекающих процессов глобализации неконкурентоспособны по отношению к глобальной управляющей элите в лице глобального управляющего

класса, им следует объединяться в альтернативные полюсы силы, активизируя процессы геополитической регионализации мира.

Это позволит сохранить независимость и государственный суверенитет национальным государствам, обеспечить формирование и реализацию внешней и внутренней государственной политики в интересах народов, проживающих на их территории.

Библиографический список

1. Адамович, С.В. Национально-государственный суверенитет в контексте современных процессов глобализации и регионализации мира // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1 «Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія»*. – 2013. – № 2 (152).
2. Аكوпова, Е.С. Национально-государственный суверенитет в условиях глобализации: дискурс идентичности / Е.С. Аكوпова, А.У. Альбеков, А.А. Полуботко // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. – 2014. – № 4 (48).
3. Бок, А.А. Государственный суверенитет в условиях глобализации: понятие и основные угрозы // *Актуальные проблемы права и государства в XXI веке : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина*. – 2014.
4. Бок, А.А. Угрозы государственному суверенитету в условиях глобализации // *Современное общество, образование и наука : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 16 ч.* – 2015.
5. Гадисов, С.Р. Угрозы государственному суверенитету в условиях глобализации // *Вестник Поволжского института управления*. – 2015. – № 6 (51).
6. Гончаров, В.В. Влияние глобального конституционализма на формирование социально-философских концепций в России // *Мировая политика*. – 2016. – № 3.
7. Гончаров, В.В. Глобальный конституционализм и «слово» национального культурного кода: социально-философский анализ // *Культура и искусство*. – 2016. – № 6.
8. Гончаров, В.В. О некоторых вопросах современного состояния социальной концепции альтерглобализма // *Социальная политика и социология*. – 2016. – Т. 15, № 6 (119).
9. Гончаров, В.В. О некоторых вопросах социально-исторического генезиса глобального конституционализма как социальной концепции // *Исторический журнал: научные исследования*. – 2016. – № 5.
10. Гончаров, В.В. Политическая философия глобального конституционализма // *Философская мысль*. – 2016. – № 10.
11. Гончаров, В.В. Роль политического лидерства в укреплении исполнительной власти: современные проблемы и перспективы развития // *Вестник экономической безопасности*. – 2010. – № 2.
12. Гончаров, В.В. Социально-политические и исторические трансформации глобального конституционализма в современном мире // *Юридические исследования*. – 2016. – № 9.
13. Гончаров, В.В. Власть как социально-философская и правовая категория: институционально-политический анализ / В.В. Гончаров, Л.И. Ковалева // *Государственный и муниципальный финансовый контроль*. – 2016. – № 1.
14. Гончаров, В.В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ : моногр. – М. : Спутник+, 2016.
15. Грачев, Н.И. Политическая глобализация и государственный суверенитет // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция»*. – 2012. – № 1.
16. Добрынин, Н.М. Государственный суверенитет в контексте последних тенденций глобализации: право или привилегия? // *Государство и право*. – 2015. – № 6.

17. Клепацкий, Л.Н. Роль государства в международных отношениях в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2009. – № 14.
18. Ковалев, А.А. Глобализация и вопрос трансформации государственного суверенитета // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 11 (54).
19. Конуров, А.И. Государственный суверенитет в условиях глобализации : дис. ... д-ра полит. наук // Военный университет. – М., 2012.
20. Никитина, М.Г. Государственный университет и глобализация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2009. – Т. 1, № 22 (61).
21. Смирнов, С.В. «Цветная революция» как угроза государственному суверенитету в условиях глобализации // Юридическая мысль. – 2016. – Т. 96, № 4.
22. Тен, А.В. Юрисдикция государства и государственный суверенитет в условиях глобализации // Наука, новые технологии и инновации. – 2008. – № 7–8.
23. Трифонов, Ю.Н. Глобализация и государственный суверенитет: диалектика взаимосвязи // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. – 2014. – № 1.
24. Тынянова, О.Н. Национальный суверенитет и государственные границы в эпоху глобализации // Век глобализации. – 2010. – № 1.
25. Хабиров, Р.Ф. Глобализация, государственный суверенитет, права человека // Юридический мир. – 2007. – № 10.
26. Чиркин, В.Е. Глобализация и базовые изменения современных конституций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 1 (56).
27. Шугуров, М.В. Государственный суверенитет и глобализация: философия вызовов и перспективы // Современное право. – 2009. – № 2.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРАВА

ДОРСКАЯ Александра Андреевна

Аннотация. В статье анализируются современные исследования в области интернационализации права. Сделан вывод о том, что интернационализацию права нельзя рассматривать как явление последних десятилетий. Выделяются пять этапов интернационализации права с древнейших времен до современности.

Annotation. The article analyzes modern research in the field of internationalization of law. It is concluded that the internationalization of law can not be regarded as being the last decades. Five stages of the internationalization of law are distinguished from ancient times to the present.

Ключевые слова: интернационализация права, стихийная интернационализация права, целенаправленная интернационализация права, этапы интернационализации права, глобализация.

Keywords: internationalization of law, spontaneous internationalization of law, purposeful internationalization of law, stages of internationalization of law, globalization.

Об интернационализации права как одной из составляющих правового развития среди российских юристов первыми начали говорить юристы-международники. Так, еще в 2000 г. И.И. Лукашук показал способы и формы интернационализации права государств и раскрыл их на исторических примерах. Он выделял, во-первых, стихийную интернационализацию, когда стандартизация условий жизни и внешних связей определяет тенденции к единообразному правовому регулированию, во-вторых, целенаправленную интернационализацию, которая может осуществляться в трех формах: а) рецепция, т. е. одностороннее заимствование одним государством у другого крупных массивов права, например, кодексов (бывшие социалистические страны); б) гармонизация – процесс целенаправленного сближения правовых систем в целом и отдельных отраслей через введение общих институтов и норм устранения противоречий (например, модельные законы); в) унификация – введение в правовые системы государств единообразных норм, в основном через международные договоры¹.

Сейчас данная тема активно развивается в силу целого ряда причин, к которым можно отнести глобализационные и глокализационные процессы (несмотря на все дискуссии о том, завершились они или нет²), мировой характер

современных экономических отношений, универсализацию условий жизни в целых регионах, общедоступность информации, в том числе правовой, для огромного количества жителей Земли, развитие новых принципов и критериев научного знания, таких как антропоцентризм, контекстуальность³ и т. д.

В XXI в. в качестве основных направлений изучения процесса интернационализации права можно выделить следующие.

Первое направление – изучение интернационализации права в теоретико-правовом аспекте. В его рамках рассматриваются такие вопросы, как интернационализация права в условиях глобализации, интернационализация российского права в современных условиях⁴, правовая глобализация, влияние процесса интернационализации права на национальные правовые традиции⁵. Таким образом, интернационализация главным образом связывается с процессом глобализации, который оценивается юристами как положительно, так и отри-

памяти С.Ф. Зыбина : в 2 т. СПб. : С.-Петербург. юрид. акад., 2015. С. 29–33.

³ Пашенцев Д.А., Черногор Н.Н. Правопорядок в контексте современной постклассической методологии // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 21.

⁴ Рассказов Л.П. Интернационализация российского права в современных условиях // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Юг, 2013. С. 490–496.

⁵ Пашенцев Д.А. Влияние деятельности международных финансовых организаций на российские традиции правового регулирования финансовой сферы // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 90–94.

¹ Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М. : Спарк, 2000. С. 44–46.

² См.: Бернацкий Г.Г. Национальное право и кризис глобализации // Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования : II ежегод. науч. чтения, посвящ.

цательно. Например, В.В. Лунеев считает, что «глобализацию называют осевой проблемой, якобы выражающей главное направление развития мира, а она фактически является главным противоречием и даже главным мировым конфликтом XXI века»⁶. В.В. Янч пытается показать соотношение понятий «интернационализация» и «глобализация» через определение правовой глобализации как «процесса развития национальных правовых систем, который характеризуется усилением взаимодействия национального и международного права. Результатом процессов глобализации применительно к праву являются как интеграция, так и интернационализация правовых систем»⁷.

Второе направление – изучение интернационализации права на примере конкретных отраслей права.

На сегодняшний день наибольшее количество научных исследований проводится по вопросам интернационализации конституционного права. Причем рассматриваются как общие проблемы (интернационализация национальных конституций как новая тенденция в конституционном праве⁸, европеизация конституционного законодательства государств⁹), так и интернационализация отдельных институтов конституционного права. Наибольшее количество работ посвящено интернационализации прав и свобод человека¹⁰.

Особо необходимо отметить положительную тенденцию рассмотрения процесса интернационализации конституционного права в контексте влияния международно-правовых норм¹¹.

⁶ Лунеев В.В. Интернационализация конституционного права в условиях глобализации // Государство и право. 2015. № 11. С. 35.

⁷ Янч В.В. Основные тенденции развития правовой глобализации // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика : сб. науч. ст. Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2017. С. 314.

⁸ Интернационализация конституционного права: современные тенденции : моногр. / под ред. Т.В. Андреевой, Н.В. Варламовой. М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2017 ; Гагаева Е.А. Интернационализация национальных конституций: новая тенденция в конституционном праве // Проблемы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 22–24.

⁹ Гагаева Е.А. Европеизация конституционного законодательства государств // Проблемы права. 2010. № 3. С. 45–50.

¹⁰ Варламова Н.В. Интернационализация юридического дискурса о правах человека // Права человека – индикатор современного развития России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т.А. Сошниковой. М. : Моск. гуманитар. ун-т, 2015. С. 69–76.

¹¹ Тиунов О.И. Защита прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации в условиях интернационализации российского права и роль в этом процессе международно-правовых стандартов // Международное публичное

Так, А.М. Солнцев анализирует этот процесс на примере экологических прав человека таким образом: «Тенденция конституционного закрепления экологических прав человека началась с принятием Стокгольмской декларации по окружающей среде 1972 г. Получается, что уже почти 45 лет концепция экологических прав человека шествует по миру. С тех пор число национальных конституций, предусматривающих экологические права, значительно возросло. Если в 1994 г. чуть более 60 стран приняли конституционные положения об охране окружающей среды, то в настоящее время из 193 государств – членов ООН в конституциях более чем 160 государств в той или иной форме закреплены экологические права человека. Это тем более важно, поскольку процесс распространения экологических прав шел параллельно в международном праве и национальных правовых системах. Представляется, что именно в этом случае мы можем говорить об интернационализации конституционного права»¹². Активно изучается интернационализация конституционного права в государствах – членах международных интеграционных организаций¹³, рассматриваются возможности создания международного права о выборах¹⁴. В результате в современной юридической науке существует мнение, что уже можно говорить об интернационализации конституционного и конституционализации международного права¹⁵.

и частное право. 2003. № 2. С. 14–21 ; Толстых В.Л. Интернационализация и юридизация прав человека // Юридическая наука и практика. 2013. Т. 9, № 1. С. 90–95 ; Мурашко Л.О. Роль международных пактов о правах человека в укреплении интернационализации конституционного права // Образование и право. 2016. № 11. С. 64–67 ; и др.

¹² Солнцев А.М. Защита экологических прав человека в контексте интернационализации конституционного права // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 4. С. 196.

¹³ Львова Е.О. Интернационализация конституционного права государств – членов международного сообщества: к вопросу о сущности и определении // Вісник Маріупольського державного університету. Серія «Право». 2013. № 6. С. 199–209.

¹⁴ Маклаков В.В., Телесфор О. Интернационализация права о национальных выборах: по поводу зарождения международного права о выборах. Tèlesphore o. L'internalisation du droit relatif aux élections nationales: à propos d'un droit international des élections en gestation // Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger. P., 2012. N 5. P. 1405–1436 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4 «Государство и право» : реферативный журнал. 2015. № 1. С. 160–165.

¹⁵ Алебастрова И.А. Транснациональный конституционализм: интернационализация конституционного и конституционализация международного права // Международное право и международные организации. 2015. № 1. С. 38–48.

Процесс интернационализации права рассматривается также на примере других отраслей права и комплексных правовых образований. Так, в частности, А.Ю. Саломатин показывает особенности данного процесса в сфере трудового права¹⁶; А.В. Иглин говорит об интернационализации спорта и спортивного права¹⁷ и т. д.

Однако, несмотря на то, что интернационализация права является одной из характеристик современной правовой реальности, ее нельзя рассматривать исключительно как явление последних десятилетий. Процесс интернационализации наблюдается с древнейших времен. Любая национальная правовая система является результатом не только собственной эволюции, но и заимствования опыта других стран. Это обусловлено и бесконечными войнами, когда сталкивался правовой опыт победителей и побежденных, и тесным торговым сотрудничеством, и идеологическими причинами в период буржуазных революций, и сознательным обращением к лучшим мировым образцам нормативно-правовых актов в периоды систематизации собственного законодательства. Международное право как особая правовая система является, с одной стороны, результатом интернационализации права, а с другой стороны, детерминантой его развития на современном этапе.

В связи с этим небезынтесным становится вопрос об основных этапах интернационализации права.

Первый этап – с древнейших времен до эпохи Великих географических открытий. Интернационализация права была связана прежде всего с завоеваниями.

Существовало два варианта. Согласно первому сценарию победители пытались навязать покоренным народам свою правовую систему, которая, естественно, постепенно адаптировалась под местные условия. Например, Е.Ю. Калинина пишет о древних римлянах: «Во время завоеваний или колонизации победившие народы навязывают свои культурные ценности, при этом нередко уничтожая ценности покоренных народов. Подобная форма влияния была свойственна, например, римля-

нам. Они поступали таким образом с народами, находящимися на более высоких ступенях развития (греки), примерно на том же уровне (финикийцы) и на низших ступенях развития (иберы)»¹⁸. Второй сценарий, наоборот, предусматривал заимствование правового опыта завоеванных народов. Так, в Ахеменидской державе VI–IV вв. до н. э. завоевания персов не привели к разрыву правовых традиций и норм покоренных народов. В период царствования Дария I велась интенсивная работа по кодификации законов покоренных народов, а также изучались древние законы, особенно Кодекс Хаммурапи¹⁹. Позже в Арабском халифате проводилась политика, направленная на то, что правовые «нормы должны были считаться с постулатами самого ислама, а в какой-то мере и с правовыми традициями завоеванных народов»²⁰.

Второй этап был связан в первую очередь с развитием экономических отношений и торговли. Происходила интернационализация правоотношений, прежде всего в области частного права. О.Л. Лысенко показывает, что в отдельных германских землях уже в XVII–XVIII вв. существовали акционерные общества, но новый этап начался в начале XIX в., когда в 1807 г. был принят Французский торговый кодекс (далее – ФТК). В период Рейнского союза (1806–1814) ФТК, наряду с Французским гражданским кодексом 1804 г., был введен в действие в целом ряде германских государств²¹.

Немаловажную роль в этом процессе играли и религиозные организации, так как являлись крупнейшими собственниками. Так, Н.И. Алексеева в своих работах на примере правового режима имущества религиозного назначения выявила роль церковных норм в процессе интернационализации российского права²².

¹⁸ Калинина Е.Ю. Целостность и пограничность в средневековом правосознании (на примере Испании) // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (15). URL : <http://territoriaprava.ru/topics/48796> (дата обращения: 23.06.2017).

¹⁹ Культура Древнего Ирана. URL : <http://www.support17.com/component/content/539.html?task=view> (дата обращения: 23.06.2017).

²⁰ Рахманов А., Рахманов А. Исламское право : учеб. для вузов. Ташкент : Изд-во ТПОИ, 2003. URL : <http://uz.denemetr.com/docs/768/index-287375-1.html?page=8> (дата обращения: 23.06.2017).

²¹ Лысенко О.Л. Институт акционерного общества в торговом праве Германии: к вопросу об истории возникновения // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2008. № 2. С. 45.

²² Алексеева Н.И. Роль церковных норм в процессе интернационализации российского права (на примере имущества религиозного назначения) // Влияние норм международного права на законодательный процесс в России и за рубежом. СПб. : Астерион, 2014. С. 143–157.

¹⁶ Саломатин А.Ю. Интернационализация права в условиях глобализации (на примере трудового права) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 2. С. 85–91.

¹⁷ Иглин А.В. Интернационализация спорта и спортивного права // Законодательство. 2017. № 3. С. 53–56.

В рамках третьего этапа, начавшегося в XIX в., наметилась тенденция интернационализации отдельных отраслей публичного права. В частности, это касалось конституционного права. Так, например, В.В. Степанова выделяет следующие этапы конституционной интернационализации: 1) после Наполеоновских войн (французская Хартия 1814 г., двенадцать первых конституций германских государств, принятых с сентября 1814 г. по декабрь 1820 г., Конституция Нидерландов 1815 г. и т. д.), 2) после европейских революций 1830 г., когда стало понятно, что не могут удержать власть монархи, противившиеся принципу народного (национального) суверенитета (Конституция Франции 1830 г., новые конституции восьми немецких государств в 1830–1831 гг., Конституция Бельгии 1831 г., парламентская реформа в Англии 1832 г.), 3) после 1848 г., когда во всех европейских странах прошли политические революции, которые приобрели международный характер, и это было совершенно необычным явлением в европейской истории (Конституция Швейцарии 1848 г., Прусская Конституция 1848 г. и т. д.)²³.

Четвертый этап начался после Второй мировой войны. В XX в. процесс интернационализации права актуализировался. Во-первых, огромную роль сыграли мировые войны. Началось сближение конституционных положений разных стран по вопросам мира и безопасности, поскольку большинство людей, прошедших войну, стало пацифистами. Во-вторых, развитие идеи конституционализма привело к тому, что возникли некоторые универсальные принципы, характерные для всех конституций мира. Например, как отмечает С.В. Бочкарев, сейчас «существует точка зрения, что конституционализм сам является особым, новым типом правопонимания, который опирается на сочетание трех основных принципов: народного суверенитета, правового формализма и институциональной демократии»²⁴. Особую роль универсальные конституционные принципы приобрели в период распада колониальной системы в 1950–1960-е гг., когда челове-

ство перестало делиться на «цивилизованные» и «нецивилизованные» народы. В-третьих, интернационализация публичного права во многом была связана с развитием института конституционного надзора. Как известно, американская (традиционная) модель органов конституционного надзора около столетия развивалась только в Северной и Южной Америке. В Европе становление института конституционного надзора началось после Первой мировой войны и только в государствах, возникших в результате вызванного войной распада империй. В большинстве стран данный институт появился только после Второй мировой войны. Как отмечает Н.В. Варламова, на современном этапе можно говорить не только о тенденции интернационализации правового регулирования в сфере обеспечения и защиты прав человека, но и о распространении практики ссылок в судебных решениях на прецеденты, созданные в рамках иных национальных и наднациональных юрисдикций²⁵. В-четвертых, интернационализация публичного права способствовало то, что гарантированность прав и свобод человека стала универсальным конституционным принципом, правда, по-прежнему вызывающим ожесточенные споры²⁶. В-пятых, развитие международного права в целом и права международных организаций в частности привело к созданию международно-правовых стандартов в самых различных сферах: деятельность ООН – во внешней политике и в области прав человека, ГАТТ-ВТО – в торговой сфере и т. д.

Пятый этап начался в конце XX в., когда возникли новые вопросы интернационализации публичного права, ответы на которые составляют предмет современного поиска. Внутригосударственное конституционное право стало рассматриваться наравне с международным и наднациональным правом как часть интеграционного права²⁷. Так, серьезным вызовом явилось постановление Европейского Совета в декабре 2001 г. о создании Конвенции, который занялся подготовкой новой европейской Конституции. В самой организации данного органа просматривались элемен-

²³ Степанова В.В. Опыт политической модернизации в Европе и Америке в первой половине – середине XIX века: формирование новой модели власти // Вестник Нижневартского государственного университета. 2008. № 1. С. 70–79.

²⁴ Бочкарев С.В. Философско-правовое определение конституционализма в современной отечественной юриспруденции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. Т. 21, № 4. С. 15.

²⁵ Варламова Н.В. Интернационализация юридического дискурса о правах человека. С. 69–76.

²⁶ Дорский А.Ю. Философские основания коммуникативной теории права // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 134. С. 25.

²⁷ Малько А.В. Важный вклад в изучение роли конституционного права в условиях межгосударственной интеграции // Государство и право. 2010. № 10. С. 121.

ты интернационализации. Пост его председателя занял бывший президент Франции Жискард д'Эстэн. Конвент включал 105 членов, в их числе по три представителя от каждой из стран-участниц, 16 депутатов Европарламента и два представителя Европейской комиссии. Очевидна аналогия между этим политическим органом и Конвентом, созданным в Филадельфии в 1787 г. для разработки американской Конституции²⁸.

На современном этапе процесс интернационализации права по-прежнему представляет собой сочетание стихийной и целенаправленной составляющих. Так, Б.В. Макогон считает, что «основной... аспект правовой интернационализации – целенаправленный»²⁹. С.В. Бахин, напротив, говорит о необходимости разграничивать интернационализацию права как процесс стихийного взаимовлияния право-

вых систем друг на друга и целенаправленное сближение права как составляющую правовой интеграции³⁰. Ведутся поиски новых форм целенаправленной интернационализации права. Например, сейчас, наравне с рецепцией, унификацией и гармонизацией, исследователи говорят о стандартизации, т. е. приведении норм национального права в соответствие с международно-правовыми стандартами.

Таким образом, процесс интернационализации наблюдается на протяжении всей истории права, находит свое отражение на всех этапах развития государства и права, причем периоды стихийности и целенаправленности сменяют друг друга. На сегодняшний день выделяется четыре формы интернационализации права, правда, пока не определено, какая из них является оптимальной и возможно ли их параллельное использование.

Библиографический список

1. Алебастрова, И.А. Транснациональный конституционализм: интернационализация конституционного и конституционализация международного права // Международное право и международные организации. – 2015. – № 1.
2. Алексеева, Н.И. Роль церковных норм в процессе интернационализации российского права (на примере имущества религиозного назначения) // Влияние норм международного права на законодательный процесс в России и за рубежом. – СПб. : Астерион, 2014.
3. Бахин, С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/sotrudnichestvo-gosudarstv-po-sblizheniyu-natsionalnykh-pravovykh-sistem-unifikatsiya-i-garm> (дата обращения: 23.06.2017).
4. Бернацкий, Г.Г. Национальное право и кризис глобализации // Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования : II ежегод. науч. чтения, посвящ. памяти С.Ф. Зыбина : в 2 т. – СПб. : С.-Петерб. юрид. акад., 2015.
5. Бочкарев, С.В. Философско-правовое определение конституционализма в современной отечественной юриспруденции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2013. – Т. 21, № 4.
6. Варламова, Н.В. Интернационализация юридического дискурса о правах человека // Права человека – индикатор современного развития России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т.А. Сошниковой. – М. : Моск. гуманитар. ун-т, 2015.
7. Гагаева, Е.А. Европеизация конституционного законодательства государств // Проблемы права. – 2010. – № 3.
8. Гагаева, Е.А. Интернационализация национальных конституций: новая тенденция в конституционном праве // Проблемы в российском законодательстве. – 2010. – № 1.
9. Дорский, А.Ю. Философские основания коммуникативной теории права // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 134.

²⁸ Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М. : Канон+, 2014. С. 14.

²⁹ Макогон Б.В. Способы интернационализации национального права в условиях глобализации // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 36.

³⁰ Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. URL : <http://www.dissercat.com/content/sotrudnichestvo-gosudarstv-po-sblizheniyu-natsionalnykh-pravovykh-sistem-unifikatsiya-i-garm> (дата обращения: 23.06.2017).

10. Зверева, Т.В. Внешняя политика современной Франции. – М. : Канон+, 2014.
11. Иглин, А.В. Интернационализация спорта и спортивного права // Законодательство. – 2017. – № 3.
12. Интернационализация конституционного права: современные тенденции : моногр. / под ред. Т.В. Андреевой, Н.В. Варламовой. – М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2017.
13. Калинина, Е.Ю. Целостность и пограничность в средневековом правосознании (на примере Испании) [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. – 2012. – Вып. 1 (15). – Режим доступа : <http://territoriaprava.ru/topics /48796> (дата обращения: 23.06.2017).
14. Культура Древнего Ирана [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.support17.com/component/content /539.html?task=view> (дата обращения: 23.06.2017).
15. Лукашук, И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М. : Спарк, 2000.
16. Лунеев, В.В. Интернационализация конституционного права в условиях глобализации // Государство и право. – 2015. – № 11.
17. Лысенко, О.Л. Институт акционерного общества в торговом праве Германии: к вопросу об истории возникновения // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». – 2008. – № 2.
18. Львова, Е.О. Интернационализация конституционного права государств – членов международного сообщества: к вопросу о сущности и определении // Вісник Маріупольського державного університету. Серія «Право». – 2013. – № 6.
19. Маклаков, В.В. Интернационализация права о национальных выборах: по поводу зарождения международного права о выборах. *Télesphore o. L'internalisation du droit relatif aux élections nationales: à propos d'un droit international des élections en gestation* // *Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger* / В.В. Маклаков, О. Телесфор. – Р., 2012. – N 5 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4 «Государство и право»: реферативный журнал. – 2015. – № 1.
20. Макогон, Б.В. Способы интернационализационного национального права в условиях глобализации // Общество и право. – 2012. – № 2 (39).
21. Малько, А.В. Важный вклад в изучение роли конституционного права в условиях межгосударственной интеграции // Государство и право. – 2010. – № 10.
22. Мурашко, Л.О. Роль международных пактов о правах человека в укреплении интернационализации конституционного права // Образование и право. – 2016. – № 11.
23. Пашенцев, Д.А. Влияние деятельности международных финансовых организаций на российские традиции правового регулирования финансовой сферы // Юридическая наука. – 2016. – № 4.
24. Пашенцев, Д.А. Правопорядок в контексте современной постклассической методологии / Д.А. Пашенцев, Н.Н. Черногор // Юридическая наука. – 2017. – № 1.
25. Рассказов, Л.П. Интернационализация российского права в современных условиях // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар : Юг, 2013.
26. Рахманов, А. Исламское право [Электронный ресурс] : учеб. для вузов / А. Рахманов, А. Рахманов. Ташкент : Изд-во ТГЮИ, 2003. – Режим доступа : <http://uz.denemetr.com/docs/768/index-287375-1.html?page=8> (дата обращения: 23.06.2017).
27. Саломатин, А.Ю. Интернационализация права в условиях глобализации (на примере трудового права) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2007. – № 2.
28. Солнцев, А.М. Защита экологических прав человека в контексте интернационализации конституционного права // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22, № 4.
29. Степанова, В.В. Опыт политической модернизации в Европе и Америке в первой половине – середине XIX века: формирование новой модели власти // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2008. – № 1.
30. Тиунов, О.И. Защита прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации в условиях интернационализации российского права и роль в этом процессе международно-правовых стандартов // Международное публичное и частное право. – 2003. – № 2.

31. Толстых, В.Л. Интернационализация и юридизация прав человека // Юридическая наука и практика. – 2013. – Т. 9, № 1.
32. Янч, В.В. Основные тенденции развития правовой глобализации // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика : сб. науч. ст. – Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2017.

РАЗВИТИЕ ФОРМАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРАВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1936 ГГ.)¹

**ЗВОНАРЕВ Андрей Владимирович,
ЛАДНУШКИНА Нина Михайловна,
ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич**

***Аннотация.** В статье раскрывается динамика источников образовательного права в советский период (до принятия Конституции СССР 1936 г.). Показаны наиболее важные нормативные правовые акты, охарактеризовано их содержание. Сделан вывод о существенной роли формальных источников права данного периода в развитии системы образования.*

***Annotation.** The article reveals the dynamics of sources of educational law in the Soviet period (before the adoption of the 1936 Constitution of the USSR). The most important normative legal acts are shown, their content is characterized. It is concluded that the formal sources of law of this period play an important role in the development of the education system.*

***Ключевые слова:** образование, образовательное право, источник права, нормативный правовой акт, советский период.*

***Keywords:** education, educational law, source of law, normative legal act, the Soviet period.*

Динамичное развитие образовательного права в условиях продолжающейся реформы системы образования актуализирует обращение к историко-правовому опыту, связанному с правовым регулированием образовательной деятельности и образовательных отношений.

Как и в ранее опубликованной статье, посвященной истории источников образовательного права в дореволюционный период, авторы рассматривают понятие источника права с формально-юридических позиций, фактически отождествляя источник права и форму права². В данном случае такой подход представляется оправданным, так как, во-первых, подобное отождествление было в значительной мере характерно для исследуемого периода, во-вторых, эта позиция позволяет сосредоточить внимание именно на динамике нормативных правовых актов, связанных с регулированием образовательной сферы.

Развитие формальных источников образовательного права в советский период нашей истории определялось рядом объективных и субъективных факторов, среди которых отметим следующие:

– советское правительство уделяло повышенное внимание развитию народного образования, начиная с вопроса о ликвидации неграмотности и заканчивая поиском новых форм получения высшего образования;

– сама система формальных источников права претерпела существенные изменения: появились новые по сравнению с дореволюционным периодом формы, начиная с конституции и заканчивая декретами.

Также следует отметить, что формальные источники права на протяжении советского периода развивались достаточно динамично, их структура менялась, отражая развитие государства и права.

Представляется возможным разделить с точки зрения развития источников права весь советский период на два основных подпериода, взяв за рубеж 1936 г. Именно в 1936 г. была принята новая Конституция СССР, которая изменила ситуацию с формализованной иерархией источников советского права. Эта Конституция установила, что законом является нормативный правовой акт, принятый Верховным советом СССР. Все прочие нормативные правовые акты стали считаться подзаконными.

¹ Статья подготовлена по итогам выполнения научно-исследовательской работы в рамках государственного задания ГАОУ ВО МГПУ на 2017 г.

² Ладнушкина Н.М., Звонарев А.В., Пашенцев Д.А. Развитие источников образовательного права в дореволюционной России // Право и образование. 2017. № 6. С. 128–137.

В первый период существования советской власти в соответствии с ленинским учением о Советской республике (отсутствие принципа разделения властей на законодательную и исполнительную) законодательная власть принадлежала Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов³ и Всероссийскому Центральному исполнительному комитету (далее – ВЦИК), избранному данным съездом. По мнению Ю.А. Тихомирова, понятия «закон», «законодательство» в тот период не получили четкой юридической регламентации. В Конституции РСФСР общегосударственное законодательство выделено как один из предметов ведения высших органов власти. Однако термин «закон» отсутствует среди актов, издаваемых Всероссийским съездом Советов, ВЦИК и Советом народных комиссаров (далее – СНК)⁴. Главной формой (источником) права стали декреты, принимавшиеся новым Временным рабоче-крестьянским правительством⁵ – СНК. Прежнее дореволюционное понятие закона утратило свое значение. Декреты, а также иные формы нормативных правовых актов (например, положения, постановления или инструкции), принимавшиеся новой властью, можно было трактовать как законы, так как они имели высшую юридическую силу.

В условиях отсутствия системы разделения властей понимание иерархии источников права существенно изменилось. «Декрет о порядке утверждения и опубликования законов» от 29 октября 1917 г. установил, что законы утверждались СНК, т. е. исполнительным органом. Отдел законодательных предположений при СНК издавал сборники узаконений и распоряжений правительства, имеющих силу закона.

Подзаконные акты принимались народными комиссариатами, акты которых в условиях нехватки нормативного материала иногда выполняли функции законов, а также местными Советами, общественными организациями (профсоюзами и др.), судами второй инстанции. Основными источниками образовательного права в данный период являются нормативные акты, принятые Народным комиссариатом просвещения РСФСР.

После образования в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) изменяется система высших органов Советского государства. Съезд Советов СССР, ЦИК Союза и его Президиум являлись органами законодательными, т. е. им принадлежало право издания законов как актов с высшей юридической силой на территории Союза ССР, причем Съезд Советов и ЦИК Союза являлись верховными законодательными органами, т. е. суверенными, а Президиум ЦИКа – высшим законодательным органом по отношению к нижестоящим органам, но его акты могли быть отменены ЦИКом Союза ССР. Совет народных комиссаров СССР, избираемый ЦИКом СССР, являлся также не только «исполнительным и распорядительным органом ЦИКа», но и носителем законодательной власти⁶. Законодательные полномочия были предоставлены также образованному Совнаркомом Союза ССР Совету труда и обороны (далее – СТО) Союза СССР⁷.

Наряду с законодательством об образовании Союза СССР издавались нормативные правовые акты РСФСР. Одним из видов таких нормативных актов являлись акты, принимаемые Всероссийским ЦИК и СНК РСФСР: декреты (Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 5 октября 1925 г. «Положение о Народном комиссариате просвещения РСФСР») и постановления («По докладу народных комиссаров Рабоче-крестьянской инспекции Союза ССР и РСФСР о пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления» от 23 июля 1927 г., «Об утверждении положения о губернских отделах народного образования» от 16 июля 1928 г.), которые имели силу закона.

Другим видом нормативно-правовых актов РСФСР были постановления СНК РСФСР («Об утверждении Положения о Комитете по просвещению национальных меньшинств РСФСР при коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР» от 1 февраля 1929 г., «Об условиях труда инспекторов народного образования», утвержденное в марте 1930 г.).

Основными источниками образовательного права в России в данный период, как и ра-

³ Начиная с января 1918 г. Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, с июля 1918 г. – Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

⁴ Тихомиров Ю.А. Теория закона. М.: Наука, 1982. С. 18.

⁵ Временным впредь до созыва Учредительного собрания.

⁶ Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Его же. Избранные труды по общей теории права / отв. ред. А.К. Кравцов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 75.

⁷ Постановление ЦИК СССР от 6 июля 1923 г. «О Совете Труда и Обороны Союза Советских Социалистических Республик // СУ РСФСР. 1923. № 81. Ст. 784.

нее, являются нормативные акты, принятые Народным комиссариатом просвещения РСФСР. В соответствии с Конституцией СССР 1924 г. Наркомат просвещения относился к республиканским наркоматам, т. е. на уровне Союза СССР наркомата с соответствующим названием и компетенцией не создавалось.

Народный комиссариат просвещения издавал нормативные акты в форме положения («Положение об инспекторе Инспекции народного просвещения» от 20 ноября 1923 г., «Положение о Центральной инспекции Народного комиссариата просвещения РСФСР, утвержденное коллегией Наркомпроса 3 августа 1930 г.), постановления (Постановление Народного комиссариата по просвещению «О контроле над высшими учебными заведениями» от 11 апреля 1919 г., Постановление коллегии Наркомпроса по докладу МОНО⁸ и содокладу комиссии, обследовавшей МОНО, утвержденное Президиумом коллегии НКП 1 сентября 1925 г.), инструкции («Инструкция, как проводить в жизнь намеченный в декрете план организации дела народного образования» от 8 января 1918 г., «Инструкция участковой (районной) инспекции соцвоса и политпросвета», утвержденная коллегией Наркомпроса 31 декабря 1927 г., «Инструкция инспектору организационно-планового управления НКП», утвержденная замнаркомпрос В. Яковлевым 23 июля 1929 г.), распоряжения (Распоряжение Наркомпроса от 11 декабря 1925 г. № 116435 «О подборе ответственных работников ОНО и инспектуры»), циркулярных писем (Циркулярное письмо № 4746 от 21 февраля 1923 г., Письмо НКП от 31 марта 1924 г. «О местной инспекции», Письмо Наркомпроса «Об организации инспекторской работы в районе», опубликованное в сентябре 1930 г.), приказов (Приказ Народного комиссара просвещения РСФСР от 7 января 1937 г. № 70 «О Главной инспекции при наркомпро»).

Еще одним источником права, регулирующим образовательные правоотношения, были нормативные акты, принимаемые местными органами власти. Примером могут служить постановления Московского совета народных депутатов (Постановление Президиума Московского совета рабочих депутатов «Об образовании отдела народного образования» от 15 мая 1918 г.).

⁸ МОНО – Московский отдел народного образования.

В первой советской конституции, которой стала Конституция РСФСР 1918 г., право на образование отсутствовало, так как новая власть на этом этапе еще не могла гарантировать его реализацию⁹. В ст. 17 Конституции РСФСР была лишь поставлена задача в целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию предоставить полное, всестороннее и бесплатное образование рабочим и беднейшим крестьянам. В ст. 8 Конституции РСФСР 1925 г. законодатель снял упоминание о «рабочих и беднейших крестьянах» («8. В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить им полное, всестороннее и бесплатное образование»).

Совет народных комиссаров 11 декабря 1917 г. принял постановление «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению». На основе норм этого источника стала формироваться новая система государственного управления образованием.

Структура этой системы была заложена целым рядом таких источников права, как декреты. Именно декретами в составе СНК был создан Народный комиссариат просвещения, определены полномочия этого органа и его задачи.

Важным для развития народного образования источником стало Постановление Советского правительства от 20 ноября 1917 г., которое упразднило все чины и сословия и соответственно связанные с этим сословные ограничения. В итоге были ликвидированы «привилегированные» учебные заведения, связанные с образовательным цензом привилегии, форма для учащихся¹⁰.

Одним из первых источников образовательного права на этом этапе стал «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января (2 февраля) 1918 г. Этот источник установил светский характер образования в советском государстве.

Важным источником образовательного права также можно считать принятое 18 июня 1918 г. Положение СНК РСФСР «Об организа-

⁹ Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М. : Зерцало-М, 2003. С. 69.

¹⁰ Штамм С.И. Управление народным образованием в СССР (1917–1936 гг.): историко-правовое исследование. М. : Наука, 1985. С. 77.

ции дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике».

Декретом от 16 октября 1918 г. «Об единой трудовой школе РСФСР» вводилось единое название для всех типов школ, кроме высшей. Единая школа разделялась на две ступени: первая – для детей от восьми до тринадцати лет (пятилетний курс) и вторая – от тринадцати до семнадцати лет (четырёхлетний курс). К Единой школе присоединялся детский сад для детей от шести- до восьмилетнего возраста. Посещение школы первой и второй ступеней было обязательным для всех детей школьного возраста и бесплатным.

Особую роль сыграл декрет СНК от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Принятие данного источника права было нацелено на организацию системы обучения грамоты всего населения страны в возрасте от 8 до 50 лет.

Новая структура школьного образования создавалась в соответствии с «Уставом единой трудовой школы», который был утвержден Декретом СНК РСФСР от 18 декабря 1923 г. Этот источник установил возраст обучения (от 7 до 17 лет), закрепил совместное обучение полов, определил порядок управления школой. Особенностью его стал приоритет, отдававшийся детям трудящихся.

В соответствии с Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 14 августа 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» с 1930–1931 гг. вводилось повсеместно в Союзе ССР всеобщее обязательное обучение детей (мальчиков и девочек) в возрасте 8, 9 и 10 лет в объеме не менее четырехлетнего курса начальной школы. Осенью 1930 г. в трудовую школу принимались все дети данных возрастов, которые до настоящего времени не обучались в школе. Предусматривалось обязательное прохождение всего курса для I ступени (первых четырех групп трудовой школы) для всех детей, обучающихся в этих школах, независимо от возраста. Для детей в возрасте от 11 до 15 лет в зависимости от их подготовки организовывались ускоренные специальные двухгодичные и одногодичные школы-курсы и группы при школах.

В промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках вводилось всеобщее обязательное начальное обучение в объеме школы-семилетки и устанавливалось обязательное прохождение всего курса

семилетней школы для всех детей, оканчивающих школу I ступени (первые четыре группы трудовой школы), начиная с окончивших в 1929–1931 гг. В этих местностях должно было быть обращено особое внимание на развертывание сети фабрично-заводских школ семилеток.

Правительства союзных и автономных республик и краевые (областные) исполнительные комитеты, а также районные исполнительные комитеты могли вводить обязательное семилетнее обучение и в других местностях, в первую очередь в районах сплошной коллективизации. В сельской местности Постановлением предусматривалось развертывание школ колхозной молодежи (как дневных, так и вечерних) с таким расчетом, чтобы в 1932–1933 гг. охватить ими основную массу колхозной молодежи.

Обязанность посылать в школу детей, для которых введено обязательное обучение, возлагалась на их родителей, а также на тех лиц и на те учреждения, на попечении которых находятся дети. За неисполнение этой обязанности устанавливалась ответственность в порядке законодательства союзных республик.

Ответственность за проведение всех практических мероприятий, обеспечивающих осуществление всеобщего обязательного начального обучения, возлагалась на городские, поселковые и сельские советы и районные исполнительные комитеты.

В Постановлении устанавливались меры, необходимые для обеспечения всеобщего обязательного начального обучения. В том числе предполагалось для обеспечения школы необходимыми педагогическими кадрами поручить правительствам союзных республик провести следующие мероприятия:

а) срочно развернуть сеть педагогических институтов и техникумов, а также специальных педагогических курсов, увеличить количество учащихся в них, а также вводить применение других форм подготовки учителей;

б) принять меры к привлечению на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности;

в) привлечь к работе по всеобщему обучению в порядке производственной практики учащихся педагогических учебных заведений;

г) усилить коммунистическое и рабочее ядро среди учителей.

Особое внимание в Постановлении уделялось положению учителя. Учитывая важность

и сложность новых задач, возлагаемых на учителей, правительствам союзных республик было дано поручение значительно улучшить материальное положение учителей трудовой школы и обеспечить снабжение учителей сельской трудовой школы продовольствием и промышленными товарами по нормам, установленным для промышленных рабочих. Кроме того, правительства союзных республик должны были установить нормальное количество учащихся на одного учителя.

Таким образом, в развитии формальных источников образовательного права в рассматриваемый период можно выделить следующие тенденции:

1. В отсутствие четко установленной иерархии нормативных правовых актов и критериев отделения законов от подзаконных актов не всегда возможно систематизировать источники образовательного права данного периода по юридической силе.

2. Для источников образовательного права в данный период характерна активная динами-

ка, так как органы государственной власти постоянно занимались правотворческой деятельностью в сфере образования.

3. Большое количество источников образовательного права, принимавшихся в данный период, было вызвано тем, что вся система образования после прихода к власти большевиков стала перестраиваться на основе совершенно новых принципов. Фактически речь идет о формировании новой целостной системы образования, что требовало соответствующего нормативного регулирования.

4. Развитие системы источников образовательного права в рассматриваемый период принесло свои плоды: была создана новая, целостная система образования; была почти ликвидирована неграмотность; были урегулированы нормами права все наиболее важные группы общественных отношений в сфере образования. В итоге были сформированы правовые предпосылки для дальнейшего развития системы формальных источников образовательного права.

Библиографический список

1. Ладнушкина, Н.М. Развитие источников образовательного права в дореволюционной России / Н.М. Ладнушкина, А.В. Звонарев, Д.А. Пашенцев // *Право и образование*. – 2017. – № 6.
2. Магазинер, Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // *Его же. Избранные труды по общей теории права* / отв. ред. А.К. Кравцов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006.
3. Постановление ЦИК СССР от 6 июля 1923 г. «О Совете Труда и Обороне Союза Советских Социалистических Республик // *СУ РСФСР*. – 1923. – № 81. – Ст. 784.
4. Тихомиров, Ю.А. Теория закона. – М. : Наука, 1982.
5. Чистяков, О.И. Конституция РСФСР 1918 г. – М. : Зерцало-М, 2003.
6. Штамм, С.И. Управление народным образованием в СССР (1917–1936 гг.): историко-правовое исследование. – М. : Наука, 1985.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

ЖЕЖЕЛЕВСКАЯ Ольга Юрьевна

***Аннотация.** В настоящее время право является основным социальным регулятором, а юриспруденция, в свою очередь, – одна из наиболее значимых областей знаний. Однако оценивать право как нечто абстрактное, непосредственно не связанное с реальной общественной жизнью в корне не верно. Ценность права как раз и состоит в том, чтобы упорядочить конкретные общественные отношения. Право ценно только тогда, когда оно реализуется. Ценность представляет не право абстрактное – совокупность правовых норм, а право действующее, когда эти нормы применяются для разрешения конкретных дел. Без реализации право не имеет значения. Вместе с тем между нормой права и воплощением закрепленной в ней модели поведения в конкретном общественном отношении лежит сложный познавательный процесс, называемый юридической квалификацией. Она обеспечивает единообразие правового воздействия, призвана устанавливать смысл конкретной правовой нормы применительно к конкретному общественному отношению.*

***Annotation.** Right now, law is the main social regulator, and jurisprudence, in turn, is one of the most significant areas of knowledge. However, assessing law as something abstract, not directly related to real social life is fundamentally wrong. The value of law is precisely to regulate specific social relations. The law is valuable only when it is realized. Value is not the right abstract - a set of legal norms, and the law is valid when these norms are applied to the resolution of specific cases. Without implementation, the right does not matter. At the same time, between the norm of law and the embodiment of the model of behavior fixed in it in a specific social relation lies a complex cognitive process called the legal qualification. It ensures uniformity of legal effect; Is intended to establish the meaning of a specific legal norm in relation to a specific social relation.*

***Ключевые слова:** юридическая квалификация, правовая норма, нормы права, законодательство, обстоятельства дела, реализация права, применение права, гипотеза правовой нормы.*

***Keywords:** legal qualification, the legal norm, norms of law, legislation, the circumstances of the case, realization of the right, application of the law, hypothesis of legal norm.*

Совершенствование правореализации – важнейшее условие функционирования национального правопорядка, гарантирующее стабильное развитие современного общества. Ее эффективность зависит от различных факторов: уровня развития правотворчества, финансово-экономического обеспечения, правосознания, профессиональных и личностных качеств субъекта правореализации, его способности объективно и оперативно оценить правовую природу фактических обстоятельств. Последнее невозможно без знания основных правил юридической квалификации, навыков их творческого применения, построения безошибочных умозаключений. Таким образом, юридическая квалификация является неотъемлемой составной частью любой юридической практики; она широко применяется в деятельности не только судов и иных правоприменительных органов, но и юристов, непосредственно не связанных с правоприменением.

При исследовании проблематики юридической квалификации бросаются в глаза два, казалось бы, противостоящих друг другу обстоятельства. Так, с одной стороны, едва ли можно назвать юридическую квалификацию чем-то новым для современной юридической науки. Анализ данного познавательного феномена, связанного с юридической практикой, начиная с классиков отечественной юриспруденции, в приоритетном порядке ведется как на общетеоретическом, так и специально отраслевом уровнях. С другой стороны, данная проблематика обычно рассматривается специалистами по общей теории права и в рамках отдельных отраслевых юридических наук весьма поверхностно, чаще всего мимоходом, обращение к ней происходит вскользь при раскрытии механизмов применения норм права в целом или их отраслевых разновидностей. Нельзя в этой связи говорить ни о проблемном, ни о системном подходах. Исключение здесь

составляет только квалификация преступлений, которой еще с середины прошлого века посвящались фундаментальные труды, справедливо ставшие классикой уголовно-правовой науки.

Вместе с тем даже беглый обзор научной литературы, в той или иной степени связанной с юридической квалификацией, показывает, что разброс мнений и научных позиций по многим вопросам ее теории является не просто значительным, а свидетельствующим о том, что она (теория юридической квалификации) находится только на стадии своего формирования. Между тем актуальность данной проблемы более чем велика. Интересно то, что по данным судебной статистики (за период 2011–2015 гг.¹) по гражданским и административным делам дефектов юридической квалификации (квалификационных ошибок), влекущих отмену или изменение решений, вышестоящими судами выявляется более чем в два раза больше, чем по делам уголовным. При этом применительно к предыдущему периоду (2006–2010 гг.) Верховным Судом РФ отмечалось, что половина отмененных приговоров – это брак судей². Неслучайно в последние годы более или менее предметный анализ проблематики юридической квалификации, как и ранее, сводится именно к квалификации преступлений.

Безусловно, нельзя недооценивать те успехи, которые были достигнуты в области уголовно-правовой квалификации. Однако следует признать справедливым то, что данная проблематика ограничена не только собственно отраслевыми особенностями, но и главное: предмет юридической квалификации в этом случае – это только преступление, которое на общетеоретическом уровне может быть определено как юридический факт, т. е. обстоятельство, выступающее основанием возникновения правоотношения; в иных же отраслях предмет юридической квалификации значительно шире, он может охватывать правовой статус лица, правовой режим объекта прав и т. п. Признавая заслуги представителей уголовно-правовой науки в раскрытии проблематики юридической квалификации, особенно ее методологии, следует отметить, что она пред-

ставляется гораздо более глубокой, нежели это кажется при исследовании только квалификации преступлений.

Сам термин «квалификация» происходит от латинского слова *quails* (качество) и производного от него *qualificatio* (устанавливать, какого качества). В настоящее время выделяется несколько значений данного термина: 1) уровень, степень подготовленности человека к какому-либо виду труда; 2) рабочая профессия, специальность; 3) характеристика предмета, отнесение его к какой-либо категории³. Следует отметить, что рассматриваемое понятие стало столь многозначным только в последние десятилетия. Изначально оно имело только одно значение – устанавливать качество каких-либо предметов⁴. Таким образом, квалифицировать – это значит относить некое явление по его качественным признакам, свойствам, характеристикам к какому-либо разряду, типу, виду или категории. Суть юридической квалификации состоит в соотношении общественного отношения с определенной моделью поведения, закрепленной в правовой норме, а ее назначение – в выборе нормы права, которая предусматривала бы данную правовую ситуацию, иными словами, задача юридической квалификации состоит в подведении конкретного случая под общее правило. В юридических документах квалификация выражается в форме правовой оценки совершенного деяния, деяния, которое должно быть совершено, или иных юридически значимых обстоятельств⁵.

Юридическая квалификация как правовой феномен привлек внимание представителей правовой науки на рубеже XIX и XX веков. И. Ильин, рассматривая применение правовых норм, писал: «...сначала происходит сравнительный анализ нормы и данного случая, затем решение и, наконец, принудительное поддержание его и осуществление...»⁶. Таким обра-

³ См.: Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М., 2006. С. 87.

⁴ См., напр.: Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. СПб., 1865. С. 56; Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1907. С. 77; Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1907. С. 53; Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М., 1910. С. 69.

⁵ См.: Емельянов А.С. Гражданско-правовая квалификация и налогообложение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2006. № 1. С. 51.

⁶ Ильин И. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 119.

¹ См.: Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.03.2017).

² См.: Судьбоносные ошибки // Рос. газ. 2010. № 236 (5315). 19 окт.

зом, по мнению И. Ильина, само правоприменение начинается именно с юридической квалификации.

В середине прошлого века применительно к установлению соответствия между реальным деянием и закрепленным в особенной части уголовного закона составом преступления начинает применяться уже сам термин «квалификация». Так, впервые квалификации преступлений было дано определение А.А. Герцензоном, который понимал под ней «установление соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом...»⁷. Для Г.А. Левицкого квалификация преступления – это итог сложного познавательного, проходящего следующие стадии: 1) определение действительной сущности объективных и субъективных признаков, характеризующих совершенное деяние и личность виновного; 2) уяснение содержания признаков, совокупность которых образует предполагаемый в данном случае и описанный в законе состав преступления; 3) установление точного совпадения признаков совершенного преступления с признаками определенного состава преступления⁸.

Наибольшая активизация научного интереса к квалификации преступлений приходится на 1970–1980-е гг. Так, в 1972 г. В.Н. Кудрявцева дает ставшее классическим определение квалификации преступлений через «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой...»⁹. Несколько лет спустя похожее определение рассматриваемого понятия было дано Б.А. Куриновым, также акцентировавшим внимание на установлении и юридическом закреплении соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления¹⁰. Отчасти с ними не согласились А.В. Наумов и А.С. Новиченко, которые считают, что при квалификации устанавливается «тождество» между признаками совершенного деяния и признаками состава престу-

пления, а не «соответствие» этих признаков. В обоснование своего мнения они указывают на то, что при квалификации происходит «накладывание» признаков совершенного деяния на признаки, сформулированные в правовой норме, а не сравнение этих признаков, которое приводит к их соответствию. Если все признаки при таком «накладывании» совпадут, то налицо будет тождество, которое необходимо для квалификации¹¹.

В это же время интерес к юридической квалификации переносится из уголовно-правовой науки в общую теорию права. Так, при определении роли и места юридической квалификации в механизме правового регулирования она характеризовалась, с одной стороны, как разновидность нормативной оценки поведения, а с другой – как одна из основных правоприменительных операций¹².

Следует отметить, что если в уголовно-правовой науке проблематика квалификации преступлений стала предметом глубокого и всестороннего анализа, к ней обращались ведущие представители этой науки (например, В.Н. Кудрявцев), то в рамках общей теории права и других отраслевых юридических наук интерес к ней все-таки должен быть определен как эпизодический и поверхностный. Даже обращение к ней со стороны ведущих исследователей того периода (С.С. Алексеев, П.Е. Недбайло, А.Ф. Черданцев и др.) не выходило за пределы проблематики правоприменения, юридическая квалификация рассматривалась как один из его этапов¹³.

Современный период характеризуется как сохранением тех тенденций, которые сложились в 1970–1980-е гг., так и появлением новых, в первую очередь связанных с распространением познавательного интереса к юридической квалификации на другие отрасли права.

При рассмотрении юридической квалификации традиционным является выделение двух аспектов в ее понимании. С одной стороны, она представляет собой процесс установления признаков того или иного правового яв-

⁷ Герцензон А.А. Квалификация преступлений. М., 1947. С. 3.

⁸ См.: Левицкий Г.А. Квалификация преступлений (общие вопросы) // Правоведение. 1962. № 1. С. 43.

⁹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 5.

¹⁰ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 21.

¹¹ См.: Наумов А.В., Новиченко А.С. Законы логики при квалификации преступлений. М., 1978. С. 10–12.

¹² См.: Бабай А.Н. Юридическая квалификация правового поведения личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985.

¹³ См., напр.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 180–187; Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960; Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979; и др.

ления, закрепленных в законе, в реальном общественном отношении. С другой стороны, юридическая квалификация – это результат такой деятельности, находящий свое отражение, признание и закрепление в соответствующем юридическом акте.

Вначале, когда юридическая квалификация только обратила на себя внимание научного сообщества, при ее рассмотрении акцент делался на результат. Здесь интересно то, что об этом свидетельствует само название отраслевой разновидности рассматриваемого феномена, которая впервые стала предметом научного интереса – квалификация преступлений. Если бы интерес представлял процесс, то речь, вероятнее всего, шла бы об уголовно-правовой квалификации деяний.

В 1970–1990-е гг., когда был отмечен максимальный научный интерес к юридической квалификации, ее понимание приобрело двухаспектный характер: одновременно стал рассматриваться не только результат, но и процесс его достижения¹⁴. В последние годы акцент сместился в сторону процесса установления и юридического закрепления точного соответствия между признаками некоего обстоятельства, которое может иметь юридическое значение, и признаками условия действия нормы права, закрепленного в ее гипотезе или объеме.

Наиболее обоснованным представляется двухаспектный подход, когда юридическая квалификация одновременно рассматривается и как процесс, и как результат установления и юридического закрепления точного соответствия между признаками некоего обстоятельства, которое может иметь юридическое значение, и признаками условия действия нормы права, закрепленного в ее гипотезе или объеме. При рассмотрении юридической квалификации как единой правовой категории, объединяющей как сам процесс, так и его результат, необходимо иметь в виду их тесную взаимосвязь и взаимную обусловленность. Процесс выбора правовой нормы завершается закреплением установленного соответствия в правовом акте. Правильная квалификация некоего обстоятельства, которое может иметь юридическое значение, а следовательно, и правильное применение в его отношении нормы права немислимы без установления соответствия между ре-

альным поведением участников такого отношения и идеальной его моделью, закрепленной правовой нормой. Еще В.Н. Кудрявцев отмечал, что «подчеркнуть связь и единство этих аспектов более важно, нежели установить отличия между ними. Поэтому-то и есть необходимость закрепить в определении юридической квалификации оба эти элемента...»¹⁵.

Юридическая квалификация есть не что иное как система мыслительных операций, завершающаяся умозаключением о точном соответствии между признаками некоего обстоятельства, которое может иметь юридическое значение, и признаками условия действия нормы права, закрепленного в ее гипотезе или объеме. При этом термин «юридическая квалификация» используется для обозначения как самой системы мыслительных операций (мыслительного процесса), так и конечного умозаключения, выраженного в определенной правовой форме.

Рассмотрение данного познавательного правового феномена как мыслительного процесса и имеющего правовую форму его результата должно осуществлять не только с собственно юридической, но также с иных сторон: 1) онтологической; 2) гносеологической; 3) аксиологической; 4) логической и 5) информационной. Практическая деятельность по установлению правовой оценки является онтологическим аспектом квалификации. Переходом от незнания юридической природы оцениваемого обстоятельства к знанию о том, какова именно его правовая природа, представляет гносеологический аспект юридической квалификации. Сопоставление данного обстоятельства с социальными ценностями есть аксиологический аспект. Движение мысли юриста от исходного знания к окончательному умозаключению через обосновывающее знание выражает логический аспект. Современный уровень развития общества обуславливает пятый аспект рассмотрения юридической квалификации – информационный, через который выражается применение современных информационно-коммуникационных технологий в этом процессе.

В реальном процессе квалификации указанные аспекты взаимообусловлены и взаимосвязаны. Их выделение имеет исключительно теоретическое значение. При этом квалифика-

¹⁴ См. напр.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 12–14.

¹⁵ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 9.

ция – это длящийся и формально не разделенный процесс, только его результат закрепляется в определенном правовом акте. Указанный процесс в единстве со своим результатом есть логическое рассуждение, протекающее в форме сложного индуктивно-дедуктивного умозаключения. Результат же квалификации выражается в конкретном понятии реального общественного отношения.

В современных исследованиях, в которых акцент делается на том, что юридическая квалификация – это деятельность (процесс), в качестве аргумента приоритета именно данного аспекта приводится указание на противоречие в рассуждениях сторонников двухаспектного подхода, состоящего в том, что достижение результата есть завершающий этап процесса, т. е. его часть. Следовательно, именно деятельный аспект рассматриваемого познавательного правового феномена является основным¹⁶. Высказывается также мнение, что результат правовой оценки вообще не должен рассматриваться в контексте юридической квалификации, которая есть только сама деятельность, но не ее результат¹⁷.

Данные возражения против двухаспектного подхода не могут считаться обоснованными и непротиворечивыми. Так, одноаспектный подход, согласно которому юридическая квалификация есть только процесс (деятельность), не учитывает того, что данная сторона мышления составляет предмет психологии. Придерживаясь данной точки зрения, современные исследователи фактически игнорируют логическую составляющую в ее изучении. Однако только следование законам логики обеспечивает истинность конечного вывода о соответствии признаков конкретного обстоятельства дела признакам модели поведения, закрепленным в гипотезе правовой нормы.

Не учитывается также то обстоятельство, что юридическую форму имеет только результат юридической квалификации, сам ее процесс находится за пределами правовой регламентации. Отдельными исследователями, конечно, указывается на то, что правила квалификации могут быть нормативно-правовыми и ненормативно-правовыми, при этом идет

ссылка на положения материального (уголовного) и процессуального (уголовно-процессуального) закона¹⁸. Допуская общую позитивную направленность данной идеи, следует указать на некорректность ее изложения. Действительно, как в УК РФ, так и в УПК РФ закреплены отдельные условия квалификации преступлений. В каждом из этих случаев квалификация рассматривается как результат, получающий свое отражение в соответствующем правовом акте. Но как о целостном познавательном процессе о квалификации преступлений ни в законодательстве, ни в подзаконных актах речь не идет. Квалификация как процесс рассматривается исключительно на доктринальном уровне. Возможно, только в рамках внедрения современных информационно-коммуникационных технологий в юридическую практику может встать вопрос о правовой регламентации всего процесса юридической квалификации. Только появление общепризнанного и законодательно закрепленного квалификационно-юридического алгоритма позволит говорить о правовой форме не только результата юридической квалификации, но и ее процесса.

Следует подчеркнуть, что не всякая ссылка на норму права может рассматриваться как юридическая квалификация. Последняя имеет место только в том случае, когда при выделении юридически значимых признаков определенного общественного отношения возникает стремление типизировать его и установить, какие нормы права подлежат применению для урегулирования соответствующего общественного отношения. Необходимость в юридической квалификации обусловлена высокой дифференциацией правового регулирования общественных отношений. С расширением данного состояния права необходимость в юридической квалификации и ее регламентации будет только возрастать. При этом юридическая квалификация только на первый взгляд является технической операцией. В действительности она имеет глубокий социально-политический и экономический смысл, который отражается в аксиологическом аспекте ее понимания. Правильно квалифицировать конкретное обстоятельство с позиции закона и социально-экономической целесообразности означает

¹⁶ См., напр.: Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. СПб., 2011. С. 286–297.

¹⁷ См., напр.: Коробов А.П. Правовая квалификация: основы, понятие, значение, этапы : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 6.

¹⁸ См.: Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблема правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 6.

оценку его правовой, экономической и социальной сущности, установление соответствия квалифицируемого обстоятельства требованиям права, определение нормы права, подлежа-

щей применению в конкретном случае. Правильная юридическая квалификация предполагает соблюдение в будущем всех требований права и устойчивость общественной жизни.

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Проблемы теории права. – Свердловск, 1973. – Т. 2.
2. Бабай, А.Н. Юридическая квалификация правового поведения личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1985.
3. Герцензон, А.А. Квалификация преступлений. – М., 1947.
4. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – Режим доступа : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.03.2017).
5. Емельянов, А.С. Гражданско-правовая квалификация и налогообложение // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2006. – № 1.
6. Идрисов, Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблема правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2009.
7. Ильин, И. Общее учение о праве и государстве. – М., 2006.
8. Козлов, А.П. Единичные и множественные преступления / А.П. Козлов, А.П. Севастьянов. – СПб., 2011.
9. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов. – М., 2006.
10. Коробов, А.П. Правовая квалификация: основы, понятие, значение, этапы : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005.
11. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972.
12. Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений. – М., 1984.
13. Левицкий, Г.А. Квалификация преступлений (общие вопросы) // Правоведение. – 1962. – № 1.
14. Михельсон, А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. – СПб., 1865.
15. Наумов, А.В. Законы логики при квалификации преступлений / А.В. Наумов, А.С. Новиченко. – М., 1978.
16. Недбайло, П.Е. Применение советских правовых норм. – М., 1960.
17. Павленков, Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – СПб., 1907.
18. Попов, М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. – М., 1907.
19. Судьбоносные ошибки // Рос. газ. – 2010. – № 236 (5315). – 19 окт.
20. Черданцев, А.Ф. Толкование советского права. – М., 1979.
21. Чуудинов, А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – М., 1910.

ОБОСНОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ДОКТРИНАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

**ЖИЛЬЦОВ Николай Александрович,
КОРЖИКОВ Олег Николаевич,
ЧЕРДАКОВ Олег Иванович**

Аннотация. В статье рассматривается тема обоснования трансформации правовой системы Российской империи в философско-правовых доктринах известных мыслителей второй половины XIX – начала XX в.

Annotation. This article deals with the topic of justification for the transformation of the legal system of the Russian Empire in philosophical and legal doctrines of famous thinkers of the second half of the XIX and early XX centuries.

Ключевые слова: политико-правовые учения, теоретико-правовые доктрины, законность, правовая система, российское правосудие, оппозиционно настроенные политические движения, либеральное, анархическое и социалистическое течения.

Keywords: political and legal doctrine, theoretical and legal doctrine, legality, legal system, justice, opposition political movements, Liberal, anarchist and socialist currents.

В оценке политико-правовой ситуации, сложившейся в стране, общественная мысль Российского государства второй половины XIX в. характеризовалась множеством диаметрально противоположных теоретико-правовых доктрин, начиная от либерально-демократических, радикально-анархических до социалистических. Особое место в этой разноголосице суждений занимали идеи нигилистического содержания. Неуважение к закону пустило настолько глубокие корни, что сформировалась своеобразная нигилистическая концепция. Игнорирование норм права было заурядным явлением, воспринимаемым общественным сознанием как само собою разумеющееся. К.Д. Кавелин в этой связи отмечал: «Чувство законности и справедливости, к сожалению, развито в нас чрезвычайно слабо, так слабо, что иной раз думается, не лишены ли мы вовсе органа, производящего в людях эти добродетели?»¹. В.Ф. Одоевский, обращаясь к современникам, писал: «В большей части из нас утвердилась мысль, что закона собственно не существует, а есть только сила, присвоенная разным степеням государственной иерархии». По его сло-

вам «в обществе сложилось убеждение, что силе можно противодействовать хитростью. Это безверие в святость, неизменность закона в низших классах выражается тысячью грубых поговорок, в высших – еще более прискорбным явлением»². В.Ф. Одоевский высказал суждение, что нигилистическое отношение русского народа к праву и законности сложилось из-за многовекового крепостничества.

Критика правоохранительной системы была еще более жесткой. Сенатор К.Н. Лебедев в 1847 г. писал: «Человек, столкнувшийся с российским правосудием, может заболеть и помешаться, так оно отвратительно дурно»³.

Характеризуя действительность, сложившуюся под влиянием правового нигилизма, А.В. Никитенко в 1855 г. в своем дневнике отмечал: «...у нас нет главного, без чего бывает сожитие не гражданственность, а именно: духа общности, законности и честности, обеспечивающих прочность взаимных отношений и договоров». Исправить ситуацию может «дух законности». Выделяя причины, способствовавшие падению правовой культуры

¹ Кавелин К.Д. Чего желательно для России: нового свода законов или уложения? // Собрание сочинений К.Д. Кавелина. СПб., 1900. Т. 4 : Этнография и правоведение. С. 23–24.

² Одоевский В.Ф. Гражданские заветы князя В.Ф. Одоевского // Русский архив. 1895. Кн. 2, № 5. С. 46.

³ Лебедев К.Н. Записки // Русский архив. 1910. № 10. С. 241.

в обществе, он констатировал: «Воровство, поверхностность, ложь и неуважение законности – вот наши главные общественные раны»⁴.

Неприятие сложившейся политико-правовой системы Российского государства, недоверие к правоохранительным органам стимулировали появление в стране оппозиционно настроенных политических движений и партий. Наибольшее распространение и популярность получили либеральное, анархическое и социалистическое течения. Каждое из названных политических направлений отличалось своеобразным восприятием объективной политической реальности и решением политических проблем соответствующими методами и средствами.

Среди перечисленных политических движений самым толерантным по отношению к самодержавию можно считать либерально настроенную партию. Квинтэссенция либеральной мысли выражалась в стремлении создать в России институт конституционной монархии. Либералы обосновывали необходимость широких правовых реформ, формирования правового государства, юридического закрепления прав личности. Несмотря на то, что царская Россия позже других стран встала на путь капиталистической модернизации государства, развитие политико-правовой либеральной мысли соответствовало западноевропейскому уровню. Исследователи отмечают, что в конце XIX – начале XX в. в российском правоведении сложилось множество различных школ и направлений, которые характеризовались большим количеством диаметрально противоположных суждений. Несмотря на сложные отношения с действовавшей властью либералы доказали необходимость формирования гражданского общества. Они настаивали на сохранении таких его основ, как частная собственность, товарно-денежные отношения, формальное равенство субъектов права. Характерной тактической особенностью либералов можно считать стремление к эволюционному изменению общества, в отличие от социалистов, выступавших за радикальное, революционное переустройство всего государственно-правового режима и институтов власти.

Из большого количества либеральных философско-правовых концепций второй по-

ловины XIX в. можно выделить теоретически обоснованные воззрения Б.Н. Чичерина. Он сформулировал концепцию естественного права и утверждал, что человек свободен «по природе», свобода понималась двойственно: как внутренняя свобода (свобода воли – ведение этики) и как внешняя свобода (подлежащая ограничению общим законом в праве). Правопринудительное определение эмпирических условий человеческой жизни есть, прежде всего, фиксация того, что требуется экономическими отношениями. Юридический порядок выражает формальную сторону внешней свободы человека, в которую вкладывается конкретно-историческое социокультурное содержание. Регулятором внешней свободы является справедливость как основа действующего законодательства. Справедливость в своем основании имеет отношения собственности.

Эту позицию Б.Н. Чичерина можно квалифицировать как неестественную правовую концепцию, оказавшую заметное влияние на философско-правовые взгляды С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, П.И. Новгородцева, Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева и др.

Теория конституционализма Б.Н. Чичерина существенно расходилась с действовавшими порядками самодержавной России, о которых он отзывался критически. Автор считал, что для поступательного движения России вперед необходимо, чтобы произвольная власть была заменена властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями. Задача права, по мысли Б.Н. Чичерина, – «не уничтожить разнообразие, но сдерживать его в должных пределах, мешая естественному неравенству перейти в неравенство юридическое, мешая свободе одного посягать на свободу других». В центре концепции философа и правоведа стояла личность со своими правами и свободами. Вслед за Г.В.Ф. Гегелем Б.Н. Чичерин отмечал, что логическим переходом от личного права к общественному является семья, а церковь и гражданское общество составляют второй компонент.

Институт гражданского общества Б.Н. Чичерин воспринимал как совокупность частных целей, ни по объему, ни по содержанию не совпадающих с государством. Он считал, что государство управляет совокупными интересами народа, а область личной деятельности человека лежит вне государства. Отсюда возник вывод о том, что государство может ока-

⁴ Антология судебного реформаторства в России / под ред. С.А. Новицкой. М., 1996. С. 37.

зывать на гражданское общество лишь косвенное влияние. Общество, как утверждал мыслитель, несмотря на отсутствие организованного единства, несравненно устойчивее государства. Частный быт, охватывая человека всецело, определяет его привычки, нравы, образ действий; изменить ход жизни гораздо труднее, нежели изменить политический порядок.

Необходимо отметить, что высшей формой развития государства философ считал конституционную монархию. По его мнению, монарх представлял начало власти, народ и его представители – начало свободы, аристократическое собрание – постоянство закона. Названные составляющие гармонично вплетались в общую организацию государства, что в свою очередь позволяло добиться общей цели при установлении приемлемого общественного порядка.

Воззрения Б.Н. Чичерина не бесспорны, в его представлениях о российской государственной-правовой системе, власти и правоохранительных органах заметно влияние западных традиций. Однако для того времени выводы и предложения, сделанные философом и правоведом, были поистине новаторскими. С определенной долей уверенности можно предположить, что взгляды Б.Н. Чичерина оказали позитивное влияние на развитие реформаторских идей конца XIX – начала XX в.

Как отмечают историки и правоведы, в последней четверти XIX в. либеральное течение раскололось на несколько направлений, каждое из которых выражалось характерными суждениями о государстве, власти и праве. Наиболее интересные воззрения представлены в философско-правовых трактатах М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева и П.И. Новгородцева.

В частности, М.М. Ковалевский считал право не орудием эксплуатации, а средством обеспечения «общественной солидарности». Он воспринимал правовую действительность как условие создания «замыренной среды», из которой устранена борьба и установлен мир, взаимозависимость и общность интересов⁵. Через социальную гармонию он пытался прийти к формированию либерально-демократического государства. Работы философа и правоведа оказали влияние на современников. В них автор раскрыл возможности для установления

в царской России новых политической и правовой систем, основанных на демократических принципах по образу буржуазных государств.

С.А. Муромцев полагал, что исходной точкой и центром права является не законодательство, а само общество. По его мнению, юридические нормы составляют могущественный фактор правового порядка, и притом фактор непосредственный, он никогда не бывает абсолютным. В понимании ученого юридические нормы лишь наряду с другими факторами оказывают влияние на образование правопорядка и могут расходиться с ним по направлениям⁶.

По мнению С.А. Муромцева, справедливость – это «присущая в данное время, в данной общественной среде совокупность субъективных представлений о наиболее совершенном правовом порядке»⁷.

Необходимо отметить, что в правоохранительной модели Российского государства С.А. Муромцев главную роль отводил судебному институту, при этом он наделял его правом арбитра. Автор, в частности, писал: «Суд должен превратиться в арбитра между законом и конкретным правоотношением, он будет в соответствии с господствующей справедливостью проверять степень современности, жизненности того или иного закона, т. е. приводить стабильный и негибкий закон в соответствие с изменчивыми запросами жизни, с живым правопорядком, где источником творчества судей является справедливость»⁸.

Положительной составляющей теории С.А. Муромцева является то, что она защищала право как систему правоотношений, возникающих на основе конкретных интересов людей внутри гражданского общества.

П.И. Новгородцев воспринимал право через призму крушения традиционного либерализма, не признававшего равенства за исключением формально-юридического. Он предлагал трансформировать идею свободы в идею равенства и справедливости. Автор концепции отмечал, что содержание естественного права меняется от эпохи к эпохе, при этом подтверждал, что абсолютная основа естественного права раскрывается в моральной идее личности, а ее естественно-правовой идеал служит

⁵ Ковалевский М.М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии. Методы сравнительного изучения права. СПб., 1899. С. 9.

⁶ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 150.

⁷ Там же. С. 154.

⁸ Муромцев С. Очерки общей теории гражданского права. М., 1877. С. 223.

средством и критерием в организации правопорядка и политических институтов⁹. В качестве специфического признака права П.И. Новгородцев выделял возможность физического принуждения. «Право, – писал он, – всегда стремится к точным определениям и всегда связано с возможностью принуждения». Представляя собой наиболее настоятельные и элементарные требования жизни, право должно быть «принудительной мерой, осуществляемой всеми одинаково»¹⁰. «Беря на себя охрану права, власть снабжает его той силой организованного принуждения, которая составляет одну из основных черт его отличия от нравственности. Право не может быть предоставлено в своем осуществлении свободному усмотрению частных лиц. Оно должно находиться под охраной общественных органов, которые, формулируя его положения в виде общеобязательных норм, следят за их исполнением и карают за их нарушение. Угрозы, содержащиеся в законах, прямое побуждение к осуществлению юридических норм, наказание за их неисполнение – таков аппарат внешних средств, в которых выражается принудительный характер права и с помощью которых поддерживается его обязательное значение»¹¹.

Правовое государство, как считал П.И. Новгородцев, имеет «задачу простую и ясную» – достижение равенства и свободы, которые являются «основами справедливой жизни». Трудность решения этой задачи заключалась в том, что государство, возлагавшее на себя «благородную миссию общественного служения, встречается с необходимостью реформ, которые лишь частично осуществимы немедленно» и которые «необозримы в своем дальнейшем развитии и осложнении»¹².

Основные постулаты философско-правовой концепции П.И. Новгородцева строились на неприятии радикальных действий. Отсюда его антипатия к марксизму, который он считал несостоятельным как с научной, так и с практической точки зрения. В своей книге «Об общественном идеале» философ показывал, что марксистская доктрина основана на разрушении самой идеи государственности. По его мнению, социализм Маркса – это смесь абсо-

лютного коллективизма, рационалистического утопизма и экономического материализма¹³. Он отмечал несовместимость идей марксистского социализма с реальным положением дел в обществе.

Таким образом, анализ политико-правовых взглядов народников, анархистов и социалистов привел П.И. Новгородцева к весьма неутешительному выводу о том, что в России влияние социалистических и анархических идей, глубоко проникших во все мирозерцание общества, привело к отрыву народа от религиозных начал, губительной борьбе революционеров с властью, разрушению государства.

В отличие от либералов и анархистов, социалисты, возвращенные на идеях К. Маркса и Ф. Энгельса, воспринимали самодержавную российскую власть и правоохранительную систему как феодальный пережиток. В рамках теории социалистической революции государство воспринималось в виде организованного насилия сильнейшей, экономически господствующей элиты, которая при его помощи приобретала новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. С марксистской точки зрения, государство представляло собой орудие эксплуатации наемных рабочих капиталистами¹⁴. По мнению марксистов, пролетарская революция даст всеобщее избавление от эксплуататоров и способствует гармонии в обществе. Поэтому пролетариату отводилась специфическая роль. Однако мало кто понимал, на чем основывались принципиальные выводы коммунистических проповедников. Можно согласиться с С.Н. Булгаковым, разглядевшим в марксистском учении связь с иудаизмом.

Из философии С.Н. Булгакова следует, что социализм К. Маркса есть рационалистическое (переведенное с языка космологии и теологии на язык политической экономии) переложение иудейского хилиазма, и поэтому все действующие лица этой эсхатологической драмы получили экономическое истолкование. Избранный народ, носитель мессианской идеи заменился «пролетариатом». Избранность пролетариата, его особая революционная миссия порождались уже не внутренним самоопределением как необходимым условием мессианского избрания, но внешним фактом принад-

⁹ Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 109.

¹⁰ Там же. С. 108.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 515.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 171–172.

лежности к пролетариату, положением в производственном процессе и признаком сословности. В какой-то степени аналогия С.Н. Булгакова уместна, так как учение К. Маркса было адресовано необразованным пролетарским массам.

В марксизме нет описания системы государственной власти социалистического общества, не определено, из каких компонентов она складывается, по какому принципу должна формироваться, кто будет представлять пролетариат во властных структурах. Это позволяет предположить, что перспектива создания пролетарского государства для «классиков» была относительно далекой, поэтому все тонкости формирования нового общества ими не разрабатывались.

Основываясь на фундаментальных выводах об антагонизме эксплуататоров и эксплуатируемых, К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к заключению об особой исторической миссии пролетариата. Причем оценка роли пролетарских масс в управлении государством была необъективной. Они видели в пролетариате «наиболее подготовленный класс – гегемон», способный встать во главе всех масс в революции, а затем управлять государством.

На роль созидательного класса, имеющего навыки в управлении государством, пролетариат не годился, ибо не был к этому подготовлен. Даже в европейском буржуазном обществе, не говоря об отсталой полуфеодальной России, пролетариат представлял собой малограмотную, слабо организованную массу. Отождествление пролетариата с «классом-гегемоном» можно считать аллегорией, так как в количественном отношении пролетариат насчитывал одну четвертую от всего населения царской России конца XIX в.¹⁵ В то же время класс – это образ собирательный и управленческие функции исполнять не способен. Следовательно, от его имени должны править чиновники, которым делегируются властные полномочия. При успешной революции место в госаппарате могла занять новая «пролетарская бюрократия» со всеми соответствующими функциями и институтами власти. При этом народ от управления государством удалялся. В конечном итоге так называемая «власть гегемона» неизбежно трансформировалась бы в обычную бюрократическую власть.

В последнее время в отечественном правоведении часто появляются материалы, в которых марксизм подвергается жесткой критике, а его основные постулаты признаются ошибочными, оторванными от реальной практики. Некоторые суждения действительно относятся к разряду безжизненных теоретических конструкций, например, утверждение о том, что «только пролетариат представляет собой действительно революционный класс»¹⁶ и, следовательно, именно он может и должен прибегнуть к революционному насилию для «ниспровержения всего существующего общественно-го строя»¹⁷, государство не будет «отменено», оно «отомрет»¹⁸. Но имеются и такие выводы, на которые нельзя не обращать внимания, в противном случае могут повториться известные события октября 1917 г. В частности, тезисы о том, что «государство есть машина для подавления одного класса другим»¹⁹, «государство – орган, стоящий над обществом»²⁰, «государство – это организация имущего класса для защиты от неимущего»²¹.

Можно согласиться с доводами О.И. Чердакова, высказавшего суждения о том, что К. Маркс заблуждался, когда утверждал, что «пролетариат – класс наемных работников, лишенный собственности, наиболее сознательный, а потому способный управлять государством». Он доказал, что революционное изменение статуса пролетариата уже предполагало передачу ему средств производства, и это кардинально меняло его сущность как класса. Из неимущих слоев в результате экспроприации собственности рабочие массы формально превращались в собственников, а это, как известно, выходило за рамки теории, так как собственник не мог быть пролетарием и, следовательно, исполнять роль гегемона в государстве, что в принципе противоречило самой идее о пролетарском руководстве²². В условиях царской России низложение установленного правопорядка и царской власти революционным способом определяло перспективу

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 459.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Т. 20. С. 292.

¹⁹ Там же. Т. 23. С. 208.

²⁰ Там же. Т. 24. С. 22.

²¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1989. С. 119.

²² Чердаков О.И. Формирование правоохранительной системы Советского государства в 1917–1936 гг. (историко-правовое исследование). Саратов, 2001. С. 33.

¹⁵ Пайпс Р. Коммунизм. М., 2002. С. 35.

хаоса и террора. Поэтому марксисты-социалисты представляли опасность не только для действовавшей власти, но и для всей прогрессивной интеллигенции и зажиточной части крестьянства.

В то же время в марксистской критике функционирования правоохранительной системы самодержавия просматриваются рациональные выводы. Характеризуя задачи общества и государства, К. Маркс писал: «...в каждом правонарушителе нужно видеть человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать Родину, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо, и, наконец, самое главное – гражданина государства. Государство (подчеркивал К. Маркс) не может легкомысленно отстранять одного из своих членов от всех этих функций, ибо государство отсекает от себя свои живые частицы всякий раз, когда делает из гражданина преступника»²³.

Все теоретические выкладки основоположников коммунистической идеи сводились к антагонистическому неприятию царской власти и действовавшей правовой системы. В большинстве случаев аргументация К. Маркса и Ф. Энгельса базировалась на анализе функционирования европейских государственно-правовых режимов. Реализация марксистской теории

в Российском государстве имела определенные специфические нюансы, связанные с существованием малочисленного пролетарского класса и достаточно сильного влияния идей абсолютизма.

Перспектива построения в России коммунистического государства с определенной государственно-правовой системой рассматривалась не только теоретиками марксизма, но и их политическими оппонентами. Среди ярких идеологических противников можно назвать лидера анархизма М.А. Бакунина²⁴. Критикуя социалистические теории, он высказал суждение о неизбежном перерождении коммунистической власти в бюрократические структуры, далекие от рабочего класса²⁵.

Подводя итог, можно констатировать, что философско-правовые доктрины второй половины XIX – начала XX в. отражали настроения общества, которое неоднозначно оценивало перспективы развития российской самодержавной правовой системы. Появление в стране оппозиционно настроенных политических движений и партий, а вместе с ними и различных социально-философских концептов свидетельствовало о крайней степени разбалансировки государственного управления и показывало векторы возможного движения от самодержавного к либеральному государственно-правовому режиму.

Библиографический список

1. Антология судебного реформаторства в России / под ред. С.А. Новицкой. – М., 1996.
2. Бакунин, М.А. Избранные философские сочинения и письма. – М., 1987.
3. Кавелин, К.Д. Чего желательно для России: нового свода законов или уложения? // Собрание сочинений К.Д. Кавелина. – СПб., 1900. – Т. 4 : Этнография и правоведение.
4. Ковалевский, М.М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии. Методы сравнительного изучения права. – СПб., 1899.
5. Лебедев, К.Н. Записки // Русский архив. – 1910. – № 10.
6. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 1, 4, 20, 21, 23, 24.
7. Муромцев, С. Очерки общей теории гражданского права. – М., 1877.
8. Муромцев, С.А. Определение и основное разделение права. – М., 1879.
9. Новгородцев, П.И. Право и нравственность // Правоведение. – 1995. – № 4–5.
10. Одоевский, В.Ф. Гражданские заветы князя В.Ф. Одоевского // Русский архив. – 1895. – Кн. 2, № 5.
11. Пайпс, Р. Коммунизм. – М., 2002.
12. Чердаков, О.И. Формирование правоохранительной системы Советского государства в 1917–1936 гг. (историко-правовое исследование). – Саратов, 2001.
13. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М., 1989.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 132.

²⁴ Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 258–274.

²⁵ Там же.

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФУНКЦИЯ ПРАВА¹

ИРОШНИКОВ Денис Владимирович

Аннотация. В рамках исследования соотношения таких явлений, как «право» и «безопасность» в их теоретико-правовом соотношении, в статье представлено исследование безопасности как функции права. Автор приходит к выводу о возможности и целесообразности рассмотрения безопасности в качестве одной из функций права. При этом допускаются исследования безопасности в рамках как общесоциальных функций, так и охранительной функции права.

Annotation. The study of the correlation of such phenomena as “right” and “safety” in their theoretical and legal relationship, the article presents a study of the security function of law. The author comes to conclusion about possibility and expediency of consideration of safety as one of the functions of law. This allowed the study of security in the framework of General social functions, and in the protective function of law.

Ключевые слова: функция права, охранительная функция права, право, безопасность, национальная безопасность.

Keywords: function of law, the protective function of law, law, safety, national security.

На сегодняшний день о соотношении таких явлений, как «право» и «безопасность» можно говорить применительно к различным аспектам этой проблемы.

Национальная безопасность – сложная, комплексная и многоаспектная категория, включающая в себя такие виды, как государственная, общественная, экологическая, экономическая, информационная, продовольственная, транспортная, пожарная и т. п. Обеспечение различных видов национальной безопасности правовыми средствами осуществляется нормами различных отраслей права: конституционного, административного, уголовного, гражданского и др. В этой связи не представляется возможным регулирование обеспечения национальной безопасности лишь в рамках одной отрасли права. Кроме этого, представляется не совсем корректным выделение правовой основы обеспечения национальной безопасности в качестве самостоятельной отрасли права, ввиду того, что многоаспектность предмета лежит в плоскости принципиально разных отраслей права.

Сегодня в юридической литературе существуют исследования по тому или иному виду национальной безопасности (экономической, государственной, информационной и т. п.). Нередко рассматриваются вопросы обеспечения безопасности посредством норм той или

иной отрасли права (например, обеспечение национальной безопасности уголовно-правовыми средствами).

Отношения по обеспечению безопасности на сегодняшний день пронизывают все сферы общественной жизни. Право же есть универсальный регулятор общественных отношений, гарантирующий определенную стабильность в обществе и устойчивое развитие последнего. При этом до настоящего времени не проводилось комплексного фундаментального теоретико-правового исследования безопасности как правовой категории. Категория «безопасность» имеет комплексный, междисциплинарный характер и при этом не может быть детально изучена в рамках права.

Особенность методологии, применяемой в настоящем исследовании, обуславливает новизна предполагаемой постановки проблемы. Она заключается в отходе от традиционного деления безопасности на виды (общественная, государственная, экологическая, продовольственная и т. п.) и рассмотрении безопасности как единого понятия под иным углом – с точки зрения характеристики действующего права и его регулятивного воздействия. Необходимо обратить внимание, что с позиции философии права безопасность можно представить в качестве одного из элементов концепции «общего блага» в соответствующем правопонимании².

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-03-00767 «Безопасность как правовая категория».

² См. подробнее: Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 3–14.

Особую важность имеет сам теоретико-методологический подход к изучению взаимосвязи двух вечных категорий – права и безопасности. Право – важнейший, универсальный и древний регулятор общественных отношений. Роль права в жизни общества сложно переоценить, в том числе учитывая набор функций, выполняемых правом (среди которых и регулятивная, и охранительная, и воспитательная, и коммуникативная, и идеологическая). Безопасность же является универсальной ценностью, к которой стремится каждый организм, как биологический, так и социальный. Таким образом, необходимо на фундаментальном теоретико-правовом уровне исследовать в синтезе два глобальных и вечных для человека и общества явления – право и безопасность. Безопасность в рамках предложенного подхода предстоит рассмотреть как необходимое свойство права, как одну из его основных характеристик, в частности, как его функцию.

С.И. Ожегов дает следующее словарное значение функции: «обязанность, круг деятельности»³. Словарь иностранных слов определяет функцию (от лат. *functio* – исполнение, деятельность) как «обязанность, круг деятельности, назначение»⁴. Необходимо обратить внимание на существенное отличие второго словарного определения, добавляющего категорию «назначение», поскольку в функциях всегда проявляется назначение.

Категория «функция» используется в различных науках: математике, физике, медицине и пр. Поскольку первооснову гуманитарного знания составляет философия, рассмотрим функцию как философскую категорию. Философский словарь определяет функцию как «роль, которую выполняют различные процессы и структуры по поддержанию целостности и устойчивости систем, частями которой они являются»⁵. Если переложить философское понятие функции на государство, то можно говорить о функциях государственных органов по поддержанию целостности и устойчивости их системы – механизма государства.

Рассмотрим общие положения теории функций права, выработанной в отечественном правоведении. В теории права под функциями права принято понимать основные направления правового воздействия, выражающие его сущность и социальное назначение. Известно, что функции права принято делить на юридические (охранительную и регулятивную), а также общесоциальные или социально-политические (экономическую, политическую, экологическую, коммуникационную и воспитательную). При этом воспитательную функцию права нередко рассматривают как особую, не входящую в ту или иную группу. Представляет интерес подход, согласно которому нецелесообразно делить функции права на регулятивную и охранительную, поскольку правовую охрану трудно представить без правового регулирования⁶.

Поскольку государство воздействует на общество, в первую очередь при помощи правовых средств, ученые заявляют о некоторой тождественности функций государства и функций права. Так, например, С.С. Алексеев писал: «Социально-политические функции – направления правового воздействия, выражающие социально-политическое содержание права. Право в данной плоскости рассматривается широко – в единстве с государством. Поэтому их функции в общем совпадают»⁷. М.И. Байтин делает важную оговорку: «Известное сходство в названиях отдельных функций права с некоторыми функциями государства ни в коей мере не колеблют различия данных явлений по существу: в первых случаях речь идет о направлениях правового регулирования и, более широко, воздействия права; во втором – о направлениях деятельности государства»⁸.

Известно, что обеспечение различных видов безопасности является одной из важнейших функций любого государства. Так, например, А.И. Гнатенко рассматривает функцию по обеспечению государственной и общественной безопасности в разрезе политической функции государства⁹. В.М. Редкоус успешно обосновывает необходимость признания обеспечения

³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 1265.

⁴ Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова, Л.С. Шаумяна. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1964. С. 703.

⁵ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова; сост. П.П. Апрышко, А.П. Петров, Ю.Н. Солодухин. 8-е изд., дораб. и доп. М., 2009. С. 758.

⁶ См.: Рыбаков В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты): моногр. М., 2015. С. 32–34.

⁷ Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 131.

⁸ Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 175.

⁹ Гнатенко А.И. О классификации функций государства // Закон и право. 2008. № 10. С. 33.

национальной безопасности в качестве самостоятельной функции современного Российского государства. По мнению ученого, «такая постановка вопроса позволит на более четкой научной основе совершенствовать российское законодательство в области обеспечения национальной безопасности, определять компетенцию государственных органов по вопросам обеспечения национальной безопасности, участвовать в межгосударственном сотрудничестве в данной сфере»¹⁰. Обеспечение безопасности выделяет в качестве самостоятельной функции и А.И. Бобылев¹¹.

В этой связи нам представляется, что на современном этапе развития права можно говорить о формировании его функции по обеспечению безопасности. Причем, учитывая роль безопасности в контексте существования и развития человека и человечества, данную функцию можно отнести к общесоциальным, наряду с политической, экономической, экологической и др. На наш взгляд, такой подход является весьма перспективным как для теории права, так и для отраслевых научных исследований в сфере права.

Нельзя не затронуть охранительную функцию права, которая, как правило, считается одной из основных, наряду с регулятивной. Исследования показывают ее неразрывную связь с категорией «безопасность». Так, например, О.Г. Цикаришвили называет безопасность одним из главных (приоритетных) объектов охранительной функции права¹². О.С. Лапшина к подфункциям охранительной функции права относит функции мер безопасности (превентивную и пресекающую)¹³.

Таким образом, существуют два подхода, в соответствии с которыми можно рассматривать обеспечение безопасности как функцию права. В рамках первого подхода можно говорить об общесоциальной функции права по обеспечению безопасности, а согласно второму обеспечению безопасности есть важная часть охранительной функции права.

С точки зрения философии права безопасность можно представить в качестве одного из элементов концепции «общего блага» в соответствующем правопонимании¹⁴. Западно-европейская философия Т. Гоббса, Г. Гроция, Ж.-Ж. Руссо в Петровскую эпоху проникает в Россию в виде договорной теории происхождения государства и обеспечения безопасности как его цели.

Петр I в Манифесте о вызове иностранцев в Россию 1702 г. утверждал, что он стремится к установлению общего блага подданных, в том числе обеспечению безопасности¹⁵. Уже в то время возникает идея о том, что безопасность государства есть, по сути, безопасность общества, которая в свою очередь складывается из обеспечиваемой законом безопасности каждого из его членов, основанной на сознательном ограничении свободы¹⁶. В своем Наказе Уложенной комиссии Екатерина II писала: «Государственная вольность во гражданине есть спокойствие духа, происходящее от мнения, что всяк их них собственною наслаждается безопасностью; и чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтобы один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов»¹⁷. В этой фразе видится четкое соотношение категории «безопасность личности» с правовым регулированием и с функционированием права.

Идея о безопасности функции права была выдвинута А.Ф. Галузиным: «В качестве естественно-правовой, нормативно-закрепленной идеи, определяющей сущность, социальное назначение, системность, развитие позитивного права, правовой материи, правовой жизни, направляющей правовое регулирование, категория “безопасность” предстает принципом и функцией позитивного права (закона), которые возможно именовать как функция безопасности, принцип безопасности»¹⁸. Однако выдвинутый автором тезис более чем за 10 лет остается, к сожалению, не развитым и полностью не раскрытым в юридической литературе.

¹⁰ Редкоус В.М. К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного Российского государства // Право и государство: теория и практика. 2009. № 1/49. С. 100.

¹¹ Бобылев А.И. Функции государства: понятие, классификация, общая характеристика // Право и государство: теория и практика. 2010. № 3. С. 16.

¹² Цикаришвили О.Г. Охранительная функция российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 3.

¹³ Лапшина О.С. Охранительная функция права в системе функций права и государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. С. 8.

¹⁴ См. подробнее: Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 3–14.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. СПб., 1830. Т. 4, № 1910.

¹⁶ Государственная безопасность России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М., 2004. С. 55.

¹⁷ Законодательство Екатерины II : в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 69.

¹⁸ Галузин А.Ф. Безопасность как категория, принцип, функция права // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 4. С. 151.

В заключение хотелось бы отметить, что на сегодняшний день обеспечение безопасности вполне целесообразно рассматривать в качестве функции права. Учитывая имеющуюся в юридической литературе классификацию функций права, представляется возможным

изучение ее как с позиции общесоциальных функций, так и в рамках охранительной функции права. Подобный подход выведет на новый уровень правовое обеспечение национальной безопасности в совокупности ее элементов.

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Общая теория права : учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009.
2. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001.
3. Бобылев, А.И. Функции государства: понятие, классификация, общая характеристика // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 3.
4. Галузин, А.Ф. Безопасность как категория, принцип, функция права // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 4.
5. Гнатенко, А.И. О классификации функций государства // Закон и право. – 2008. – № 10.
6. Государственная безопасность России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М., 2004.
7. Законодательство Екатерины II : в 2 т. – М., 2000. – Т. 1.
8. Лапаева, В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. – 2010. – № 5.
9. Лапшина, О.С. Охранительная функция права в системе функций права и государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2011.
10. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М., 2010.
11. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. – СПб., 1830. – Т. 4, № 1910.
12. Редкоус, В.М. К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного Российского государства // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 1/49.
13. Рыбаков, В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты) : моногр. – М., 2015.
14. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова, Л.С. Шаумяна. – 6-е изд., перераб. и доп. – М., 1964.
15. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова ; сост. П.П. Апрышко, А.П. Петров, Ю.Н. Солодухин. – 8-е изд., дораб. и доп. – М., 2009.
16. Цикаришвили, О.Г. Охранительная функция российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008.

НАУЧНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Исаков Игорь Николаевич

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения системного подхода в исследовании правовых систем различных уровней. Показано, что такой подход ориентирует на раскрытие целостности данного правового явления и его природной сложности. Основной акцент делается на выявлении механизма комплексного взаимодействия процессов, связей и отношений между элементами разноуровневых правовых систем и внешней средой, раскрытии принципиальных отличий между их типами, группами и уровнями.

Annotation. The article discusses the possibility of applying a systematic approach to the study of the legal systems of different levels. It is shown that this approach focuses on the disclosure of the integrity of this legal phenomenon in all its natural complexity. The main focus is on identifying the mechanism of complex interaction processes, connections and relationships between elements of the multi-level legal systems and the external environment, the disclosure of fundamental differences between their types, groups and levels.

Ключевые слова: системный подход, правовая семья, правовая система, разноуровневые правовые системы, группы правовых систем, европейское право, мусульманское право, источники права, судебная практика, механизм комплексного взаимодействия.

Key words: system approach, legal family, legal system, multi-level legal system group of legal systems, European law, Islamic law, sources of law, judicial practice, the mechanism of complex interaction.

Среди известных методов познания, применяющихся при исследовании современных разноуровневых правовых систем, наиболее широко используется системный подход. Он ориентирует на раскрытие целостности данного правового явления, имеющего свои закономерности развития, сущностные признаки, действующие механизмы, многообразные типы взаимосвязей и иные характеристики. Тем самым фактически подтверждается природная сложность современных разноуровневых правовых систем, при этом позволяющая свести полученные результаты в единую теоретическую модель. Без системного подхода было бы достаточно сложно подвергать анализу такой, прямо скажем, необычный по предназначению объект, каким являются разноуровневые правовые системы, не используя при этом выводы других научных дисциплин.

Наиболее значимым достоинством системного анализа применительно к теории и практике формирования и функционирования современных разноуровневых правовых систем является то, что он позволяет основной акцент сделать на выявлении механизма комплексного взаимодействия внутренних, порой разнона-

правленных процессов, связей и отношений, существующих в реальной жизни между элементами разноуровневых правовых систем с внешним окружением (социальная среда, духовный мир, национальная специфика народов, уровень развития экономик, политическая воля руководства стран и т. д.). Кроме того, принцип системности предоставляет возможность рассматривать свойства разноуровневых правовых систем как целостного правового явления прежде всего с учетом динамики структурных, конструктивных и прочих изменений, осуществляемых через системообразующие, интегративные внутренние и внешние связи, а не только методом механического (статического) суммирования свойств их основополагающих элементов.

С момента своего появления (конец 60-х – начало 70-х гг. XX в.) системный подход стал активно использоваться при анализе различных правовых общностей, получивших разные названия (правовая семья, правовая система, национальная правовая система, наднациональная правовая система и др.), но образованных, структурированных и функционирующих как соответствующие системы, имеющих юри-

дическое содержание¹. Одними из первых, кто применил системный подход при анализе правовых систем, были У.Э. Батлер, П. Легран, Р. Леже, Р. Давид и др.² Они предложили новые подходы к исследованию правовых систем, в частности, ввели понятие «правовая семья», которая определялась ими как объединение однородных государственных правовых систем.

В то же время данные авторы указывали на то, что понятие «правовая система» шире понятия «система права».

Однако возросшее разнообразие современного мира, в частности, увеличение разрыва между благополучными и бедными странами, сохранение и эффективное развитие социалистических государств, появление государств исламского фундаментализма (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар и др.), привело к росту не только числа и типов правовых систем либо семей (к четырем традиционным добавились скандинавские, латиноамериканские, славянские, социалистические и др.), но и к появлению неоднородных национальных правовых систем. Между тем появление правовых систем, имеющих разную юридическую природу и социальную сущность, значительно усложнило возможности определения типов правовых систем и их уровней. К правовым системам, где сложно выявить «правовую доминанту», можно отнести государства Северной Африки, Ближнего Востока, ЮАР, Японию, а также правовые системы многих субъектов федераций – Луизианы (США), Квебека (Канада) и др. Достаточно сложными в этом аспекте являются и внутрифедеральные правовые системы Российской Федерации. Разнонаправленность правовых институтов и юрисдикционных учреждений правовых систем многих стран может служить тому доказательством.

Принципиальные отличия имеют и национальные правовые системы социалистических государств (Китай, Куба, КНДР, Вьетнам, Лаос и др.), основным смыслом которых, центральной их задачей является обеспечение юридическими средствами в рамках правовой системы социальной справедливости в обществе. Наиболее существенные изменения в этом плане произошли в правовой системе самой большой социалистической страны – Китая.

Так, поправки к Конституции КНР (1982, 1990, 2000) во многом изменили правовой облик данного государства, что подтверждается системным анализом его правовой организации.

В этом свете необходимость системного подхода усиливается теми обстоятельствами, что под воздействием указанных выше процессов наблюдается дробление традиционных типов правовых систем на отдельные группы, в результате чего складываются новые региональные либо групповые правовые семьи и системы, требующие глубокого анализа на методологическом уровне. Например, на европейском пространстве создана невиданная ранее правовая система Евросоюза.

В ряде мусульманских стран вследствие религиозного воздействия подвергаются существенным изменениям формы государственного правления, происходит резкое возрастание различий между правовыми системами групп государств, например, Египта, Сирии, Ирака от Бахрейна, Катара, ОАЭ, Саудовской Аравии. В последних Коран, сунна, шариат являются источниками права, ибо на уровне законодательства они закрепляют основополагающие понятия ислама («правоверные», «неверные» и др.), а гражданские права и права мусульман «сливаются» воедино и таким образом связываются обязанностями перед Аллахом, который согласно шариату руководит их действиями, призывая к послушанию. Характерно, что в таких правовых системах социальное и правовое равенство закрепляется совместно шариатом и конституциями, но при равенстве всех мусульман исключительно перед Аллахом. При этом незыблемым для правовых систем мусульманских государств является то, что земля, вода, огонь и воздух не являются частной собственностью. Все природные богатства согласно действующим в этих странах конституциям являются публичной собственностью, а средства от их добычи распределяются главным образом по религиозному признаку, т. е. между мусульманами.

Требует повышенного внимания и то обстоятельство, что в группе стран правового фундаментализма не формируются республики в качестве формы государственного правления, не создаются парламенты, политические партии, не проводятся выборы в законодательные органы власти, в то же время создаются мусульманские суды и т. д. Поскольку нормы права в таких государствах существуют в «свя-

¹ См.: Lutz A. Typologies of Modern Legal Systems of the World // Journal of Comparative Law. Vol., Iss. 1. 2012. P. 28–41.

² См.: David R. Jauffret-Spinozi C. Les grands systèmes de droit contemporains. 11th ed. Dalloz, 2002. P. 71.

щенных книгах» (канунах), заимствование европейского или иного права – недопустимо. Подлинной конституцией являются Коран и сунна.

Между тем, справедливости ради следует отметить, что в последний период времени со стороны ряда исламских правоведов предпринимаются попытки более приемлемого толкования ряда институтов ислама и прежде всего таких, как «джихад», «халифат» и др.³ По их мнению, обозначившее себя в условиях глобализации сближение некоторых элементов европейского и мусульманского права (исключение составляет группа государств мусульманского фундаментализма) дает основание полагать, что некоторые институты мусульманского права совместимы с европейским правом⁴.

Что касается европейского права, то в правовых системах западных, и в первую очередь европейских, государств, также как и в мусульманском праве, происходят существенные изменения. Например, в настоящий период с помощью системного анализа в англо-американской правовой семье более отчетливо различаются две группы правовых систем. Первая – английская, куда входят Северная Ирландия, Канада (кроме Квебека), Австралия, Новая Зеландия и страны бывших британских колоний (36 государств-содружеств). Как одна из самых крупных бывших колониальных держав, Англия распространила свое право на треть стран мира. Вторая – американская национальная правовая система, которая имеет своим источником английское (общее) право, но, тем не менее, является вполне самостоятельной.

С этих позиций, используя большие возможности системного подхода, отечественные и зарубежные ученые продолжают выявлять и конкретизировать отличительные черты английской правовой системы: консерватизм, отсутствие отраслевых кодексов и, соответственно, деления на отрасли права, приоритет судейского права, высокую роль процессуального права и др.⁵ Так, в интерпретации Р. Давида английское право, в отличие от французского, развивалось своим обособленным путем, не воспринимая догмы римского права. Его сложно изучать в университетах, поскольку

это право процессуалистов и практиков⁶. В то же время иную точку зрения высказывают У. Батлер, Р.О. Халфина, М.Н. Марченко, Л.П. Рассказов, И.П. Антонов и другие авторы. По их мнению, римское право не могло не оказывать влияния на английское договорное право. В частности, принципы римского права внедрялись в английскую национальную правовую систему через преподавание, церковные суды, суд лорда-канцлера и др. Но подобное влияние было незначительным⁷.

Между тем «консерватизм» правовой системы Англии не мешал ей усиливать роль законов (статуты), развивать делегированное законодательство и т. д. Американский юрист Д. Эймс по этому поводу писал, что английскую правовую систему отличает консерватизм в хорошем смысле этого слова, в котором гармонично уживаются элементы прошлого, настоящего и даже будущего. В отличие от континентальной Европы, где основным источником права является нормативный акт, английская правовая система, не различая, как отмечает Дж. Кристи, нормативных и индивидуальных предписаний⁸, оставаясь на позициях прецедентного (судейского) права, активно развивает договорное право. По нашему мнению, такой факт заслуживает повышенного внимания не только в европейских правовых системах, но и в российской. В то же время, как нам представляется, имплементацию английского права в национальную правовую систему России следует осуществлять весьма взвешенно. Как справедливо отмечает М.Н. Марченко, несмотря на то, что российская правовая система относится к романо-германской правовой семье, она самобытна и универсальна⁹. Подобную точку зрения высказывает и В.Н. Синюков¹⁰. Не обошел стороной этот вопрос известный французский исследователь Р. Леже, высказавший мнение о том, что современная российская правовая система представляет собой

³ См.: Материалы конференции исламских правоведов. М., 2012. С. 87–94.

⁴ Там же.

⁵ См.: Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург, 1997. С. 16.

⁶ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М., 1999. С. 208, 241.

⁷ См.: Халфина Р.О. Договор в английском гражданском праве. М., 1959. С. 24–29; Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. М., 2005. С. 537; Рассказов Л.П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Вестник КубГАУ. 2015. № 105 (01); и др.

⁸ См.: Christi G. Law, norms and authority. L., 1982. P. 138.

⁹ См.: Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. М., 2005. С. 537.

¹⁰ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 236–264.

образец постсоветской модели, ограничивающейся рамками государств СНГ¹¹.

Говоря об имплементации английского права в российскую правовую систему, следует бережно и осторожно подходить к таким понятиям, как «российская правовая система», «система российского права», «система российского законодательства» и др. В этом контексте можно оценить как весьма удачное определение правовой системы, которое дает В.С. Белых. По его мнению, правовая система – это совокупная связь системы права, в том числе системы законодательства, правовой культуры и правореализации. По мнению автора, понятие правовой системы используется также для характеристики историко-правовых и этнокультурных отличий права разных государств и народов¹².

В этом аспекте характерным видится то, что отдельные европейские страны (Италия, Швейцария) переняли английский опыт и законодательно закрепили судебную практику в качестве источника права. Так, в швейцарском гражданском уложении (§ 1) закреплено: «Если в законе не может быть найдено соответствующее постановление, то судья должен решить дело на основании обычного права, при отсутствии такого – по правилу, которое он установил бы в качестве законодателя. При этом он следует доктрине и практике»¹³. В соответствии со ст. 384 ГПК Италии ее Кассационный суд выводит принципы, которыми должен руководствоваться суд, принимающий дело к новому рассмотрению¹⁴.

Однако в большинстве национальных правовых систем европейских государств судебная практика не закрепляется законодательством в качестве ее источника. Тем не менее, именно на уровне национальных правовых систем она играет важную роль. Благодаря судебной практике судьи вносят многочисленные изменения в действующее право в тех случаях, когда существует правовая неопределенность либо чрезмерная абстрактность правовых норм.

¹¹ См.: Леже Р. Великие правовые системы современности : пер. с фр. М., 2009. С. 230–231.

¹² См.: Белых В.С. Особенности и общие тенденции развития англосаксонской и континентальной правовых систем // Право и государство. 2016. № 2 (71). С. 60.

¹³ См.: Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада. М., 1992. С. 26.

¹⁴ См.: Попов Н. Верховный кассационный суд Италии // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 12. С. 29.

Судебный прецедент не чужд и российской правовой системе. Не обладая равной силой юридической силой и играя вспомогательную роль по отношению к закону, он имеет важное значение в упорядочении тех отношений, которые либо не урегулированы, либо не могут быть урегулированы законом в силу неясности или неточности законодательных формулировок¹⁵.

Как видим, каждая группа правовых систем, каждый их уровень имеют свою специфику. Поэтому проявившаяся тенденция по их сближению не может означать их полного слияния.

В этих условиях, казалось бы, напрашивается вывод, что для анализа новых явлений социального, религиозного, глобального, духовного и иного характера одного системного подхода уже недостаточно. Нужны новые подходы, возможно, комбинированные, позволяющие рассматривать группы региональных правовых систем, близких по своей юридической сущности (например, правовые системы группы скандинавских государств) либо по своей социальной сущности (группа правовых систем социалистических государств).

Действительно, когда, например, подвергаются анализу социокультурные аспекты различных народов, их цивилизационные особенности, то в большей мере используется не системный, а социоправовой подход. Однако, как показывает практика, цивилизационные особенности народов в первую очередь проявляются в праве, закрепляются правовыми системами на всех их уровнях, способствуя тем самым более детальному раскрытию юридической природы этих феноменов. Что касается социальной сущности разноуровневых правовых систем, то она связана с решением социальных вопросов, которые придают правовому регулированию более привлекательный характер. Например, право и правовые системы таких стран, как Великобритания и США, относящихся к одной правовой семье, в социальном плане проявляют себя по-разному, но по своей юридической сущности остаются правовыми системами, нуждающимися в системном подходе, способствующим их дальнейшему развитию и совершенствованию.

¹⁵ См.: Лучин М.В. Судебный прецедент как источник права (дискуссионные вопросы) // Российский юридический журнал. 1999. № 4. С. 83.

В этом контексте определенную научную ценность представляют предложения В.Е. Чиркина и других авторов о введении в теорию правовых систем понятий «глобальная правовая система», «глобальная и региональная правовая система», об использовании формационно-цивилизационного подхода и др.¹⁶

Думается, что укрупненный и комбинированный подходы, в сравнении с традиционными классификациями правовых систем, опирающиеся на системный анализ, несомненно, дают новый импульс в исследовании разнородных правовых систем. В частности, учет цивилизационных особенностей различных народов способствует раскрытию таких сторон права в рамках правовых систем отдельных групп государств, которые ранее находились «в тени». При этом предоставляется возможность дать более детальную комплексную характеристику юридической, социальной и духовной сущности правовых систем различных групп суверенных государств, что значительно повышает их (правовых систем) практическую значимость. Например, при анализе правовых систем группы стран мусульманского фундаментализма выясняется, что нормы шариата, структурированные в данных правовых системах, широко применяются в качестве обычаев в странах, не являющихся сторонниками радикализма в исламе (Индонезия, Египет и др.). Лишь отдельные нормы шариата включаются в их правовые системы.

В этом свете научный интерес вызывают группы правовых систем, функционирующие на принципах либерализма или, по-другому говоря, «полусоциального капитализма». Как показывает анализ, таких правовых систем в мире абсолютное большинство. Они обеспечивают своим воздействием более половины населения планеты. Однако из-за большого количества ограничивающих социальных факторов, существующих в таких государствах, они не могут в полном смысле быть социальными. Главной их целью, в отличие от правовых систем группы социалистических государств, является извлечение от вложенных средств мак-

симальной прибыли. В таких рамках, как известно, решать социальные вопросы можно лишь по остаточному принципу. Именно по этому признаку правовые системы большинства государств не имеют достаточных элементов, чтобы определить их в качестве социальных. Провозглашение в их конституциях положений о социальном государстве в большей степени является декларативным и служит целям самосохранения капитализма. При этом социальная сторона правовых систем остается неразвитой, за исключением небольшой группы стран (Швеция, Швейцария, ОАЭ и некоторые другие).

Как известно, передовыми умами человечества мыслилось решение социальных задач, реализуемых ныне группой социалистических стран с населением 1,5 млрд человек. Однако по многим причинам осуществить подобный проект пока не удалось. Для подлинного социализма нужен более высокий уровень развития экономики, нравственности и правосознания. К сожалению, современный человек еще не готов для жизнедеятельности в условиях полной демократии и социальной справедливости, закрепленных и упорядоченных рамками правовых систем.

Интересным и актуальным является опыт использования системного подхода в Японии. В этой стране частные и личные отношения регулируются в рамках правовой системы смешанными нормами, имеющими и социальный, и либеральный характер. Именно такой подход дает Японии возможность держаться на уровне передовых государств.

Характерно, что правовые системы, существующие в группах государств Тропической Африки и Океании, в подавляющем большинстве включают обычаи и наделяют их статусом правовых. В таком качестве они являются источником права и важнейшими элементами их правовых систем. В данном случае система правового регулирования является достаточно простой и специфичной, не требующей обязательного применения системного анализа.

Как видим, все типы, уровни и группы правовых систем имеют свои сущностные признаки, часто противоречивые, исключающие возможность их гармонизации. Последняя возможна лишь в социально однородных правовых системах. Как показывает практика, социальные различия правовых систем не только ограничивают параметры их сближения, но и при опре-

¹⁶ См.: Чиркин В.Е. Современные глобальные правовые системы: сближение и антагонизм // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 17–19; Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 731; Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее : в 6 т. М., 2008. Т. 3 : Северное Причерноморье – пространство взаимодействия цивилизаций. С. 18; Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 213.

деленных условиях могут порождать антагонизм между ними.

Исходя из вышеизложенного, следует вывод, что, благодаря системному подходу, можно рельефно вычленить наиболее значимые аспекты исследуемых феноменов. Во-первых, главным компонентом всех разноуровневых правовых систем, имеющих системообразующий характер, выступает право; во-вторых, национальные правовые системы суверенных государств (в отличие от других уровней)

стремятся к единству социальной сущности и правового содержания; в-третьих, национальный, внутринациональный и наднациональный уровни правовых систем имеют общеродовой признак, но неоднородны по элементному составу; в-четвертых, глобализация (в отличие от социальной революции) не может изменить социально-сущностные принципы правовой системы, но ведет к заимствованию либо изменению их правовых норм, институтов и учреждений.

Библиографический список

1. Белых, В.С. Особенности и общие тенденции развития англосаксонской и континентальной правовых систем // *Право и государство*. – 2016. – № 2 (71).
2. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В.А. Туманова. – М., 1999.
3. Кузык, Б.Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее : в 6 т. / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. – М., 2008. – Т. 3 : Северное Причерноморье – пространство взаимодействия цивилизаций.
4. Кулагин, М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада. – М., 1992.
5. Леже, Р. Великие правовые системы современности : пер. с фр. – М., 2009.
6. Лукашева, Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. – М., 2009.
7. Лучин, М.В. Судебный прецедент как источник права (дискуссионные вопросы) // *Российский юридический журнал*. – 1999. – № 4.
8. Марченко, М.Н. Источники права : учеб. пособие. – М., 2005.
9. Материалы конференции исламских правоведов. – М., 2012.
10. Попов, Н. Верховный кассационный суд Италии // *Вестник Верховного Суда СССР*. – 1991. – № 12.
11. Рассказов, Л.П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // *Вестник КубГАУ*. – 2015. – № 105 (01).
12. Решетникова, И.В. Доказательственное право Англии и США. – Екатеринбург, 1997.
13. Синюков, В.Н. Российская правовая система. – Саратов, 1994.
14. Тойнби, А. Постижение истории. – М., 1991.
15. Халфина, Р.О. Договор в английском гражданском праве. – М., 1959.
16. Чиркин, В.Е. Современные глобальные правовые системы: сближение и антагонизм // *Журнал российского права*. – 2015. – № 8.
17. Christi, G. Law, norms and authority. – L., 1982. – P. 138.
18. David, R. Jauffret-Spinozi C. Les grands systems de droit contemporains. – 11th ed. Dalloz, 2002. – P. 71.
19. Lutz, A. Typologies of Modern Legal Systems of the World // *Journal of Comparative Law*. Vol., Iss. 1. – 2012. – P. 28–41.

**ДУМА «НАРОДНОГО ВОЗМЕЗДИЯ»
ИЛИ «ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕОПЫТНОСТИ»:
РЕАКЦИЯ ПРОВИНЦИИ НА РОСПУСК
I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

**САБАНИНА Наталья Олеговна,
ЧУПРОВ Владимир Михайлович**

***Аннотация.** В статье рассматриваются деятельность I Государственной думы, причины ее роспуска и реакция на роспуск в Тульской губернии. Делается вывод о том, что опыт первых двух Государственных дум для отечественного парламентаризма бесценен.*

***Annotation.** The article deals with the activities of the First State Duma, the reasons for its dissolution, and the reaction to the dissolution in the Tula Province. It is concluded that the experience of the first two State Duma for domestic parliamentarism is priceless.*

***Ключевые слова:** Государственная дума, Тульская губерния, парламентаризм, монархия, политическая партия, демократические институты.*

***Keywords:** State Duma, Tula Province, parliamentarism, monarchy, political party, democratic institutions.*

Народное представительство на Руси всегда играло огромную роль, выражавшуюся в достижении компромисса между обществом и государством. Несмотря на многовековую историю, официально народное представительство было учреждено манифестом и законом о создании Государственной думы, изданным 6 августа 1905 г. Это событие стало отправной точкой в развитии избирательного права, демократических институтов, политических партий, традиций отечественного парламентаризма. Именно с созыва первой, рожденной революцией Думы монархия на Руси начинает процесс трансформации из абсолютной в конституционную, что явилось важнейшим фактором для российской политической действительности начала XX столетия, фактором, который мог бы, при известной гибкости политических верхов, предотвратить революционные события 1917 г.

Выборы в I Думу стали первой крупной победой Конституционно-демократической партии, и эта победа их в известном смысле загипнотизировала. Им казалось, что теперь, наконец, правительство вынуждено будет капитулировать, склоняясь перед единодушным вотумом страны¹.

Вот как охарактеризовал настроения в кадетской партии после ее победы на выборах в I Думу лидер московских кадетов В.А. Маклаков: «Эта победа затемнила им зрение и внушила иллюзию собственной силы. Победив на выборах конституционным, мирным путем, они вообразили, что историческую власть победят так же легко, как на выборах. Они отвергли соглашение с властью, которое им предлагалось, потребовали ее полной капитуляции» Вместо того, чтобы критиковать правительство, возбуждать в населении враждебное отношение к власти, по мнению В.А. Маклакова, «партии эволюции надлежало помогать власти во всех ее попытках двигаться в лучшую сторону, как бы ни было это движение незначительно»². Неудивительно поэтому, что кадетская Дума просуществовала всего два с небольшим месяца и в июле 1906 г. будет распущена.

I Дума выросла на гребне народного движения. Депутаты собрались в Таврическом дворце еще взволнованные и разгоряченные предшествовавшей политической борьбой. Но провал «бойкота» и дружное участие страны в выборах свидетельствовали, что у большинства не существовало ни малейшей склонности к «перманентной революции». Страна ждала

¹ Общественное движение в России в начале XX в. / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1914. Т. 3, Кн. 5.

² Маклаков В.А. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М.: Центрполиграф, 2006. С. 309

от своих депутатов мирной парламентской работы.

Однако вся масса депутатов была охвачена нетерпением и непримиримым настроением по отношению к приказной власти. Среди депутатов царили иллюзии. С одной стороны, они верили в социальное чудо, верили в то, что веками воспитанный в абсолютизме аппарат власти сдастся без долгого и беспощадного боя, что «власть исполнительная подчинится власти законодательной», что чиновники или уйдут, или сразу откажутся от усвоенного ими веками обращения с законом. С другой стороны, присутствовала уверенность, что страна, «как один человек» встанет, в случае необходимости, на защиту своих избранников. Эти иллюзии необычайно повышали тон всех думских выступлений, создавали раскаленную атмосферу, исключали возможность мирного соглашения и совместной работы.

В своих воспоминаниях С.Ю. Витте так напишет о работе I Думы: «Думу эту, кажется, прозвали Думою “народного возмездия”. Мне кажется, было бы правильно прозвать ее Думою “общественного увлечения и государственной неопытности”»³.

В июле 1906 г. из-за невозможности нахождения компромисса с народным представительством правительство распустило Государственную думу под предлогом, что она «разжигает смуту, а не успокаивает народ». I Думе в силу ее ярко выраженной оппозиционности так и не удалось интегрироваться в систему высших органов государственной власти и запустить механизм конституционной монархии.

По словам Н.В. Савича, «I Дума вырыла такую пропасть между собой и короной, которая стала непроходимым препятствием между ее наследницами и сильной еще властью. Разделение на “мы” и “они” усилилось и привело всех к разбитому корыту»⁴.

Причиной тому были, по мнению А. Тырковой-Вильямс, «долгие годы разобщения между властью и наиболее деятельной частью передового общественного мнения. Правительство и общество продолжали стоять друг против друга как два враждебных лагеря».

Кроме того, «не остывшие еще бунтарские эмоции... способствовали тому, что I Дума стала Думой неизжитого гнева против неограниченного самодержавия»⁵.

Одной из немаловажных причин роспуска Думы стали сообщения местных властей в Министерство внутренних дел о значительном интересе населения (прежде всего крестьян) к работе Думы и об усилении в результате этого антиправительственных выступлений и угрозы волнений. Несмотря на то, что по наблюдениям Гучкова «в это время какое-то ощущение спокойствия, безопасности (в верхах) начало крепнуть, что революционная волна не так грозна и можно обойтись без новшеств»⁶, обстановка в стране была ненамного лучше, чем весной 1906 г. Если в городах стало относительно спокойно, то в деревне к лету усилились беспорядки. Не обошли они и Тульскую губернию.

Нужны были уроки революции 1905–1907 гг., чтобы показать самодержавию «неблагонадежность» общины. Русская пословица «на миру и смерть красна» полностью подтвердилась в годы первой революции: действуя «миром» («скопом», как определяли официальные документы), крестьяне дружно сожгли в 1905–1907 гг. одну шестую часть помещичьих усадеб (около 16 тыс.), ломали амбары помещичьих экономий и растаскивали хранившееся в них зерно и имущество. Предложения С.Ю. Витте, сделанные еще накануне революции, предвосхищали «Указ», изданный в ее разгар в ноябре 1906 г.

«Для людей, имеющих глаза, чтобы видеть и уши, чтобы слышать, не остается сомнений, что настоящий момент все больше и больше напоминает начало октябрьских дней 1905 г., но с еще одной существенной разницей – в общую картину беспорядков мощным и острым клином врезается аграрное волнение, какого тогда не было»⁶, – отмечала «Тульская газета».

Номера газеты «Тульская жизнь» этого периода пестрят сообщениями об «усилившихся брожениях в деревне... в связи с ходом дел в Думе... Крестьяне внимательно прислушиваются к разбору земельных программ трудовиков и кадетов... и ждут решения этого (аграрного) вопроса»⁷.

³ Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991.

⁴ Государственная дума России: энцикл.: в 2 т. 1906–2006. Т. 1: Государственная дума Российской империи: 1906–1917 гг. / отв. ред. В.В. Шелохаев. 2006.

⁵ Государственная дума в России 1906–1907 гг. Историко-документальное издание. СПб.: Лики России, 2006.

⁶ Тульская газета. 1906. № 17. 2 июля. С. 160.

⁷ Тульская жизнь. 1906. № 111. 14 мая; № 112. 15 мая.

Все-таки в своем большинстве российское крестьянство в 1906 г. связывало с Думой воплощение в жизнь своих сокровенных мечтаний, особенно о земле. Показательно в этой связи мнение крестьянина Белевского уезда: «Уж как-нибудь это лето будем перебиваться. Осенью Дума обязательно землей прирежет, пособит нашему брату. Она знает наше горе. А теперь как-нибудь потерпим»⁸.

Обо всей серьезности положения мы можем также судить по постановлению экстренного уездного земского собрания, состоявшегося в Епифани в июне 1906 г.: «Довести до сведения Государственной думы и Совета министров, что положение дела в отношениях между землевладельцами и крестьянами является очень серьезным... Если Государственная дума и правительство не послушают голоса страны, то в ближайшие дни в деревне начнется анархия и усобицы...»⁹.

Аграрные волнения охватили целый ряд уездов Тульской губернии: Епифанский, Веневский, Белевский, Тульский, Одоевский. «Крестьянское движение растет и ширится, захватывая самые глухие уезды, – отмечала либеральная газета «Тульские известия», – Текущим летом, по примерному подсчету, состоялось более 100 деревенских митингов и собраний, по количеству участников колеблющихся от 50 до 1500 человек»¹⁰.

Крестьяне ряда уездов Тульской губернии на волостных сходах составляли приговоры в Государственную думу, большинство из которых было адресовано трудовой группе. Например, приговор, принятый волостным сходом Орловской волости Епифанского уезда заявлял о сочувствии крестьян программе трудовой группы и выдвигал ряд требований: амнистия политических заключенных, отмена смертной казни и военного положения, и, конечно, «бесплатная передача всему народу всей земли» Кроме того, в данном приговоре содержалась и угроза по отношению к правительству: в случае неудовлетворения «народных требований страна временно впадет в пучину тяжелых бедствий»¹⁰.

В Туле прошли митинги рабочих и безработных, на которых серьезной критике подверглась «виляющая» политика Конституционно-

демократической партии в ходе работы Государственной думы. Причем наибольшим успехом пользовались у рабочих выступления эсеров¹¹.

Ответом администрации Тульской губернии на усилившееся брожение общества стали репрессивные меры, выразившиеся в конфискации ряда номеров либеральной газеты «Тульская жизнь», возбуждении уголовных дел против крестьян. В частности, в Тульской губернской тюрьме к 15 декабря 1906 г. было до 500 политических заключенных. Уездная тюрьма г. Белева была переполнена уголовными и политическими заключенными¹².

Однако «произвол стражников... вызвал в крестьянах бурю негодования, ненависти и озлобления... Настроение это настолько определено и ярко, что даже самые консервативные земские круги не считают нужным скрывать его...»¹³, – писала «Тульская жизнь».

Анализируя политическую обстановку в губернии, кадетская печать отмечала: «Запугивание и терроризирование обывателя со стороны местных властей кончилось тем, что даже крестьяне перестали смотреть на аресты, как на нечто позорящее человека, а стали, наоборот, считать арестованных мучениками за народное дело»¹². Этот взгляд на аресты как нельзя более ярко выразился в массовом выборе уполномоченных, выборщиков и даже членов Государственной думы из лиц, отмеченных «карательным перстом администрации».

Таким образом, желая стабилизировать обстановку, правительство «перестаралось», вызвав в обществе реакцию, прямо противоположную ожидаемой. «Политическая атмосфера заметно сгущается, – констатирует июльский номер газеты «Тульская жизнь», – губернаторы получают из министерства особые “секретные” циркуляры, поясняющие “виды правительства”, во всех крупных городах ведется черносотенная агитация»¹⁴.

Роспуск Государственной думы либерально настроенная пресса Тульской губернии встретила волной возмущенных статей. Газета «Тульская жизнь» немедленно поплатилась за это, ее редактор Е.С. Левашов был отдан под

¹¹ Тульские известия. 1906. № 113. 16 мая ; № 114. 17 мая.

¹² Как прошли выборы во вторую Государственную думу / сост. А. Смирнов. СПб., 1907.

¹³ Тульские известия. 1906. № 117. 17 мая ; № 118. 18 мая.

¹⁴ Там же. № 147, 148. Июль.

⁸ Тульская жизнь. 1906. № 119. 3 июня. № 120. 4 июня.

⁹ Там же. № 133. 17 июня ; № 134. 18 июня.

¹⁰ Тульские известия. 1906. № 3. 14 авг.

суд «за напечатание в № 154 “Выборгского воззвания”»¹⁵.

В июле 1906 г. за это же, по сути, противоправное деяние «Тульская жизнь» была закрыта. В годовщину газеты «Тульская речь» выпустила посвященную ей эпитафию, на примере которой можно проследить нелегкий путь практически любого либерального печатного органа.

«“Тульская жизнь” появилась в очень печальные дни, – констатировала «Тульская речь». – Почти повсеместно в провинции были приостановлены прогрессивные органы печати, закрыты типографии, заключены в тюрьму сотрудники. Не избежала общей участи и “Тульская жизнь”. Редактор газеты Н.П. Рудин вынужден был оставить редактирование “по независящим обстоятельствам”, сотрудникам и издателю пришлось пережить много горьких минут и неприятностей. Конфискация номеров, крайне враждебное отношение со стороны реакционеров, угрозы черной сотни, придирчивые преследования цензора... В течение одного только июня месяца газета была конфискована по распоряжению г. Швецова 5 раз. На газету постоянного сыпались доносы, представители “Благородного тульского дворянства” посвятили “Тульской жизни” специальное конспиративное заседание, на котором обсуждали способы возможного давления для закрытия газеты. Но 14-го июля в “Тульской жизни” было напечатано знаменитое “Выборгское воззвание” и газета прекратила свое существование»¹⁶.

Однако, несмотря на все гонения со стороны властей, Выборгское воззвание продолжало распространяться «в г. Туле и по деревням Тульской губернии в большом количестве, а вместе с ним и прокламации левых фракций Думы “К армии и флоту” и “К трудовому крестьянству”»¹⁷.

Ответ со стороны администрации последовал незамедлительно. Из целого ряда уездов поступали данные о репрессиях, в частности, «по всему Крапивенскому уезду, в сопровождении стражников разъезжали исправник г. Павлинский и становой пристав г. Разумовский... которые усиленно разыскивали крамолу, созывали сходы, где произносили речи, порочащие деятельность Государственной думы. Производи-

лись непрерывные аресты...»¹⁸. В селе Крутом Ефремовского уезда была арестована учительница Мышкина «по подозрению в устройстве крестьянских собраний, составлении приговоров для посылки в трудовую группу и подготовке сельскохозяйственной забастовки. Также был арестован крестьянин Харламов, при нем было найдено 30 штук Выборгского воззвания»¹⁹.

Интересно проследить отношение к Выборгскому воззванию со стороны провинциальных кадетских групп. Этот вопрос рассматривался на совещании ЦК с представителями губернских комитетов 2–3 августа 1906 г. Присутствовало 30 членов ЦК и представители из 29 губерний, в том числе и Тульской. Участники совещания констатировали недовольство, вызванное роспуском Думы во всех слоях населения. Представитель Тульского комитета партии Н.С. Лопухин сообщил: «Население у нас было также ошеломлено роспуском Думы и отнеслось к нему частью даже с ужасом: ожидали опять всеобщей забастовки, разгромов и прочее». Однако в отношении возможности реализации Выборгского воззвания мнения разделились. Н.С. Лопухин сообщил позицию тульских кадетов: «У нас было недавно одно заседание комитета, которое было посвящено Выборгскому воззванию. Особенной критики его слышно не было, но к практическому осуществлению его отнеслись отрицательно»²⁰.

Изменение обстановки в стране в связи с роспуском I Думы, ссоры в рядах Конституционно-демократической партии по тактическим вопросам показали необходимость созыва партийного съезда.

IV съезд Партии народной свободы состоялся 24–28 сентября 1906 г. в Гельсингфорсе, поскольку в Петербурге его проведение власти не разрешили. В итоге в постановлении съезда распространение Выборгского воззвания было признано необходимым для ознакомления населения с идеей пассивного сопротивления, а не с целью возбуждения его к немедленному осуществлению. Это, по сути, означало отказ Конституционно-демократической партии от воззвания²¹. Эту позицию, как указывалось

¹⁵ Тульская молва. 1907. № 1. 28 сент.; № 2. 29 сент.

¹⁶ Тульская речь. 1907. № 90. 1 февр.

¹⁷ Тульские известия. 1906. № 7. 18 авг.

¹⁸ Тульские известия. 1906. № 9. 21 авг.

¹⁹ Там же. № 10. 9 авг.

²⁰ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. 1905 – сер. 30-х гг. : в 6 т. М., 1994. Т. 1. С. 104.

²¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. М., 1997. Т. 1. С. 394.

выше, разделяли тульские кадеты и их делегат В.М. Кленкин²².

Власть же, извлекая серьезные уроки из выборов в I Думу, вносила существенные коррективы в предвыборное законодательство. Столыпин, признав, что ставка на монархические чувства крестьян, сделанная в 1905 г., оказалась ошибочной, решил, что власть должна принять активное, в рамках закона, участие в грядущих выборах. Так, был принят целый ряд мер, ограничивавших количество крестьян, обладавших избирательным правом. Одновременно Сенат ужесточил требования и к спискам городских избирателей: из них исключались рабочие, вспомогательный персонал (дворники, швейцары, курьеры, и т. п.), низшие железнодорожные служащие.

Тульские рабочие, которые могли дать большинство избирателей от левых партий, как отмечала в октябре 1906 г. газета «Тульская речь», были лишены права пользоваться избирательным голосом по цензу домохозяев и квартиранимателей. В Туле, где было несколько десятков тысяч рабочих, по самому скромному подсчету при правильной системе выборов, они должны были послать в городские избиратели не менее 1/5 части выборщиков, т. е. 16 человек на 80 выборщиков – сила настолько серьезная, что с нею при избрании члена Государственной думы пришлось бы считаться. Однако на самом деле рабочие могли избрать только двух выборщиков. Ясно, что при таком соотношении тульские рабочие не могли иметь влияния на исход выборов в члены Государственной думы²³.

Немаловажным в данной ситуации был и запрет Совета министров на участие государственных служащих в политических партиях, чьи действия не отвечали видам правительства. Газета «Тульская речь» отмечала, что гонения на земских и городских гласных, бывших депутатов Государственной думы, стало нынче модным. Только немногие земства и одно дворянское собрание имели мужество встать на защиту изгоняемых членов. Кроме того, в этом же печатном органе мы находим возмущенные статьи по поводу изгнания из числа дворян Тульской губернии бывшего председателя I Государственной думы С.А. Муромцева²⁴.

Таким образом, Столыпин, формально не вторгаясь в избирательный закон, сумел частично изменить круг избирателей, несколько сузив его оппозиционную часть, что должно было воздействовать на исход выборов.

Однако, несмотря на все усилия правительства, следующая Дума по своему составу оказалась слабее предыдущей. По отзывам мемуаристов, основная масса депутатов являлась заурядными людьми, некомпетентными в государственных делах и руководствовавшихся предвзятыми идеалами. Одна из главных причин этого – Выборгское воззвание, вычеркнувшее из списков потенциальных депутатов около 180 человек, в основном интеллигенции. Из I Думы во вторую смогли попасть только 28 депутатов.

Вот как оценивал уровень II Думы ее депутат С. Булгаков: «Я не знавал в мире места с более нездоровой атмосферой, нежели общий зал и кулуары Государственной думы. Возьмите с улицы первых попавшихся встречных, присоедините к ним горсть бессильных, но благомыслящих людей, внушите им, что они спасители России... и вы получите II Государственную думу»²⁵.

Думу заполняли разные партии. Два крайних ее крыла – черносотенцы и социал-демократы –нисколько не ценили Думу и готовы были в своих целях взорвать ее изнутри. Социал-демократы использовали Думу как трибуну для легальной пропаганды революции и своих партийных программ. Правые фракции также не стремились к «сбережению Думы» уже хотя бы потому, что были в ней совершенно «невлиятельным меньшинством». Работоспособность Думы при ее пестром составе оказалось крайне пониженной.

Таким образом, судьба II Думы была predeterminedena. Николай II практически сразу же после избрания этой слишком «левой» Думы определился в своем резко негативном отношении к ней: «Дума по своему составу неработоспособна... Нужно дать ей договориться до глупости или до гадости и тогда – “хлопнуть”»²⁶.

Столыпин был другого мнения: трезво учитывая уроки выборов, он не хотел ни про-

²⁵ Российские либералы: кадеты и октябристы / сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. С. 16.

²⁶ Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности / вступ. ст. Ю.А. Трубникова. М.: Русский путь, 2001. С. 181.

²² ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 158. Л. 1

²³ Тульская речь. 1906. № 10. 26 окт.

²⁴ Там же. № 45. 8 дек.; № 46. 9 дек.

воцировать Думу, ни распускать ее, а, как писал в своей книге «Вторая Государственная Дума» (Париж, 1946) ее «летописец» Маклаков, хотел «попытаться с нею работать... История II Думы и есть история этой попытки...»²⁷.

Однако несовершенство законодательно-процедурных механизмов, пестрота состава, психологический настрой депутатов не позволили Думе стать лидером процесса государственного строительства. «Революция несовместима с конституцией», – констатировала октябрьская газета «Голос Москвы».

Просуществовав 102 дня, 3 июня Дума была распущена. Депутаты восприняли «новость» спокойно. Население отнеслось к событию и вовсе безразлично. Вместе с указом о роспуске Думы 3 июня 1907 г. царем был подписан новый избирательный закон. Это

был правый поворот. Вправо повернет и следующая Дума...

II Дума умерла обруганной едва ли не всеми. Князь Бобринский назвал ее «Думой народного невежества». Были оценки и посильнее, особенно политические. Главное же, в чем обвиняли II Думу, – ее «неработоспособность».

И все-таки исторический опыт первых двух Государственных дум, по крайней мере для отечественного парламентаризма, бесценен. Здесь были получены первые уроки межпартийной борьбы и поиски принципов и «техники» сотрудничества партий. Здесь выработывались тонкая тактика компромиссов с правительством и парламентские методы конструктивного противостояния ему. Здесь закладывались школы парламентской публицистики и прямого диалога с избирателями.

Библиографический список

1. Витте, С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. – М. : Мысль, 1991.
2. ГАРФ. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 158. – Л. 1.
3. Государственная дума в России 1906–1907 гг. Историко-документальное издание. – СПб. : Лики России, 2006.
4. Государственная дума России : энцикл. : в 2 т. 1906–2006. Т. 1 : Государственная дума Российской империи: 1906–1917 гг. / отв. ред. В.В. Шелохаев. – 2006.
5. Как прошли выборы во вторую Государственную думу / сост. А. Смирнов. – СПб., 1907.
6. Маклаков, В.А. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. – М. : Центрполиграф, 2006.
7. Общественное движение в России в начале XX в. / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1914. – Т. 3, Кн. 5.
8. Полнер, Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности / вступ. ст. Ю.А. Трубникова. – М. : Русский путь, 2001.
9. Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии. 1905 – сер. 30-х гг. : в 6 т. – М., 1994. – Т. 1.
10. Российские либералы: кадеты и октябристы / сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 1996.
11. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. – М., 1997. – Т. 1.
12. Тульская газета. – 1906. – № 17. – 2 июля.
13. Тульская жизнь. – 1906. – № 111. – 14 мая ; № 112. – 15 мая ; № 119. – 3 июня ; № 120. – 4 июня ; № 133. – 17 июня ; № 134. – 18 июня.
14. Тульская молва. – 1907. – № 1. – 28 сент. ; № 2. – 29 сент.
15. Тульская речь. – 1906. – № 10. – 26 окт. ; № 45. – 8 дек. ; № 46. – 9 дек. ; 1907. – № 90. – 1 февр.
16. Тульские известия. – 1906. – № 113. – 16 мая ; № 114. – 17 мая ; № 10. – 9 авг. ; № 3. – 14 авг. ; № 7. – 18 авг. ; № 9. – 21 авг.
17. Чурбанов, В. Вторая Государственная дума: пламя крайностей и дым компромиссов // Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 23.

²⁷ Чурбанов В. Вторая Государственная дума: пламя крайностей и дым компромиссов // Российская Федерация сегодня. 2005. № 23.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦЕНТРАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ – УЧАСТНИЦ СНГ

АРТЕМОВА Оксана Евгеньевна

***Аннотация.** В статье представлены основные модели определения конституционно-правового статуса центрального избирательного органа в странах Средней Азии – участницах СНГ, проведен анализ его содержания. Выделены общие черты закрепления конституционно-правового статуса центральных избирательных органов в странах Средней Азии – участницах СНГ. Сделан вывод о том, что для центральных избирательных органов республик Средней Азии – участниц СНГ характерны централизация, иерархичность по отношению к нижестоящим избирательным комиссиям, сближение в организационном плане с исполнительной властью. В то же время политический запрос на демократизацию режима обуславливает проведение определенных реформ: появление специальных статей (разделов), посвященных избирательной системе государства, а также статусу центрального избирательного органа, в конституциях стран; установление организационной независимости от законодательных и исполнительных органов государственной власти; принятие специальных нормативных актов, посвященных только статусу центрального избирательного органа.*

***Annotation.** The article presents the main models for determining the constitutional and legal status of the Central Electoral Authority in the countries of Central Asia - CIS members, an analysis of its content has been carried out. General features of the consolidation of the constitutional and legal status of the central electoral bodies in the countries of Central Asia-participants of the CIS are singled out. It was concluded that Central Electoral Authorities of the Central Asian republics-participants in the CIS are characterized by centralization, hierarchy with respect to lower-level election commissions, rapprochement with the executive power in organizational terms. At the same time, a political request for democratization of the regime stipulates certain reforms: the appearance of special articles (sections) on the electoral system of the state, as well as the status of the central electoral body, in the constitutions of countries; establishment of organizational independence from legislative and executive bodies of state power; Adoption of special normative acts on the status of the central electoral body only.*

***Ключевые слова:** выборы, центральный избирательный орган, СНГ, Средняя Азия, государственный орган.*

***Keywords:** election, the central election body, the CIS, Central Asia, the public authority.*

Выборы в демократическом государстве занимают одно из главенствующих положений, выступая одной из форм непосредственного осуществления власти народом. Процедуры, вытекающие из избирательного процесса, нуждаются в определенной организации, которую осуществляют в странах СНГ специально созданные органы. В Российской Федерации

это Центральная избирательная комиссия (далее – ЦИК России). В других государствах – участниках СНГ созданы аналогичные структуры, которые представляют собой обязательный субъект всех избирательных кампаний. Исследование зарубежного опыта всегда имеет определенную пользу для ученых-юристов, тем более опыта стран, имеющих схожие исто-

рию, правовую систему, совокупность взглядов и принципов на государственное строительство.

Особое место в силу религиозных, этнических и культурных традиций в совокупности стран СНГ занимают государства Средней Азии. Обратимся к конституционно-правовому статусу центральных избирательных органов именно указанных государств и выделим определенные особенности.

1. Практически во всех конституционных актах стран СНГ отсутствует даже малейшее упоминание о центральных избирательных комиссиях как основных органах, входящих в систему осуществления публичной власти. В республиках Средней Азии можно увидеть иную картину. В Конституции Республики Узбекистан до 2014 г. отсутствовало упоминание о ЦИК. Законом от 16 апреля 2014 г. № ЗРУ-366 ст. 117 Конституции Республики Узбекистан была дополнена ч. 6–9, посвященными статусу центрального избирательного органа. Данное нововведение оценивалось узбекскими учеными как последовательный шаг в демократизации государственного строительства, как определенный этап развития национальной идентичности¹. Одновременно действует Закон Республики Узбекистан от 30 апреля 1998 г. № 613-1 «О Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан».

В Конституции Республики Туркменистан закреплен специальный разд. V «Избирательная система. Референдум». Напомним, Конституция принята в новой редакции в сентябре 2016 г., что продиктовано курсом на либерализацию политической системы государства. Статус ЦИК определен гл. 2 разд. III Избирательного кодекса Республики Туркменистан.

В Республике Казахстан принят Конституционный закон Республики Казахстан от 28 сентября 1995 г. № 2464 «О выборах». В то же время действует Указ Президента Республики Казахстан от 11 ноября 1996 г. № 3205 «Об утверждении Положения о Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан». В Республике Таджикистан также принят Конституционный закон Республики Таджикистан «О выборах Маджлиси Оли Республики Таджикистан». В вышеуказанных конституцион-

ных законах отдельные положения посвящены статусу центрального избирательного органа.

Закон Кыргызской Республики от 30 июня 2011 г. № 62 «Об избирательных комиссиях по проведению выборов и референдумов Кыргызской Республики» устанавливает статус не только центрального избирательного органа, но и иных комиссий, создаваемых в государстве.

2. Анализ нормативных актов позволяет сделать вывод об общих подходах в определении статуса ЦИК, который практически везде характеризуется как государственный орган. Закрепляется также, что ЦИК является юридическим лицом. Однако во всех республиках Средней Азии отсутствует конструкция юридического лица публичного права. Это создает определенные трудности при характеристике ЦИК и определении его видовой характеристики. Аналогичные проблемы возникают и применительно к статусу ЦИК России, что неоднократно отражалось в научных изданиях, посвященных делегированию государственно-властных полномочий субъектам со специальным правовым статусом и выделению на основе этого особых субъектов конституционного права².

Одновременно устанавливается определенная иерархия, когда в законодательных актах определяется право общего руководства со стороны ЦИК по отношению к иным избирательным комиссиям. Например, ст. 11 Конституционного закона Республики Таджикистан «О выборах Маджлиси Оли Республики Таджикистан» предусматривает: «Центральная комиссия по выборам и референдумам руководит системой избирательных комиссий Республики Таджикистан, является юридическим лицом и постоянно действующим органом». Статья 26 Избирательного кодекса Республики Туркменистан устанавливает, что ЦИК руководит системой избирательных комиссий. Аналогичная формулировка («руководит») присутствует в законодательстве Республики Таджикистан. В соответствии с Законом Кыргызской Республики «Об избирательных комиссиях по проведению выборов и референдумов Кыргызской Республики» ЦИК возглавляет систему избирательных комиссий.

3. Различаются составы центральных избирательных органов. Так, в Республике Казахстан

¹ Абдурахманов Х.А. Обновление избирательной системы Узбекистана: некоторые итоги и их оценка // Закон. 2016. № 6. С. 166–171.

² Романовская О.В. К вопросу о делегировании государственно-властных полномочий // Правоведение. 2011. № 5. С. 154–171; Его же. О юридических лицах публичного права // Гражданин и право. 2015. № 5. С. 29–40.

ЦИК образуется в составе председателя и шести членов. Председатель Комиссии назначается на должность и освобождается от должности Президентом Республики Казахстан, а остальные назначаются в равных пропорциях Президентом и палатами парламента. Заместитель председателя и секретарь Комиссии избираются на первом заседании Комиссии³. Численный состав ЦИК Республики Узбекистан формально не определен. Закон «О Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан» лишь устанавливает, что численный состав Комиссии не может быть менее 15 членов. Не закреплен и срок полномочий состава Комиссии, что создает возможность манипулирования влиянием на мнение ЦИК со стороны исполнительной власти.

Центральная избирательная комиссия Кыргызской Республики состоит из 12 членов, избираемых парламентом сроком на пять лет. Кстати, введена норма, направленная на обязательное представительство женщин: предусматривается запрет на избрание более 70 % лиц одного пола.

Центральная избирательная комиссия Республики Туркменистан образуется Президентом Туркменистана из числа граждан Туркменистана в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 12 членов. Только председатель ЦИК утверждается Меджлисом Туркменистана. Срок полномочий – пять лет⁴.

Также пятилетний срок полномочий и у ЦИК Республики Таджикистан, которая формируется из председателя, заместителя и 13 членов⁵.

4. Обращает внимание, что в избирательном законодательстве присутствуют нормы, не несущие в себе важной правовой нагрузки.

Например, Указ Президента Республики Казахстан от 11 ноября 1996 г. № 3205 проводит градацию: 1) миссия Комиссии (обеспечение прав граждан участвовать в управлении делами государства непосредственно или через своих представителей путем проведения свободных и справедливых выборов и республиканских референдумов); 2) основная задача Комиссии (проведение справедливых, подлинных и свободных выборов и республиканских референдумов в Республике Казахстан); 3) функции Комиссии (закреплены подробно). Основные принципы деятельности ЦИК предусмотрены законодательством Республики Узбекистан. Всего их пять: независимость, законность, коллегиальность, гласность, справедливость. Каждому из принципов посвящена специальная статья Закона «О Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан».

Таким образом, для центральных избирательных органов республик Средней Азии – участниц СНГ характерны централизация, иерархичность по отношению к нижестоящим избирательным комиссиям, сближение в организационном плане с исполнительной властью. В то же время политический запрос на демократизацию режима обуславливает проведение определенных реформ: появление специальных статей (разделов), посвященных избирательной системе государства, а также статусу центрального избирательного органа, в Конституции страны; установление организационной независимости от законодательных и исполнительных органов государственной власти; принятие специальных нормативных актов, посвященных только статусу центрального избирательного органа.

Библиографический список

1. Абдурахманов, Х.А. Обновление избирательной системы Узбекистана: некоторые итоги и их оценка // Закон. – 2016. – № 6.
2. Жакаева, Л.С. О процедурах формирования избирательных органов Республики Казахстан // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 6.

³ Жакаева Л.С. О процедурах формирования избирательных органов Республики Казахстан // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 6. С. 41–46.

⁴ Хаитов М.О. Туркменистан – вопросы конституционно-политического развития // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 75–77.

⁵ Рахимов М.З. Развитие законодательства Республики Таджикистан в период независимости // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 102–109.

3. Рахимов, М.З. Развитие законодательства Республики Таджикистан в период независимости // Журнал российского права. – 2013. – № 2.
4. Романовская, О.В. К вопросу о делегировании государственно-властных полномочий // Правоведение. – 2011. – № 5.
5. Романовская, О.В. О юридических лицах публичного права // Гражданин и право. – 2015. – № 5.
6. Хаитов, М.О. Туркменистан – вопросы конституционно-политического развития // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 10. – С. 75–77.

КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК СЛЕДСТВИЕ УНИТАРИЗАЦИИ УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА

**ЖУНУСКАНОВ Толыбек Жунусканович,
ВЕРБА Дина Валерьевна**

***Аннотация.** В статье дается анализ взаимосвязи формы государственного устройства и конституционного законодательства на примере Республики Казахстан, доказывається, что принципом казахстанского унитаризма является формирование единой национальной правовой системы, заложенное в самой Конституции, так как в ней дается определение действующего права (п. 1 ст. 4), согласно которому все нормативные правовые акты должны соответствовать Конституции. То есть Конституция Республики Казахстан предопределяет формирование, развитие единой национальной системы права с едиными принципами и идеями, куда отнесено и конституционное законодательство.*

***Annotation.** The article provides an analysis of the relationship between form of government and constitutional law on the example of the Republic of Kazakhstan, of the hum is that the principle of unity of Kazakhstan is the formation of a unified national legal system, which is incorporated in the Constitution itself, as it defines the current law (paragraph 1 of article 4), according to which all legal acts must comply with the Constitution. That is, the Constitution of Kazakhstan determines the formation, the development of a unified national law system with the common principles and ideas, assigned and constitutional law.*

***Ключевые слова:** конституция, Российская Федерация, Республика Казахстан, форма государственного устройства, административно-территориальное устройство, унитаризм.*

***Keywords:** Constitution of Russian Federation, Republic of Kazakhstan, form of government, administrative-territorial structure, unitarism.*

«Каждому народу на каждом этапе своего развития, – писал И.А. Ильин, – должна быть свойственна своя, особая, индивидуальная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может быть гибельным»¹. Эмпирические исследования и анализ Конституции, законодательства Республики Казахстан говорят о том, что Казахстан можно отнести к суперпрезидентской республике, где наблюдается синтез «власти, аристократии и власти народа». Поскольку на Конституцию Республики Казахстан заметное влияние оказали заимствованные нормы из европейского права²,

ее положения реализуются через нормы иных нормативных правовых и подзаконных актов³. Основным блоком конституционного регулирования являются правовые положения и порядок функционирования органов государственной власти. В Конституции Республики Казахстан прописан институт контрасигнату-

(далее – Центр); действующее право основано на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса, т. е. специальный суд. Деятельность названного суда противоречит п. 3 ст. 75 Конституции и п. 1 ст. 3 Конституционного закона Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», согласно которым «судебную систему Республики Казахстан составляют Верховный Суд Республики Казахстан, местные и другие суды, учреждаемые в соответствии с Конституцией и названным Конституционным законом. Учреждение специальных и чрезвычайных судов под каким-либо названием не допускается».

³ См.: Абзац 2 п. 2 Постановления Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 г. № 3 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4, пункта 1 статьи 14, подпункта 3) пункта 3 статьи 77, пункта 1 статьи 79 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан» (в ред. от 8 ноября 2007 г.). URL: <http://www.adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 20.12.2016).

¹ Цит. по: Симонишвили Л.Р. Формы правления. История и современность : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2011. 43 с.

² Например, по французской модели был создан Конституционный Совет Республики, состоящий из высших должностных лиц государства, перечень которых определен Конституционным законом Республики Казахстан «О Конституционном Совете Республики Казахстан» (п. 1 ст. 20). По английскому праву создан Международный финансовый центр «Астана»

ры⁴ и т. д., т. е. отношения и институты, связанные с деятельностью государственной власти в обществе, составляют в совокупности политическую систему.

История существования различных государств свидетельствует о том, что во все времена они отличались друг от друга внутренним строением, способом территориального деления (административно-территориальные единицы, автономные политические образования, государственные образования, обладающие суверенитетом), а также степенью централизации государственной власти (централизованные, децентрализованные, организованные по принципу демократического централизма). Все вышеперечисленные явления в современной теории государства и права принято объединять в один термин – «форма государственного устройства». Так, например, Ш. Монтескье считал, что устройство государства должно обеспечивать политическую свободу граждан, а также справедливость и устойчивость политической системы⁵.

Форме государственного устройства как элементу формы государства посвящено значительное количество трудов и исследований, написанных как учеными и юристами, так и политологами. В последнее время появилось множество статей по проблемам федерализма, об унитаризме пишут значительно реже.

По мнению ученых, Республика Казахстан по форме государственного устройства считается классическим унитарным государством, с президентской формой правления, в котором нет частей с суверенными правами. Данное определение нашло отражение в ст. 1 Конституции Республики Казахстан. На самом деле классичность казахстанского унитаризма заключается в том, что в системе государственного устройства главенствующая роль принадлежит институту президентства. Формируются и развиваются институты гражданского общества, в нормах национального права много неадаптированных правовых ценностей За-

пада и Востока, имеют место заимствования иностранной конституционной модели и т. д. Таким образом, в Республике Казахстан свои подходы к устройству права и государства.

В целом взгляды казахских ученых сводятся к тому, что содержание Конституции Республики Казахстан и национального права отвечает интересам формы правления и формы государственного устройства. В частности, категоричен в этом плане Г.С. Сапаргалиев, по мнению которого унитарная форма казахстанского государства с президентской формой правления, провозглашенная в Конституции Республики Казахстан 1995 г. поставила точку в этом вопросе. Ученый считает, что последняя пошла дальше всех предыдущих конституций в утверждении унитаризма в Республике Казахстан, поскольку установленные в ее Конституции унитарность и территориальная целостность государства не могут быть изменены. Например, ни Парламент, ни Президент Республики Казахстан не могут инициировать вопрос об изменении унитарной формы государственного устройства. Если политическая партия или общественное объединение будут ставить вопрос об изменении унитарной формы устройства государства Казахстана, то это будет квалифицироваться как попытка изменения конституционного строя и т. д. К правовой основе казахстанского унитаризма относят также единую конституционную и общую законность⁶.

Одной из особенностей административно-территориального устройства Казахстана как унитарного государства считается его традиционное деление на равноправные одноуровневые административные единицы, что также отразилось на законодательстве Республики Казахстан, т. е. принципом казахстанского унитаризма является формирование единой национальной правовой системы, которое заложено в самой Конституции, так как в ней дается определение действующего права (п. 1 ст. 4), согласно которому все нормативные правовые акты должны соответствовать Конституции. Таким образом, Конституция Рес-

⁴ Согласно п. 3 ст. 45 Конституции Республики Казахстан «акты Парламента, подписываемые Президентом Республики, а также акты Президента, издаваемые по инициативе Правительства, предварительно скрепляются соответственно подписью Председателя каждой из Палат Парламента либо Премьер-Министра, на которых возлагается юридическая ответственность за законность данных актов»; и др.

⁵ Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Мысль, 1955. 355 с.; Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 312; и др.

⁶ Сапаргалиев Г.С. Конституционное право Республики Казахстан. Академический курс. Алматы: Жетіжарғы, 2002. С. 197–198, 201; Конституционное право Республики Казахстан: учеб. / сост. А.Т. Ашеулов; отв. ред. М.С. Нарикбаев. Алматы: КазГЮА, 2001. Гл. 1. С. 25–26; Кубеев Е.К., Амандыкова С.К. Конституция Республики Казахстан. Теоретико-правовой анализ. Алматы: Білім, 2008. 301 с.; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2-е изд. / под ред. С.А. Комарова. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2014. 538 с.

публики Казахстан предопределяет формирование, развитие единой национальной системы права с едиными принципами и идеями, куда отнесено и конституционное законодательство. Действующее право Республики Казахстан рассматривается как система норм права, содержащихся в принятых правомочными субъектами в установленном порядке нормативных правовых актов⁷.

Отсюда следует, что теоретически наука конституционного права Казахстана представляет собой целостное явление, следовательно, ее концепции, теоретические положения не только связаны между собой, но должны отличаться единством. При этом единство и целостность науки конституционного права не отрицают относительную самостоятельность теоретических комплексов. Конституционное право Республики Казахстан как наука состоит из значительного ряда таких комплексов, которые изучаются самостоятельно. К их числу относят теорию разделения власти, парламентаризм, президентскую форму правления, избирательную систему, гражданство, суверенитет, характер и сущность государственности, народовластия, концепцию гражданского общества, политический плюрализм и др. Каждая из этих теорий и концепций формируется самостоятельно, но в то же время они оказывают влияние друг на друга, поскольку основным источником обозначена Конституция Республики Казахстан. В связи с этим в научной литературе отмечается, что именно изучение практики позволяет понять не только формальную природу, но и фактическую сущность, реальность действия конституционно-правовых норм. Значит, практическое комплексное исследование конституционно-правовых норм является основой построения научных теорий, концепций, идей.

Единство системы органов государственной власти унитарного государства имеет свои особенности, которые обусловлены унитарными отношениями. Во-первых, унитарные отношения считаются особым государственно-правовым отношением, поскольку складыва-

ются между высшими и местными органами государственной власти и построены по принципу иерархии. Во-вторых, они имеют своеобразные формы реализации и складываются как между высшими органами государственной власти, так и между ними и местными органами государственной власти. В принципе лишь в этом и заключаются их горизонтально-вертикальные государственно-правовые отношения.

Следующее отличие унитарного государства от федеративного заключается в том, что первое иногда называют «простым» государством, полагая, что отношения между государственными органами также являются «простыми». В связи с этим они практически не стали предметом исследования. В то же время, по мнению ученых, унитарные отношения имеют сложный характер. Сложность заключается в том, что они складываются не только между вышестоящими и нижестоящими органами государственной власти, составляющими единую систему, но возникают также между государственными органами, в организационном отношении друг другу не подчиненными. В результате унитарные отношения понимаются в широком и узком смыслах.

В данном случае в унитарные государственно-правовые отношения в широком смысле включены отношения между высшими органами государственной власти; между высшими органами государственной власти и местными органами государственной власти, не составляющими в организационном отношении единую систему; между высшими органами государственной власти и местными органами государственной власти, составляющими в организационном отношении единую систему.

В узком смысле теория проста: унитарные отношения понимаются как отношения между высшими и местными органами государственной власти, представляющими в организационном отношении единую систему.

В научной литературе отмечается, что унитарные государственно-правовые отношения складываются также между некоторыми высшими органами государственной власти и местными органами государства, которые не объединены в единую систему. Здесь речь идет об унитарных организационно-правовых отношениях, складывающихся между Президентом Республики Казахстан и местными исполнительными органами, хотя они являются представителями Президента и Правительства.

⁷ См.: Пункт 1 ст. 4 Конституции Республики Казахстан, согласно которому «действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договоров и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики». Также см.: Абзац 1 п. 2 Постановления Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 г. № 3 ; и др.

В таком же порядке построены неиерархические отношения между Парламентом и местными представительными органами – маслихатами, а также между высшими (центральными) органами и местными органами государственной власти (т. е. по признакам подчинения), входящими в единую систему органов исполнительной власти, характеризующимися такими признаками, как вертикальность, иерархичность, разграничение полномочий и т. д.

Следующее отличие непосредственно связано с особенностью административно-территориального устройства: это традиционное деление на равноправные одноуровневые административные единицы, которые независимо от экономического потенциала, количества населения и территории наделены одинаковыми полномочиями. Вероятно, что в условиях унитарного государства такое положение возможно и правильно, соответствует принципам единства внутреннего и внешнего суверенитета. Однако и в федеративном государстве суверенитет делится на внутренний и внешний⁸.

Другим важным принципом обозначено единство конституционной и общей законности. Это связано с наличием одной Конституции Республики Казахстан, означающим, что на всем территориальном пространстве ее нормы и положения являются обязательными для всех государственных органов, учреждений, организаций, должностных лиц, общественных объединений, граждан Республики Казахстан; в том числе они не должны нарушаться иностранными государствами, их организациями и гражданами. Это касается и международных договоров, заключаемые с участием Казахстана.

Следующий принцип – это формирование единой национальной правовой системы⁹. Од-

нако, как известно, «в зависимости от срочных обстоятельств»¹⁰ предназначение одного и то же термина толкуется по-разному. Например, по мнению Конституционного Совета Республики Казахстан, указанной в п. 2 ст. 45 Конституции категорией «закон» охватываются все виды законов, в том числе и конституционные¹¹, хотя в п. 4 ст. 62 Конституции Республики Казахстан прямо сказано о том, что «конституционные законы принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией, большинством не менее двух третей голосов от общего числа депутатов каждой из Палат».

Все это на практике привело к тому, что конституционные нормы в процессе интерпретации приобретают иное содержание, которое *исходит из позиции правоприменителей*. В частности, суд вправе издавать нормативные постановления по вопросам применения норм Конституции в судебной практике. Из *текста Нормативного постановления* Конституционного Совета Республики Казахстан от 19 августа 2005 г. № 5 «Об официальном толковании пунктов 1 и 3 статьи 41 и пункта 1 статьи 94 Конституции Республики Казахстан» следует, что Основной Закон не содержит специальной нормы, формально определяющей иерархию конституционных положений. Однако с учетом специфики различных конституционных норм некоторым из них в ходе толкования может отдаваться предпочтение как имеющим приоритетное значение в конкретных ситуациях. Так, в постановлениях Конституционного Совета Республики Казахстан от 29 октября 1999 г. № 20/2, от 7 июня 2000 г. № 4/2 говорится, что нормы разд. I «Общие положения», закрепляющие основы конституционного строя и другие основополагающие установления, обладают приоритетом по отношению к другим конституционным нормам. При толковании конституционных норм вопрос об их воз-

⁸ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2-е изд. / под ред. С.А. Комарова; Комментарий к Конституции Российской Федерации / общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. М.: Правовая культура, 1996. С. 278; и др.

⁹ См.: Нормы п. 1 ст. 4 Конституции Республики Казахстан [официальный текст]: [принята на республиканском референдуме 25 декабря 1995 г.]: по состоянию на 2 февраля 2011 г. Алматы: Жеті жарғы, 2013. Также см.: Разъяснения в Постановлении Конституционного Совета Республики Казахстан от 28 октября 1996 г. № 6/2 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4 и пункта 2 статьи 12 Конституции Республики Казахстан» // Егемен Қазақстан. 1996. 30 окт.; Постановлении Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 г. № 3; Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 г. № 1 «О применении норм международных договоров Республики Казахстан». URL: <http://www.adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 20.12.2016); и др.

¹⁰ Железнов Б.Л. Не допускать произвольного толкования конституционных норм в повседневном законодательстве // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2009. URL: http://repository.kpfu.ru/?p_id=17340

¹¹ См.: Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 3 июля 2000 г. № 15/2 «Об официальном толковании подпункта 2) статьи 44, пункта 2 статьи 45, пункта 2 статьи 61, пункта 2 статьи 62, подпункта 2) пункта 1 статьи 72 Конституции Республики Казахстан» // Казахстанская правда. 2000. 18 июля; Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 26 июня 2008 г. № 5 «Об официальном толковании пункта 2 статьи 45, подпунктов 3) и 4) статьи 53 Конституции Республики Казахстан» // Казахстанская правда. 2008. 21 авг.

возможной соподчиненности должен решаться в контексте всей системы норм Основного Закона применительно к конкретной ситуации»¹². Как видим на практике, нормы Конституции Республики Казахстан воспринимаются неоднозначно, иной раз расплывчато, в зависимости от тех или иных обстоятельств.

Следовательно, нормативные постановления Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 г. № 3 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4, пункта 1 статьи 14, подпункта 3) пункта 3 статьи 77, пункта 1 статьи 79 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан»¹³, от 2 июля 1997 г. № 16/2 «Об обращении Председателя Сената Парламента Республики Казахстан по поводу официального толкования пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан»¹⁴, от 5 августа 2002 г. № 5 «О соответствии Конституции Республики Казахстан Закона Республики Казахстан “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам прокурорского надзора”»¹⁵, от 6 марта 2013 г. № 1 «Об официальном толковании норм пункта 8 статьи 62 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан»¹⁶ и другие подлежат

приведению в соответствие с *нормами п. 1 ст. 4 и п. 1 ст. 14 Конституции* Республики Казахстан.

В связи с этим надо отметить, что создание правового общества и государственной власти должны находить непосредственное отражение также и в конституционном законодательстве, которое реализуется через конституционное процессуальное законодательство, где с отдельными изъятиями должны быть сосредоточены ключевые нормы всех процессуальных законодательств; лишь тогда конституционное законодательство сможет быть гарантом незыблемости Конституции.

В последние годы в Республике Казахстан понятие «конституционный закон» необоснованно расширено. Как следует из текста новой Конституции, законодатель воспринял широкую трактовку термина «конституционный закон». Сюда включены и органические законы, названные в тексте Конституции. Например, под законами, принимаемыми Парламентом, в Конституции Республики Казахстан имеются в виду: 1) закон о внесении изменений и дополнений в Конституцию; 2) конституционный закон; 3) обычный (органический) закон. Эти группы законов составляют часть законодательных актов. К другой части относятся постановления Сената и Мажилиса.

Включение в состав законодательства широкого круга нормативных правовых актов (как законов, так и подзаконных актов) – скорее часть проблемы унитарного государства. Подобная трактовка законодательства рассматривается как противовес узкой концепции законодательства. Даже сторонники такой, узкой, трактовки признают, что в настоящее время законодательство включает не только законы. Так, в соответствии с п. 7 Закона Республики Казахстан «О правовых актах» к законодательным актам относят указы Президента, издаваемые им на основе, так называемых «скрытых» полномочий.

Такие позиции обусловлены тем, что действующее право Казахстана рассматривается как система норм права, содержащихся в принятых правомочными субъектами в установленном порядке нормативных правовых актах.

¹² Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 19 августа 2005 г. № 5 «Об официальном толковании пунктов 1 и 3 статьи 41 и пункта 1 статьи 94 Конституции Республики Казахстан». URL : <http://www.adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 20.12.2016). См. также: Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 29 марта 1999 г. № 7/2 «Об официальном толковании пункта 2 статьи 13, пункта 1 статьи 14, пункта 2 статьи 76 Конституции Республики Казахстан». URL : <http://www.adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 20.12.2016) ; и др.

¹³ Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 г. № 3.

¹⁴ Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 2 июля 1997 г. № 16/2 «Об обращении Председателя Сената Парламента Республики Казахстан по поводу официального толкования пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан». URL : <http://www.adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 20.12.2016).

¹⁵ Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 августа 2002 г. № 5 «О соответствии Конституции Республики Казахстан Закона Республики Казахстан “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам прокурорского надзора”» (в ред. от 27 апреля 2011 г.) // Казахстанская правда. 2002. 16 авг.

¹⁶ Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 2013 г. № 1 «Об официальном толковании норм пункта 8 статьи 62 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан» // Егемен Қазақстан. 2013. 12 марта. См. также: Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 26 декабря 2000 г. № 23/2 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 83 и пункта 1 статьи 84 Конституции Республики Казахстан» (последняя ред. утратило силу). Отменено в целом нормативным постановлением Конституционного Совета Республики Казахстан от 8 ноября 2007 г. № 9 // Казахстанская правда. 2001. 9 янв. ; Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 30 января 2003 г. № 10

«Об официальном толковании пункта 4 статьи 52, пункта 5 статьи 71, пункта 2 статьи 79, пункта 3 статьи 83 и пункта 2 статьи 15 Конституции Республики Казахстан» (последняя ред.) // Казахстанская правда. 2003. 1 февр. ; Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 26 июня 2008 г. № 5 ; и др.

Возможно, это верно на первых этапах развития деятельности и правовой системы Республики Казахстан, которая не противоречит Конституции и казахстанской модели президентской формы правления, позволяющей, исходя из сложившихся объективных обстоятельств, в соответствии с Конституцией Республики Казахстан и волеизъявлением Президента и Парламента Республики проводить временное перераспределение законотворческих полномочий и вытекает из конституционных норм п. 3 ст. 40 и п. 2 ст. 45 Конституции и т.д.

В то же время в результате такого подхода нормы Конституции, законов и другие зако-

дательные термины воспринимаются в расширительном смысле (виде), что также отразилось на содержания Конституции Республики Казахстан и конституционного законодательства, а также на составе действующего права. В итоге конституционное законодательство также в зависимости от круга его источников понимается в широком и узком смыслах.

Это еще раз убеждает нас в том, что на понятие, содержание, структуру и систему конституционного законодательства, а также на содержание Конституции Республики Казахстан в целом, несомненно, влияет форма государственного устройства Казахстана.

Библиографический список

1. Конституция Республики Казахстан [официальный текст] : [принята на республиканском референдуме 25 декабря 1995 г.] : по состоянию на 2 февраля 2011 г. – Алматы : Жеті жарғы, 2013.
2. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 3 июля 2000 г. № 15/2 «Об официальном толковании подпункта 2) статьи 44, пункта 2 статьи 45, пункта 2 статьи 61, пункта 2 статьи 62, подпункта 2) пункта 1 статьи 72 Конституции Республики Казахстан» // Казахстанская правда. – 2000. – 18 июля.
3. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 19 августа 2005 г. № 5 «Об официальном толковании пунктов 1 и 3 статьи 41 и пункта 1 статьи 94 Конституции Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 20.12.2016).
4. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 26 июня 2008 г. № 5 «Об официальном толковании пункта 2 статьи 45, подпунктов 3) и 4) статьи 53 Конституции Республики Казахстан» // Казахстанская правда. – 2008. – 21 авг.
5. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 2013 г. № 1 «Об официальном толковании норм пункта 8 статьи 62 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан» // Егемен Қазақстан. – 2013. – 12 марта.
6. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 г. № 1 «О применении норм международных договоров Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 20.12.2016).
7. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 28 октября 1996 г. № 6/2 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4 и пункта 2 статьи 12 Конституции Республики Казахстан» // Егемен Қазақстан. – 1996. – 30 окт.
8. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 г. № 3 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4, пункта 1 статьи 14, подпункта 3) пункта 3 статьи 77, пункта 1 статьи 79 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан» (в ред. от 8 ноября 2007 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 20.12.2016).
9. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 2 июля 1997 г. № 16/2 «Об обращении Председателя Сената Парламента Республики Казахстан по поводу официального толкования пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 20.12.2016).
10. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 29 марта 1999 г. № 7/2 «Об официальном толковании пункта 2 статьи 13, пункта 1 статьи 14, пункта 2 статьи 76 Конституции Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 20.12.2016).

11. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 августа 2002 г. № 5 «О соответствии Конституции Республики Казахстан Закона Республики Казахстан “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам прокурорского надзора”» (в ред. от 27 апреля 2011 г.) // Казахстанская правда. – 2002. – 16 авг.
12. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 30 января 2003 г. № 10 «Об официальном толковании пункта 4 статьи 52, пункта 5 статьи 71, пункта 2 статьи 79, пункта 3 статьи 83 и пункта 2 статьи 15 Конституции Республики Казахстан» (последняя ред.) // Казахстанская правда. – 2003. – 1 февр.
13. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 26 декабря 2000 г. № 23/2 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 83 и пункта 1 статьи 84 Конституции Республики Казахстан» (последняя ред. (утратило силу). Отменено в целом нормативным постановлением Конституционного Совета Республики Казахстан от 8 ноября 2007 г. № 9) // Казахстанская правда. – 2001. – 9 янв.
14. Железнов, Б.Л. Не допускать произвольного толкования конституционных норм в повседневном законотворчестве [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. – 2009. – Режим доступа : http://repository.kpfu.ru/?p_id=17340
15. Комментарий к Конституции Российской Федерации / общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. – М. : Правовая культура, 1996.
16. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – 2-е изд. / под ред. С.А. Комарова. – СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2014. – 538 с.
17. Конституционное право Республики Казахстан : учеб. / сост. А.Т. Ащеулов ; отв. ред. М.С. Нарикбаев. – Алматы : КазГЮА, 2001. – Гл. 1.
18. Кубеев, Е.К. Конституция Республики Казахстан. Теоретико-правовой анализ / Е.К. Кубеев, С.К. Амандыкова. – Алматы : Білім, 2008. – 301 с.
19. Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3.
20. Монтескьё, Ш. Избранные произведения. – М. : Мысль, 1955. – 355 с.
21. Сапаргалиев, Г.С. Конституционное право Республики Казахстан. Академический курс. – Алматы : Жетіжарғы, 2002.
22. Симонишвили, Л.Р. Формы правления. История и современность : учеб. пособие. – 2-е изд. – М., 2011. – 43 с.

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ФУНКЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ ЕДИНОГО ПОНЯТИЯ

КОЛЕСНИКОВ Андрей Владимирович

***Аннотация.** Актуальность статьи обусловлена хаотичным состоянием законодательства, регулирующего порядок применения норм такого межотраслевого института, как «муниципальный контроль». В преддверии принятия Федерального закона «Об основах государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации» необходимо выявить и выделить существующие проблемы в правовом регулировании и осуществлении муниципального контроля. В статье выявлены проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности из-за отсутствия четкого понятийного аппарата, предложены различные модели муниципального контроля.*

***Annotation.** The relevance of the article is determined by the chaotic state of the legislation regulating the application of the norms of such an intersectoral institution as “municipal control”. On the eve of the adoption of the Federal Law “On the Basics of State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation” it is necessary to identify and highlight existing problems in the legal regulation and implementation of municipal control. The article reveals the problems that arise in law enforcement activities due to the lack of a clear conceptual apparatus, various models of municipal control are proposed.*

***Ключевые слова:** функция, контроль, надзор, муниципальный контроль, орган муниципально-го контроля, органы местного самоуправления, муниципальное образование, выполнение обязательных требований, муниципальный финансовый контроль, контрольно-счетный орган.*

***Keywords:** function, control, supervision, municipal control, municipal control body, local government bodies, municipal formation, compulsory requirements, municipal financial control, control and accounting body.*

Функция муниципального контроля за решением собственных вопросов местного значения была возложена органами государственной власти на муниципальные органы относительно недавно – в июле 2011 г. – путем внедрения в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (далее – Закон № 131-ФЗ) ст. 17.1 «Муниципальный контроль» и принятия ряда отраслевых нормативных правовых актов. До этого момента контроль за деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей осуществлялся на территории муниципального образования в пределах полномочий, закрепленных за органами местного самоуправления Федеральным законом от

26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»² (далее – Закон № 294-ФЗ).

До 2014 г. органы местного самоуправления выполняли роль контролера только в отношении тех вопросов, которые им четко устанавливали федеральные власти в законодательстве разных уровней. К числу видов такого контроля относился жилищный контроль, земельный контроль, лесной контроль, контроль за сохранностью автомобильных дорог и некоторые другие виды контроля в зависимости от вида муниципального образования и положений отраслевого законодательства. Однако это была лишь подготовительная стадия для орга-

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс».

нов местного самоуправления. С 2014 г. на муниципальные органы возложен контроль за соблюдением требований, установленных муниципальными правовыми актами, принятыми по вопросам местного значения, а в случаях, если соответствующие виды контроля отнесены федеральными законами к полномочиям органов местного самоуправления, также муниципальный контроль за соблюдением требований, установленных федеральными законами, законами субъектов РФ. Этот факт, конечно, не исключает осуществление контроля и надзора органами государственной власти по ряду вопросов. В связи с этим возникло большое количество неразрешенных проблем в реализации контрольных функций органами местного самоуправления. К числу таковых можно отнести отсутствие отчетливых формулировок в понятийном аппарате.

Нет ясности в самом термине «муниципальный контроль». В Законе № 131-ФЗ нет определения муниципального контроля с характеризующими такую категорию признаками; в ч. 1 ст. 17.1 лишь указывается (как это было сказано выше), что органы местного самоуправления проверяют соблюдение требований, установленных муниципальными правовыми актами, актами субъектов РФ и федеральными актами. При этом, во-первых, необходимо учитывать, что муниципальные нормативные акты принимаются по вопросам местного значения и решению отдельных государственных полномочий. Во-вторых, в ч. 1 ст. 17.1 не прописано, над кем и в каком порядке этот контроль осуществляется.

Часть 2 ст. 17.1 Закона № 131-ФЗ содержит отсылочную норму на Закон № 294-ФЗ, но это касается лишь отношений по проведению проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В свою очередь в Законе № 294-ФЗ под муниципальным контролем понимается деятельность органов местного самоуправления, уполномоченных в соответствии с федеральными законами на организацию и проведение на территории муниципального образования проверок соблюдения юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями требований, установленных муниципальными правовыми актами, а также требований, установленных федеральными законами, законами субъектов РФ, в случаях, если соответствующие виды контроля относятся к вопросам местного значения, а также на органи-

зацию и проведение мероприятий по профилактике нарушений указанных требований. Это определение корреспондирует с определением жилищного контроля, закрепленного в ч. 1.1 ст. 20 Жилищного кодекса РФ³, где конкретизируется понятие применительно к жилищным отношениям. Лесной кодекс⁴, так же как и Закон № 131-ФЗ, понятие лесного контроля относит к общему понятию, закрепленному в Законе № 294-ФЗ.

Таким образом, казалось бы, общее определение муниципального контроля и его характеристики укладываются в понятие, установленное Законом № 294-ФЗ, но это не так. Иное по смысловой нагрузке понятие мы можем увидеть в Земельном кодексе⁵, в котором под муниципальным земельным контролем понимается деятельность органов местного самоуправления по контролю за соблюдением органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, гражданами в отношении объектов земельных отношений требований законодательства РФ, законодательства субъекта РФ, за нарушение которых законодательством РФ, законодательством субъекта РФ предусмотрена административная и иная ответственность.

Ряд нормативных правовых актов федерального уровня содержит полномочия органов местного самоуправления, но не предусматривает ни понятия муниципального контроля, ни субъектов, которые его осуществляют, ни порядка его осуществления. В качестве примера можно привести Водный⁶ и Градостроительный⁷ кодексы, Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ (далее – Закон «Об энергосбереже-

³ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

нии...»), Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении»⁹ (далее – Закон «О теплоснабжении») и др. При этом, если в указанных кодексах вообще не говорится о муниципальном контроле, а лишь закреплены полномочия муниципальных органов (хотя, например, п. 20 ч. 1 ст. 14 Закона № 131-ФЗ закрепляет муниципальный контроль в градостроительной сфере), то в п. 4 ст. 8 Закона «Об энергосбережении...» и в п. 4 ч. 1 ст. 6 Закона «О теплоснабжении» закреплена компетенция по контролю, но без дополнительного правового регулирования и определения этого контроля.

Из анализа вышеуказанных нормативных правовых актов можно сделать ряд выводов об основных категориальных несоответствиях:

1. Законодатель не потрудился дать четкое разграничения в категориях «контроль» и «надзор». Существуют разные подходы к этим понятиям, которые сейчас не будут темой обсуждения. Как правило, многие склоняются к тому, что по результатам контроля не только выявляется вопрос о законности или незаконности действий или актов, но и применяются меры административного принуждения, а по результатам надзора только выявляется законность или отсутствие законности в деятельности субъекта права. Однако проблема кроется не в теоретических спорах по данному вопросу, а в том, что эти понятия иногда прямо противоположно понимаются в различных нормативных актах. Законодатель использует их так, как выгоднее в том или ином случае. Например, в соответствии с Земельным кодексом РФ по результатам муниципального земельного контроля составляется акт о нарушении земельного законодательства, а в рамках земельного надзора виновные привлекаются к ответственности. В целях гармонизации законодательства, необходимо в обязательном порядке разграничить и определить категории «контроль» и «надзор».

2. Нет ясности в наборе подконтрольных субъектов. Так, Закон № 294-ФЗ, Закон «Об энергосбережении...», Закон «О теплоснабжении» в качестве подконтрольных субъектов устанавливают юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, Жилищный кодекс РФ добавляет к ним граждан, а Земельный кодекс РФ, помимо граждан, включает в круг

субъектов органы государственной власти и органы местного самоуправления. Это очень серьезная проблема, поскольку в ней кроется неразбериха в вопросе о том, какой должен быть статус органа муниципального контроля. Есть разные варианты. Во-первых, можно создать отдельный орган муниципального контроля по типу контрольно-счетного органа с соответствующим наделением статуса защиты должностных лиц этого органа. Такой орган будет независим и сможет контролировать не только деятельность юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан, но и решение вопросов местного значения местной администрацией. Но это повлечет расширение чиновничьего аппарата и увеличение расходов из местного бюджета. Второй вариант – ведомственный контроль. В этом случае структурные подразделения местной администрации, занимающиеся решением вопросов местного значения, введут в свою структуру должность контролера (либо наделят дополнительной компетенцией существующее должностное лицо), которая будет определена в законе субъекта РФ и наделена правом составления административного протокола. Третий вариант – это сочетание одного из двух первых с применением аутсорсинга. В этом случае органы местного самоуправления будут осуществлять контрольные функции с возможностью привлечения специалистов в виде аккредитованных этими же органами экспертов. Такая возможность предусмотрена Приказом Росаккредитации от 17 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Порядка проведения квалификационного экзамена для граждан, претендующих на получение аттестации экспертов, привлекаемых к проведению мероприятий по контролю, Положения об аттестационной комиссии Федеральной службы по аккредитации по проведению квалификационного экзамена для граждан, претендующих на получение аттестации экспертов, привлекаемых к проведению мероприятий по контролю, формы заявления об аттестации эксперта, привлекаемого к проведению мероприятий по контролю, перечня видов экспертиз, для проведения которых Федеральной службе по аккредитации требуется привлечение экспертов, критериев аттестации экспертов, привлекаемых Федеральной службой по аккредитации к проведению мероприятий по контролю, Правил формирования и ведения реестра сведений об аттестации экспертов, привле-

⁹ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // СПС «КонсультантПлюс».

каемых Федеральной службой по аккредитации к проведению мероприятий по контролю» (зарегистрировано в Минюсте России 12 апреля 2017 г. № 46352)¹⁰ (начало действия документа – 24 апреля 2017 г.).

3. Анализируя нормы Закона № 131-ФЗ и ч. 7 ст. 28.3 КоАП РФ¹¹ (должностные лица, уполномоченные составлять протокол об административном правонарушении) в системном единстве, можно классифицировать контроль в зависимости от его объекта на следующие виды: а) финансовый контроль над деятельностью органов местного самоуправления; б) муниципальный контроль. Такое разделение муниципального контроля неизбежно должно повлечь правовое размежевание этих двух видов с одновременным закреплением статуса органов и должностных лиц, их полномочий и подконтрольные субъекты. В случае с финансовым контролем все вполне ясно определено. Что касается муниципального контроля, то не понятно, по всем ли вопросам местного значения контролируется соблюдение требований, установленных органами местного самоуправления и органами государственной власти. Например, как, какими органами и над кем осуществляется контроль по вопросу создания условий для развития местного традиционного народного художественного творчества, участия в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов в поселении, закреплённому в п. 13.1 ст. 14 Закона № 131-ФЗ? Очевидно, что назрела необходимость детальной регламентации муниципального контроля, не являющегося финансовым.

4. Нет четкого понятия объекта контроля. Основная масса нормативных правовых актов в качестве объекта определяет «невыполнение

обязательных требований». При этом не обязательно, чтобы за нарушение этих требований непременно была предусмотрена ответственность. В отличие от других правовых актов, Земельный кодекс РФ, наоборот, в качестве объекта закрепил только те обязательные требования, за которые законодательством РФ или законодательством субъектов РФ предусмотрена ответственность.

5. «Основанием применения мер административно-правового принуждения в ходе и по результатам контрольно-надзорной проверки публичной администрации служит совершаемое или совершенное проверяемым юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем нарушение обязательных требований того или иного вида, которое формально не признается административным правонарушением, но предусматривается законодательством в сфере государственного и муниципального контроля публичной администрации»¹². Правоприменители и нарушители не всегда знают и улавливают разницу в понятиях «несоблюдение обязательных требований» и «правонарушение», а потому не всегда соблюдают ч. 4 ст. 4.1 КоАП РФ, согласно которой назначение административного наказания не освобождает лицо от исполнения обязанности, за неисполнение которой административное наказание было назначено.

Все это (и многое другое, не затронутое в рамках темы статьи) предопределяет необходимость внесения в большой массив нормативных правовых актов изменений, направленных на гармонизацию межотраслевого института муниципального контроля и принятия единого акта с продуманным и комплексным понятийным аппаратом, единой методикой контроля, компетенцией и (очень важно!) статусом должностных лиц и органов муниципального контроля. К сожалению, проект Федерального закона «Об основах государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации»¹³ не устраняет противоречия, существующие сегодня.

¹⁰ Приказ Росаккредитации от 17 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Порядка проведения квалификационного экзамена для граждан, претендующих на получение аттестации экспертов, привлекаемых к проведению мероприятий по контролю, Положения об аттестационной комиссии Федеральной службы по аккредитации по проведению квалификационного экзамена для граждан, претендующих на получение аттестации экспертов, привлекаемых к проведению мероприятий по контролю, формы заявления об аттестации эксперта, привлекаемого к проведению мероприятий по контролю, перечня видов экспертиз, для проведения которых Федеральной службе по аккредитации требуется привлечение экспертов, критериев аттестации экспертов, привлекаемых Федеральной службой по аккредитации к проведению мероприятий по контролю, Правил формирования и ведения реестра сведений об аттестации экспертов, привлекаемых Федеральной службой по аккредитации к проведению мероприятий по контролю» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Стахов А.И. О проблемах и перспективах гармонизации законодательства об административных правонарушениях с законодательством в сфере государственного и муниципального контроля публичной администрации // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3. С. 88.

¹³ Проект Федерального закона «Об основах государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации». URL : <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/47109.html> (дата обращения: 07.06.2017).

Библиографический список

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Приказ Росаккредитации от 17 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Порядка проведения квалификационного экзамена для граждан, претендующих на получение аттестации экспертов, привлекаемых к проведению мероприятий по контролю, Положения об аттестационной комиссии Федеральной службы по аккредитации по проведению квалификационного экзамена для граждан, претендующих на получение аттестации экспертов, привлекаемых к проведению мероприятий по контролю, формы заявления об аттестации эксперта, привлекаемого к проведению мероприятий по контролю, перечня видов экспертиз, для проведения которых Федеральной службе по аккредитации требуется привлечение экспертов, критериев аттестации экспертов, привлекаемых Федеральной службой по аккредитации к проведению мероприятий по контролю, Правил формирования и ведения реестра сведений об аттестации экспертов, привлекаемых Федеральной службой по аккредитации к проведению мероприятий по контролю» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Проект Федерального закона «Об основах государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/47109.html> (дата обращения: 07.06.2017).
13. Стахов, А.И. О проблемах и перспективах гармонизации законодательства об административных правонарушениях с законодательством в сфере государственного и муниципального контроля публичной администрации // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 3.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

МИХАЙЛОВА Наталья Владимировна

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты правового регулирования общественных отношений. Особое внимание уделяется анализу системы нормативных правовых актов, регулирующих государственно-церковные отношения в Российской Федерации. Определен круг наиболее важных актов по данному вопросу. Отмечается значение конституционных принципов свободы совести и светскости государства. Выявлены некоторые проблемы реализации законодательства.

Annotation. This article examines the theoretical aspects of legal regulation of social relations. Special attention is paid to the analysis of the regulatory legal acts regulating state-Church relations in the Russian Federation. Defined range of the most important acts on this issue. Notes the importance of constitutional principles of freedom of conscience and secularity of the state. Identified some problems of implementation of legislation.

Ключевые слова: государство, церковь, правоотношения, нормативный правовой акт, закон, свобода совести.

Keywords: the state, church, legal, regulatory legal act, the law, freedom of conscience.

Одной из основных классических функций права является регулятивная, призванная упорядочивать общественные отношения, придавать им характер правовых. Данная функция осуществляется посредством механизма правового регулирования как целенаправленного воздействия права на общественные отношения с помощью системы правовых средств, позволяющих претворять в жизнь содержащиеся в нормах права правила поведения¹. Несмотря на динамику функций права и признаваемый современными учеными их контекстуальный характер, регулятивная функция права, которая относится к числу его внутренних функций, остается неизменной по своей сущности².

Одной из сфер правового регулирования выступает сфера государственно-церковных отношений. Эти отношения в современных условиях, как отмечают исследователи, наполняются новым юридическим содержанием³.

Государственно-церковные отношения в современной России возникают по ряду различных направлений и вопросов: социальная помощь, образование, сохранение культурных

ценностей и т. д. Данные отношения регулируются различными правовыми нормами, которые устанавливают государственный режим Российской Федерации и правовой статус Русской православной церкви (далее – РПЦ) как религиозной организации, порядок их взаимодействия, правовой режим церковного имущества, сферы деятельности церковных организаций и т. д.

Основными правовыми источниками, регулирующими современные государственно-церковные отношения в Российской Федерации, являются Конституция РФ и Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях». Русская православная церковь как юридическое лицо имеет общий правовой и специальный правовой статус. Рассматривая общий правовой статус, следует отметить ч. 4 ст. 13 и ст. 30 Конституции РФ, которые устанавливают право на сознание объединений граждан и их равенство перед законом. К общему правовому статусу относятся нормы ГК РФ, иного действующего законодательства, устанавливающие общие для всех некоммерческих организаций, зарегистрированных в форме юридического лица, права и обязанности, в том числе иметь собственную печать и бланк, осуществлять предпринимательскую деятельность для достижения целей, приобретать и отчуждать

¹ Венгеров А.Б. Теория государства и права : учеб. М. : Омега-Л, 2002. С. 223.

² Пашенцев Д.А. Теория функций права в контексте современной методологии // Государство и право. 2016. № 9. С. 89.

³ Дорская А.А. Государственно-конфессиональные отношения: проблема субъектного состава // Правовая инициатива. 2014. № 2. С. 4.

имущество, выступать истцом и ответчиком в суде и иные.

Специальный правовой статус РПЦ установлен рядом нормативных правовых актов. Конституция РФ содержит несколько фундаментальных положений. В первую очередь ст. 14 устанавливает светский характер государства: Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Статья 28 гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Необходимо отметить, что в Конституции РФ термины «свобода совести» и «свобода вероисповедания» указаны через запятую, следовательно, имеет место перечисление, а не отождествление.

Статья 123.26 содержит общие положения о религиозных организациях (объединениях): признается добровольность таких объединений для совместного исповедания и распространения веры. Отдельного внимания заслуживает ст. 123.28 ГК РФ, затрагивающая вопросы имущества религиозных организаций: подтверждается право собственности на созданное, приобретенное и пожертвованное имущество, определен особый статус богослужебного имущества, что свидетельствует о специальной правовой охране указанного имущества, заключающейся, в частности, в невозможности обратиться по требованию кредиторов на него взыскания. В ГК РФ презюмируется, что перечень такого имущества определяется в порядке, установленном законом о свободе совести и о религиозных объединениях.

Ключевым законом, в соответствии с которым осуществляется регулирование деятельности религиозных организаций, является Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», преамбула которого содержит признание от имени государства особой роли православия в истории России, а также уважение к христианству как неотъемлемой части исторического наследия народов России. Статья 4 содержит перечень запретов для государства в отношении религиозных организаций. На органы государственной власти

возлагается обязанность обеспечивать светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Государство может предоставлять налоговые и иные льготы, оказывать финансовую, материальную и другую помощь Церкви в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры, а также в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями в соответствии с федеральным законодательством об образовании.

Статья 21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» рассматривает общие вопросы права собственности РПЦ как религиозной организации. Данная статья была приведена в соответствие с концепцией и нормами Федерального закона от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», устанавливающего порядок безвозмездной передачи Церкви в собственность или безвозмездное пользование имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной или муниципальной собственности.

Трудовой кодекс РФ в гл. 54 устанавливает особенности регулирования труда работников в религиозных организациях. Так, сторонами по трудовому договору выступают религиозная организация и лицо, достигшее к моменту заключения договора 18 лет. Такому работнику устанавливается нормальная продолжительность рабочего времени – не более 40 часов в неделю. В случаях, установленных договором, работник несет полную материальную ответственность. Статья 343 ТК РФ отмечает и придает правовое значение внутренним установлениям религиозной организации, что в целом соответствует положениям Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», в соответствии со ст. 15 которого государство уважает внутренние установления Русской православной церкви. Однако такое уважение имеет место только в случае строгого соответствия данных установлений с действующим законодательством РФ. К таким установлениям можно отнести Устав РПЦ как религиозной организации, а также систему церковного (канонического) права, которая весьма разнообразна. Среди современ-

ных источников РПЦ особый интерес представляет такой документ, как Основы социальной концепции Русской православной церкви⁴. В его преамбуле указано, что он отражает официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом, в частности, глава III Основ социальной концепции устанавливает принципы и виды таких взаимоотношений (или «сотрудничества»), объясняет природу как государства, так и Церкви, а также их значение в современном мире.

Однако, вступая в диалог с РПЦ, органы государственной власти и должностные лица обязаны руководствоваться прежде всего нормами закона и подзаконных правовых актов.

Нормативные документы Президента РФ возглавляют иерархию подзаконных актов. По вопросам государственно-церковных отношений Президент РФ на основании ст. 90 Конституции РФ издает указы и распоряжения. В конституционном праве существует общий подход при разграничении сфер, по которым Президентом России издаются указы и распоряжения. Так, С.А. Авакьян полагает, что указы используются для нормативного регулирования либо для реализации наиболее важных полномочий Президента РФ по отношению к гражданам Российской Федерации (например, Указ Президента РФ от 14 марта 1996 г. № 378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий», или Указ от 12 июля 2012 г. № 969 «О предоставлении священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу»), в то время как распоряжения являются актами более конкретного характера. Однако сам автор замечает, что до последнего времени в отношении распоряжений было немало исключений, состоящих в том, что Президент РФ издает их как нормативные акты, особенно в области статуса различных подразделений Администрации Президента РФ⁵. Так, на основании Распоряжения Президента РФ от 2 августа 1995 г. № 357-рп «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными

объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава» был образован соответствующий консультативный орган, к функциям которого отнесено предварительное рассмотрение вопросов и подготовка предложений для Президента РФ, касающихся взаимодействия Президента РФ с религиозными объединениями и повышения духовной культуры общества. В 2001 и 2004 гг. в данное Положение вносятся изменения на основании Распоряжения Президента РФ от 17 марта 2001 г. № 133-рп «О Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации».

Акты Правительства РФ, как правило, издаются во исполнение принятых ранее федеральных законов. Так, выше нами отмечался Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Для практической реализации норм указанного закона потребовалось принятие ряда подзаконных нормативных правовых актов, среди которых можно отметить Постановление Правительства РФ от 26 апреля 2011 г. № 324 «О федеральных органах исполнительной власти, уполномоченных на осуществление отдельных полномочий в целях реализации Федерального закона “О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности”», а также Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. № 1226 «Об утверждении Правил формирования и опубликования плана передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности».

Акты Правительства России могут издаваться также в целях реализации указов Президента РФ. Так, выше нами отмечался Указ от 12 июля 2012 г. № 969 «О предоставлении священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу», во исполнение которого Правительством РФ принято Постановление от 4 октября 2012 г. № 1004 «Об утверждении Правил предоставления священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу и Правил прохождения священнослужителями специальной подготовки, необходимой для исполнения обязанностей по должности помощ-

⁴ Собрание документов Русской православной церкви. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2015. Т. 2. Ч. 2 : Деятельность Русской православной церкви. С. 103.

⁵ Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М. : Юстициформ, 2015. С. 606.

ника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими».

Особую группу составляют акты федеральных органов исполнительной власти: федеральных министерств, федеральных служб, федеральных агентств. В настоящее время в сфере правоотношений государства и РПЦ существует внушительный перечень актов, издаваемых соответствующими ведомствами, например, Приказ Минюста РФ от 16 февраля 1998 г. № 19 «Об утверждении Правил рассмотрения заявлений о государственной регистрации религиозных организаций в органах юстиции Российской Федерации», Приказ Ростехнадзора от 31 августа 2010 г. № 845 «Об организации и проведении государственной экологической экспертизы проектной документации на строительство объекта “Культовый комплекс Московской Патриархии”» и др.

Следует признать, что существуют проблемы в области государственно-церковных отношений, связанные с неоднозначностью или неопределенностью терминов, используемых в нормативных правовых актах. Так, термин «традиционная религия», не имеющий законодательного определения, довольно часто используется в юридической литературе и со временем стал указываться в актах органов государственной власти, например:

1) Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», в котором признается важность роли традиционной религии в воспитании чувства уважения и доверия между народами, веротерпимости; поддержки миротворческой деятельности духовенства всех вероисповеданий, его усилий, направленных на укрепление межнациональ-

ного согласия и сохранение целостности Российского государства;

2) Указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года», в котором среди основных направлений развития медико-социальной реабилитации больных наркомагией в Российской Федерации выделено формирование правовых основ, обеспечивающих использование потенциала традиционных религиозных конфессий;

3) Закон г. Москвы от 23 сентября 2009 г. № 37 «О поддержке соотечественников за рубежом органами государственной власти города Москвы», в котором определено, что безвозмездная помощь, выраженная в приобретении религиозной утвари и литературы, оказывается только тем религиозным общинам, которые являются традиционными для России.

Термин «традиционная религия» в ряде случаев используется для выделения значимости той или иной религии, что является неверным пониманием конституционного принципа равного отделения всех религиозных объединений от государства.

Подводя итог, следует признать, что область государственно-церковных отношений регулируется широким кругом как законных, так и подзаконных нормативных правовых актов. Также государство, уважая внутренние установления РПЦ, требует, чтобы такие установления соответствовали закону. Однако анализ рассмотренных подзаконных актов и актов регионального уровня позволяет определить проблему скрытого несоответствия ряда норм Конституции РФ в силу неоднозначности понимания принципов свободы совести и светскости государства.

Библиографический список

1. Авакьян, С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. – М. : Юстицинформ, 2015.
2. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : учеб. – М. : Омега-Л, 2002.
3. Дорская, А.А. Государственно-конфессиональные отношения: проблема субъектного состава // Правовая инициатива. – 2014. – № 2.
4. Пашенцев, Д.А. Теория функций права в контексте современной методологии // Государство и право. – 2016. – № 9.
5. Собрание документов Русской православной церкви. – М. : Изд-во Московской Патриархии, 2015. – Т. 2. – Ч. 2 : Деятельность Русской православной церкви.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО;
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

**ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМПАНИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА**

**РЕЙНГОЛЬД Валерий,
ДОЛОТОВ Владимир**

***Аннотация.** В статье рассматриваются организационные и правовые предпосылки создания европейских компаний. Последовательно исследуются источники правового регулирования и способы создания европейских компаний, рассматривается проблема выбора структуры органов управления и участие трудящихся в управлении европейской компанией. Подробно анализируются преимущества и недостатки европейских компаний, определяющие их возможности для эффективного осуществления предпринимательской деятельности. Также авторами определяются потенциальные направления правовых изменений, необходимых для дальнейшего развития европейских компаний.*

***Annotation.** This article deals with organizational and legal preconditions for the creation of European companies. It examines the sources of legal regulation and ways of foundation of European companies, considers the problem of choosing the governance structure and participation of the employees in the European company management. The advantages and drawbacks of the European companies, which define their possibilities of effective realisation of entrepreneurial activity, are analysed in detail. The authors also identify potential areas of legal changes required for further development of European companies.*

***Ключевые слова:** европейская компания, регламент, директива, наднациональный характер, преимущества и недостатки юридических лиц.*

***Keywords:** European Company, Regulation, Directive, supranational character, advantages and drawbacks of legal entities.*

Развитие идеи «наднациональности» оказало значительное влияние на фундаментальные изменения в европейских государствах после окончания Второй мировой войны. Важным импульсом в этом развитии стал процесс глобализации, который способствовал увеличению числа международных организаций, созданию новых механизмов координации сотрудничества между государствами, а также развитию региональной интеграции. Процесс экономической и политической интеграции европейских государств проходил в несколько этапов, каждый из которых связан с разработкой гибких политических и правовых механизмов реализации единой экономической,

правовой, таможенной, социальной, культурной, аграрной и валютной политики.

В рамках ликвидации правовых барьеров для стабильного развития международной торговли с участием европейских государств и создания Общего рынка Европейского союза (далее – ЕС) преследовал достижение ряда основных целей регулирования юридических лиц в праве ЕС. Во-первых, обеспечение свободы учреждения юридических лиц, а также снятие препятствий на пути открытия филиалов, представительств и дочерних обществ на территории любого государства – члена ЕС. Во-вторых, установление единых минимальных требований к юридическим лицам, а также

предоставление одинаковой защиты на всей территории ЕС участникам и кредиторам юридических лиц. В-третьих, облегчение деятельности компаний посредством устранения различий, существующих между национальными правовыми системами, а также поощрение сотрудничества между юридическими лицами различных государств – членом ЕС во всех сферах экономической деятельности.

Следующим этапом на пути достижения указанных целей после принятия «базовых» директив стало создание наднациональных юридических лиц на основе права ЕС, которые могли бы осуществлять свою деятельность на всей территории ЕС и подчиняться бы единым правилам регулирования. В результате к настоящему моменту на основании вступивших в силу регламентов и соответствующих директив введены в действие три организационно-правовые формы наднациональных юридических лиц, среди которых центральное место определено европейской компании.

Целью данной статьи является исследование правового положения европейских компаний, выявление особенностей правового регулирования их создания и деятельности, а также анализ преимуществ и недостатков, характерных для данной организационно-правовой формы юридического лица по праву ЕС.

Первые концепции создания европейской компании были выдвинуты в 1960-х гг.: концепция компании «европейского типа» и концепция компании «европейского права». При этом только после более чем 40-летнего периода острых дискуссий, дополнительных исследований и многочисленных изменений Регламентом Совета ЕС 2157/2001 от 8 октября 2001 г. об уставе европейской компании¹, вступившим в силу 8 октября 2004 г., совместно с дополняющей его Директивой 2001/86/ЕС об участии трудящихся в управлении европейской компанией², была введена организационно-правовая форма юридического лица – европейская компания. Возможность создания европейской компании стала важным этапом на пути достижения основных целей регулирова-

ния юридических лиц и модернизации корпоративного права ЕС.

Одними из первых форму европейской компании приняли такие крупные компании, как Allianz SE (Германия) и Elcoteq SE (Люксембург). Если на март 2014 г. согласно данным European Trade Union Institute (ETUI) число зарегистрированных Европейских компаний составляло 2 125³, то на июнь 2017 г. число таких компаний достигло 2 757⁴. Форму европейской компании приняли такие известные компании, как Airbus Group SE (Нидерланды), Bombardier Transportation Global Holding SE (Нидерланды), Christian Dior SE (Франция), CompuGroup Medical SE (Германия), E.ON SE (Германия), Groupe Eurotunnel SE (Франция), LVMH Moët Hennessy Louis Vuitton SE (Франция), MANSE (Германия), Porsche Automobil Holding SE (Германия), ProSiebenSat.1 Media SE (Германия), SYNERGIESE (Франция), WienerPrivatbankSE (Австрия), Würth SE (Германия) и многие другие⁵. Среди компаний, которые анонсировали принятие формы европейской компании, следует выделить Carpegemini SE (Франция), Deutsche Börse AG (Германия) и GK Software AG (Германия)⁶.

Во всех государствах – членах ЕС за европейскими компаниями признается статус юридического лица, причем для целей решения вопросов, не урегулированных Регламентом об уставе европейской компании. Европейская компания приравнивается к национальным акционерным обществам того государства – члена ЕС, в котором расположено ее место регистрации.

Уставной капитал европейской компании разделен на акции и не может быть менее 120 000 евро. Акционеры компании несут риск убытков в размере стоимости принадлежащих им акций и не отвечают по долгам компании собственным имуществом⁷.

³ Carlson A., Kelemen M., Stollt M. Overview of current state of SE founding in Europe. Brussels : European Trade Union Institute, 2014. P. 2.

⁴ Carlson A. SE Companies in 2017. Overview of current state of SE founding in Europe. Workers' Participation Europe Network. ETUI, 2017. P. 3.

⁵ The ETUI's European company (SE) database. Established SEs. URL : http://ecdb.worker-participation.eu/show_overview.php?letter=A&orderField=se.se_name&status_id=3&title=Established%20SEs

⁶ The ETUI's European company (SE) database. Companies in the process of registering as an SE. URL : http://ecdb.worker-participation.eu/show_overview.php?letter=A&orderField=se.se_name&status_id=2&title=Planned%20SEs

⁷ Andenas M., Wooldridge F. European Comparative Company Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 395.

¹ Council Regulation (EC) No 2157/2001 of 8 October 2001 on the Statute for a European company (SE) // Official Journal of the European Union. No L 294. 10.11.2001. P. 1–21.

² Council Directive 2001/86/EC of 8 October 2001 supplementing the Statute for a European company with regard to the involvement of employees // Official Journal of the European Union. No L 294. 10.11.2001. P. 22–32.

В первую очередь деятельность европейской компании регулируется положениями Регламента об Уставе европейской компании, и, если это прямо предусмотрено Регламентом, положениями устава европейской компании. Во вторую очередь, если вопросы не урегулированы в Регламенте, урегулированы им частично или не подпадают в сферу действия Регламента, предлагается три последовательных решения:

1) деятельность европейской компании регулируется положениями национального законодательства государств – членов ЕС, направленного специально на имплементацию мер Сообщества в отношении европейской компании;

2) деятельность европейской компании регулируется положениями национального законодательства государств – членов ЕС, которые применяются к акционерным обществам, созданным по праву того государства – члена ЕС, где европейская компания зарегистрирована;

3) деятельность европейской компании в качестве дополнительного правила регулируется положениями самого устава европейской компании, которые применяются к акционерным обществам, созданным по праву того государства – члена ЕС, где зарегистрирована европейская компания⁸.

Характерной особенностью Регламента является наличие множества вопросов, по которым осуществляется отсылка к национальному праву государств – членов ЕС. Таким образом, европейская компания остается связанной с национальным правом государств – членов ЕС.

Регламентом об уставе европейской компании установлен ряд положений, определяющих условия и способы создания европейской компании. В отличие от другой формы наднационального юридического лица – европейского объединения по экономическим интересам, европейская компания может быть создана только юридическими лицами. При этом Регламент устанавливает, что в создании европейской компании должны принимать участие компании, как минимум две из которых имеют национальность различных государств – членов ЕС, а также содержит требование о том, чтобы эти компании были созданы в соответствии с правом государств – членов ЕС и име-

ли свое место регистрации и место нахождения административного центра в ЕС⁹.

Изначально в качестве наиболее важного способа создания европейской компании рассматривалось слияние. Однако согласно данным European Trade Union Institute (ETUI) на март 2017 г. только 4 % европейских компаний были образованы путем слияния акционерных обществ. Наиболее популярным способом является создание европейской компании в качестве дочерней компании, 79 % европейских компаний было образовано данным путем. При этом следует отметить, что среди европейских компаний, число работников в которых превышает пять, доля созданных в качестве дочерней компании составляет лишь 40 %¹⁰.

Проблема выбора структуры органов управления европейской компании являлась одним из существенных препятствий, которое в силу различий национальных законодательств государств – членов ЕС о внутренней структуре компаний на протяжении десятилетий не позволяло принять и ввести в действие Регламент об уставе европейской компании. В целях решения данной проблемы Регламентом предусматривается гибкая система управления европейской компанией, позволяющая выбирать между двухзвенной системой, которая предусматривает четкое разделение функций исполнительного органа (правления) и контролирующего (наблюдательного совета), и однозвенной системой, предполагающей наличие только одного органа управления (совета директоров), на который возлагаются функции управления и контроля.

Согласно статистическим данным более 80 % компаний используют двухзвенную систему управления европейской компанией, при которой исполнительный орган отвечает за управление компанией и руководит ее повседневной деятельностью, а наблюдательный орган контролирует работу исполнительного органа европейской компании, не осуществляя при этом самостоятельное руководство ее деятельностью.

Вопрос об участии трудящихся в управлении европейской компанией являлся наиболее сложным по причине существования серьезных различий в национальных законодательствах европейских государств, либо допускающих в той или иной форме участие трудя-

⁸ Council Regulation (EC) No 2157/2001 of 8 October 2001 on the Statute for a European company (SE). P. 1–21.

⁹ Gold M., Nikolopoulos A., Kluge N. The European Company Statute: a New Approach to Corporate Governance. Bern : Peter Lang AG, 2009. P. 50.

¹⁰ Carlson A. SE Companies in 2017 ... P. 10–11.

щихся в управлении компаниями, либо считающих это неприемлемым. В этой связи было разработано два документа: Регламент, регулирующий организационно-правовую деятельность европейской компании, и Директива, регулирующая участие трудящихся в управлении европейской компанией.

Директивой об участии трудящихся в управлении европейской компанией трудящимся гарантируется надлежащий уровень их представительства и участия в управлении вновь создаваемой европейской компании, что достигается путем проведения переговоров между органом, представляющим трудящихся, и компетентным органом компаний, создающих европейскую компанию. Переговоры могут продолжаться в течение шести месяцев с момента учреждения специального переговорного органа трудящихся, и по обоюдному согласию обеих сторон срок их проведения может быть продлен на аналогичный период. В случае если соглашение не будет достигнуто или истек срок, отведенный на переговоры, в действие вступают «модельные правила». Их суть состоит в том, что права трудящихся, существовавшие до создания европейской компании, должны приниматься во внимание при рассмотрении их прав в управлении европейской компанией и после ее создания. При преобразовании национального акционерного общества в европейскую компанию объем прав трудящихся не должен измениться. При создании европейской компании другим способом трудящиеся также получают соответствующее представительство в ее органах управления, а при определении числа принадлежащих им мест принимается во внимание та из компаний учредителей, в органе управления которой они имели наибольшее число мест. Подобное количество мест они получают и в европейской компании. Таким образом, компании из государств, право которых не предусматривает участия трудящихся в органах управления компанией, смогут создавать европейские компании без их участия и наоборот: национальные акционерные общества, в органах которых участвуют представители трудящихся, вынуждены будут сохранить это правило и при создании европейской компании¹¹.

Следует отметить, что согласно данным European Trade Union Institute на март 2017 г. только в 133 компаниях¹², т. е. менее чем в 5 % от общего числа зарегистрированных европейских компаний, трудящиеся участвуют в управлении. Таким образом, представляется, что участие трудящихся в управлении европейской компанией в большей степени исключение, чем правило.

Возможность переноса места регистрации европейской компании из одного государства – члена ЕС в другое не является столь однозначным преимуществом данной формы юридического лица, как предполагалось изначально. Регламентом об уставе европейской компании установлено, что место регистрации европейской компании должно находиться на территории ЕС в том же государстве-члене, где расположен его административный центр. При этом государство – член ЕС вправе устанавливать для европейской компании, имеющей место регистрации в этом государстве-члене, дополнительное обязательство размещать место нахождения административного центра по месту регистрации. Целью введения таких жестких требований относительно совпадения места регистрации и места нахождения административного центра европейской компании является недопущение конкуренции между национальными законодательствами государств – членов ЕС на предмет наиболее удобного правового режима для таких компаний. При этом сам факт возможности переноса места регистрации европейской компании из одного государства – члена ЕС в другое является важным преимуществом, обусловленным тем, что такое перемещение места регистрации не влечет прекращения европейской компании или создание нового юридического лица.

В то же время перенос места регистрации или места нахождения административного центра является достаточно трудоемким и расходным процессом. Регламентом об уставе европейской компании устанавливается детальное правовое регулирование переноса места нахождения европейской компании и гарантируются законные права и интересы кредиторов, государственных органов и миноритарных акционеров компании. В нем прописан механизм его проведения, содержатся требования к опубликованию сведений о переносе, преду-

¹¹ Cremers J., Stollt M., Vitols S. A decade of experience with the European Company. Brussels : European Trade Union Institute, 2013. P. 93–106.

¹² Carlson A. SE Companies in 2017 ... P. 13.

смотрен государственный контроль и установлена необходимость уведомления регистрирующего органа в прежнем месте нахождения европейской компании.

Трудоемкость процесса переноса места регистрации или места нахождения административного центра подтверждается и статистическими данными: лишь 4 % европейских компаний перенесли место регистрации в другое государство – член ЕС¹³.

Также следует отметить, что установленное требование о совпадении места регистрации и места нахождения административного центра существенно ограничивает мобильность европейских компаний, для которых перенос фактического места нахождения в отрыве от уставного становится невозможным. Перенос административного центра в другое государство без одновременного переноса уставного места нахождения характеризуется в Регламенте об уставе европейской компании как «неправомерное состояние».

Действующие положения Регламента об уставе европейской компании и дополняющей его Директивы об участии трудящихся в управлении европейской компанией наделили европейские компании определенными преимуществами и недостатками, а также определили направления дальнейшего усовершенствования законодательства в данной области с целью стимулирования их создания и деятельности в ЕС.

Создавая европейские компании, бизнес-сообщество получает возможность применения юридических лиц, правоспособность которых имеет европейское происхождение, и, следовательно, получающих равное признание в государствах – членах ЕС. В дополнение к этому европейские компании предоставляют предпринимателям целый ряд других значимых преимуществ:

1. «Европейский образ» европейской компании. Данный фактор является особенно привлекательным для компаний, которые стремятся подчеркнуть свою европейскую принадлежность или ориентированы на проникновение на новые рынки в другие государства – члены ЕС. При этом следует учитывать, что в ряде конкретных отраслей в некоторых государствах – членах ЕС национальный бренд считается более востребованным.

2. Наличие некоторого налогового преимущества в регулировании налогообложения. При определении налога на прибыль расчет производится по финансовому итогу всех операций европейской компании с возможностью зачета прибыли, полученной на территории одного государства, и убытков от деятельности на территории другого государства.

3. Возможность упрощения организационной структуры. Эффективно реализуя построение структуры компании, предприниматели получают возможность сократить издержки и повысить уровень доходности компании.

Представляется, что возможность европейской компании в качестве наднационального юридического лица переносить место регистрации из одного государства – члена ЕС в другое, не прибегая к процедуре ликвидации и повторной регистрации в другом государстве – члене ЕС, не является исключительно преимуществом по причине трудоемкости и высокого уровня расходов для обеспечения данного процесса.

Рост числа европейских компаний отмечается ежегодно, что, безусловно, является положительным фактором. Действительно, согласно статистическим данным на 8 сентября 2007 г. было зарегистрировано только 96 европейских компаний¹⁴, на 21 марта 2014 г. – уже 2 125, и на 31 марта 2017 г. – 2 757 европейских компаний.

При этом количество зарегистрированных европейских компаний и динамика их прироста свидетельствуют о низкой заинтересованности со стороны бизнеса к данной организационно-правовой форме. В этой связи представляется важным выделить несколько основных причин.

Во-первых, необходимость привлечения значительных средств на создание европейской компании. Согласно данным, полученным в результате проводимого исследования по запросу Европейской комиссии, общие расходы на создание европейской компании, включая издержки на юридические консультации, переводы и регистрацию, могут достигать от 100 000 евро до 2–4 млн евро¹⁵.

¹⁴ Gold M., Nikolopoulos A., Kluge N. The European Company Statute: a New Approach to Corporate Governance. P. 53.

¹⁵ Report from the Commission to the European Parliament and the Council of 17 November 2010. The application of Council Regulation 2157/2001 of 8 October 2001 on the Statute for a European Company (SE). URL : <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52010DC0676>

¹³ Carlson A. SE Companies in 2017 ... P. 12.

Во-вторых, европейская компания является юридическим лицом «наднационального» характера, так как регулируется не только правом ЕС, но и национальным правом государств – членов ЕС, ввиду чего в каждом государстве-члене европейская компания приобретает свои национальные черты, обусловленные различным регулированием деятельности европейской компании на национальном законодательном уровне. Таким образом, правовая неопределенность процесса формирования европейской компании, в основном вытекающая из отсутствия единообразия подобных компаний по причине отсылок на национальное законодательство, является одним из важных препятствий при создании европейских компаний.

В-третьих, недостаточная информированность о европейских компаниях среди бизнес-сообщества также является серьезной проблемой в распространении данной формы юридического лица в государствах – членах ЕС. Компаниям, которые приняли форму европейской компании, часто приходится нести дополнительные расходы, связанные с объяснением природы европейской компании как среди своих деловых партнеров, так и среди трудящихся самой компании.

Требование Регламента к минимальному уставному капиталу европейской компании, установленное в размере 120 000 евро, также является препятствием в распространении данной формы ввиду доступности только для крупных компаний.

Несмотря на всю важность налогового вопроса, который часто является определяющим в осуществлении компаниями своей деятельности, Регламент об уставе европейской компании не содержит специальных положений о налоговом статусе европейских компаний. Таким образом, их налоговый статус определяется в соответствии с национальным налоговым режимом того государства – члена ЕС, где будет находиться место регистрации европейской компании.

На современном этапе реализации экономических процессов в общем и функционирования европейских компаний в частности становится очевидным, что развитие и дальнейшее применение данной организационно-правовой формы юридического лица во многом определяются необходимым повышением привлекательности европейских компаний с целью обеспечения бизнеса новыми конкурент-

ными возможностями. Поэтому эффективное развитие европейских компаний не представляется возможным без внесения изменений в действующее законодательство.

С целью устранения имеющихся недостатков и стимулирования преимуществ действующих наднациональных юридических лиц, в том числе европейской компании, было выдвинуто предложение о необходимости внесения дополнений в действующие регламенты. Среди приоритетных целей изменений, по мнению Европейской комиссии, были выделены упрощение положений регламентов, а также ограничение влияния норм национального права на деятельность европейских компаний и других юридических лиц по праву ЕС. Следует отметить, что реализация указанных изменений осуществляется в рамках Плана действий от 2012 г., в котором изложены инициативы по модернизации корпоративного законодательства и системы корпоративного управления. При этом становится очевидным, что полностью отказаться от ссылок на национальное законодательство государств – членов ЕС не удастся. Таким образом, несмотря на новые возможности, которые европейские компании предоставляют бизнес-сообществу, наиболее вероятно, что и в будущем предприниматели будут осуществлять выбор в пользу более знакомых форм юридических лиц, предусматриваемых национальным законодательством того или иного государства – члена ЕС.

Подводя итоги вышесказанного о европейских компаниях, представляется значимым отметить следующее.

1. Европейская компания является самой распространенной формой юридических лиц по праву ЕС. Как и две другие действующие формы, европейская компания обладает следующими характерными для наднациональных юридических лиц чертами:

– регламент о статусе наднационального юридического лица выступает законодательным актом прямого действия и наделяет наднациональные юридические лица правоспособностью, которая имеет европейское происхождение;

– транснациональный состав учредителей, закрепленный в регламенте, подразумевает, что учредители данных лиц должны полностью или частично принадлежать к правопорядку как минимум двух разных государств – членов ЕС;

– возможность изменения местонахождения компании в пределах государств – членов ЕС упраздняет необходимость прохождения процедуры ликвидации компании в государстве первоначального местонахождения.

2. Европейская компания предлагает два весомых преимущества: во-первых, возможность перенести место регистрации из одного государства – члена ЕС в другое, не прибегая к процедуре ликвидации и повторной регистрации в другом государстве – члене ЕС, во-вторых, возможность сокращения издержек за счет упрощения организационной структуры и налогового регулирования. Учитывая, что форму европейской компании принимают только крупные компании, возможность сокращения издержек является достаточно весомым аргументом при выборе данной формы юридического лица.

3. При сопоставлении преимуществ, предоставляемых европейской компанией, с ее недостатками следует отметить, что на данном этапе недостатки более значимы для бизнес-сообщества. Наиболее существенным из недостатков является правовая неопределенность процесса формирования европейской компа-

нии. При этом следует учитывать значительные издержки на создание европейской компании, а также последующие издержки, связанные с выполнением компанией положений Регламента об уставе европейской компании уже в процессе ее деятельности.

4. В настоящий момент европейские компании имеют «наднациональный» характер, что обусловлено существенным влиянием в регулировании их деятельности применимого национального права государств – членов ЕС, а также отсутствием единообразных правил, регулирующих все аспекты деятельности данных юридических лиц.

Представляется, что наиболее важными факторами, которые могут предопределить будущее развитие европейских компаний, равно как и остальных юридических лиц по праву ЕС, являются снижение расходов на их создание, сокращение административного бремени, повышение уровня информированности об организационно-правовых формах наднациональных юридических лиц в бизнес-среде и обществе, а также положительное влияние внешних факторов, таких как экономический рост и развитие реальных секторов экономики и политическая стабильность.

Библиографический список

1. Andenas, M. *European Comparative Company Law* / M. Andenas, F. Wooldridge. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
2. Carlson, A. *SE Companies in 2017. Overview of current state of SE founding in Europe. Workers' Participation Europe Network.* – ETUI, 2017.
3. Carlson, A. *Overview of current state of SE founding in Europe* / A. Carlson, M. Kelemen, M. Stollt. – Brussels : European Trade Union Institute, 2014.
4. Council Directive 2001/86/EC of 8 October 2001 supplementing the Statute for a European company with regard to the involvement of employees // *Official Journal of the European Union.* – No L 294. – 10.11.2001.
5. Council Regulation (EC) No 2157/2001 of 8 October 2001 on the Statute for a European company (SE) // *Official Journal of the European Union.* – No L 294. – 10.11.2001.
6. Cremers, J. *A decade of experience with the European Company* / J. Cremers, M. Stollt, S. Vitoles. – Brussels : European Trade Union Institute, 2013.
7. Gold, M. *The European Company Statute: a New Approach to Corporate Governance* / M. Gold, A. Nikolopoulos, N. Kluge. – Bern : Peter Lang AG, 2009. – P. 50.
8. Report from the Commission to the European Parliament and the Council of 17 November 2010. *The application of Council Regulation 2157/2001 of 8 October 2001 on the Statute for a European Company (SE)* [Electronic resource]. – Mode of access : <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52010DC0676>
9. The ETUI's European company (SE) database. *Companies in the process of registering as an SE* [Electronic resource]. – Mode of access : http://ecdb.worker-participation.eu/show_overview.php?letter=A&orderField=se.se_name&status_id=2&title=Planned%20SEs

10. The ETUI's European company (SE) database. Established SEs [Electronic resource]. – Mode of access : http://ecdb.worker-participation.eu/show_overview.php?letter=A&orderField=se.se_name&status_id=3&title=Established%20SEs

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СТРАХОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

РОМАНОВА Ирина Николаевна

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей страхования, являющегося важным инструментарием защиты предпринимательского сектора. Автором определяются возможные формы реализации исследуемого механизма. Исследуются научные точки зрения, относящиеся к указанной проблематике, особенности нормативно-правовой регламентации страхования сферы предпринимательской деятельности и проблемы практической реализации данных положений. Делается вывод о необходимости пересмотра существующих подходов к выделению организационно-правовых форм страхования посредством разграничения страхования с государственной поддержкой и без таковой.

Annotation. This article is devoted to research features of insurance, which is an important tool for protecting the business sector. The author determines possible forms of realization of the mechanism under study. Study the scientific point of view, related to the studied problems, peculiarities of the regulatory and legal regulation of insurance in the sphere of entrepreneurial activity and problems of practical implementation of these provisions. It is concluded that it is necessary to revise existing approaches to the allocation of organizational and legal forms of insurance, through the differentiation of insurance with state support and without it.

Ключевые слова: объект страхового обязательства, организационно-правовые формы страхования, страховая защита, формы страхования.

Keywords: object of an insurance obligation, organizational and legal forms of insurance, insurance protection, forms of insurance.

Рассматривая механизм страхования как важнейшего средства защиты предпринимательства необходимо определить возможные формы его реализации. При этом нельзя не обратить внимание на следующее: законодатель использует понятие «форма страхования» только в Законе РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (п. 2 ст. 3), не раскрывая его и ограничиваясь указанием на то, что она может быть добровольной и обязательной. Анализ зарубежного законодательства показывает, что в странах, стремящихся выделить данную категорию, формы страхования преимущественно определяются исходя из оснований возникновения правоотношений: добровольным признается страхование, осуществляемое на основе договора, заключенного между страховой организацией и страхователем, обязательным – страхование, при котором объект, виды и порядок осуществления страхования определяются законом и являются обязательными при заключении договора страхования между страховой организацией и страхователем (ст. 5 Закона Грузии от 2 мая 1997 г.

«О страховании»). В то же время Закон Республики Казахстан от 18 декабря 2000 г. № 126-П «О страховой деятельности» использует категорию формы при определении не только оснований возникновения отношений (ст. 6), но и особенностей формирования страховой суммы и осуществления страховой выплаты (ст. 8).

Однозначного подхода к этому понятию не сложилось и в науке. Как правило, исследователи, не стремясь к определению формы страхования, вкладывают в содержание данного понятия различный смысл. По мнению А.Л. Алякринского, форма страхования – это порядок организации страхования на основах добровольности или обязательности¹. Иногда она связывается с методом осуществления страхования. Соответственно обязательное страхование определяется как форма страхования, условия и порядок осуществления которого определяются федеральными законами о конкретных видах обязательного страхования, а добровольное – как форма страхования, осуществляемая на основании договора между

¹ Алякринский А.Л. Правовое регулирование страховой деятельности в России. М.: ТЕИС, 1994. С. 46.

страховой организацией и ее клиентом, а также определяющих условия страхования правил, которые разработаны и утверждены страховой организацией. Следует отметить, что в некоторых работах обязательное и добровольное страхование рассматриваются как виды страхования, а категория формы применяется к способам их организации².

Т.С. Мартянова видит в основе выделения форм страхования особенности объекта страхового обязательства, из чего делается вывод, что таковыми выступают имущественное и личное страхование³. Подобная позиция основана на высказанной ранее В.К. Райхером точке зрения, согласно которой в основе такого деления должен лежать критерий не метода страхового обеспечения, а предмета страхования, т. е. деление по роду охраняемых страхованием благ (имущественных и личных), а вместе с тем и по роду угрожающих им опасностей и случайностей⁴. К тому же, отмечает Т.С. Мартянова, «проводимое ранее разграничение форм страховых обязательств по источнику их возникновения на добровольную и обязательную утратило в настоящее время смысл в связи с закреплением общего правила о создании как добровольного, так и обязательного страхования на основе договора (п. 1 и 2 ст. 927, п. 1 ст. 936 ГК)». При этом делается вывод, что «ГК регулирует обязательное страхование как разновидность страхования в пользу третьего лица (п. 2 ст. 927, п. 1 ст. 935)»⁵.

П.В. Сокол, указывая на наличие тесной связи между философскими понятиями формы и содержания, выражающейся в том, что первая представляет собой способ осуществления содержания, неотделимый от него и служащий его выражением, делает вывод о том, что «форма страхования представляет собой внешнее выражение страховых отношений и страховых процессов и определяет, каким образом осуществляется регулирование отношений»⁶.

Экономисты проводят различие между формами страхования по двум критериям: ос-

нованию и характеру возникающих отношений⁷. Некоторые из них предпочитают говорить о форме организации страхования, беря за основу специфику правового статуса страховщиков и выделяя с учетом данного критерия государственное, акционерное, взаимное и кооперативное страхование⁸.

Первое, соответственно, характеризуется тем, что в качестве страховщика выступает государство в лице специально уполномоченных на то организаций, которые берут на себя специфические риски: политические, инвестиционные и др. Показательной в этом смысле является деятельность АО «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций» (АО «ЭКСАР»), созданного в качестве специализированного государственного института поддержки экспорта для реализации страхового инструментария защиты экспортных кредитов и инвестиций, который включает страхование экспортных кредитов и инвестиций от предпринимательских и (или) политических рисков экспортеров товаров (работ, услуг), российских инвесторов, осуществляющих инвестиции за пределами Российской Федерации, их иностранных контрагентов по соответствующим сделкам, а также российских и иностранных кредитных организаций, международных финансовых организаций, государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», а также иных организаций, оказывающих финансовую поддержку указанным лицам. Избранная для осуществления данной деятельности акционерная форма существенной специфики в отношении, возникающие с участием ЭКСАР, не вносит, учитывая, что с 10 декабря 2015 г. его единственным акционером является Российский экспортный центр, учрежденный Внешэкономбанком в качестве дочернего общества, а осуществление деятельности по страхованию не требует получения лицензии. К тому же ЭКСАР изначально создавался в целях практической реализации Внешэкономбанком возложенных на него функций поддержки экспорта промышленной продукции (товаров, работ, услуг) (п. 8 ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ «О банке развития»).

² Зернов А.А. Совершенствование страхования. М., 2004. С. 4.

³ Мартянова Т.С. Обязательства по страхованию // Гражданское право : в 4 т. М. : Волтерс Клувер, 2006. Т. 4. С. 334.

⁴ Райхер В.К. Некоторые вопросы кодификации страхового законодательства // Советское государство и право. 1947. № 9. С. 55.

⁵ Мартянова Т.С. Обязательства по страхованию. Т. 4. С. 334.

⁶ Сокол П.В. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (постатейный). М. : Юстицинформ, 2006. С. 23.

⁷ Арсланов А.Ф. Финансы : учеб. / А.Ф. Арсланов [и др.] ; под ред. В.А. Слепова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Магистр : ИНФРА-М, 2015. С. 298.

⁸ Кабанцева Н.Г. Страхование дело : учеб. пособие. М. : Форум, 2008. С. 21.

Выстраиваемая в данном случае система взаимоотношений государства, страховщика и страхователя отличается от той, которая характерна для оказания государственной поддержки в сфере сельскохозяйственного страхования при осуществлении страховой защиты связанных с производством сельскохозяйственной продукции имущественных интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей. Прежде всего в качестве страховщика может выступать любая страховая организация, осуществляющая сельскохозяйственное страхование и являющаяся членом Союза «Единое объединение страховщиков агропромышленного комплекса – Национальный союз агростраховщиков». Сама же государственная поддержка заключается в возмещении части затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей на уплату страховых премий за счет субсидий, предоставляемых бюджетам субъектов РФ из федерального бюджета в соответствии с федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период при наличии условия о перечислении уполномоченным органом субъекта Федерации бюджетных средств на возмещение части затрат сельскохозяйственного товаропроизводителя на уплату страховой премии, начисленной по договору сельскохозяйственного страхования, на расчетный счет страховщика в размере 50 % начисленной страховой премии на основании заявления сельскохозяйственного товаропроизводителя.

Акционерное страхование, возникшее в Великобритании и Франции во второй половине XVII в. и в XIX в. ставшее господствующей формой организации деятельности страховых компаний, в современных условиях занимает разные позиции на страховых рынках развитых стран. Доминируя в Великобритании и Германии, оно уступило свои позиции в США вследствие преобразования акционерных компаний в общества взаимного страхования. В России его выделение в качестве самостоятельной формы организации страхования не вполне корректно, учитывая, что Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» допускает создание страховых организаций не только в форме акционерных обществ, но и обществ с ограниченной ответственностью. Скорее, речь должна идти о коммерческом страховании без государственной поддержки.

Еще больше вопросов вызывает выделение в качестве самостоятельных форм страхования взаимного и кооперативного страхования. Нельзя не признать, что изначально почву для этого давала существовавшая в течение последних 10 лет правовая неопределенность относительно возможности существования страховых кооперативов и организационно-правовой формы обществ взаимного страхования.

Кооперативное страхование, существовавшее в качестве самостоятельной формы организации страхования в дореволюционной России и в первые годы советской власти и получившее второе рождение с принятием в 1988 г. Закона СССР о кооперации, закрепившего возможность создания кооперативных страховых учреждений, уполномоченных определять условия, порядок и виды страхования (абз. 2 ч. 3 ст. 22), утратило прочную правовую основу для существования с принятием Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации». Возможность создания страховых кооперативов, предусмотренная п. 5 ст. 4 последнего, нивелировалась положением о том, что порядок их образования и деятельности, права и обязанности их членов определяются законами, регулирующими порядок создания и деятельности страховых кооперативов. В 2006 г. утратили силу и положения о возможности оказания ими различного рода услуг по личному и медицинскому страхованию, страхованию имущества, земли, посевов.

Появление Федерального закона от 29 ноября 2007 г. № 286-ФЗ «О взаимном страховании», где законодатель для обозначения страховщика использовал понятие «общество взаимного страхования» еще больше осложнило ситуацию. В частности, общества стали создаваться в форме некоммерческих партнерств, хотя подобный подход периодически оспаривался. В теории отмечалось, что общество взаимного страхования может и должно рассматриваться как самостоятельная организационно-правовая форма некоммерческих организаций⁹. Вместе с тем ряд специалистов с подобной трактовкой не согласились. Т.С. Мартыанова, давая характеристику обществам взаимного страхования, указывала на то, что «они пред-

⁹ Свит Ю.П. Проблемы правового статуса товариществ собственников жилья и обществ взаимного страхования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 2. С. 29.

ставляют собой некоммерческие организации (потребительские кооперативы), осуществляющие на взаимной основе страховую защиту имущественных интересов членов общества»¹⁰.

Проблема была разрешена с принятием Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», которым было определено, что общества взаимного страхования создаются в форме потребительских кооперативов (подп. 1 п. 3 ст. 50 ГК РФ), а также Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об организации страхового дела в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым положения Федерального закона «О взаимном страховании» были приведены в соответствие с ГК РФ. Таким образом, кооперативное страхование в России признано единственной формой вза-

имного страхования, что делает невозможным рассмотрение обществ в качестве самостоятельных организационных форм страхования интересов субъектов предпринимательства. Однако это не мешает, определив соотношение с иными формами страхования, говорить о нем как о некоммерческой форме страхования, осуществляемой без государственной поддержки.

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу о необходимости пересмотра существующих подходов к выделению организационно-правовых форм страхования. Как представляется, прежде всего необходимо разграничивать страхование с государственной поддержкой и без таковой. Первое, в свою очередь, следует подразделить на страхование, реализуемое через создаваемые государством институты, примером чего может служить страхование экспорта, и страхование, осуществляемое страховыми организациями на условиях субсидирования страховых премий. Страхование без государственной поддержки следует подразделить на коммерческое и некоммерческое.

Библиографический список

1. Алякринский, А.Л. Правовое регулирование страховой деятельности в России. – М. : ТЕИС, 1994.
2. Арсланов, А.Ф. Финансы : учеб. / А.Ф. Арсланов [и др.] ; под ред. В.А. Слепова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Магистр : ИНФРА-М, 2015.
3. Зернов, А.А. Совершенствование страхования. – М., 2004.
4. Кабанцева, Н.Г. Страхование : учеб. пособие. – М. : Форум, 2008.
5. Мартянова, Т.С. Обязательства по страхованию // Гражданское право : в 4 т. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – Т. 4.
6. Райхер, В.К. Некоторые вопросы кодификации страхового законодательства // Советское государство и право. – 1947. – № 9.
7. Свит, Ю.П. Проблемы правового статуса товариществ собственников жилья и обществ взаимного страхования // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 2.
8. Сокол, П.В. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (постатейный). – М. : Юстицинформ, 2006.

¹⁰ Мартянова Т.С. Обязательства по страхованию. Т. 4. С. 334.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

О НЕКОТОРЫХ ПРАВИЛАХ ОБРАЗОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ¹

ИВАНЧИН Артем Владимирович

***Аннотация.** В статье формулируются и анализируются криминологическо-композиционные правила конструирования составов преступлений, подчеркивается важность их соблюдения законодателем. Указывается, в частности, что состав преступления должен адекватно отражать объективную реальность и общественную опасность запрещаемого поведения, при его конструировании следует учитывать криминологические показатели (типичность, распространенность и т. д.).*

***Annotation.** In article kriminologo-composite rules of designing of crime components are formulated and analyzed, importance of their observance by the legislator is emphasized. It is specified, in particular, that the corpus delicti has to reflect adequately objective reality and public danger of the forbidden behavior, at his designing it is necessary to consider criminological indicators (typicalness, prevalence, etc.).*

***Ключевые слова:** норма права, уголовная ответственность, состав преступления, юридическая техника, конструирование, криминологическо-композиционные правила.*

***Keywords:** rule of law, criminal liability, corpus delicti, legal equipment, designing, kriminologo-composite rules.*

В правовой доктрине неоднократно обращалось внимание на необходимость четкого соблюдения в процессе уголовного законодательства криминологическо-композиционных правил, к числу которых, на наш взгляд, следует причислить следующие шесть императивов.

Правило № 1: признаки, вводимые в состав преступления, должны адекватно отображать объективную реальность. Законодатель, образуя состав, должен отобразить в уголовном законе признаки множества разновидностей одного вида общественно опасного деяния, которые существуют объективно, т. е. задача законодателя состоит в том, чтобы выявить в реальной действительности и зафиксировать эти признаки в законе *с наибольшей полнотой и точностью, используя метод научной абстракции.* Как правильно отмечал еще в начале прошлого века известный ярославский криминалист В.Н. Ширяев, «всякая уголовно-правовая конструкция, как бы логически

правильна она ни была, созданная вне условий действительности, может возбуждать справедливые сомнения в ее практической пригодности»². Таким образом, состав преступления должен быть «слепком» реальной действительности, схематичным отражением реальных общественно опасных деяний, характеризующихся многообразием фактических обстоятельств. В теории познания под «отражением» понимается процесс воспроизведения особенностей одного тела в структуре другого. В результате взаимодействия структуры отражаемых систем как бы «снимаются» и воспроизводятся в преобразованном виде, в форме «следов», «отпечатков» в специфических структурах отражающих систем»³. В качестве отражающей системы в случае с конструированием состава преступления и предстает уголовный закон, в котором необходимо оставить обобщенный «отпечаток» одного вида преступлений. Если указанное правило нарушено и со-

¹ Статья выполнена в рамках проекта № 17-03-0068 «Модернизация техники конструирования и практики применения уголовно-правовых норм об экономических преступлениях в современной России».

² Ширяев В.Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Ярославль, 1909. С. 7.

³ Лешкевич Т.Г. Философия и теория познания. М., 2013. С. 188.

став сконструирован искаженно, то применение уголовного закона будет малоэффективным или вообще невозможным.

Правило № 2: признаки, вводимые в состав преступления, в своей совокупности должны отражать общественную опасность запрещаемого поведения либо существенно измененный ее уровень. Отдельный признак сам по себе не отражает необходимого уровня опасности, но в своей сумме набор признаков, закрепляемых в уголовном законе, призван обеспечить искомую общественную опасность, которая служит основанием криминализации (в основных или недифференцированных составах). Соответственно «претендент» на статус дифференцирующего признака (квалифицирующего или привилегирующего; специального – образующего специальный состав) либо набор таких признаков должен обеспечивать существенный перепад в уровне общественной опасности запрещаемого деяния.

Данный правотворческий фактор учитывается прежде всего на этапе принятия решения о необходимости криминализации. Но и в последующем при конструировании состава преступления потребность в его учете не отпадает, поскольку отсутствие в проектируемой законодательной конструкции одного единственного признака может привести к утрате запрещаемым поведением свойства общественной опасности или повышенного (пониженного) ее уровня.

Разумеется, роль различных категорий признаков в этом процессе различна. Так, вменяемость фактически не определяет общественную опасность⁴ (ведь и деяния невменяемых общественно опасны), объект, последствия, способ и вина, напротив, едва ли не ключевые показатели ее наличия (не единственные, конечно). Правда, в отдельных случаях даже «неприметный», казалось бы, признак может служить довеском, только при наличии которого запрещаемое поведение «тянет» на уровень общественно опасного. Таковы, например, мотив (ст. 154, 285 УК и т. д.) и цель (ст. 201, 309 УК и др.).

Следовательно, конструируя состав преступления, законодатель должен помнить об основании криминализации и дифференциации уголовной ответственности, согласовывая ка-

ждый свой шаг с этой базовой посылкой. Например, недостаточность одних лишь вредных последствий для констатации общественной опасности или их отсутствие в составе могут быть компенсированы указанием на умысел лица, опасный способ совершения деяния или повышенную опасность личности субъекта преступления. Законодатель должен комбинировать все мыслимые признаки, чтобы итоговый их набор отвечал генеральному критерию криминализации или дифференциации уголовной ответственности.

Правило № 3: при конструировании состава преступления следует учитывать криминологические показатели запрещаемого поведения. О взаимосвязи уголовного права и криминологии написано немало. «Состояние (количество совершенных деяний), структура и динамика общественно опасного поведения (преступности) являются криминологическими основаниями... норм уголовного права, которые предусматривают ответственность за совершение конкретных преступлений»⁵, – обоснованно отмечал В.Д. Филимонов. «Криминологическая составляющая (данные о состоянии преступности) должна лежать в основе последующей ее уголовно-правовой характеристики (уголовного законодательства), т. е. опережать последнее, а не быть приложением к рассмотрению уголовного законодательства»⁶, – пишет и А.В. Наумов. Трудно не согласиться и с тем, что «отсутствие необходимого объема криминологических знаний рождает неверные, искаженные представления о том, что такое хороший, полезный проект будущего нормативного акта»⁷. Криминологические факторы играют решающую роль на этапе формирования законодательной воли, когда принимается решение о необходимости установления уголовно-правового запрета. Вместе с тем и на этапе конструирования состава преступления законодатель обязан соотносить содержание состава с криминологическими показателями.

⁵ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 26. См. также: Милуков С.Ф. Ревизия российского уголовного законодательства: криминологическая обоснованность и уголовно-политические последствия // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2004. С. 117–124.

⁶ Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2014. Ч. 1. С. 3.

⁷ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 58.

⁴ См.: Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 4: Состав преступления. С. 54 (автор главы – В.Н. Кудрявцев).

В частности, в завершеном своем виде состав преступления должен отражать относительно распространенные и типичные общественно опасные деяния. Запрещаемые «деяния должны быть более или менее распространенными», «возможная повторяемость – необходимое свойство деяния, отнесенного законом к числу преступлений»⁸. Иными словами, сконструированный состав не должен отражать весьма случайные в реальной действительности деяния.

При этом из всей массы признаков различных разновидностей одного вида общественно опасного поведения законодатель, опираясь на данные криминологии, должен выделить наиболее типичные признаки и закрепить их в законе. В итоге признак состава должен быть типичной характеристикой запрещаемого поведения, а не его индивидуальной чертой. Так, похищение человека может быть совершено днем или ночью, в городе или поселке, его субъектом, равно как и потерпевшим, может быть мужчина или женщина и т. д., и т. п., но все эти детали не являются принципиальными. Даже если такие детали несут в себе определенный заряд опасности (например, наличие или отсутствие у субъекта судимости), то это еще недостаточное основание для их помещения в состав преступления, поскольку некоторые из них подлежат учету при дифференциации ответственности посредством Общей части УК, а некоторые – при индивидуализации наказания.

Правило № 4: состав преступления должен быть непробельным (требование полноты состава). Законодатель, конструируя состав преступления, должен учесть все многообразие жизненных ситуаций и всевозможные криминальные проявления запрещаемого поведения. Одной из причин возникновения пробелов в уголовном праве М.А. Кауфман обоснованно называет «несовершенство законодательной техники», отмечая, что «пробелы, имеющиеся в диспозициях действующих уголовно-правовых норм, – это неполнота, связанная с просчетами, допущенными законодателем при описании признаков состава»⁹. Примером неполноты состава является законо-

дательная конструкция, предусмотренная ст. 289 УК РФ. Сразу же после принятия УК РФ и по сей день практика сталкивается со случаями регистрации должностных лиц лично или через своих доверенных лиц (номинальных субъектов) в качестве *индивидуальных предпринимателей*. К сожалению, в описании объективной стороны рассматриваемого преступления речь идет лишь о покровительстве *организациям*, т. е. такая форма коррупционного поведения отсутствует, что делает ее безнаказанной, несмотря на наличие необходимого «заряда» общественной опасности.

Однако неполнота может заключаться и в признаках субъективной стороны. Неполной представляется, в частности, редакция ч. 1 ст. 209 УК РФ, в которой целью создания банды названо нападение на граждан или организации, поскольку круг преступлений, совершаемых бандой, не ограничивается одними только нападениями: это и вымогательства, и применение опасного насилия без нападения, и т. д. То есть правотворец не проработал содержание цели, включая ее в состав бандитизма. Недостаточно продумано, по нашему мнению, содержание цели и в ст. 317 УК РФ: в целях воспрепятствования законной деятельности сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего *по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности*. Ясно, что служебная деятельность указанных лиц не всегда связана с общественной безопасностью или порядком, а в целом касается порядка управления (родовой объект гл. 32 УК РФ), поэтому для обеспечения полноты состава напрашивается широкое изложение цели в ч. 1 ст. 317 УК РФ: «в целях воспрепятствования служебной деятельности» (как в ст. 320 УК РФ), тем более что такое решение отвечает системной взаимосвязи родового и видового объектов данного преступления.

Очевидно, что восполнение пробелов в основании уголовной ответственности – исключительная прерогатива законодателя (решаемая путем реконструкции неполного состава преступления). «Никто не может, кроме законодателя, – обоснованно писала Н.Ф. Кузнецова, – брать на себя функцию конструирования составов преступлений»¹⁰. С этим те-

⁸ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М., 1982. С. 218.

⁹ Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 11, 17.

¹⁰ Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1 : Преступление и наказание. С. 321 (Н.Ф. Кузнецова – автор главы о составе преступления).

зисом в полной мере согласуется и мнение о возможности применения правоприменителем аналогии для восполнения пробелов в уголовном праве, за исключением одного случая: при устранении неполноты в основании уголовной ответственности (для чего необходимо лишь совершение уголовного закона)¹¹.

Правило № 5: состав преступления должен быть оптимальным по законодательной конструкции (набору признаков), т. е. включать все необходимые и не содержать лишних признаков. Обратим внимание, что данный императив нацеливает законодателя на поиск наиболее оптимального набора (сочетания, комбинации) признаков, а не на точное определение их содержания (иначе это правило поглотило бы все остальные).

Состав преступления, как известно, описывается по схеме, включающей четыре части. При этом законодатель должен последовательно рассматривать элементы каждой части конструкции преступления (деяние, последствие и т. д.) на предмет их включения в создаваемый состав. Такой подход выступает одним из средств обеспечения полноты и оптимальности уголовно-правового регулирования. В итоге же в уголовном законе «рождаются» самые разнообразные комбинации признаков (законодательные или нормативные конструкции составов). В.Н. Кудрявцев писал, что «теоретически возможны 576 различных конструкций состава, но практически это число во много раз меньше, так как многие комбинации в законе не встречаются»¹².

Однако количество даже теоретически мыслимых конструкций составов гораздо больше, поскольку В.Н. Кудрявцев в основу своего расчета положил упрощенное представление о круге признаков состава. В частности, в объекте он выделил два признака (непосредственный объект и предмет преступления), по нашим же представлениям (также скромным, если учесть разнообразные подходы к структуре объекта в доктрине¹³) их, как минимум, че-

тыре. В результате у В.Н. Кудрявцева число комбинаций признаков объекта – два: 1) непосредственный объект; 2) непосредственный объект, предмет¹⁴. Если принять за основу четырехзвенную структуру объекта преступления (основной объект, дополнительный объект, потерпевший, предмет), то число комбинаций составит восемь: 1) основной объект; 2) основной объект, дополнительный объект; 3) основной объект, дополнительный объект, потерпевший; 4) основной объект, дополнительный объект, предмет; 5) основной объект, дополнительный объект, потерпевший, предмет; 6) основной объект, предмет; 7) основной объект, потерпевший; 8) основной объект, потерпевший, предмет. В объективной стороне названным ученым выделено четыре признака против девяти, выделяемых господствующей теорией (и 10 – нами). Поэтому в его подсчетах число комбинаций признаков объективной стороны составляет восемь, а если за основу взять показатель 10, то количество таких комбинаций превысит 200.

При этом в анализируемом расчете, судя по его обоснованию в цитируемой работе, допущены, на наш взгляд, неточности. Так, при характеристике субъекта преступления отмечается, что возможны две комбинации его признаков: 1) общий субъект; 2) общий субъект, специальный субъект. Думается, что это действительно так (по крайней мере до тех пор, пока к числу субъектов не отнесены юридические лица). Однако далее при обосновании теоретической возможности 576 различных конструкций составов оговаривается, что имеется четыре комбинации признаков субъекта и именно эта цифра использована при вычислении указанного итогового показателя¹⁵.

В итоге, если принять за основу даже традиционное представление о круге элементов, образующих конструкцию преступления, то получаем, что *теоретически мыслимо более 14 тысяч законодательных конструкций составов.* Однако В.Н. Кудрявцев абсолютно прав в том, что законодатель при построении

¹¹ См.: Кругликов Л.Л. Аналогия в уголовном праве: миф или реальность? // Проблемы теории уголовного права. Ярославль, 2010. С. 185–186; Соловьев О.Г. Интерпретационная техника в уголовном праве: значение, истоки, соотношение с другими видами юридической практики // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 127–128.

¹² Энциклопедия уголовного права. Т. 4. С. 31.

¹³ См., напр.: Винокуров В.Н. Объект преступления: аспекты понимания, способы установления и применение уголовного закона: моногр. М., 2012.

¹⁴ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 4. С. 30.

¹⁵ Там же. С. 30–31. Судя по всему, ошибка в расчете вкралась из-за исключения из УК РФ неоднократности, которую В.Н. Кудрявцев относил к признакам субъекта преступления и обоснованно учитывал в расчете в ранее изданной работе (см.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 76–77).

составов задействует гораздо меньшее число комбинаций признаков. Результатом нарушения рассматриваемого правила являются «переборы» и «недоборы» признаков в создаваемых нормативных построениях. Примеров такого рода конструктивных просчетов в УК РФ немало. Так, примером «перебора» представляется состав неисполнения обязанностей налогового агента, в который излишне включен мотив в виде личного интереса (ст. 199¹ УК РФ). И без него указанное преступление достигает уровня общественной опасности, характерного для преступлений. Не случайно родственные налоговые преступления (ст. 198, 199 УК РФ) обрисованы без указания на мотив их совершения. В этой связи Е.В. Румянцева обоснованно отмечает, что «исключение признака “личный интерес” из диспозиции ст. 199¹ УК приведет к логическому упорядочению данной нормы, позволит установить равные пределы ответственности для лиц, посягающих на охраняемые ею общественные отношения»¹⁶. Ее поддерживает О.Г. Соловьев, указывая, что признак «личный интерес» в ст. 199¹ «является излишним и приводит к необоснованной декриминализации отдельных преступных деяний в налоговой сфере»¹⁷.

«Недобор» (недоукомплектовка) означает, что законодатель не принял во внимание такой признак юридической конструкции, который необходим для регламентации соответствующего уголовно-правового запрета. Примером «недобора» является законодательная конструкция состава похищения человека, в которой отсутствует цель (ч. 1 ст. 126 УК РФ). Это служит причиной многочисленных ошибок на практике при отграничении похищения человека от убийств, изнасилований, разбоев и иных преступлений, в ходе которых возможно изъятие потерпевшего¹⁸. Для исправления ситуации представляется целесообразным дополнить

законодательную конструкцию похищения человека искомым признаком, указав в ч. 1 ст. 126 УК РФ на *цель удержания человека*.

Излишним признаком в нормативной конструкции квалифицированного убийства по праву признается и сопряженность убийства с иными преступлениями в п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹⁹. В частности, М.Н. Каплин, критикуя это решение законодателя, отмечает, что оно создает предпосылки для вменения лицу п. «в», «з» или «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как «нормы-целого» с исключением применения норм-частей (ст. 126, 206, 162, 163, 209, 131 и 132 УК РФ) и, как следствие, «утрате уголовно-правовой оценки самостоятельных составов»²⁰.

Правило № 6: законодатель должен стремиться к «изоморфизму» (одинаковости структур) при конструировании составов сходных преступлений. Термин «изоморфизм» образован из слов «изо» (греч. isos – равный, одинаковый, подобный) и «морфизм» (греч. morphe – форма)²¹. Под изоморфизмом в точных науках понимается такое соответствие элементов двух различных систем, при котором каждому элементу первой системы соответствует лишь один элемент второй и каждой связи в одной системе соответствует связь в другой. На использовании свойств изоморфизма базируется, как известно, метод кибернетического моделирования. Полагаем, что *изоморфизм можно и нужно с пользой для дела применять в технике конструирования составов*. Это означает, что по общему правилу при однопорядковости общественно опасных деяний должны совпадать конструкции их составов. В правовой доктрине рассматриваемое явление охватывается более общим понятием унификации, которая «направлена на устранение различий в регулировании сходных либо родственных явлений и на создание универсальных нормативных актов или предписаний»²².

¹⁶ Румянцева Е.В. Техника конструирования и применения диспозиций статей о налоговых преступлениях (ст. 198–199² УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 15.

¹⁷ Соловьев О.Г. Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники. Ярославль, 2008. С. 265.

¹⁸ Имеются в виду случаи, когда захват и перемещение потерпевшего помимо его воли, являясь формой насилия, охватывается объективной стороной другого преступления (ст. 105, 131, 162 УК и т. д.). См., в частности: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9. С. 14.

¹⁹ См.: Иногамова-Хегай Л.В. Последние тенденции развития уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф., 28–29 января 2010 г. М., 2010. С. 92–93 ; Лопашенко Н.А. Убийства : моногр. М., 2013. С. 277.

²⁰ Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 85.

²¹ См.: Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 225, 395.

²² Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993. С. 23.

В УК РФ можно обнаружить неоправданные, на наш взгляд, отступления от этого требования. Например, состав разбоя сегодня явно «выпадает» из группы хищений. Его состав имеет формальную законодательную конструкцию. Составы же хищений сконструированы материально (примечание 1 к ст. 158 УК РФ). Объяснением такой конструкции состава разбоя, помимо исторической традиции, служит общественная опасность самого факта нападения. Но последний аргумент, с еще большим успехом, можно применить и к более тяжким преступлениям, имеющим, однако, материальную конструкцию состава (например, убийствам). Следствием же этой бессистемности в применении вида законодательной конструкции состава является размытость общественной опасности в рамках типовых санкций ст. 162 УК РФ. Сегодня санкции ч. 1–4 этой статьи предусматривают ответственность как за фактически завершённые разбойные нападения, так и за неудавшиеся. Очевидно, что вредоносность последних значительно меньше в сравнении с первыми, поэтому техничнее состав разбоя было сконструировать по типу материального²³. Тем самым нерезультативные нападения (например, завершившиеся задержанием на месте преступления) получили бы более точную уголовно-правовую оценку (со ссылкой на ст. 30 УК РФ) и, как следствие, более точные пределы наказуемости.

Кроме того, идея изоморфизма позволяет сформулировать требование, касающееся конструирования специальных (формально или фактически) составов: *по общему правилу, при построении специального состава целесообразно обеспечивать преемственность в типе законодательной конструкции между ним и общим составом*. Неудачно в этом плане выглядят специальные составы мошенничества (вопрос об их избыточности – тема отдельного обсуждения). Общим для них предполагается основной состав мошенничества, обрисованный в ч. 1 ст. 159 УК РФ, однако преемственность с ним обеспечить удалось далеко не в полной мере. «Материнский состав» в ч. 1 ст. 159 УК РФ охватывает: а) два вида деяния (хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество); б) два способа преступления (обман или злоупотребление доверием). Построение же специальных составов мошенничества преемственностью в использовании этих признаков не отличается.

В завершение выразим надежду на то, что дальнейшая разработка криминологико-композиционных и иных групп правил конструирования составов преступлений и их реализация в уголовном правотворчестве позволит в обозримой перспективе качественно улучшить отечественный уголовный закон и, как следствие, повысить эффективность борьбы с преступностью.

Библиографический список

1. Бабаев, М.М. Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2013. – № 8.
2. Винокуров, В.Н. Объект преступления: аспекты понимания, способы установления и применение уголовного закона : моногр. – М., 2012.
3. Иногамова-Хегай, Л.В. Последние тенденции развития уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф., 28–29 января 2010 г. – М., 2010.

²³ Надо сказать, что в одном из проектов УК состав разбоя и был сконструирован по типу материального. Однако этот проект вызвал резкую критику (см., напр.: Тенцов Э.С. Преступления против собственности в проекте Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994. С. 87). В итоге было принято решение вернуться к старой (ст. 146 УК 1960 г.) – усеченной – форме описания данного преступления. Однако она как раз и заслуживает, на наш взгляд, критики, которая в связи с этим постоянно звучит в доктрине (см., напр.: Токарчук Р.Е. Насильственные хищения: социальная природа норм и вопросы совершенствования уголовной ответственности. М., 2012. С. 59–60).

4. Каплин, М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2003.
5. Кауфман, М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009.
6. Кругликов, Л.Л. Аналогия в уголовном праве: миф или реальность? // Проблемы теории уголовного права. – Ярославль, 2010.
7. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд, перераб. и доп. – М., 2001.
8. Лешкевич, Т.Г. Философия и теория познания. – М., 2013.
9. Лопашенко, Н.А. Убийства : моногр. – М., 2013.
10. Милуков, С.Ф. Ревизия российского уголовного законодательства: криминологическая обоснованность и уголовно-политические последствия // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2004.
11. Наумов, А.В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. – М., 2014. – Ч. 1.
12. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 9.
13. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М., 1982.
14. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – СПб., 2008. – Т. 1 : Преступление и наказание.
15. Румянцева, Е.В. Техника конструирования и применения диспозиций статей о налоговых преступлениях (ст. 198–199² УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007.
16. Сенякин, И.Н. Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 1993.
17. Современный словарь иностранных слов. – СПб., 1994.
18. Соловьев, О.Г. Интерпретационная техника в уголовном праве: значение, истоки, соотношение с другими видами юридической практики // Юридическая наука. – 2014. – № 2.
19. Соловьев, О.Г. Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники. – Ярославль, 2008.
20. Тенчов, Э.С. Преступления против собственности в проекте Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). – Ярославль, 1994.
21. Токарчук, Р.Е. Насильственные хищения: социальная природа норм и вопросы совершенствования уголовной ответственности. – М., 2012.
22. Филимонов, В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск, 1981.
23. Ширяев, В.Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. – Ярославль, 1909.
24. Энциклопедия уголовного права. – СПб., 2005. – Т. 4 : Состав преступления.

ПУБЛИЧНОСТЬ ОСКОРБЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ларин Виктор Юрьевич

***Аннотация.** В статье проведен анализ признака публичности объективной стороны состава оскорбления представителя власти. Автор, основываясь на материалах судебной практики, раскрывает различные формы проявления публичности. Обосновывается комплексный характер данного признака.*

***Annotation.** The article analyzed the basis of publicity of the objective side of composition of insulting a representative of authorities. Based on the materials of judicial practice, the author reveals various forms of publicity. He justifies that publicity is complex.*

***Ключевые слова:** представитель власти, публичность, сотрудник органа внутренних дел, объективная сторона преступления.*

***Keywords:** a representative of the authorities, publicity, police, the employee of body of internal Affairs, the objective side of the crime.*

В уголовно-правовой норме, предусмотренной ст. 319 УК РФ, установлена ответственность за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. Это преступление посягает на два непосредственных объекта – на основной и на дополнительный (факультативный). Основным непосредственным объектом являются общественные отношения, складывающиеся по поводу нормальной и законной управленческой деятельности органов власти¹. Обязательным дополнительным объектом выступают честь и достоинство конкретного представителя власти².

Основной непосредственный объект в ст. 319 УК РФ с социальных позиций является более важным и ценным, и при его нарушении дополнительный обязательный объект поглощается. Иными словами, при оскорблении представителя власти виновный посягает прежде всего на порядок управления и на общественное признание авторитета государственных структур. Несмотря на то, что при совершении данного преступления происходит унижение чести и дос-

тоинства потерпевшего, какой-либо дополнительной уголовно-правовой оценки и квалификации содеянного не требуется.

Объективная сторона состава оскорбления представителя власти предполагает наличие такого конструктивного признака, как публичность. В русском языке под этим словом понимается деятельность, «осуществляемая в присутствии публики»³. По этому поводу в юридической литературе есть достаточно элементарное разъяснение о том, что публичность предполагает присутствие людей (публики), т. е. носит открытый для восприятия характер⁴. В свою очередь содержание термина «публика» означает наличие третьих лиц: зрителей, пассажиров, прохожих и т. д. В науке уголовного права не сложилось единого мнения как относительно количества лиц, присутствующих при оскорблении, так и их социальных качеств и роли по отношению к потерпевшему. В юридической литературе многие авторы отмечают, что для публичности достаточно присутствие хотя бы одного человека⁵. Есть и другая точка зрения о том, что

¹ См.: Рудый Н.К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 26 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. М. : Юрайт, 2011. С. 1280.

² См.: Правовые средства защиты чести и достоинства сотрудника полиции : учеб. пособие / Брагина А.Г. [и др.]. Барнаул, 2014. С. 97.

³ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2003. С. 1044.

⁴ См.: Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и Особенная части : учеб. пособие / отв. ред. А.И. Чучаев, Е.В. Лощенко. М. : КОНТРАКТ, 2014. С. 222.

⁵ См.: Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть : учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2006. С. 371 ; Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учеб. / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2011. С. 1140 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 853.

для публичности необходимо присутствие двух или более лиц⁶.

В судебной практике применения уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 319 УК РФ, данный вопрос в принципе решается однозначно⁷. Анализ приговоров об оскорблении представителя власти показал, что суды, оценивая признаки публичности, в подавляющем большинстве случаев указывают на присутствие двух или более лиц (75 %). Примерно в 5 % суды ссылаются на присутствие хотя бы еще одного человека, в 10 % случаев – ограничиваются констатацией публичного характера оскорбления без указания на конкретные формы проявления, в остальных 10 % случаев публичность оскорбления связывается с использованием сети «Интернет».

По нашему мнению, для признания признака публичности уголовно значимым обстоятельством необходимо присутствие на месте события еще одного человека. Фактически это означает, что при оскорблении в процессе развития этой ситуации активно и пассивно задействованы в происходящем как минимум три человека: оскорбитель, потерпевший и обязательный (пусть и один) представитель «публики».

Наша точка зрения основана на ряде обстоятельств. Во-первых, власть сама по себе обладает признаком публичности, т. е. ее представители должны осуществлять свою деятельность открыто. Соответственно, оскорбление в связи с исполнением конкретным лицом своих служебных обязанностей является определенного рода вмешательством в осуществление всей управленческой деятельности, препятствует применению властных полномочий. Это, разумеется, доступно для понимания любому (одному) постороннему человеку – очевидцу события. Иными словами, публичность оскорбления предполагает его восприятие другим лицом, не являющимся оскорбляемым или оскорбленным. В противном случае невоз-

можно говорить об унижении чести, поскольку некому это оценивать.

Во-вторых, если при оскорблении представителя власти присутствует даже один человек, то как минимум в его глазах падает авторитет (общественное признание) государственных структур. Тем самым снижается доверие к другим представителям власти, возникают сомнения в эффективности их деятельности. Посторонний очевидец может рассказать (и обязательно расскажет) другим лицам об оскорблении, в связи с чем будет подрываться авторитет органа власти в глазах многих других людей.

В теории уголовного права дискуссионным является вопрос о том, какими социальными параметрами или свойствами должно обладать лицо, присутствующее при оскорблении. По существу обсуждается дилемма: либо это коллега (коллеги) оскорбляемого и этого достаточно, либо это любой другой человек, но только не представитель власти. Так С.С. Киселев полагает, что при оценке признака публичности необходимо учитывать присутствие только тех лиц, которые не являются представителями власти⁸, такой же позиции придерживается Е.В. Смоляков⁹. В.Ф. Цепелев, мнение которого мы в принципе поддерживаем, занял компромиссную позицию, указав на возможность присутствия «в том числе и коллеги оскорбляемого представителя власти»¹⁰.

Анализируя судебную практику по поводу оценки социальных качеств лиц, присутствующих при оскорблении, можно отметить определенную тенденцию. Суды в абсолютном большинстве случаев (более 90 %) при вынесении обвинительных приговоров указывают на обязательное присутствие посторонних лиц. Ситуации, при которых присутствуют только коллеги оскорбляемого, встречаются в единичных случаях.

Более того, иногда выносятся оправдательные приговоры, мотивируемые тем, что признак публичности отсутствует, поскольку при оскорблении сотрудника полиции (милиции) присутствовали только другие сотрудники

⁶ См.: Киселев С.С. Проблемы уголовно-правовой охраны чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 3. С. 242; Цепелев В.Ф. Квалификация преступлений против порядка управления. М.: Проспект, 2015. С. 25.

⁷ По специально разработанной программе автором было изучено 150 приговоров, вынесенных судами восьми субъектов РФ в 2010–2016 гг., где потерпевшими от оскорбления выступали сотрудники органов внутренних дел. Изучалась судебная практика республик Башкортостан, Чувашия, Мордовия, а также Нижегородской, Московской, Тамбовской, Кемеровской и Астраханской областей.

⁸ См.: Киселев С.С. Проблемы уголовно-правовой охраны чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел. С. 242.

⁹ См.: Смоляков Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 108.

¹⁰ См.: Цепелев В.Ф. Квалификация преступлений против порядка управления. С. 25.

правоохранительного органа. Так, судом первой инстанции одного из районов Астраханской области был осужден по ст. 319 УК РФ гражданин Д. за то, что в 2009 г. в здании ОВД оскорбил сотрудника милиции Б., являющегося оперуполномоченным. При этом Д. достоверно знал, что Б. служит в милиции и находится при исполнении должностных обязанностей. Однако оскорбление в форме нецензурной брани произошло только в присутствии других сотрудников милиции. Уголовное дело было рассмотрено в порядке надзора. Президиум Астраханского областного суда обратил внимание на то, что оскорбление имело место лишь в присутствии сотрудников милиции, при отсутствии в помещении других лиц. По мнению областного суда, подобные обстоятельства исключают признак публичности из деяния Д. Приговор в этой части был отменен. Обосновывая свое решение, суд в принципе правильно указал, что публичными могут признаваться такие оскорбления, которые заведомо высказываются в присутствии многих лиц, с целью нарушения нормальной деятельности органов власти либо ущемления их авторитета, а равно унижения чести и достоинства конкретного представителя власти¹¹.

Опрос сотрудников Следственного комитета показал, что для восприятия признака публичности оскорбления не имеют значения социальные качества и свойства лица, присутствующего при этом. Так считают более 80 % респондентов. По мнению практических работников, это могут быть как другие представители власти, так и посторонние лица. При этом только 15 % указали, что присутствующий не должен быть представителем власти. Остальные респонденты затруднились ответить на поставленный вопрос¹².

Публичность оскорбления не может быть исчерпана лишь обстановкой его совершения, т. е. присутствием при деянии только иных, «посторонних» лиц. Существенное значение может иметь место совершения преступления, в частности общественное место¹³. В юридиче-

ской литературе под таковым понимается пространство, территория общего пользования, в том числе на транспорте, в зданиях, сооружениях и т. п.¹⁴.

Законодательной дефиниции общественного места не имеется. Вместе с тем перечневый способ определения общественных мест используется в ведомственных нормативных актах (через термины «территория» и «зона»). Так, в совместном Приказе семи государственных структур «О едином учете преступлений» содержатся разъяснения о том, что к числу общественных мест относятся специально оборудованные территории и зоны общего пользования в черте городов и населенных пунктов либо вне их и предназначенные для постоянного или периодического использования населением, а также проведения массовых мероприятий, обслуживания и отдыха граждан¹⁵. Как видим, общественным местом может признаваться чрезвычайно широкий круг социальных объектов и конкретных мест общего пользования.

По результатам нашего исследования в каждом четвертом приговоре публичность оскорбления связывалась с местами общего пользования и специально оборудованными территориями. Более чем в 20 % случаев, наряду с присутствием иного лица, наличие «публичности» определялось совершением деяния в конкретном общественном месте. Однако в отдельных случаях (около 5 %) признак публичности связывался только с совершением деяния в подобном месте. Присутствие иных лиц не устанавливалось.

Изучение практики показало, что к подобным местам суды нередко относят платформу железнодорожной станции; остановку общественного транспорта; помещение больницы; территорию возле ресторана, помещения кафе, сауны, гостиницы; лестничную площадку подъезда многоквартирного дома и т. д. Иными словами, это все те же объекты транспортной инфраструктуры, административные здания, места отдыха, территории общего пользования и др.

¹¹ См.: Постановление Президиума Астраханского областного суда от 27 июля 2010 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-astraxanskij-oblastnoj-sud-astraxanskaya-oblast-s/act> (дата обращения: 10.09.2016).

¹² См.: По специально разработанной анкете были проинтервьюированы 80 практических работников Следственного комитета РФ из Рязанской, Московской, Владимирской областей, исследование проводилось в 2016–2017 гг.

¹³ См.: Игнатов А.Н. Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права : в 2 т. М., 2002. Т. 2 : Особенная часть. С. 895.

¹⁴ См.: Понятия и термины в уголовном праве России ... С. 115.

¹⁵ См.: Совместный Приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2017).

Проявлением публичности при совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, может быть и размещение оскорбительной информации посредством использования открытых ресурсов информационно-телекоммуникационных сетей (блогов, социальных сетей, форумов и т. п.), в том числе в сети «Интернет». В этих случаях термин «общественное место» трансформируется в понятие «общественное пространство», но не теряет своего социального содержания в виде виртуальной зоны общего пользования. Это место для вербально-визуального восприятия информации многими людьми без непосредственного контакта с потерпевшим или виновным. Подобные факты оскорблений в сети «Интернет» в судебно-следственной практике фиксируются, но относительно редко.

За последнее время, пожалуй, самым известным и вызвавшим наибольший социальный резонанс стало дело троих молодых людей (получивших название «мажоры на Гелендвагене»), которые грубо нарушали правила дорожного движения в Москве на автомобиле марки «Мерседес Гелендваген». Виновные не останавливались на требования сотрудников ДПС и одновременно осуществляли видеозапись, которую размещали в сети «Интернет». В ходе этой трансляции «мажоры» длительное время сопровождали свои действия оскорбительными высказываниями в адрес сотрудников полиции, которые осуществляли их преследование. Впоследствии молодые люди были задержаны. Гагаринский районный суд г. Москвы приговорил каждого из «мажоров», оскорбивших сотрудников полиции, к 300 часам обязательных работ¹⁶.

Отдельные авторы предлагали отказаться от признака публичности, обосновывая свою позицию тем, что при общеуголовном оскорблении такого признака нет. В связи с этим, по их мнению, публичность превращает представителя власти в лицо «второго сорта»¹⁷. В настоящее время данный аргумент потерял свою актуальность: общий состав оскорбления декриминализован, и любые ссылки на него теряют смысл.

¹⁶ Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 17 октября 2016 г. по уголовному делу № 01-0373/2016 // Архив Гагаринского районного суда г. Москвы.

¹⁷ См.: Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 21–22.

В юридической литературе некоторые авторы вообще не соотносят публичность с каким-либо конкретным признаком состава преступления, а лишь констатируют необходимость ее установления для рассматриваемого состава преступления¹⁸. Вместе с тем в науке уголовного права не сложилось единого мнения о том, каким именно признаком объективной стороны состава преступления является публичность: обстановкой, способом или чем-то иным.

Так, А.Г. Брагина указывает, что публичность представляет собой способ совершения преступления. Свою точку зрения она обосновывает через толкование открытого и тайного способа кражи и грабежа в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и ставит знак равенства между понятиями «открытое» и «публичное»¹⁹. В свою очередь И.В. Сидорова также утверждает, что именно публичный способ оскорбления разграничивает ст. 319 УК РФ и ранее декриминализованную ст. 130 УК РФ²⁰. Аналогичную позицию можно иногда встретить и в обобщениях судебной практики, где прямо указывается на публичность как на способ совершения преступления²¹. По нашему мнению, подобная позиция представляется весьма спорной. В приведенных точках зрения публичность напрямую приравнивается к открытому способу совершения деяния, т. е. это рассматривается как одно и то же. Однако, как известно, способ – это образ действий, прием для достижения результата, и этот факультативный признак объективной стороны состава преступления имеет самостоятельный юридический характер. Публичность же характеризуется доступностью восприятия информации, что шире по смысловому содержанию, чем по-

¹⁸ См., напр.: Есаков Г.А., Парог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам. М. : Вэлби : Проспект, 2010. С. 545–546 ; Цепелев В.Ф. Квалификация преступлений против порядка управления. С. 25.

¹⁹ См.: Брагина А.Г. О признаке публичности оскорбления представителя власти // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и правонарушениями. 2016. № 14-2. С. 23.

²⁰ См.: Сидорова И.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 24.

²¹ Обобщение судебной практики Канашского районного суда Чувашской Республики по рассмотрению уголовных дел о преступлениях, связанных с применением насилия в отношении представителя власти и оскорблением представителя власти за 2011 год (по итогам первой и кассационной инстанции). URL : http://kanashsky.chv.sudrf.ru/modules.php?id=454&name=docum_sud (дата обращения: 15.01.2017).

нятие открытого способа действия. Соответственно ставить знак равенства между публичностью и способом, по нашему мнению, неправильно.

Другие авторы, например С.М. Кисиев, утверждают, что «признак публичности характеризует обстановку совершения преступления»²². При этом обстановка связывается только с наличием физических лиц: оскорбителя, потерпевшего, иных граждан. С такой позицией можно согласиться, и мы уже говорили об этом ранее. Однако следует отметить, что обстановка оскорбления, как правило, может быть обусловлена и другими факультативными признаками объективной стороны состава преступления (временем, местом, способом).

Таким образом, публичность оскорбления представителя власти – это всегда комплексная категория, характеризующая объективную сторону состава данного преступления. Системность этого юридического понятия («публичность») заключается в совокупности или в сочетании связанных друг с другом факультативных признаков объективной стороны состава преступления. В свою очередь оценка оскорбления именно как публичного действия зависит от конкретных обстоятельств дела. В общем виде они проявляются в количестве присутствующих лиц, в месте, где происходит оскорбление, в восприятии оскорбительной информации всеми участниками события, а также в способах и средствах ее передачи другим гражданам.

Библиографический список

1. Совместный Приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2017).
2. Постановление Президиума Астраханского областного суда от 27 июля 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-astraxanskij-oblastnoj-sud-astraxanskaya-oblast-s/act> (дата обращения: 10.09.2016).
3. Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 17 октября 2016 г. по уголовному делу № 01-0373/2016 // Архив Гагаринского районного суда г. Москвы.
4. Обобщение судебной практики Канашского районного суда Чувашской Республики по рассмотрению уголовных дел о преступлениях, связанных с применением насилия в отношении представителя власти и оскорблением представителя власти за 2011 год (по итогам первой и кассационной инстанции). URL : http://kanashsky.chv.sudrf.ru/modules.php?id=454&name=docum_sud (дата обращения: 15.01.2017).
5. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2003.
6. Брагина, А.Г. О признаке публичности оскорбления представителя власти // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и правонарушениями. – 2016. – № 14-2.
7. Брагина, А.Г. Правовые средства защиты чести и достоинства сотрудника полиции : учеб. пособие / А.Г. Брагина [и др.]. – Барнаул, 2014.
8. Есаков, Г.А. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чуцаев. – М. : Вэлби : Проспект, 2010.
9. Игнатов, А.Н. Курс российского уголовного права : в 2 т. / А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – М., 2002. – Т. 2 : Особенная часть.
10. Киселев, С.С. Проблемы уголовно-правовой охраны чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 3.
11. Кисиев, С.М. Объективная сторона оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. – 10-е изд., перераб. и доп. – М., 2015.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М. : Юрайт, 2011.

²² См.: Кисиев С.М. Объективная сторона оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 254

14. Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и Особенная части : учеб. пособие / отв. ред. А.И. Чучаев, Е.В. Лошенкова. – М. : КОНТРАКТ, 2014.
15. Рудый, Н.К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009.
16. Сидорова, И.В. . Уголовно правовая характеристика оскорбления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2010.
17. Смоляков, Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2015.
18. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учеб. / под. ред. А.В. Бриллиантова. – М., 2011.
19. Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть : учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М., 2006.
20. Цепелев, В.Ф. Квалификация преступлений против порядка управления. – М. : Проспект, 2015.
21. Шрамченко, А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЛАРИНА Любовь Юрьевна

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического исследования сущности такого субъекта уголовно-правовых отношений, как государство. Автор обосновывает, что государство в уголовно-правовых отношениях выступает законодателем, правоприменителем и потерпевшим. В статье приводятся права и обязанности государства при осуществлении каждой из представленных функций.

Annotation. The Article shows the results of theoretical research of essence of the state – subject criminally-legal relations. The author justifies the state in criminal-legal relations is the lawgiver, enforcer and victim. The article presents the rights and obligations of the state in the implementation of each of the presented functions.

Ключевые слова: государство, субъект, уголовные правоотношения, законодатель, правоприменитель, потерпевший.

Keywords: state, subject, of criminal-legal relations, the legislator, the enforcer, the victim.

В российской уголовно-правовой науке не сложилось единого мнения относительно субъектов уголовно-правового отношения. Меньше всего разногласий в этом вопросе по поводу признания в качестве такового государства. Н.В. Генрих справедливо подчеркивает, что «участие государства в уголовно-правовом отношении определяет публично-правовой характер этого отношения»¹.

Следует отметить, что одни авторы придерживаются позиции, согласно которой государство непосредственно вступает в указанные правоотношения², другие же настаивают на том, что оно участвует в них через свои органы³. Есть и третья точка зрения, в соответствии с которой субъектом уголовных правоотношений признается не государство, а именно его ор-

ганы⁴. Указанные позиции, однако, очень близки друг к другу и принципиально различаются расстановкой акцентов в связке «государство – государственные органы». Государство само по себе в отрыве от государственных органов существовать не может, равно как и органы без него. Первую из приведенных точек зрения можно объяснить признанием первичности государства по отношению к его органам, что ни в коем случае не оспаривается. Государство рассматривается как более широкое понятие, включающее в себя в числе прочего и государственные органы. Сторонники этой точки зрения, на наш взгляд, пытаются сместить акцент в сторону государства, тем самым подчеркнуть его значимость в данных отношениях. Это хорошо иллюстрируется на приговоре, который выносится судом от имени государства. Вместе с тем государство не может выступать в уголовно-правовых отношениях непосредственно, поскольку фактически некому будет реализовывать конкретные права и обязанности. Неслучайно теоретики государства и права отмечают, что «государство как таковое существует, проявляет себя во вне, функционирует через свой механизм, через входящие в этот механизм государственные органы и работающих в нем служащих»⁵.

¹ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2016. Т. 1 : Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования. С. 217 (автор главы – Н.В. Генрих).

² См.: Строгович М.С. Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 105 ; Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права: предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1965. С. 11.

³ См.: Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. С. 27 ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1999. С. 8 ; Уголовное право России. Части Общая и Особенная : курс лекций / под ред. А.И. Рарога. М. : Проспект, 2007. С. 3 ; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика : моногр. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 13 ; Наумов А.В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. М. : Федеральная палата адвокатов РФ, 2016. Т. 1 : Общая часть. С. 6.

⁴ Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М. : Изд-во МГУ, 1956, С. 253 ; Ривлин А.Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях // Правоведение. 1959. № 2. С. 107.

⁵ Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М. : Юристъ, 1999. С. 95.

Представители третьей точки зрения, обосновывающей, что субъектом уголовного правоотношения являются именно государственные органы, впадают в другую крайность, по сути признавая в связке «государство – государственные органы» ведущую роль за последними, что представляется необоснованным. На этот счет довольно точно высказался Б.Т. Безлепкин, указав, что государственные органы – это «лишь звенья аппарата, специально созданного государством, чтобы успешно осуществлять свое суверенное право на уголовное преследование виновных в совершении преступления и отправление правосудия. За их надлежащее и эффективное функционирование и за действия каждого должностного лица, служащего данным органам, за успех отдельных лиц ответственно перед своими гражданами государство в целом»⁶. Схожей позиции придерживается Р.О. Халфина, согласно мнению которой признание государства субъектом правоотношений означает, что именно оно принимает на себя ответственность за действия государственных органов⁷.

Представляется, что более рациональный подход демонстрируют придерживающиеся точки зрения о том, что субъектом уголовных правоотношений выступает государство в лице его органов. Такой подход основан на теории права, признающей, что «субъектом прав и правообязанностей, а также субъектом, совершающим эти действия, является само государство, потому что государство реализует свою правоспособность посредством своих органов (должностных лиц)»⁸. Государственные органы выражают волю государства, создаются им, оно же наделяет их определенной компетенцией. Поэтому участником уголовных правоотношений является именно государство, действующее через свои органы и их должностных лиц.

Нельзя не отметить точку зрения Г.О. Петровой, в соответствии с которой в качестве субъекта уголовно-правового отношения следует рассматривать не государство, а общест-

во. Она обращает внимание на социальную сущность преступлений и отмечает, что «преступление, если признать субъектом уголовно-правового отношения государство, должно было бы посягать только на структуру и деятельность государственного аппарата, а также только на его сотрудников»⁹. Представляется, что данным автором допущена ошибка в попытке определить субъект правоотношения через посягательство на него. В данном случае субъект подменяется объектом правоотношений, что недопустимо. Социальный характер преступления государство не отрицает. Скорее напротив, именно государство в лице своих органов определяет то, какие опасные для общества деяния следует признавать преступными. Следует обратить внимание и на то, что общество вне государства не может быть участником никаких правовых отношений, поскольку при отсутствии государства нет и права. С теоретических позиций государство традиционно рассматривается как политическая организация, управляющая обществом¹⁰, поэтому, признавая государство субъектом уголовно-правовых отношений, вовсе не отрицается его тесная взаимосвязь с обществом.

Установив, что государство является субъектом уголовно-правовых отношений, необходимо конкретизировать его роль в этом качестве. Л.Н. Коломытцева характеризует государство «совокупностью властных полномочий, осуществляемых на основе закона правоохранительными органами в отношении лиц, совершивших преступления»¹¹. Однако такой подход слишком узок и не учитывает тот факт, что государство может выполнять и иные роли в качестве субъекта уголовного правоотношения.

Из указанного следует, что государство выступает в роли правоприменителя и на него возложена обязанность «подвергнуть преступившее уголовный запрет лицо уголовно-правовому воз-

⁶ Безлепкин Б.Т. Субъекты правоотношений по возмещению имущественного ущерба, причиненного необоснованным уголовным преследованием // Правоведение. 1982. № 7. С. 62.

⁷ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. С. 166.

⁸ Мусатов Ф.В. О правовом положении органов государства // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 4 (94). С. 54.

⁹ Петрова Г.О. Субъекты уголовно-правового отношения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Право». 2003. № 2. С. 368.

¹⁰ См.: Теория государства и права: учеб. для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрайт, 2014. С. 71; Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учеб. для высш. учеб. заведений. М.: Омега-Л, 2011. С. 64; Государство, общество, личность: проблемы современности / под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. М.: Юрист, 2005. С. 20.

¹¹ Коломытцева Л.Н. Субъекты уголовного правоотношения: теория, законодательство, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: РГВ, 2006. С. 10.

действию и право его на выбор предусмотренных законом вариантов такого воздействия, вплоть до отказа от него при наличии некоторых обстоятельств»¹². Правоприменительная функция – наиболее распространенная для государства как субъекта уголовных правоотношений, и возложена она на правоохранительные и судебные органы и их должностных лиц.

Государство-правоприменитель не только применяет меры уголовно-правового характера к лицам, совершившим запрещенные уголовным законом деяния, но и применяет закрепленные в уголовном законе правила дозволенного поведения. Это касается института обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Государство выступает также в роли законодателя и устанавливает круг подлежащих охране «признаваемых обществом ценностей (благ, прав, законных интересов и т. д.) путем формулирования уголовно-правовых запретов и правил уголовно-правового регулирования, которые сдерживающе воздействуют на всех лиц»¹³. Государство в лице своих органов, реализующих законодательную власть, определяет, какое именно поведение является преступным и наказуемым и какие последствия оно должно повлечь, тем самым устанавливая исключения из должного поведения.

В этой деятельности государство берет на себя обязанность определить грань преступного поведения, что подчас представляет собой довольно сложную задачу. Особенно это касается отграничения преступлений от административных правонарушений и гражданско-правовых деликтов. Деятельность государства-законодателя как субъекта уголовно-правовых отношений не должна быть хаотичной, спонтанной или экспериментальной, что, к сожалению, очень свойственно современной уголовной политике. Это ярко иллюстрируется на нормах Особенной части УК РФ (особенно об ответственности за клевету и побои). В данной деятельности требуется концептуальный подход. Попытки разработать концепцию уголовно-правовой политики России предпринимались¹⁴, но до сих пор она не принята, за что законодатель подвергается конструктивной критике со стороны научного сообщест-

ва¹⁵. Следует отметить, что применительно к другим отраслям права (в частности, гражданскому, уголовно-исполнительному и семейному) подобные концепции были приняты¹⁶.

Отсутствие концепции уголовной политики в России не позволяет эффективно осуществлять государству-законодателю как субъекту уголовного правоотношения свои обязанности.

Государство может также выступать в качестве потерпевшего. Вообще вопрос о том, следует ли считать потерпевшего субъектом уголовных правоотношений, не имеет однозначного научного решения. Одни положительно отвечают на этот вопрос¹⁷, другие настаивают на том, что потерпевший самостоятельным субъектом уголовно-правовых отношений не является¹⁸. Поскольку разрешение указанной полемики выходит за рамки настоящей статьи, обозначим несколько поддерживаемых нами тезисов, на которых мы будем основываться в дальнейшем:

– потерпевший является субъектом уголовно-правовых отношений, на которого возложено право на охрану своих интересов и благ уголовно-правовыми средствами, а также право принимать решения и совершать действия, непосредственно влияющие на привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние (привлечение к уголовной ответственности по отдельным преступлениям, примирение с потерпевшим и т. п.); на него возложена обязанность при реализации своих прав соблюдать требования законодательства.

– потерпевший не вытесняет государство-правоприменителя из уголовных правоотно-

¹⁵ См., напр.: Наумов А.В. О реальности научной концепции уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2012. С. 24–33.

¹⁶ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2017); Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2017); Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2017).

¹⁷ См., напр.: Сумачев А.В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1997; Сидоренко Э.Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве // Журнал российского права. 2011. № 4 (172). С. 77–84.

¹⁸ См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Т. 1. С. 187–189.

¹² Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия ... С. 18.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4. С. 4–12.

шений, а действует наряду с ним, порождая взаимные права и обязанности; например, при реализации потерпевшим права на примирение с лицом, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести и загладившим причиненный вред, у государства возникает обязанность освободить это лицо от уголовной ответственности.

В ряде статей УК РФ государство прямо указывается в качестве потерпевшего (ч. 2 ст. 142, ст. 170.2, 171, 172, ч. 2 ст. 176, ст. 178, 185–185.4, 185.6, 201 – 203 УК РФ и др.). Однако государство может выступать потерпевшим и по иным преступлениям. Важно отметить, что значения понятия потерпевшего в уголовном и уголовно-процессуальном аспектах (особенно применительно к государству) не совпадают. В результате преступления вред причиняется или создается угроза его причинения именно государству, но реализация прав и обязанностей последнего как потерпевшего происходит через его органы. При этом необходимо, чтобы функции государства-правоприменителя и государства-потерпевшего выполняли различные государственные органы либо их различные территориальные подразделения. Иначе это приведет к самозащите права, что для уголовного права не характерно.

Права потерпевших (и государства в том числе) в уголовном праве практически не регламентированы. Так, вопрос о том, по каким преступлениям привлечение к уголовной ответственности возможно только при наличии волеизъявления на это потерпевшего разрешен исключительно в рамках уголовно-процессуального законодательства (ст. 20–21 УПК РФ). Необходимость волеизъявления потерпевшего для освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим вы-

текает из содержания ст. 25 УПК РФ. Однако подобные нормы относятся к уголовно-правовым и требуют своего закрепления в рамках УК РФ. Именно после волеизъявления потерпевшего у правоприменителя возникает обязанность совершить определенные действия (начать процесс привлечения к уголовной ответственности или освободить от нее).

Таким образом, участие государства как субъекта в уголовно-правовых отношениях предопределено публичным характером данных правоотношений и обеспечивается через государственные органы и их должностных лиц. Специфика государства как субъекта уголовно-правовых отношений обусловлена многообразием предоставленных прав и возложенных обязанностей, различаемых в зависимости от выполняемой государством роли в этих отношениях:

– на государство-законодателя возложена обязанность определения объекта уголовно-правовой охраны и формулирования содержания уголовно-правовой нормы, а также предоставлено право требовать от всех членов общества соблюдения установленных им правил поведения;

– на государство-правоприменителя возложена обязанность применения мер уголовно-правового характера и право выбора этих мер в соответствии с законом;

– государству-потерпевшему предоставлено право на охрану своих интересов уголовно-правовыми средствами и право принятия решений и совершения действий, непосредственно влияющих на привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, а также на него возложена обязанность соблюдать требования законодательства при реализации своих прав.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 23.06.2017).
2. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2017).
3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2017).
4. Бабаев, М.М. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Уголовное право. – 2012. – № 4.

5. Безлепкии, Б.Т. Субъекты правоотношений по возмещению имущественного ущерба, причиненного необоснованным уголовным преследованием // Правоведение. – 1982. – № 7.
6. Государство, общество, личность: проблемы современности / под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – М. : Юрист, 2005.
7. Коломытцева, Л.Н. Субъекты уголовного правоотношения: теория, законодательство, практика : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород : РГВ, 2006.
8. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика : моногр. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
9. Мусатов, Ф.В. О правовом положении органов государства // Российское право: образование, практика, наука. – 2016. – № 4 (94).
10. Наумов, А.В. О реальности научной концепции уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.Н. Ильашенко. – Краснодар, 2012.
11. Наумов, А.В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. – М. : Федеральная палата адвокатов РФ, 2016. – Т. 1 : Общая часть.
12. Огурцов, Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. – Рязань, 1976.
13. Петрова, Г.О. Субъекты уголовно-правового отношения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Право». – 2003. – № 2.
14. Полянский, Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. – М. : Изд-во МГУ, 1956.
15. Ривлин, А.Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях // Правоведение. – 1959. – № 2.
16. Сидоренко, Э.Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве // Журнал российского права. – 2011. – № 4 (172).
17. Смирнов, В.Г. Функции советского уголовного права: предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1965.
18. Строгович, М.С. Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. – 1957. – № 4.
19. Сумачев, А.В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1997.
20. Теория государства и права : учеб. для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. – М. : Юрайт, 2014.
21. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М. : Юристъ, 1999.
22. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : курс лекций / под ред. А.И. Рарога. – М. : Проспект, 2007.
23. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1999.
24. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – Т. 1 : Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования (автор главы – Н.В. Генрих).
25. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении. – М. : Юрид. лит., 1974.
26. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права : учеб. для высш. учеб. заведений. – М. : Омега-Л, 2011.

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА О СОВЕРШЕНИИ ПОЛОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ПАНТЮХИНА Инга Владимировна

Аннотация. На основе изучения материалов судебной практики автором определены особенности заведомо ложного доноса о совершении полового преступления, мотивы и цели совершения таких доносов, а также последствий от их совершения, на основе чего разработаны предложения по совершенствованию ст. 306 УК РФ.

Annotation. Based on the study of jurisprudence the author determined peculiarities of knowingly false denunciation about Commission of sexual offence, the motives and goals of the Commission of such denunciations, and consequences of their Commission, and on this basis the author developed proposals for the improvement of article 306 of the criminal code.

Ключевые слова: ложный донос, половое преступление, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, развратные действия, мотив совершения преступления, цель преступления, последствия совершения преступления.

Keywords: a false accusation, sexual offense, rape, violent actions of sexual nature, indecent assault, the motive of the crime, the purpose of the crime, the consequences of the crime.

Половые преступления весьма специфичны. Они затрагивают интимную сферу жизнедеятельности человека, скрытую от окружающих, поэтому их совершение означает вторжение в сугубо личную жизнь человека. Разбирательство этих преступлений придает указанной сфере публичный характер. Издревле совершение рассматриваемых деяний, особенно насильственные и носящие извращенный характер их формы, признавались самыми низменными, позорными посягательствами. Пострадавшие от такого насилия признавались опроченными и обесчещенными, а лица, его совершившие, становились изгоями, в том числе и в преступной среде.

Последствия совершения полового преступления для виновного, помимо наказания, многообразны и широко известны: потеря работы, распад семьи, утрата уважения, чести и достоинства, ненависть, презрение, брезгливость окружающих и др. В ряде случаев такие последствия могут наступить в результате лишь факта обвинения лица в совершении полового деяния. Иногда от «шлейфа» подобных последствий человеку не удастся избавиться длительное время, несмотря на его невиновность и то, что обвинение обусловлено ложностью заявления другого лица о совершении такого деяния.

Таким образом, обвинение в совершении какого-либо полового преступления некото-

рыми лицами выбирается как способ мести или воздействия на другого человека, причинения вреда его чести и достоинству, иных неблагоприятных, негативных последствий и т. п. Будучи ложным, такое обвинение образует самостоятельный состав преступления. В зависимости от обстоятельств дела это может быть клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера (ч. 4 ст. 128.1 УК РФ), либо заведомо ложный донос, причем соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 306 УК РФ), поскольку большинство половых преступлений являются деяниями именно такой категории тяжести. В случае обвинения лица, обладающего определенным статусом, оно также может образовывать преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 298.1 УК РФ.

Специфика полового преступления предопределяет особенности заведомо ложного доноса о таком посягательстве, которые проявляются в судебной практике по подобным делам.

Рассматриваемые доносы всегда являются двубъектными деяниями. Их основной непосредственный объект, как и любого другого доноса, составляют общественные отношения, обеспечивающие деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда или деятельность правоохранительных органов

по расследованию преступления, а также суда – по законному и обоснованному принятию решения¹.

Дополнительный непосредственный объект заведомо ложного доноса ученые определяют по-разному. Им признают общественные отношения, охраняющие интересы личности² или возникающие по поводу чести и достоинства лица, которому приписывается совершение преступления³. Некоторые авторы уточняют, что они «в данном случае имеют прикладное, второстепенное значение»⁴.

В рассматриваемом случае очевидным представляется то, что дополнительный объект доноса образуют общественные отношения, охраняющие честь и достоинство лица, ложно обвиненного в совершении полового посягательства, поскольку непосредственный вред причиняется именно этим благам личности.

Двуобъектность заведомо ложного доноса о половом преступлении обуславливает его повышенную общественную опасность, которая состоит в том, что, с одной стороны, он влечет затраты времени, средств и сил сотрудников правоприменительных органов, вынужденных заниматься проверкой недостоверных фактов, а с другой – ложный донос может стать основанием возбуждения уголовного дела и даже осуждения невиновного лица⁵. Таким образом, несмотря на прикладное значение дополнительного объекта посягательства, в доносе о половом преступлении он играет

решающее значение. Совершением такого доноса виновный стремится причинить вред именно этому дополнительному объекту (например, чести и достоинству потерпевшего, его свободе и др.). Так, в одном из дел суд подчеркнул, что заведомо ложным доносом «были существенно нарушены права К.А.Ф. на достоинство личности и защиту своей чести и доброго имени, гарантированные ст. 21, 23 Конституции РФ»⁶, в другом – констатировал факт причинения потерпевшему морального вреда⁷ и т. д.

Предметом заведомо ложного доноса о половом преступлении являются сведения о том, что лицо совершило половое посягательство или покушение на него. Чаще всего такие сведения сопряжены с обвинением в изнасиловании (ст. 131 УК РФ), из числа исследованных случаев они составили 41 %. Второе по распространенности место занимают доносы о совершении иных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) – 29 %, третье – развратные действия (ст. 135 УК РФ) – 20 % и последнее – о совершении сразу двух преступлений (изнасилования и насильственных действий сексуального характера) – 10 %⁸. Случаев заведомо ложного доноса о совершении преступлений, предусмотренных ст. 133 и 134 УК РФ, в рассмотренных материалах нет, однако вряд ли их следует исключать. Также отметим, что нередко информация, изложенная в доносе, содержит квалифицирующие или особо квалифицирующие признаки деяния, например, о насильственных действиях сексуального характера, совершенных в отношении малолетних (п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ)⁹, или о групповом изнасиловании (п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ)¹⁰ и др.

¹ См. напр.: Федоров А.В. Понятие и классификация преступлений против правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГБ, 2005. С. 7–8; Фирсов А.Н. Объект заведомо ложного доноса // Инновационные тенденции развития российской науки: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых / отв. за вып. В.Л. Бопп. 2016. С. 111; и др.

² См.: Фирсов А.Н. Объект заведомо ложного доноса. С. 111; Кашапов Р.М. Заведомо ложный донос и оговор заведомо невиновного: понятие, ответственность, последствия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 57.

³ См.: Галахова А.В. Преступления против правосудия (Толкование уголовного закона. Комментарии статей УК РФ. Материалы судебной практики, статистика). М.: НОРМА, 2005; Клементьева Е.С. Преступления, посягающие на личные права человека // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2017); Анучина А.И. Заведомо ложный донос: некоторые вопросы квалификации и доказывания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. Т. 58, № 2. С. 75.

⁴ Анучина А.И. Заведомо ложный донос: некоторые вопросы квалификации и доказывания. С. 75.

⁵ См.: Кашапов Р.М. Заведомо ложный донос и оговор заведомо невиновного ... С. 55; Смолькова И.В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за оговор заведомо невиновного лица? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 3 (78). С. 18.

⁶ УД № 1-111/2016 // Архив Октябрьского районного суда г. Ставрополя. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/50uQf8qzOb5/> (дата обращения: 23.06.2017).

⁷ См., напр.: УД № 1-121/2016 // Архив Нюрбинского районного суда Республики Саха (Якутия). URL: https://nyurba-jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc &srv_num=1&number=10452357&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 23.06.2017).

⁸ Автором по специально разработанной анкете исследовано 48 приговоров по ст. 306 УК РФ, в которых заведомо ложный донос составляла информация о совершении полового посягательства за 2013–2017 гг., по различным регионам РФ.

⁹ См.: УД № 1-121/2016 // Архив Нюрбинского районного суда Республики Саха (Якутия). URL: https://nyurba-jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=10452357&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 23.06.2017).

¹⁰ См.: УД № 1-40/2013 // Архив Макаровского районного суда Сахалинской области. URL: <http://www.gcourts.ru/case/14136596> (дата обращения: 23.06.2017).

Как правило, информация, составляющая донос, касается посягательства на заявителя. Вместе с тем встречаются случаи доноса о посягательстве на иных лиц (до 20 %). Так, в одном из рассмотренных случаев заведомо ложный донос содержал информацию о посягательстве на малолетнюю ее отцом, мужем заявительницы, в качестве которой выступила мать девочки¹¹. В другом случае заявление о совершенном сексуальном посягательстве на несовершеннолетнюю Б. сожителем ее матери написала совершеннолетняя подруга Б.¹²

Заведомо ложный донос о совершении полового преступления, как правило, совершается в отношении конкретного лица, которое признается потерпевшим. Не исключены ситуации, когда несовершеннолетнее лицо, живущее половой жизнью, движимое страхом перед родителями, которым становится известно об этом, заявляет, например, об изнасиловании или иных насильственных действиях сексуального характера, совершенных в отношении него незнакомым лицом и вместе с родителями пишет заявление о таком посягательстве.

Фактически ложно обвиненным в совершении полового преступления может стать любое лицо. Вместе с тем анализ судебной практики позволяет констатировать, что таковым является лицо, непосредственно знакомое виновному, мужского пола (в числе изученных случаев доноса в отношении лиц женского пола не обнаружено), близкое доносчику. Например, в одном из вышеприведенных случаев таковым явился муж доносчицы, в другом – отец заявительницы¹³. Таким образом, в отличие от доносов о совершении других видов преступлений, характерной особенностью рассматриваемых доносов является персонифицированность потерпевших (т. е. лиц, якобы совершивших преступление).

Объективная сторона заведомо ложного доноса о половом преступлении выражается в заявлении в правоохранительные органы о том, что заявитель или другое конкретное

лицо подверглось половому посягательству со стороны другого конкретного лица. Обычно заявление делается письменно, но не исключена и его устная форма. В любом случае заявитель предупреждается об ответственности за заведомо ложное сообщение о преступлении, а его заявление регистрируется. Заведомость ложных сведений, изложенных в доносе, означает, что в поведении лица, которое указывается как совершившее половое деяние или покушение на него, отсутствуют признаки как действительного, так и мнимого посягательства на половую свободу или неприкосновенность доносчика или иного лица, и доносчик об этом достоверно знает, осознает и понимает ложность заявленных сведений. Оконченным преступление является с момента подписания лицом разъяснения ему ответственности за заведомо ложный донос и передачи заявления сотруднику правоохранительного органа. Это же заявление является основанием осуществления проверки изложенной в нем информации. Таким образом, наступления каких-либо вредных последствий для признания заведомо ложного доноса окончанным не требуется, состав преступления сформулирован как формальный.

Наступление неблагоприятных последствий для лица, в отношении которого совершен донос, находится за рамками его окончания и на квалификацию не влияет. Иными словами, к их наступлению законодатель остается равнодушным, тогда как они могут быть весьма разнообразными, способны существенно нарушить права личности и, кроме того, могут повлечь дополнительные расходы государства.

Наиболее часто последствия рассматриваемых деяний выражаются в причинении ложно обвиненному лицу морального вреда. По одному из дел о таком доносе потерпевший оценил причиненные ему страдания за оговор в совершении покушения на изнасилования в 200 тыс. руб.¹⁴ Несмотря на то, что суд оставил иск без рассмотрения, разъяснив потерпевшему его право на компенсацию морального вреда в порядке гражданского судопроизводства, думается, что уже сам факт его заявления указывает на наличие вреда у потерпев-

¹¹ См.: УД № 1-121/2016 // Архив Нюрбинского районного суда Республики Саха (Якутия). URL: https://nyurba-jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=10452357&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 23.06.2017).

¹² УД № 1-112/2014 // Архив Магаданского городского суда Магаданской области.

¹³ См.: УД № 1-355/2013 // Архив Ленинского районного суда г. Махачкалы. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/GHt1RdgkzRWQ/> (дата обращения: 23.06.2017).

¹⁴ См.: УД № 1-129/2016 // Архив Предгорного районного суда Ставропольского края. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3KYm9cQO1Kg1/> (дата обращения: 23.06.2017).

шего, поскольку его отсутствие делало бы иск безосновательным. В другом деле суд указал, что заведомо ложным доносом виновная нарушила нормальное функционирование органов предварительного расследования и причинила потерпевшему моральный вред¹⁵. Еще в одном случае суд констатировал, что деянием были существенно нарушены права К.А.Ф. на достоинство личности и защиту своей чести и доброго имени, а также нарушена нормальная деятельность правоохранительных органов, что выразилось в необходимости организации и проведения проверки заведомо ложных сведений о совершенном преступлении¹⁶. Среди рассмотренных ситуаций была и такая: молодой человек был обвинен в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 131 и п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ, в период расследования содержался под стражей, и только в ходе судебного разбирательства заявительница созналась в ложном доносе, в результате чего обвиняемый был оправдан¹⁷. По одному из дел судом было подчеркнуто, что «в результате совершения Н... заведомо ложного доноса о совершенном в отношении нее тяжком преступлении силы и средства правоохранительных органов – ОМВД России по городу Магадану и следственного отдела по городу Магадану следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Магаданской области – были отвлечены от борьбы с действительными преступными проявлениями»¹⁸.

Как известно, в случае оправдательного приговора лицо получает право на реабилитацию и возмещение вреда за незаконное уголовное преследование, которое ложится на плечи государства. Таким образом, в результате заведомо ложного доноса, кроме средств, затраченных на уголовное преследование, государство также несет расходы в связи с тем, что осуществляло это преследование незакон-

но. Получается, что рассматриваемое преступление влечет наступление целого ряда последствий, в частности, правоограничительного характера для личности и имущественного для государства. Однако, как отмечено выше, ни те, ни другие не влияют на оценку содеянного, что представляется не совсем справедливым, особенно учитывая реальность наступления последствий. В большинстве случаев ложность заявленных сведений выясняется при первичной их проверке, поэтому в возбуждении уголовного дела о совершении полового преступления отказывается в связи с отсутствием события или состава преступления. В связи с этим причинение существенного вреда лицу, в отношении которого осуществлен заведомо ложный донос, – редкость. Однако поскольку такие случаи встречаются, считаем, что реагировать на них государство должно иначе, нежели на те, которые не причинили вреда. Подобной реакцией может являться более строгая мера ответственности виновного в доносе, повлекшем вредные последствия. Целесообразным видится альтернативным предусмотренному в ч. 3 ст. 306 УК РФ особо квалифицирующим обстоятельством установление такого, как наступление от деяния, предусмотренного в ч. 1 или 2 ст. 306 УК РФ существенного вреда. Такое нововведение позволит в большей степени дифференцировать ответственность за заведомо ложный донос с учетом наступивших от его совершения последствий. Угроза наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые предусмотрены в санкции ч. 3 ст. 306 УК РФ, являются более строгими, нежели штраф, установленный альтернативным наказанием в ч. 1 и 2 этой статьи УК РФ, поэтому в большей степени отвечают общественной опасности рассмотренного деяния. Угроза более строго наказания (например, в случае наступления такого последствия от ложного доноса, как взятие под стражу оговоренного) может позитивно воздействовать на доносчика и послужить основанием для его явки с повинной, деятельного раскаяния, т. е. стать теми шагами, которые способны предотвратить наступление еще более тяжких для потерпевшего последствий доноса.

Изученная практика показала, что за ложный донос о половом преступлении в подавляющем большинстве случаев (свыше 80 % изученных дел) назначался штраф от 10 000 до 100 000 руб., и чуть менее чем по 10 %

¹⁵ См.: УД № 1-121/2016 // Архив Нюрбинского районного суда Республики Саха (Якутия). URL : https://nyurba--jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=10452357&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 23.06.2017).

¹⁶ См.: УД № 1-111/2016 // Архив Октябрьского районного суда г. Ставрополя. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/50uQf8qqzOb5/> (дата обращения: 23.06.2017).

¹⁷ Что такое заведомо ложный донос? // Алтайская правда. URL : http://www.ap22.ru/paper/paper_5506.html (дата обращения: 23.06.2017).

¹⁸ УД №1-215/2017 // Архив Магаданского городского суда Магаданской области. URL : <https://rospravosudie.com/court-magadanskij-gorodskoj-sud-magadanskaya-oblast-s/act-555670126/> (дата обращения: 23.06.2017).

пришлось на обязательные работы и лишение свободы с применением ст. 73 УК РФ (условно с испытательным сроком), что представляется чрезмерно гуманным в случаях наступления вышеперечисленных негативных последствий для оговоренного лица.

Нельзя не сказать о том, что, хотя и редко, заведомо ложный донос может нести в себе положительные начала. Речь идет о случаях, когда в ходе доследственной проверки сведений, составляющих донос, удается выявить признаки иных преступлений, в том числе совершенных самим же доносчиком. Так, в ходе проверки сообщения Л. об изнасиловании, совершенном в отношении нее несовершеннолетними М., П., М. и С., против самой заявительницы было возбуждено уголовное дело по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 134 УК РФ в отношении лица, не достигшего 16-летнего возраста С., и лиц, достигших 12-летнего возраста, но не достигших 14-летнего возраста П. и М., т. е. ею же обвиняемых лиц. В процессе расследования и допросов Л. в качестве подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 134 УК РФ, своими показаниями она подтвердила ложность изложенных в заявлении доводов о якобы совершенном в отношении нее изнасиловании¹⁹.

Субъективная сторона заведомо ложного доноса о половом преступлении характеризуется виной в форме только прямого умысла, поскольку доносчик достоверно знает о том, что изложенные в его заявлении сведения не соответствуют действительности.

Ни мотив, ни цель заведомо ложного доноса не являются конструктивными признаками этого преступления. Вместе с тем ученые подчеркивают особую их значимость в данном преступлении, в том числе их связанность с посягательством на дополнительный объект. Так, Р.М. Кашапов, подчеркивая многообразие мотивов доноса, к их числу относит желание уменьшить свою вину, переложить ее на других, месть, корысть, зависть, ненависть, избежание уголовной ответственности или ее смягчение²⁰.

¹⁹ См.: УД № 1-40/2013 // Архив Макаровского районного суда Сахалинской области. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3KYm9cQO1Kg1/> (дата обращения: 23.06.2017).

²⁰ См.: Кашапов Р.М. Сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства за оговор заведомо невиновного // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 3 (68). С. 155.

Наиболее частым мотивом заведомо ложного доноса о половом преступлении является неприязнь к потерпевшему²¹. Вторым по частоте выступает месть. Например, совершеннолетняя А. заявила о совершении в отношении нее развратных действий сексуального характера (ч. 1 ст. 135 УК РФ) ее отцом в период, когда она еще являлась не достигшей 16 лет, из чувства мести за оставление их семьи²². Ф., совершая заведомо ложный донос о ее изнасиловании (ч. 1 ст. 131 УК РФ) К.А.Ф., руководствовалась мекстью за то, «что последний повредил принадлежащее ей имущество»²³.

Среди мотивов рассматриваемого доноса встречается личная заинтересованность заявителя²⁴. Также в практике фигурируют достаточно странные, нелепые и даже ложные мотивы. Так, К. совершила заведомо ложный донос в отношении И., руководствуясь стремлением оказать помощь своей несовершеннолетней подруге Б., которая испытывала неприязнь к И. (сожителю ее матери, злоупотребляющему алкоголем и поучающему Б.). Несовершеннолетняя Б. не хотела, чтобы И. жил с ее мамой, в связи с чем решила его оговорить, обвинив в домогательствах. Поскольку у нее заявление не приняли, ее подруга К., представившись сестрой Б., написала такое заявление²⁵.

Совершая заведомо ложный донос, лицо может руководствоваться различными целями. А.И. Анучина полагает, что его цель – побудить правоохранительные органы к предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством деятельности по возбуждению, расследованию и разрешению уголовного дела. Наибольшей опасностью и вредом, по ее мне-

²¹ См., напр.: УД № 1-111/2016 // Архив Октябрьского районного суда г. Ставрополя. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/50uQf8qqzOb5/> (дата обращения: 23.06.2017); УД № 1-69/2013 // Архив Пятигорского городского суда Ставропольского края; УД № 1-121/2016; УД № 1-121/2016 // Архив Нюрбинского районного суда Республики Саха (Якутия). URL: https://nyurba-jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=10452357&dolo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 23.06.2017); УД № 1-215/2017 // Архив Магаданского городского суда Магаданской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-magadanskij-gorodskoj-sud-magadanskaya-oblast-s/act-555670126/> (дата обращения: 23.06.2017); и др.

²² См.: УД № 1-355/2013 // Архив Ленинского района г. Махачкалы Республики Дагестан. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/GHt1RdgkzRWQ/> (дата обращения: 23.06.2017).

²³ См.: УД № 1-111/2016 // Архив Октябрьского районного суда г. Ставрополя. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/50uQf8qqzOb5/> (дата обращения: 23.06.2017).

²⁴ См.: УД № 1-5 / 2016 // Архив Жарковского районного суда Тверской области.

²⁵ См.: УД № 1-112/2014 // Архив Магаданского городского суда Магаданской области.

нию, характеризуется такая цель, как осуществление уголовного преследования в отношении физического лица, которое заведомо невиновно в инкриминируемом ему деянии, а также привлечение его к уголовной ответственности²⁶. Н.В. Шкурихина считает, что «конечным результатом действий виновного может быть привлечение невиновного к уголовной ответственности или возбуждение уголовного дела»²⁷. Р.М. Кашапов также констатирует, что цель оговора – осуждение невиновного человека²⁸.

Некоторые авторы утверждают, что суд при заведомо ложном доносе ограничивается указанием цели введения в заблуждение сотрудника правоохранительного органа и не устанавливает действительную конечную цель преступления, тогда как «это лишь цель преступного деяния, но не конечная цель преступления и тем более не конечная цель поведения лица... Изучение целей конкретных преступлений необходимо для справедливой оценки судом содеянного виновным, а также для выработки мер профилактики и предупреждения совершения таких преступлений»²⁹. Следует согласиться с важностью установления конечной цели преступного поведения, однако автор не прав, утверждая, что суд ее не устанавливает. Его утверждение опровергают приговоры по делам о заведомо ложных доносах о половых преступлениях, поскольку во всех изученных случаях судом выявлена и подчеркнута та цель, которую лицо пыталось достичь оговаривая невиновного. Так, У., заявляя о совершении в отношении нее покушения на изнасилование, по мнению суда, преследовала цель опорочить честь и достоинство Г.³⁰ В другом случае Ш. сообщила заведомо ложные сведения о совершенном в отношении нее С.А.Н. изнасиловании «с целью проучить С.А.Н. за то, что он ее не повез домой»³¹. Ф., обвиняя К.А.Ф. в изнасиловании, имела «желание неза-

конного привлечения К.А.Ф. к уголовной ответственности за совершение тяжкого преступления»³². Целью заведомо ложного доноса К. была изоляция И., сожителя матери ее подруги Б., которая не хочет, чтобы И. жил с ее мамой³³.

Несмотря на то, что по рассмотренной категории доносов суд указывает достаточно конкретизированную цель виновного, в конечном счете все его поведение направлено на то, чтобы невиновный был привлечен к ответственности, т. е. на причинение вреда его правам и свободам. Вместе с тем исследование материалов практики позволяет констатировать следующее: совершая донос, лицо не задумывается о том, что его действия посягают на нормальное функционирование правоохранительных органов или судебной системы, руководствуясь иной целью, не задумываясь о том, с чем еще она сопряжена. Проведенный анализ материалов уголовных дел по заведомо ложным доносам позволяет фактически в каждом таком случае установить три цели поведения виновного. Первая сводится к введению в заблуждение правоохранительных органов, поскольку инициирует осуществление ими процессуальных действий. Вторая обусловлена обвинением, которое содержится в доносе, – осуществление уголовного преследования лица, не совершившего преступления. Третья – это то, что лицо желает достичь, обвиняя невиновного в половом преступлении (унизить честь и достоинство потерпевшего, добиться позора, распада его семьи, увольнения с работы, любых неблагоприятных последствий, вытекающих из уголовного преследования).

Таким образом, несмотря на второстепенность мотива и цели в заведомо ложном доносе, в случае обвинения лица посредством последнего в совершении полового посягательства, они фактически обретают первостепенное значение в механизме совершения преступления. В связи с этим в рассмотренных случаях актуализируется вопрос их установления, поскольку это позволяет определить глубину и твердость преступных намерений. Особенно сказанное касается конечной цели преступного поведения виновного, поскольку она имеет для него первостепенное значение.

²⁶ См.: Анучина А.И. Заведомо ложный донос: некоторые вопросы квалификации и доказывания. С. 74.

²⁷ Шкурихина Н.В. К вопросу о криминалистической характеристике заведомо ложного доноса // Сб. материалов криминалистических чтений. 2010. № 6. С. 79.

²⁸ См.: Кашапов Р.М. Сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства ... С. 155.

²⁹ Агджаев Э.М. Виды целей преступлений против правосудия (по материалам судебной практики) // Юридическая наука. 2015. № 1. С. 44–45.

³⁰ См.: УД № 1-129/2016 // Архив Предгорного районного суда Ставропольского края. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3KYm9cQO1Kg1/> (дата обращения: 23.06.2017).

³¹ УД № 1-5/2016 // Архив Жарковского районного суда Тверской области.

³² УД № 1-111/2016 // Архив Октябрьского районного суда г. Ставрополя. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/50uQf8qqzOb5/> (дата обращения: 23.06.2017).

³³ См.: УД № 1-112/2014 // Архив Магаданского городского суда Магаданской области.

Исследование судебной практики заведомо ложных доносов о половых преступлениях также позволяет констатировать специфические особенности субъектов таких преступлений.

Во-первых, по всем изученным делам такие доносы совершали лица женского пола. Вероятно, это объяснимо спецификой половых преступлений, реальное совершение которых, как отмечалось выше, влечет для лица, их совершившего, массу вторичных неблагоприятных последствий, прежде всего, утрату мужской чести и достоинства, а также уважения окружающих. Насильственные половые посягательства характеризуются наиболее острой негативной реакцией со стороны общества, относятся к числу самых отвратительных и осуждаемых преступлений. Согласно общественному мнению в большинстве случаев совершающие их мужчины – это неудачники в сексуальной сфере, отвергнутые представительницами женского пола, неспособные привлечь внимание женщин и поэтому прибегающие к насилию над ними. Будучи потерпевшими от реального сексуального посягательства, мужчины, как правило, скрывают факты посягательства на них, поскольку считают себя униженными и оскорбленными. В силу тех же причин они не прибегают и к ложному доносу о половом преступлении.

Во-вторых, доносчик обычно знаком с лицом, в отношении которого делает соответствующее заявление. Более того, в трети изученных дел такие доносы были совершены в отношении членов семьи.

Итак, заведомо ложный донос о половом преступлении обладает такими специфически-

ми особенностями, как двуобъектность посягательства, целенаправленная избирательность преступления для обвинения, такого, которое способно причинить множество различных неблагоприятных последствий обвиняемому в нем. Одним из признаков такого доноса является, как правило, персонифицированность лица, в отношении которого он совершается. Несмотря на формальный состав преступления, нередко ложное обвинение в совершении полового посягательства влечет наступление вредных последствий, причем как для оговоренного лица, так и для государства. Наиболее распространенными мотивами таких доносов являются неприязнь и месть, но встречаются и иные низменные побуждения. Совершая рассматриваемый вид доноса, лицо, в том числе не задумываясь об этом, фактически достигает несколько различных результатов: вводит в заблуждение правоохранительные органы, тем самым инициируя их процессуальную деятельность, отвлекая от расследований реальных преступлений, тогда как стремится к тому, чтобы в отношении невиновного лица было осуществлено уголовное преследование, однако конечной целью является наступление каких-либо неблагоприятных последствий для оговоренного, вытекающих из такого преследования. Таким образом, заведомо ложный донос о половом преступлении – это умышленное, общественно опасное деяние, обычно совершаемое лицами женского пола, характеризующееся низменными мотивами и причиняющее вред или создающее угрозу его причинения личности и нормальному функционированию правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Агджаев, Э.М. Виды целей преступлений против правосудия (по материалам судебной практики) // Юридическая наука. – 2015. – № 1.
2. Анучина, А.И. Заведомо ложный донос: некоторые вопросы квалификации и доказывания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – Т. 58, № 2.
3. Галахова, А.В. Преступления против правосудия (Толкование уголовного закона. Комментарий статей УК РФ. Материалы судебной практики, статистика). – М. : НОРМА, 2005.
4. Кашапов, Р.М. Заведомо ложный донос и оговор заведомо невиновного: понятие, ответственность, последствия // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 2 (32).
5. Кашапов, Р.М. Сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства за оговор заведомо невиновного // Власть и управление на Востоке России. – 2014. – № 3 (68).
6. Клементьева, Е.С. Преступления, посягающие на личные права человека // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2017).

7. Смолькова, И.В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за оговор заведомо невиновного лица? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016. – № 3 (78).
8. Федоров, А.В. Понятие и классификация преступлений против правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. : РГБ, 2005.
9. Фирсов, А.Н. Объект заведомо ложного доноса // Инновационные тенденции развития российской науки : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых / отв. за вып. В.Л. Бопп. – 2016.
10. Что такое заведомо ложный донос? [Электронный ресурс] // Алтайская правда. – Режим доступа : http://www.ap22.ru/paper/paper_5506.html (дата обращения: 23.06.2017).
11. Шкурихина, Н.В. К вопросу о криминалистической характеристике заведомо ложного доноса // Сб. материалов криминалистических чтений. – 2010. – № 6.

СТИМУЛИРУЮЩИЕ НОРМЫ-НОВЕЛЛЫ В СТАТЬЯХ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ГЛ. 22 УК РФ)¹

СОЛОВЬЕВ Олег Геннадиевич,
СОКОЛОВА Ольга Владимировна

Аннотация. В статье исследуются специальные виды освобождения от уголовной ответственности, закрепленные в гл. 22 УК РФ, анализируется нормативная эффективность указанных стимулирующих правил, рассматриваются условия освобождения для различных экономических преступлений.

Annotation. In article the special types of release from criminal liability enshrined in chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation are investigated, standard efficiency of the specified stimulating rules is analyzed, release conditions for various economic crimes are considered.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение, экономические преступления, специальные виды, стимулирующие нормы, посткриминальное поведение, возмещение ущерба, явка с повинной.

Keywords: criminal liability, release, economic crimes, special types, stimulating norms, post-criminal behavior, compensation of damage, surrender.

За последние три года отечественный законодатель активно вносил в гл. 22 УК РФ различные законодательные новеллы. Часть нормативных изменений относилась к оценке позитивного посткриминального поведения субъектов преступлений в сфере экономической деятельности. Так, в ст. 184 УК РФ было включено примечание 2, предусматривающее специальное освобождение, статьи-новеллы 200.1, 200.3 УК РФ уже в первоначальной редакции содержали такие освобождения.

1. *Освобождение от уголовной ответственности по статье 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» (примечание 2).* Согласно официальной статистике МВД России по ст. 184 УК РФ за период с 1997 по 2016 г. было возбуждено всего восемь уголовных дел и не вынесено ни одного обвинительного приговора²! Очевидная неработоспособность данной нормы объясняется крайне высокой латентностью и недостаточной нацеленностью правоохранительных органов

на выявление и пресечение подобных преступлений. Одним из путей выхода подобных преступных посягательств «из тени» являлось нормативное закрепление специального освобождения, поскольку наличие в законе поощрения для субъектов, характеризующихся позитивным посткриминальным поведением, должно было стимулировать выявление таких преступлений. Законодатель учитывал в этой части положительный опыт освобождения от ответственности за дачу взятки и даже использовал схожую конструкцию.

Заметим, что примечание к ст. 184 УК РФ, распространяющее свое действие на ч. 1, 2 указанной статьи, предусматривает иные условия (нежели ранее предусмотренные в ст. 76.1 УК РФ) освобождения лиц, совершивших подкуп участников спортивных соревнований, а равно организаторов или членов жюри зрелищных коммерческих конкурсов, возникала ситуация, когда, в случае применения норм о специальном освобождении, лицо, принимающее подкуп, находится в более привилегированном положении, нежели подкупающее лицо. С учетом различия в условиях освобождения по ст. 184 и ст. 76.1 УК РФ в прежней редакции выходило, что лицо, осуществившее подкуп, освобождается от уголовной ответственности в двух случаях: а) только до возбуждения уголовного дела (это вытекает из смысла

¹ Статья выполнена в рамках проекта № 17-03-00682 «Модернизация техники конструирования и практики применения уголовно-правовых норм об экономических преступлениях в современной России».

² См.: Состояние преступности за 2016 г. по данным МВД России. URL : <http://www.mvdinform.ru/stats.10000027/463/> (дата обращения: 12.06.2017).

примечания 2 к ст. 184 УК РФ); б) на любой стадии процесса (в случае вымогательства). Согласно же первоначальной редакции ст. 76.1, принявшее подкуп лицо освобождалось от ответственности в любой момент на любой стадии процесса при кратном возмещении ущерба. Выходило, что лицо, добровольно не сообщившее о даче взятки, не может быть освобождено в силу примечания к ст. 184 УК РФ, а получатель взятки подлежит освобождению в любом случае, более того – в императивной форме! Абсурдность данного законодательного решения состояла еще и в том, что взяткодатель является фигурой относительно менее общественно опасной, чем взяткополучатель, однако последнему законодатель предоставлял привилегированное положение. Кроме того, следует заметить, что по иным коррупционным составам преступлений (коммерческий подкуп, дача взятки) лица, получившие взятку, не имеют права на специальное освобождение от ответственности (примечание к ст. 204, 291 УК РФ). По смыслу прежнего содержания ст. 76.1 получалось, что законодатель незаконное вознаграждение, подкуп (по сути, взятку) в сфере профессионального спорта и зрелищных коммерческих конкурсов понимает либо как ущерб, причиненный гражданину, организации или государству, либо как доход, полученный в результате совершения преступления. Вряд ли в данном случае имело место наличие причиненного ущерба, а значит, по логике законодателя, «спортивно-зрелищный подкуп» признавался незаконным получением дохода³.

Очевидная нормативная недоработка убедительно свидетельствовала о необходимости исключения стимулирующей нормы к ч. 3, 4 ст. 184 УК РФ, что и было в итоге сделано законодателем в июле 2016 г. при изложении новой редакции ст. 76.1 УК РФ. Также нашло правотворческую реализацию предложение об унификации условий освобождения от ответственности по однородным составам преступлений, предусмотренных ст. 184 и 291 УК РФ: в качестве обязательного условия указано активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступления.

³ См.: Соловьев О.Г. Проблемы модернизации норм о преступлениях в сфере экономической деятельности: критический анализ законодательной техники // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 3. С. 69.

2. Освобождение от уголовной ответственности по статье 200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» (примечание 4). Статья 200.1 УК РФ уже в первоначальной редакции содержала стимулирующую норму, предусматривающую специальный вид освобождения от уголовной ответственности. Так, в примечании 4 к данной статье указано, что лицо, добровольно сдавшее наличные денежные средства и (или) денежные инструменты, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Такое законодательное решение представляется обоснованным, поскольку по ранее действовавшему закону если лицо совершило действия, предусмотренные объективной стороной ст. 188 УК РФ, к нему не могло применяться специальное освобождение. Для минимизации (но не для исключения) неблагоприятных последствий привлечения к уголовной ответственности лицо могло, например, явиться с повинной либо добровольно сдать предметы контрабанды. В таком случае к нему могли быть применены более мягкие меры ответственности, а явка могла быть признана смягчающим обстоятельством. Кроме этого, если, например, в предмет контрабанды входило оружие, то при его сдаче лицо в этой части освобождалось от ответственности, в остальной же части контрабанды освобождение по закону оставалось неурегулированным. Однако эти погрешности в части незаконного оборота финансовых инструментов оказались исправленными законодателем в новой ст. 200.1 УК РФ.

В то же время, поскольку состав ст. 200.1 УК РФ является формальным, законодательное формулирование условий освобождения в примечании 4 вызывает определенные сомнения в части их практического применения. Лицо освобождается от уголовной ответственности по данной статье в случае добровольной сдачи денежных средств и (или) денежных инструментов. Согласно разъяснениям, содержащимся в ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде», контрабанда считалась оконченным преступлением с момента пресечения перемещения товаров или иных предметов в связи с обнаружением того, что ввоз этих товаров или предметов осуществляется противоправным способом, а именно – с сокрытием от та-

моженного контроля и, кроме того, сопряжен с недекларированием. Отсюда получается, что освобождение от уголовной ответственности по ст. 200.1 УК РФ, по сути, является добровольным отказом от преступления.

Заметим также, что денежные инструменты как понятие не имеют аналогов в материнской отрасли гражданского права, которое традиционно оперирует иным понятием – ценные бумаги (п. 1 ст. 142 ГК РФ). В целях обеспечения единства используемой терминологии целесообразно в качестве родового использовать в гражданском законодательстве понятие «денежные инструменты», которые включают в себя наличные денежные средства и (или) ценные бумаги, удостоверяющие обязательства эмитента (должника) по выплате денежных средств.

Требование межотраслевой дифференциации юридической ответственности при обращении к ст. 16.4 КоАП РФ приводит к выводу об отсутствии единого подхода к определению понятия «денежный инструмент». В контексте административно-правового регулирования под денежным инструментом понимаются дорожные чеки (примечание 1 к статье 16.4 КоАП РФ), которые с появлением банковских карт фактически исчезли с рынка финансовых услуг. Кроме того, в примечании 5 к статье 200.1 УК РФ денежные инструменты включают в себя, помимо дорожных чеков, также векселя, банковские чеки и ценные бумаги в документальной форме. В целях унификации и гармонизации смежных отраслей права А.А. Князьков справедливо предлагает внести следующие изменения, изложив: а) заголовок ст. 200.1 УК РФ: «Контрабанда денежных инструментов»; б) понятие «денежный инструмент» (примечание 5 к ст. 200.1 УК РФ, примечание 1 к ст. 16.4 КоАП РФ) в следующей редакции: «Под денежными инструментами понимаются наличные денежные средства в валюте Российской Федерации или иностранной валюте, а равно ценные бумаги в документальной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств»; в) специальный вид освобождения от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного примечанием 4 к ст. 200.1 УК РФ, в следующей редакции: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию пре-

ступления и добровольно сдало денежные инструменты в орган, имеющий право возбудить уголовное дело в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации»⁴.

3. *Освобождение от уголовной ответственности по статье 200.3 УК РФ «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости» (примечание 2).* Проблема, связанная с последствиями незаконного привлечения денежных средств граждан для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости и нецелевого использования застройщиком денежных средств, уплаченных участниками долевого строительства, представляется актуальной и требующей совершенствования правового регулирования. В большинстве регионов России сохраняется большое количество пострадавших граждан, инвестировавших свои средства в строительство многоквартирных жилых домов.

Действующий Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»⁵ не предусматривает эффективных мер по отношению к новым формам недобросовестного поведения застройщиков в области долевого строительства жилья, не до конца регулирует вопросы компенсации причиненного дольщикам ущерба, не содержит правовых гарантий введения жилого объекта в эксплуатацию. Размеры административных штрафов (ст. 14.28 КоАП РФ) на порядок ниже объемов тех средств, которые недобросовестные застройщики получают от дольщиков. Таким образом, как обоснованно утверждают В.Г. Бессарабов и О.Б. Гребенюк, ни одна из отраслей действующего законодательства до сих пор не гарантирует обманутым дольщикам эффективность защиты их права на жилище⁶.

⁴ Князьков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ): вопросы дифференциации и законодательной техники: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 186–187.

⁵ Рос. газ. 2004. 31 дек.

⁶ См.: Бессарабов В.Г., Гребенюк О.Б. Необходимость защиты уголовно-правовыми средствами права на жилище в сфере долевого строительства многоквартирных домов // Современное право. 2015. № 5. С. 139.

В связи с изложенным введение специального состава позволит выстраивать более жесткую уголовно-правовую защиту добросовестных дольщиков, сформировать единый подход при квалификации преступлений в рассматриваемой сфере. До настоящего времени, как известно, действия недобросовестных застройщиков квалифицировались следственными органами по иным статьям Особенной части УК РФ (в том числе по ст. 159, 160, 165, 171, 201, 238 и др.). Заметим, что отдельные авторы критически отнеслись к появлению нового состава, который, по их мнению, дублирует имеющуюся статью 159 УК РФ⁷.

В примечании к ст. 200.3 УК РФ законодателем сформулировано специальное освобождение от ответственности в следующей редакции: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если сумма привлеченных денежных средств (сделки с денежными средствами) возмещена в полном объеме и (или) если указанным лицом приняты меры, в результате которых многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости введены в эксплуатацию». Действительно, для обманутых дольщиков возмещение причиненного ущерба в полном объеме имеет принципиальное значение. Вместе с тем не могут не вызывать возражений следующие моменты технико-юридического оформления нового специального вида освобождений от уголовной ответственности.

Во-первых, закон устанавливает требование эквивалентности привлеченных и возмещаемых денежных средств дольщикам, при этом, очевидно, игнорируются инфляционные и иные факторы, которые в условиях длительности процесса строительства многоквартирных домов неизбежно приведут к тому, что реальный ущерб потерпевших дольщиков будет возмещен не в полном объеме. Представляется, что надлежащим условием при оценке посткриминального поведения застройщика должно выступать возмещение, которое образуется в сумме как фактически привлеченных средств дольщиков, так и упущенной выгоды, в которую могут входить средства, увеличенные на рыночные показатели инфляции, потери от вынужденной аренды жилья и пр.

Во-вторых, представляются явно несообразными размеры санкций, установленные за совершение указанного преступления: по ч. 1 ст. 200.3 УК РФ предусмотрено лишение свободы до двух лет; по ч. 2 – до пяти лет; вместе с тем, как показывает практика, долевого строительство предполагает привлечение огромных денежных средств, которые порой исчисляются десятками и сотнями миллионов рублей, а для эффективного применения специального освобождения от ответственности, как ранее было отмечено, в целях стимулирования субъекта на позитивное посткриминальное поведение, очевидно, требуется ужесточение санкций ч. 1 и 2 ст. 200.3 УК РФ.

Анализ специальных видов освобождения от уголовной ответственности за совершение экономических преступлений приводит к выводу, что в силу единства объекта уголовно-правовой охраны экономических отношений необходима унификация условий и оснований освобождения от уголовной ответственности по данной категории дел. Рассмотрение всех этих вопросов лежит за пределами настоящей работы, нуждается в более глубоком, в том числе криминологическом и криминалистическом, анализе.

Считаем, что необходимо поддержать позицию А.А. Князькова и предусмотреть возможность замены наказаний, связанных с лишением свободы, на санкции экономического характера⁸. В целях углубления дифференциации ответственности за совершение тяжких и особо тяжких экономических преступлений (т. е. в случаях, когда отсутствует возможность освобождения лица от уголовной ответственности на основании общих норм гл. 11 УК РФ), не сопряженных с применением или угрозой применения насилия, должно допускаться закрепленное в Особенной части УК РФ правило о неприменении наказания в виде лишения свободы, предусматривающее избрание: а) альтернативного вида наказания, указанного в санкции статьи, при условии возмещения причиненного ущерба в четырех-пятикратном размере либо б) наказания в виде увеличенного до четырех-пятикратного размера штрафа, закрепленного в санкции статьи.

Следует отметить, что в науке высказано иное предложение со схожим содержанием.

⁷ Бессарабов В.Г., Гребенюк О.Б. Необходимость защиты уголовно-правовыми средствами ... С. 141.

⁸ См.: Князьков А.А. Институт освобождения от уголовной ответственности: правовая природа и оптимальные направления модернизации // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 93.

Так, А.М. Балафендиев предлагает отдельно предусмотреть исключение из действия данной статьи, если преступление связано с насильственным изъятием чужого имущества. Выражая несогласие с данной позицией, нужно указать, что поскольку неприкосновенность личности является приоритетным объектом уголовно-правовой охраны (ст. 2 УК РФ), то само по себе применение или угроза применения насилия к лицу должны исключать возможность освобождения лица от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному для экономических преступников. Напомним, что в Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере авторы-разработчики предлагали предусмотреть данные условия (применение или угроза применения насилия) в качестве препятствия для освобождения лица от ответственности по «экономическому» основанию⁹.

Кроме того, указанное правило следует распространить на случаи совершения преступления лицом, ранее освобожденным от уголовной ответственности на основании специальных норм гл. 22 УК РФ и повторно нарушившим уголовно-правовой запрет. При этом дополнительным обременением для субъекта будет выступать увеличение суммы подлежащего возмещению ущерба (дохода) в пределах двух-трехкратного размера либо наказание в виде штрафа в тех же пределах.

При этом в законе следует предусмотреть также ограничение на применение данной «льготы» в виде запрета повторного применения к лицу данной нормы за совершение тождественного или однородного преступления. Представляется, что предлагаемая форма поощрения не будет выступать «откупом от правосудия», поскольку поведение виновного не позволит избежать уголовной ответственности в полном объеме, при этом исключается лишь наиболее строгий вид уголовного наказания – лишение свободы. Данная форма уголовно-правового воздействия будет содействовать нейтрализации и компенсации экономического ущерба, причиненного лицом гражданам, обществу и государству.

На основании вышесказанного следует сделать некоторые выводы. Формулируя специальные виды освобождения в гл. 22 УК РФ, законодатель не всегда отличается последовательностью при изложении условий освобождения. С учетом предложений в отечественной доктрине и позитивного зарубежного опыта представляется необходимым расширение действия стимулирующих норм для экономических преступников. Целесообразным также является закрепление новой формы поощрения для субъектов преступлений в сфере экономической деятельности в виде императивного запрета на назначение наказания в виде лишения свободы при определенных условиях, связанных с дополнительными экономическими обременениями.

Библиографический список

1. Бессарабов, В.Г. Необходимость защиты уголовно-правовыми средствами права на жилище в сфере долевого строительства многоквартирных домов / В.Г. Бессарабов, О.Б. Гребенюк // Современное право. – 2015. – № 5.
2. Князьков, А.А. Институт освобождения от уголовной ответственности: правовая природа и оптимальные направления модернизации // Юридическая наука. – 2015. – № 4.
3. Князьков, А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ): вопросы дифференциации и законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2014.
4. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – М., 2010.
5. Рос. газ. – 2004. – 31 дек.
6. Соловьев, О.Г. Проблемы модернизации норм о преступлениях в сфере экономической деятельности: критический анализ законодательной техники // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – № 3.
7. Состояние преступности за 2016 г. по данным МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mvdinform.ru/stats.10000027/463/> (дата обращения: 12.06.2017).

⁹ См.: Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М., 2010. С. 49–50.

ИНСТИТУТ ЗАМЕНЫ ШТРАФА ИНЫМ НАКАЗАНИЕМ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

ШУБА Екатерина Сергеевна

Аннотация. В статье представлен анализ уголовных норм, регулирующих замену штрафа иным наказанием. Автор приходит к выводу, что законодательство в области замены штрафа имеет пробелы. Наличие пробелов в уголовном законодательстве влечет за собой отсутствие единообразия судебной практики при замене штрафа иным наказанием.

Annotation. The article deals with the analysis of criminal norms which regulate the replacement of fines with another penalties. The author comes to the conclusion that there are gaps in the legislation in the field of the replacement of fine. The presence of gaps in the criminal legislation entails the lack of uniformity in judicial practice when a fine is replaced by a different punishment.

Ключевые слова: штраф, уголовное наказание, замена штрафа, альтернативная санкция, система наказаний, суд.

Keywords: fine, criminal penalty, replacement of a fine, alternative sanction, penal system, court.

Одним из наказаний, не связанных с ограничением или лишением свободы, в уголовном праве Российской Федерации является штраф. В соответствии со ст. 46 УК РФ штраф – это денежное взыскание, назначаемое в пределах, установленных уголовным законом.

Штраф может быть назначен судом лицу, совершившему преступление, в качестве основного или дополнительного наказания. Важно отметить, что размер штрафа в соответствии с общими началами назначения наказания и нормами Общей части УК РФ определяется судом с учетом характера и степени общественной опасности деяния, личности виновного, имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода и их размеров.

Для того чтобы эффективно достичь целей наказания, необходимо исполнить его реально, в соответствии с приговором суда. Однако в правоприменительной практике нередки случаи, когда осужденные уклоняются от уплаты штрафа или не имеют возможности его уплатить, следовательно, приговор фактически не приводится в исполнение. Законодатель пытается реализовать свою волю и выполнить приговор, применяя к лицу более строгие меры, а именно ч. 5 ст. 46 УК РФ, которая направлена на исполнение приговора.

Штраф, от уплаты которого осужденный уклоняется, подлежит замене другим видом

наказания, предусмотренным ст. 44 УК РФ или соответствующей нормой Особенной части УК РФ.

Верховный Суд РФ разъяснил, что в соответствии с ч. 1 ст. 32 УИК РФ злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, не уплативший штраф без рассрочки в течение 60 календарных дней со дня вступления приговора в законную силу или первую часть штрафа с рассрочкой выплаты в этот же срок, либо оставшиеся части штрафа не позднее последнего дня каждого последующего месяца. Факт отсутствия денежных средств у осужденного не может признаваться уважительной причиной неуплаты штрафа. В случае неуплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, принимаются меры по принудительному взысканию в соответствии с Федеральным законом от 2 октября 2007 г. «Об исполнительном производстве»¹.

В порядке, который закреплен ч. 5 ст. 46 УК РФ, может быть заменен только штраф, назначенный в качестве основного наказания. В связи с этим Г.К. Буранов отмечает, что последствием отсутствия нормы о замене штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, «может быть неисполнение приговора суда в этой части и, естествен-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).

но, недостижение поставленных перед наказанием целей»².

Законодательно не разрешены некоторые вопросы замены штрафа, назначенного несовершеннолетнему осужденному. Так, согласно ч. 2 ст. 88 УК РФ штраф, назначенный несовершеннолетнему, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Из смысла уголовного закона остается непонятным, может ли штраф, от уплаты которого уклоняются родители или законные представители несовершеннолетнего, быть заменен другим наказанием. С одной стороны, так же, как и в вышеназванном случае, приговор суда фактически не исполняется, а цели наказания не достигаются. С другой стороны, сам несовершеннолетний от уплаты штрафа не уклоняется, он находится в материально зависимом положении от родителей или иных законных представителей, следовательно, применение к нему более строгого наказания не может быть справедливым. Кроме этого, замена штрафа иным наказанием в отношении родителей или иных законных представителей, также вступает в противоречие с принципами уголовного права.

Однако в соответствии с п. 3 ч. 10 ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве», в случае, если штраф, назначенный несовершеннолетнему, не уплачивается лицом, на которое возложена обязанность его уплаты, судебный пристав-исполнитель принимает меры по принудительному взысканию штрафа за преступление в общем порядке обращения взыскания на имущество должника³. Следовательно, штраф не заменяется другим видом наказания, а взыскивается в рамках исполнительного производства. Следует отметить, что такая норма отсутствует в УК РФ, который является единственным источником уголовного права в России и восполнять его пробелы нормами другого федерального закона или рекомендациями постановлений Верховного Суда РФ недопустимо, так же, как недопустимо применение закона по аналогии.

Кроме того Федеральный закон «Об исполнительном производстве» завершает ста-

дию гражданского судопроизводства, тогда как в рассматриваемом случае штраф взыскивается в рамках уголовного наказания, назначенного именно как основного, а не дополнительного, на чем акцентировано внимание в выше приведенном постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Необходимо подчеркнуть, что штраф, назначенный непосредственно несовершеннолетнему, может быть заменен другим наказанием только с учетом положений гл. 14 УК РФ и с применением усеченной системы наказаний, закрепленной в ч. 1 ст. 88 УК РФ.

Верховный Суд РФ поясняет, что штраф может быть заменен иным наказанием (за исключением лишения свободы), предусмотренным нормой Особенной части УК РФ или нормой ст. 44 УК РФ⁴. Однако сам порядок замены одного наказания другим в УК РФ не регламентирован. В частности, не определены условия, при наличии которых штраф заменяется наказанием из санкции, а при наличии каких – из системы наказаний ст. 44 УК РФ.

Анализ судебной практики позволяет констатировать, что при замене неуплаченного штрафа судьи по своему усмотрению назначают наказание, которое не входит в санкцию конкретной нормы Особенной части УК РФ, даже в случаях альтернативы наказаний в соответствующей санкции. Так, судья Чернушинского районного суда Пермского края, рассмотрев представление судебного пристава-исполнителя, пришла к выводу, что осужденный по ч. 1 ст. 318 УК РФ обучается в колледже и денежных средств для уплаты штрафа не имеет. Данные факты не являются основанием для признания неуплаты штрафа уважительными, на основании чего суд постановил заменить штраф на наказание в виде обязательных работ⁵. Следует подчеркнуть, что обязательные работы санкцией нормы ч. 1 ст. 318 УК РФ не предусмотрены. В другом случае судья Бардымского районного суда Пермского края, рассмотрев представление судебного пристава-исполнителя, пришла к выводу о необходимости замены осужденному штрафа в размере

² Буранов Г.К. Последствия уклонения от уплаты штрафа по Уголовному кодексу РФ и уголовному законодательству стран ближнего зарубежья // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 72. С. 33.

³ См.: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).

⁵ См.: Постановление Чернушинского районного суда Пермского края от 29 декабря 2016 г. // РосПравосудие : [сайт]. URL : <https://rospravosudie.com/court-chernushinskij-rajonnyj-sud-permskij-kraj-s/act-543591935/> (дата обращения: 19.02.2017).

100 тыс. руб., назначенного за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, обязательными работами⁶. Так же, как и в первом случае, санкция нормы Особенной части УК РФ, по которой был осужден виновный, является альтернативной, но не включает обязательные работы. Еще в одном случае Пролетарский районный суд г. Твери удовлетворил представление судебного пристава-исполнителя и заменил осужденной неисполненное наказание в виде штрафа, назначенного по ч. 2 ст. 145.1, ч. 3 ст. 160 УК РФ, также обязательными работами⁷.

Изложенное позволяет утверждать, что в силу отсутствия законодательного порядка замены штрафа иным наказанием возрастает роль судебского усмотрения, т. е. судьи по своему личному усмотрению принимают решения о том, каким именно видом наказания необходимо заменить штраф и в каком размере, какое выбрать наказание из ст. 44 УК РФ или из нормы Особенной части УК РФ.

М.М. Гитинова отмечает, что слишком широкие рамки судебского усмотрения при назначении наказаний не всегда позволяют добиться единообразия и справедливости в действиях правоприменителя при назначении наказания. Поэтому, по ее мнению, нужны формализованные и четко фиксированные правила назначения наказания⁸, что, как показали приведенные примеры, действительно представляется необходимым.

Верховный Суд РФ в вышеназванном Постановлении также подчеркивает, что вид и срок иного наказания, которым заменяется штраф, определяется исходя из размера неуплаченного штрафа, так как в соответствии со ст. 71 УК РФ штраф не может быть соотнесен с лишением свободы и другими видами основных наказаний⁹. Заметим, что о степени тяжести или общественной опасности совершенного пре-

ступления в данном случае речь не идет. В связи с этим возникает вполне логичный вопрос, чем руководствуется суд при переводе суммы штрафа в иное наказание.

Обращение к судебной практике и анализ 45 судебных решений показал, что в 76 % случаев штраф заменялся обязательными работами, в 20 % – исправительными работами и в 4 % – ограничением свободы, причем при абсолютном отсутствии единообразия при указанной замене. Так, в одном из рассмотренных случаев лицу, уклоняющемуся от уплаты штрафа в размере 110 тыс. руб., суд назначил обязательные работы в размере 110 часов¹⁰; в другом – штраф в 100 тыс. руб. был заменен обязательными работами в размере 200 часов¹¹; штраф в 30 тыс. руб. – обязательными работами в размере 320 часов¹²; штраф в размере 10 тыс. руб. в одном из случаев также был заменен на 200 часов обязательных работ¹³; штраф в размере 15 тыс. руб. – обязательными работами в объеме 150 часов¹⁴; штраф в размере 20 тыс. руб. – обязательными работами в объеме 300 часов¹⁵.

Нет единообразия и при замене штрафа исправительными работами. Например, неуплаченный штраф в размере 500 тыс. руб. судом был заменен на два года исправительных работ с удержанием из заработной платы 20 %¹⁶; в другом случае штраф в размере 80 тыс. руб. заменен одним годом исправительных работ с удержанием из заработной платы 10 %¹⁷; штраф в размере

¹⁰ См.: Постановление Пролетарского районного суда г. Твери от 10 января 2017 г.

¹¹ См.: Постановление Вeneвского районного суда Тульской области от 13 марта 2017 г. // РосПравосудие : [сайт]. URL : <https://rospravosudie.com/court-venevskij-rajonnyj-sud-tulskaya-oblast-s/act-553585553/> (дата обращения: 16.02.2017).

¹² См.: Постановление Косинского районного суда Пермского края от 20 января 2017 г. // РосПравосудие : [сайт]. URL : <https://rospravosudie.com/court-kosinskij-rajonnyj-sud-permskij-kraj-s/act-549703328/> (дата обращения: 18.03.2017).

¹³ См.: Постановление Вышневолоцкого городского суда Тверской области от 27 декабря 2016 г. // РосПравосудие : [сайт]. URL : <https://rospravosudie.com/court-vyshnevolockij-gorodskoj-sud-tverskaya-oblast-s/act-542251776/> (дата обращения: 16.03.2017).

¹⁴ См.: Постановление Бардымского районного суда Пермского края от 15 февраля 2017 г.

¹⁵ См.: Постановление Качканарского городского суда Свердловской области от 7 декабря 2016 г. // РосПравосудие : [сайт]. URL : <https://rospravosudie.com/court-kachkanarskij-gorodskoj-sud-sverdlovskaya-oblast-s/act-537369046/> (дата обращения: 27.02.2017).

¹⁶ См.: Постановление Качканарского городского суда Свердловской области от 22 декабря 2016 г. // РосПравосудие : [сайт]. URL : <https://rospravosudie.com/court-vilyuchinskij-gorodskoj-sud-sverdlovskaya-oblast-s/act-545521648/> (дата обращения: 16.02.2017).

¹⁷ См.: Постановление Вилочинского городского суда Камчатского края от 21 декабря 2016 г. // РосПравосудие : [сайт]. URL : <https://rospravosudie.com/court-vilyuchinskij-gorodskoj-sud-kamchatskij-kraj-s/act-539473059/> (дата обращения: 16.02.2017).

⁶ См.: Постановление Бардымского районного суда Пермского края от 15 февраля 2017 г. // РосПравосудие : [сайт]. URL : <https://rospravosudie.com/court-bardymskij-rajonnyj-sud-permskij-kraj-s/act-553660830/> (дата обращения: 19.03.2017).

⁷ См.: Постановление Пролетарского районного суда г. Твери от 10 января 2017 г. // РосПравосудие : [сайт]. URL : <https://rospravosudie.com/court-proletarskij-rajonnyj-sud-g-tveri-tverskaya-oblast-s/act-548723270/> (дата обращения: 19.03.2017).

⁸ См.: Гитинова М.М. Проблема судебского усмотрения в уголовном праве при назначении уголовного наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2016. № 1 (24). С. 218.

⁹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

36 тыс. руб. – исправительными работами на срок один год с удержанием из заработной платы 10 %¹⁸; штраф в размере 25 тыс. рублей – исправительными работами сроком шесть месяцев с удержанием из заработной платы 10 %¹⁹.

Приведенные примеры являются наглядным подтверждением широкого и свободного судебного усмотрения, причем ничем не аргументированного, при замене неисполненного штрафа.

Нельзя не подчеркнуть и тот факт, что если санкция нормы безальтернативная и предусматривает только наказание в виде штрафа, то его замена не согласуется с общими началами назначения наказания. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 60 УК РФ более строгое наказание, чем предусмотрено статьей Особенной части, может быть назначено по совокупности преступлений или по совокупности приговоров. В случае зло-

стного уклонения от уплаты штрафа лицо не совершает нового преступления.

Для устранения подобных противоречий видится целесообразным в ст. 60 УК РФ включить норму, в соответствии с которой более строгое наказание, чем предусмотрено статьей Особенной части, может быть назначено в случае замены штрафа иным видом наказания в соответствии с ч. 5 ст. 46 УК РФ. Кроме того, ч. 5 ст. 46 УК РФ следует дополнить нормой, которая позволит упорядочить замену штрафа иным видом наказания, например, изложив ее в следующей редакции: «При замене штрафа суд может избрать любое более строгое наказание, за исключением лишения свободы, в соответствии с видами наказаний, указанными в статье 44 настоящего Кодекса в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом для каждого вида наказаний».

Библиографический список

1. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).
4. Постановление Бардымского районного суда Пермского края от 15 февраля 2017 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : [сайт]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-bardymskij-rajonnyj-sud-permskij-kraj-s/act-553660830/> (дата обращения: 19.03.2017).
5. Постановление Вeneвского районного суда Тульской области от 13 марта 2017 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : [сайт]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-venevskij-rajonnyj-sud-tul'skaya-oblast-s/act-553585553/> (дата обращения: 16.02.2017).
6. Постановление Вилючинского городского суда Камчатского края от 21 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : [сайт]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-vilyuchinskij-gorodskoj-sud-kamchatskij-kraj-s/act-539473059/> (дата обращения: 16.02.2017).
7. Постановление Вышневолоцкого городского суда Тверской области от 27 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : [сайт]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-vyshnevolockij-gorodskoj-sud-tverskaya-oblast-s/act-542251776/> (дата обращения: 16.03.2017).
8. Постановление Качканарского городского суда Свердловской области от 7 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : [сайт]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-kachkanarskij-gorodskoj-sud-sverdlovskaya-oblast-s/act-537369046/> (дата обращения: 27.02.2017).

¹⁸ См.: Постановление Кунгурского городского суда Пермского края // РосПравосудие : [сайт]. URL : <https://rospravosudie.com/court-kungurskij-gorodskoj-sud-permskij-kraj-s/act-549305284/> (дата обращения: 02.03.2017).

¹⁹ См.: Постановление Чайковского городского суда Пермского края // РосПравосудие : [сайт]. URL : <https://rospravosudie.com/court-chajkovskij-gorodskoj-sud-permskij-kraj-s/act-548836473/> (дата обращения: 02.03.2017).

9. Постановление Качканарского городского суда Свердловской области от 22 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : [сайт]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-kachkanarskij-gorodskoj-sud-sverdlovskaya-oblast-s/act-545521648/> (дата обращения: 16.02.2017).

10. Постановление Косинского районного суда Пермского края от 20 января 2017 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : [сайт]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-kosinskij-rajonnyj-sud-permskij-kraj-s/act-549703328/> (дата обращения: 18.03.2017).

11. Постановление Кунгурского городского суда Пермского края [Электронный ресурс] // РосПравосудие : [сайт]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-kungurskij-gorodskoj-sud-permskij-kraj-s/act-549305284/> (дата обращения: 02.03.2017).

12. Постановление Пролетарского районного суда г. Твери от 10 января 2017 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : [сайт]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-proletarskij-rajonnyj-sud-g-tveri-tverskaya-oblast-s/act-548723270/> (дата обращения: 19.03.2017).

13. Постановление Чайковского городского суда Пермского края [Электронный ресурс] // РосПравосудие : [сайт]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-chajkovskij-gorodskoj-sud-permskij-kraj-s/act-548836473/> (дата обращения: 02.03.2017).

14. Постановление Чернушинского районного суда Пермского края от 29 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : [сайт]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-chernushinskij-rajonnyj-sud-permskij-kraj-s/act-543591935/> (дата обращения: 19.02.2017).

15. Буранов, Г.К. Последствия уклонения от уплаты штрафа по Уголовному кодексу РФ и уголовному законодательству стран ближнего зарубежья // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 72.

16. Гитипова, М.М. Проблема судейского усмотрения в уголовном праве при назначении уголовного наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». – 2016. – № 1 (24).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

РАЗГРАНИЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАДЕРЖАНИЯ

ПОПОВ Константин Иванович

Аннотация. Статья посвящена разграничению уголовно-процессуального и уголовно-правового («гражданского») задержания, которые нередко смешиваются на практике.

Annotation. The article is devoted to the delineation of criminal procedural and criminal-legal (“civil”) detention, which are often mixed in practice.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, «гражданское задержание», обстоятельство, исключающее преступность деяния, правомерное причинение вреда.

Keywords: detention of a suspect, damage to the arrest of the person who committed the crime, “Civil detention”, circumstance, excluding the criminality of the act; lawful harm.

Задержание подозреваемого в совершении преступления – важная превентивная мера уголовно-процессуального принуждения, позволяющая обеспечить нормальный ход производства по уголовному делу, осуществляемая в целях быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений, изобличения виновных и назначения им справедливого наказания. Указанная мера регламентирована гл. 12 УПК РФ.

Задержание подозреваемого по своей правовой природе является мерой уголовно-процессуального принуждения, близко примыкающей к мере пресечения в виде заключения под стражу. Данная принудительная мера по существу является краткосрочным лишением подозреваемого свободы.

Перечень обстоятельств, убедительно свидетельствующих о преступном характере деяния и участия в нем лица, подлежащего задержанию, частично представлен в уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 91 УПК РФ), где содержатся основания задержания подозреваемого.

Наиболее полную систему действий, входящих в задержание подозреваемого органами внутренних дел, предложил В.Н. Григорьев. По его мнению, в эту деятельность входят: установление оснований для доставления лица в служебное помещение; захват лица; изъятие оружия, уличающих предметов и документов; конвоирование лица в служебное помещение;

выяснение обстоятельств общественно опасного деяния и его правовая квалификация; установление оснований задержания лица по подозрению в совершении преступления; определение мотивов задержания; принятие решения о задержании лица по подозрению в совершении преступления; сообщение прокурору о задержании; прием и размещение задержанного в изолятор временного содержания; личный обыск и досмотр вещей задержанного; применение к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу; освобождение задержанного¹.

На практике нередко смешивают задержание как меру процессуального принуждения, применяемую органом дознания или следователем, и «гражданское», или фактическое, задержание как применяемую гражданами меру насильственного доставления преступника в органы власти и предупреждения возможности совершения им новых преступлений.

Согласно ст. 38 УК РФ не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при

¹ См.: Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М. : ЮрИнфор, 1999.

этом не было допущено превышения необходимых для этого мер. Указанная статья регламентирует обстоятельство, исключаящее преступность деяния, или обстоятельство правомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Наряду с этим правомерность причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, сотрудниками правоохранительных органов регламентируется ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», ст. 10 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», ст. 13–14 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», ст. 16–18 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах», ст. 24–27 Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» и рядом других законов.

Представляется не совсем удачным и противоречащим принципу презумпции невиновности использование законодателем понятия «лицо, совершившее преступление». Решение указанного вопроса при задержании не представляется возможным, так как является по действующему законодательству прерогативой суда. В связи с этим предлагается внести изменения в действующую редакцию ст. 38 УК РФ и употреблять понятие «лицо, совершившее общественно опасное деяние», либо, аналогично УПК РФ, «лицо, подозреваемое в совершении преступления»².

Меры задержания могут применяться к лицам, подозреваемым в совершении преступления, а также к обвиняемым или осужденным в случае их побега. Несомненным основанием для задержания является побег лица из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенный лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении, так как сам побег – преступление средней тяжести (ч. 1 ст. 313 УК РФ) или тяжкое преступление (ч. 2 ст. 313 УК РФ). Таким образом, в «чистом виде» в нынешней

формулировке ст. 38 УК РФ применять данное положение можно только к «беглецам», так как их виновность ни у кого не вызывает сомнения. Во всех остальных случаях задержание, по нашему мнению, будет противоречить принципу презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ).

Разграничение уголовно-правового задержания лица, совершившего преступление, от уголовно-процессуального задержания подозреваемого можно рассматривать по нескольким основаниям.

Во-первых, различны цели задержания. В ст. 3 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» лишь указано, что содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений осуществляется в целях, предусмотренных УПК РФ. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве цель задержания подозреваемого прямо не сформулирована.

Ранее цель задержания была закреплена в Положении о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г., в соответствии со ст. 1 которого задержание предпринимается «в целях выяснения причастности задержанного к преступлению и разрешения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу»³. Формально указанное Положение уже не действует, однако содержащаяся в нем норма о цели задержания подозреваемого в законодательном порядке не изменялась и продолжает действовать в виде доктрины. В учебной и научной литературе, в частности, она воспроизводится без каких-либо изменений. Следует согласиться с А.П. Рыжаковым в том, что, хотя в настоящее время приведенные нормы Положения не действуют, производство задержания в иных целях противоречит смыслу указанного уголовно-процессуального института.

Кстати, в действующем УПК РФ не закреплены и мотивы задержания. На практике их считают аналогичными основаниям для избрания меры пресечения, а именно при нали-

² См.: Попов К.И. Разграничение уголовно-процессуального задержания подозреваемого и уголовно-правового задержания лица, совершившего преступление // Судебная защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц : доклады и сообщения II Всерос. межвуз. науч.-практ. конф., 18 декабря 2001 г., г. Москва / под ред. Ю.А. Тихомирова, Н.И. Архиповой, Н.И. Косяковой. М. : РГГУ, 2001. С. 347–349.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. «Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 29. Ст. 426.

чии достаточных оснований полагать, что подозреваемый:

1) скроется от дознания, предварительно следствия или суда;

2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;

3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

Согласно же ст. 38 УК РФ целью задержания лица, совершившего преступление, является его доставление органам власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений.

Во-вторых, разница в субъектах, пользующихся правом на задержание: в порядке ст. 91 УПК РФ это орган дознания, дознаватель, следователь; в порядке ст. 38 УК РФ – любое физическое лицо.

В-третьих, разница и в сроках задержания: в соответствии со ст. 22 Конституции РФ лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов до судебного решения. Аналогичное положение содержится в ст. 94 УПК РФ. Вместе с тем на основании п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ судья может продлить срок задержания на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Таким образом, максимальный срок задержания может составлять $48+72=120$ часов.

Сроки же уголовно-правового задержания законом не установлены. Представляется, что это время доставления задержанного в соответствующие органы власти, которое должно осуществляться в возможно более короткий срок.

К сожалению, в УПК РФ четко не обозначены процессуальные последствия фактического задержания лица гражданами. В частности, неясно, с какого времени в данном случае начинает исчисляться срок задержания. Правильной представляется позиция А.В. Гриненко, согласно которой именно ввиду имеющих сомнений эта пробельность должна толковаться в пользу задерживаемого лица. Поэтому при задержании его гражданами срок фактического задержания следует исчислять с момен-

та, когда у лица исчезла возможность свободно передвигаться⁴.

В-четвертых, задержание в порядке ст. 91 УПК РФ связано с размером наказания за совершенное преступление и может быть применено только к лицу, подозреваемому в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Условие же уголовно-правового задержания заключается в том, что в данном случае задерживается лицо, совершившее именно преступление, а не иное правонарушение (административный или дисциплинарный проступок, гражданско-правовой деликт, малозначительное деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 14 УК РФ)⁵.

Следующим критерием разграничения служит возможность причинения вреда задерживаемому. Уголовно-правовое значение имеют лишь такие меры по задержанию, которые связаны с причинением лицу, совершившему преступление, определенного физического вреда. Формально указанные действия содержат признаки деяний, предусмотренных соответствующими нормами Особенной части УК РФ, однако не являются преступными, а наоборот, выступают в качестве одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния. Уголовно-правовое задержание является общественно полезным в силу того, что эта деятельность способствует реализации принципа неотвратимости наступления ответственности за преступление, пресекает возможность совершения задерживаемым лицом новых преступлений, дальнейшую преступную деятельность.

При задержании же подозреваемого в порядке ст. 91 УПК РФ причинение вреда не является решающим фактором, хотя возможно в необходимых случаях с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Наконец, различной будет квалификация деяний в случае нарушения условий проведения указанных разновидностей задержания: при превышении мер задержания (ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 114 УК РФ) субъектом преступления является любое физическое лицо, при незакон-

⁴ См.: Гриненко А.В. Разграничение фактического и уголовно-процессуального задержания // Уголовное право. 2002. № 3. С. 75–76.

⁵ См.: Лисицын Р. Уголовно-процессуальное задержание подозреваемого в совершении преступления // Профессионал. 1998. № 4. С. 41.

ном же задержании (ч. 1 ст. 301 УК РФ) специальный субъект – сотрудник правоохранительных органов (дознатель, следователь).

Возникает резонный вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности органа дознания как коллективного органа. Следует особо подчеркнуть, что уголовной ответственности в настоящее время подлежат только физические лица⁶. Очевидно, можно вести речь об органах, приравненных к органам дознания, или органах дознания «чрезвычайной компетенции», представленных единичными должностными лицами, а именно капитанами морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании; руководителями геолого-разведочных партий и зимовок, начальниками российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания; главами дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации (ч. 3 ст. 40 УПК РФ). Аналогично могут быть привлечены к ответственности за незаконное за-

держание начальники органов военной полиции Вооруженных Сил РФ, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов (п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ).

Таким образом, рассматриваемые виды задержания соотносятся друг с другом как форма и содержание. Формальные процедурные признаки закреплены в ст. 91 УПК РФ. Статья 37 УК РФ регламентирует материально-правовой аспект правомерного причинения вреда при задержании.

Представляется, что четкое разграничение уголовно-процессуального задержания подозреваемого и уголовно-правового задержания лица, совершившего преступление, необходимо для скорейшего выполнения назначения уголовного судопроизводства и имеет большое практическое значение при расследовании уголовных дел, с одной стороны, а также поощрения активного участия граждан в противодействии преступности и освобождения их от уголовной ответственности в случае вынужденного причинения вреда задерживаемому – с другой.

Библиографический список

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. «Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 29. – Ст. 426.
2. Григорьев, В.Н. Задержание подозреваемого. – М. : ЮрИнфор, 1999.
3. Гриненко, А.В. Разграничение фактического и уголовно-процессуального задержания // Уголовное право. – 2002. – № 3.
4. Лисицын, Р. Уголовно-процессуальное задержание подозреваемого в совершении преступления // Професионал. – 1998. – № 4.
5. Попов, К.И. Разграничение уголовно-процессуального задержания подозреваемого и уголовно-правового задержания лица, совершившего преступление // Судебная защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц : доклады и сообщения II Всерос. межвуз. науч.-практ. конф., 18 декабря 2001 г., г. Москва / под ред. Ю.А. Тихомирова, Н.И. Архиповой, Н.И. Косяковой. – М. : РГГУ, 2001.

⁶ В 2015 г. Следственным комитетом РФ был внесен на рассмотрение Государственной Думы законопроект № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц». URL : <http://www.asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 23.06.2017).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

МОДЕЛЬНЫЙ ДОГОВОР О СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТНИКОВ КЛАСТЕРА И ДОГОВОР О СЕТЕВОЙ ФОРМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРЕДМЕТА И УСЛОВИЙ

ВАСИЛЬЕВ Илья Александрович

Аннотация. В статье проводится сравнение между предметом и условиями договора о совместной деятельности участников кластера, предлагаемого в двух модельных актах (Модельном законе об инновационной деятельности и Модельном инновационном кодексе для государств – участников СНГ) и договора о сетевой форме реализации образовательных программ, сформулированном в положениях Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Автор предлагает и рассматривает гипотезу о возможности включения в модельный договор о совместной деятельности существенных условий договора о сетевой форме реализации образовательных программ и заключения участниками кластера, при наличии цели осуществления образовательной деятельности, одного договора.

Annotation. Author compares the subject and terms of the contract on joint activities of cluster participants proposed in two model acts (the Model Law on Innovation Activity and the Model Innovative Code for the CIS member states) and on the contract of the network form of educational programs formulated in the provisions of Federal Statute No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation” of December 29, 2012. The author suggests and examines the hypothesis of the possibility of including in the model agreement on joint activities of the essential terms of the network form contract and the conclusion only one contract by the cluster participants in case of educational goals.

Ключевые слова: модельный договор о совместной деятельности участников кластера, образовательная деятельность как цель кластера, договор о сетевой форме реализации образовательных программ.

Keywords: model contract on joint activities of cluster participants, educational goals, contract of the network form of educational programs.

В одной из предыдущих статей мы рассматривали модельный договор о совместной деятельности участников кластера, предлагаемый в положениях Модельного закона об инновационной деятельности (принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27-16 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) (далее – модельный закон) и Модельного инновационного кодекса для государств – участников СНГ (принят в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014 Постановлением 41-23 на 41-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) (далее оба

акта – модельное законодательство), как основу юридического оформления отношений участников инновационной деятельности. Как нами было отмечено, модельный договор о совместной деятельности участников кластера (далее – договор о совместной деятельности) направлен на осуществление инновационной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность, совместно с иными организациями. Настоящий договор, как следует из положений ч. 2 ст. 28 модельного закона, может заключаться на основе вступления организаций и компаний в долевое участие в форме простого товарищества.

Договор о сетевой форме реализации образовательных программ в последние годы периодически обсуждается в юридической научной литературе¹. Как следует из положений ч. 2 ст. 15 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» сетевая форма основана на договоре между организациями, осуществляющими образовательную деятельность, или между организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и иной организацией.

Нетрудно заметить, что и договор о совместной деятельности, и договор о сетевой форме реализации образовательных программ (далее – договор о сетевой форме) могут иметь сходство в субъектном составе (участие организаций, осуществляющих образовательную деятельность) и преследуемой цели (осуществление образовательной деятельности). Тем не менее между предметами, условиями договоров, на первый взгляд, имеется определенная разница. Для ее выявления мы проведем разграничение договора о совместной деятельности участников кластера и договора о сетевой форме, когда одной из сторон данных договоров является организация, осуществляющая образовательную деятельность, и целью обоих

договоров является осуществление образовательной деятельности. Проведение последовательного сравнения предмета и условий договоров позволит ответить на следующие вопросы: 1) правомочность использования участниками кластера договора о совместной деятельности вместо договора о сетевой форме в целях осуществления образовательной деятельности по программам в сетевой форме; 2) заключение договора о совместной деятельности вместо договора о сетевой форме для прохождения процедуры государственной аккредитации; 3) заключение договора о совместной деятельности вместо договора о сетевой форме для прохождения процедуры лицензирования образовательной деятельности; 4) соотношение договора о совместной деятельности и договора о сетевой форме в целях организации научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Договор о совместной деятельности направлен на определение порядка пользования вкладками участников, условий образования и использования совместного имущества, а также порядка использования персонала участников в рамках осуществления совместной деятельности. В свою очередь договор о сетевой форме также регулирует характер и объем ресурсов, используемых каждой организацией, участвующей в реализации образовательных программ. Однако, как нам представляется, предмет данного договора в первую очередь направлен на определение порядка реализации образовательной программы, а также условий и порядка осуществления образовательной деятельности по образовательной программе, реализуемой в сетевой форме (в том числе распределение обязанностей между организациями) и только во-вторых определяет имущественные правоотношения участвующих организаций.

В условиях договора о совместной деятельности определяется порядок координации совместной деятельности. Такое условие может включать порядок осуществления образовательной деятельности и порядок реализации образовательной программы, осуществляемой в сетевой форме. В договоре о совместной деятельности участники кластера регламентируют порядок распределения доходов и покрытия убытков участников, связанных с осуществлением совместной деятельности, а также порядок уплаты налогов и других обязательных платежей. Как мы отмечали ранее, договор

¹ Бабич А.В., Васильев И.А., Дивеева Н.И., Шевелева Н.А. Сетевая форма обучения – современный способ обеспечения академической мобильности студентов // Петербургский юрист. 2016. № 4. С. 186–195; Васильев И.А., Лаврикова М.Ю., Шевелева Н.А. Практика использования в Российской Федерации сетевой формы реализации образовательных программ // Экономика, педагогика и право. 2016. Т. 4. С. 2; Грудцына Л.Ю., Дмитриев Ю.А., Дорская А.А. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (поглавный). М., 2013. Серия «Актуальные комментарии»; Дорская А.А. Рецензия на монографию Н.М. Ладнушкиной, Д.А. Пашенцева, С.И. Феклина «Образовательное право: вопросы теории и практики // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2017. № 2 (26). ». Рязань : Концепция, 2017. С. 113–115; Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Феклин С.И. Образовательное право: вопросы теории и практики : моногр. Рязань : Издательство «Концепция», 2017; Пашенцев Д.А. Образование как услуга: теоретико-правовой аспект // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегод. Междунар. науч. конф. памяти проф. Феликса Михайловича Рудинского. Рязань : Издательство «Концепция», 2017. С. 268–269; Пашенцев Д.А., Грудцына Л.Ю., Петров С.М., Свиридова Е.А., Керимов В.В. Правовое регулирование инноваций в образовании : моногр. Саратов, 2015; Шевелева Н.А., Лаврикова М.Ю., Васильев И.А. Базовая кафедра и сетевая форма реализации образовательных программ: проблемы соотношения // Петербургский юрист. 2016. № 4. С. 196–201; Шевелева Н.А., Лаврикова М.Ю., Васильев И.А. Сетевая форма обучения: состояние правового регулирования и перспективы развития // Закон. 2016. № 5. С. 161–170; Vasiliev I.A. Network forms of education programs: Russian and Overseas experiences // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14, Право. 2016. № 4. С. 82–88.

о сетевой форме регулирует характер и объем ресурсов, используемых каждой организацией, реализующей образовательные программы посредством сетевой формы. То есть включенное в договор условие фиксирует запланированные организациями расходы, осуществляемые целевым образом для реализации образовательной программы или части программы, но не порядок компенсации убытков участвующих организаций. Аналогичный вывод следует сделать и в отношении порядка распределения доходов, порядка уплаты налогов и других обязательных платежей. Алгоритмы распределения доходов между сторонами и уплаты обязательных платежей в пользу публичных субъектов прямо не заявлены в качестве условий договора о сетевой форме. Позиция законодателя, возможно, обусловлена предметом договора, характеризующим порядок реализации образовательной программы и осуществления образовательной деятельности по программе, имеющей сетевую форму. На первый взгляд возникновение доходов у организаций, являющихся сторонами договора, вследствие оказания образовательных услуг не может являться основанием для установления в положениях договора о сетевой форме порядка распределения прибыли и порядка осуществления обязательных платежей. В то же время, как нам представляется, перечень условий договора, закрепленных в положениях ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», отражает существенные условия, но не ограничивает стороны в согласовании иных условий. Предмет договора о сетевой форме не препятствует волеизъявлению его сторон по поводу порядка распределения доходов, связанных с осуществлением образовательной деятельности по образовательной программе, реализуемой в сетевой форме. В отношении порядка уплаты обязательных платежей такой вывод сделать нельзя, поскольку действующее российское законодательство не предполагает договорные основания перераспределения сторонами обязанностей осуществления обязательных платежей.

В числе условий договора о сетевой форме можно выделить относящиеся к особенностям осуществления образовательной деятельности. Во-первых, вид, уровень (при наличии – направленность) образовательной программы или части образовательной программы, реализация которой будет осуществляться с исполь-

зованием сетевой формы. Во-вторых, правила приема обучающихся, а также порядок организации их академической мобильности и статус обучающихся в организациях. В свою очередь договором о совместном ведении определяется порядок заключения любых сделок с третьими лицами, связанных с реализацией договора о совместной деятельности, и условия осуществления предпринимательской деятельности. Следовательно, порядок заключения договора об оказании образовательных услуг может охватываться регламентацией вступления сторон договора о совместной деятельности в сделки. Установление правил приема обучающихся является сферой локального нормотворчества организаций, не носит характер сделки между образовательной организацией и обучающимися и не может быть включено в вышеназванный порядок. В-третьих, договор о сетевой форме определяет выдаваемые документ или документы об образовании и (или) о квалификации, документ или документы об обучении, а также организации, осуществляющие образовательную деятельность, которыми выдаются указанные документы. Перечисленные особенности осуществления образовательной деятельности затрагивают права и обязанности сторон сетевого взаимодействия, а значит, могут включаться в условия договора о совместной деятельности участников кластера, предполагающие определение пределов действий организаций-участников.

Договор о совместной деятельности не направлен на фиксацию порядка предоставления образовательных услуг и поэтому условно может быть назван «координационным», т. е. определяющим принципы управления кластером и порядок взаимоотношения участников кластера. В частности, данный договор, выполняя координационную функцию, регламентирует условия осуществления предпринимательской деятельности, ограничения конкуренции, порядок распределения прибыли (доходов) и покрытия убытков участников, связанных с осуществлением совместной деятельности.

Как следует из положений модельного законодательства, условия договора о совместной деятельности включают любые права и обязанности участников, что позволяет детализировать порядок их правоотношений по управлению кластером. Координационная направленность взаимоотношений участников в договоре о сетевой форме реализации образова-

тельных программ не определяющая в отличие от вопросов порядка разработки, принятия и реализации образовательных программ, а также определения статуса обучающихся. Поэтому вполне закономерно, что предмет договора о совместной деятельности в положениях модельного законодательства сформулирован более широко, чем предмет договора о сетевой форме в положениях ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Отдельные примеры договоров о сетевой форме реализации образовательных программ, рассмотренные в российской правоприменительной практике, фактически демонстрируют более узкий предмет договора в сравнении с возможностью разработки, утверждения, реализации участниками образовательной программы. Так, договор может преследовать цели «получения выпускниками техникума качественного образования и развития и совершенствования профессиональных навыков и мастерства у обучающихся, выполнение работ по изготовлению заказов»². Наряду с предоставлением образовательной организацией в пользу компании части принадлежащего на праве собственности имущества компания также предоставляет организации часть своего имущества для прохождения обучающимися практики на современном оборудовании при участии специалистов компании. Но помимо настоящей цели одна из сторон договора о сетевой форме реализации образовательных программ осуществляла изготовление продукции по заказу другой стороны во время производственного обучения и практики обучающихся, а другая сторона осуществила оплату заказа. Значит, договор о сетевой форме, правовая природа которого не была поставлена под сомнение правоприменителем в процессе рассмотрения спора, может включать не только условия, перечисленные в положениях ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», но и иные условия, согласованные сторонами в пределах предмета договора, заданного в указанной статье закона. Таким пределом является порядок реализации образовательной программы и осуществления образовательной деятельности. В частности, находятся в пределах предмета условия, направленные

на детализацию особенностей использования участниками договора материально-технической базы и материально-технических средств для реализации образовательной программы в сетевой форме³. Как следствие, расширение предмета договора о сетевой форме до предмета договора о совместной деятельности представляется невозможным.

Положение о государственной аккредитации образовательной деятельности, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 18 ноября 2013 г. № 1039 «О государственной аккредитации образовательной деятельности», указывает на особенности проведения аккредитационной экспертизы в отношении образовательных программ, которые реализуются в сетевой форме. Как следует из положений п. 39, аккредитационная экспертиза проводится только в части образовательных программ, самостоятельно реализуемых организацией, осуществляющей образовательную деятельность и имеющей заключенный договор о сетевой форме. Для имеющих государственную аккредитацию программ в сетевой форме аккредитационный орган учитывает результаты, полученные ранее при проведении аккредитации. При отсутствии государственной аккредитации в отношении образовательных программ такой организации аккредитационный орган учитывает результаты, полученные при освоении образовательных программ обучающимися в организации, участвующей в реализации образовательных программ в сетевой форме. Таким образом, заключение двумя организациями, осуществляющими образовательную деятельность, договора о сетевой форме реализации образовательных программ позволяет представлять программу для проведения процедуры государственной аккредитации.

Понимая вышеназванное Положение буквально, можно сделать вывод о непризнании в целях аккредитации любой отличной от сетевой формы модели взаимодействия осуществляющих образовательную деятельность организаций. В подп. «а» п. 7 определен перечень сведений, включаемых организацией в заявление для проведения государственной аккредитации, в том числе информация об использовании сетевой формы реализации образовательных программ. Как следует из перечня, орга-

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 марта 2017 г. № 09АП-1102/2017-ГК по делу № А40-62096/2016.

³ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 г. № 5-АД17-5.

низацией передаются сведения об образовательных программах, а также об использовании сетевой формы реализации образовательных программ. Подпункт «д» п. 8 Положения определяет, что организация, осуществляющая образовательную деятельность, при наличии образовательных программ, реализуемых с использованием сетевой формы, должна приложить к заявлению об аккредитации копию договора о сетевой форме, а также копию образовательных программ, разработанных и утвержденных совместно с другими организациями, осуществляющими образовательную деятельность. Однако законодательное формулирование сетевой формы предполагает разработку и утверждение образовательных программ организациями, осуществляющими образовательную деятельность, совместно с иными организациями. Для иных организаций положениями ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» установлено только требование наличия ресурсов, необходимых для осуществления обучения, проведения учебной и производственной практики и осуществления иных видов учебной деятельности, предусмотренных соответствующей образовательной программой. В связи с требованиями Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности возникает вопрос о необходимости предоставления копий программ, разработанных и утвержденных организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и иной организацией, например, если программа разработана и утверждена двумя субъектами: организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и коммерческой организацией, предоставившей необходимые ресурсы для обеспечения отдельных видов учебных занятий. Мы считаем, что такой вариант сетевой формы по-прежнему предполагает предоставление организацией, осуществляющей образовательную деятельность, копии совместно разработанной и утвержденной образовательной программы. Но в интересах аккредитации программа будет рассматриваться как реализуемая только одним из участников сетевого взаимодействия, а именно организацией, осуществляющей образовательную деятельность, что обусловлено нормативно. Обращаясь к п. 2 Положения, отметим, что государственная аккредитация проводится только в отношении образовательных программ, реализуемых организациями, осу-

ществляющими образовательную деятельность. Таким образом, сетевая форма реализации образовательных программ, участниками которой являются организация, осуществляющая образовательную деятельность, и иная организация, также предполагает аккредитацию образовательных программ.

Продолжая рассматривать вопрос о возможности рассмотрения в целях аккредитации договора о совместной деятельности, включающего перечисленные в положениях ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» условия сетевого взаимодействия, заметим следующее. В положениях п. 8 Положения перечисляются несколько видов договоров, помимо договора о сетевой форме, с участием организации, осуществляющей образовательную деятельность: 1) договор о создании в образовательной организации, реализующей образовательные программы высшего образования, научными организациями и иными организациями, осуществляющими научную (научно-исследовательскую) деятельность, лабораторий; 2) договор о создании кафедр в научных организациях и иных организациях, осуществляющих научную (научно-исследовательскую) деятельность; 3) договор о создании кафедр и иных структурных подразделений на базе организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы. Перечисленные три вида договоров являются непоименованными в образовательном законодательстве и законодательстве о научной (научно-исследовательской) деятельности, но легализованными в интересах государственной аккредитации образовательных программ. Рассмотрение на нормативном уровне нескольких видов договоров, консолидирующих ресурсы организации, осуществляющей образовательную деятельность, и иной организации, свидетельствует о стремлении публичного субъекта к учету любых форм взаимодействия таких организаций. Значит, если подп. «д» п. 8 Положения требует от организации, осуществляющей образовательную деятельность, приложить к заявлению копию договора о сетевой форме, *«заключенного в соответствии со статьей 15 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”»* (курсив наш – И. В.), тогда мы предполагаем возможным предоставление и копии договора о совместной деятельности, включающего условия договора о сетевой форме и де-

юре заключенного в соответствии со ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» соответственно.

Переходя от вопросов государственной аккредитации образовательных программ в сетевой форме к лицензированию образовательной деятельности, выделим особенности, обусловленные наличием сетевой формы. В положениях подп. «г» п. 7 Постановления Правительства Российской Федерации от 28 октября 2013 г. № 966 «О лицензировании образовательной деятельности» сформулированы лицензионные требования к лицензиату при осуществлении образовательной деятельности по образовательным программам, реализуемым в сетевой форме. К требованиям отнесены наличие договора о сетевой форме реализации образовательных программ, заключенного между организациями, осуществляющими образовательную деятельность, а также совместно разработанных и утвержденных организациями, участвующими в сетевом взаимодействии, образовательных программ. Выполнение требований является одним из формальных оснований для лицензирования образовательной деятельности. При этом первое из требований, как нам представляется, может быть выполнено не только заключением договора о сетевой форме реализации образовательных программ, предусмотренного положениями ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», но и на основании заключения иного договора, включающего существенные условия, перечисленные в положениях вышеназванной статьи. Таким договором может являться договор о совместной деятельности. Обращаясь к правоприменительной практике, можно отметить внимание судов исключительно к отсутствию условий, определенных законодателем для договора о сетевой форме реализации образовательных программ, в качестве нарушений лицензионных требований⁴. Совместная разработка и утверждение образовательных программ, реализация которых запланирована в сетевой форме, не ограничивается моделью договора о сетевой форме, поскольку может осуществляться и на основании согласованных сторонами в договоре условий, соответствующих положениям ст. 15 Федерального

закона «Об образовании в Российской Федерации». Развивая вывод, продемонстрированный в одном из судебных решений⁵, можно сказать, что требование к реализации образовательной программы в сетевой форме предполагает совместную разработку и утверждение сторонами договора программ, а не согласование одним из участников образовательной программы, разработанной и реализуемой другим участником. Сетевая форма основывается на реализации образовательной программы как исключительно организациями, осуществляющими образовательную деятельность, так и совместно с иными организациями, предоставляющими необходимые для реализации программы ресурсы. Несоответствие действий участников требованию о совместной разработке и утверждении образовательных программ является нарушением лицензионных требований к образовательной деятельности.

Как отмечают некоторые авторы⁶, локальные акты организаций периодически вместо «сетевых образовательных программ» используют словосочетание «совместные образовательные программы», что не в полной мере соответствует терминологии образовательного законодательства. Значит, нормативные акты таких организаций нуждаются в гармонизации с понятийным аппаратом Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Согласно настоящей логике размышлений недопустимость терминологии «совместных образовательных программ» означает и недопустимость заключения для реализации несколькими субъектами образовательной программы иного договора, чем договора о сетевой форме. С нашей точки зрения, выбор модели договора определяют предмет и существенные условия договора, что предоставляет возможность для заключения не только договора о сетевой форме реализации образовательных программ, но и договора, включающего условия, перечисленные в положениях ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Таким договором может являться договор о совместных образовательных программах или рассматриваемый нами договор о со-

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 апреля 2017 г. № 09АП-12854/2017 по делу № А40-207744/16.

⁵ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2017 г. по делу № А27-2475/2017.

⁶ Баранков В.Л. Правовые аспекты использования сетевой, электронной и дистанционной форм реализации образовательных программ // Журнал российского права. 2017. № 3 (243). С. 129–137.

вместной деятельности. Последний из договоров, несмотря на презюмирование в положениях модельного законодательства более широкого предмета, может включать все существенные для договора о сетевой форме реализации образовательной программы условия и выполнять тем самым замысел законодателя, предлагающего такую форму, как инновационный инструмент разработки, утверждения и реализации образовательных программ разными организациями.

Соблюдение предмета и условий договора о сетевой форме в рамках другого договора вполне соответствует тенденции привлечения организациями разноплановых ресурсов в интересах развития образования или научно-технического развития. Например, в положениях подп. «е» п. 32 Указа Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» создание условий для проведения исследований и разработок планируется обеспечивать путем развития сетевых форм организации научной, научно-технической и инновационной деятельности. В числе сетевых форм в данном Указе рассматриваются исследовательские консорциумы, инженерно-производственные консорциумы, а также кластерные формы развития высокотехнологичного бизнеса. Согласно Плану мероприятий по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на 2017–2019 годы (первый этап), утвержденному Распоряжением Правительства РФ от 24 июня 2017 г. № 1325-р, не позднее 29 декабря 2017 г. должен быть принят нормативный правовой акт Правительства РФ, регулирующий деятельность сетевых форм организации научной, научно-технической и инновационной деятельности, в том числе исследовательских и инженерно-производственных консорциумов. Как можно заметить, запланированным актом не предполагается регламентировать деятельность кластерных форм развития высокотехнологического бизнеса. Однако в дальнейшем, к 30 июня 2018 г., должен быть осуществлен доклад в Правительстве РФ ответственных министерств о внедрении сетевых форм организации научной, научно-технической и инновационной деятельности. Мы считаем, что отчет о внедрении сетевых форм будет включать нормативное правовое регулирование кластерных форм развития, а также описание моделей договоров для всех сетевых

форм организации научной, научно-технической и инновационной деятельности. Предполагаем, что договор о сетевой форме организации научной, научно-технической и инновационной деятельности не будет единственной из моделей и скорее всего в их числе появится договор о совместной деятельности.

Выводы. Предмет договора о совместной деятельности сформулирован в приведенных нами положениях модельных актов более широко, чем предмет договора о сетевой форме представлен в положениях ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». При этом договор о сетевой форме, самостоятельная правовая природа которого не ставится под сомнение в правоприменительной практике, как нам представляется, может включать не только условия, перечисленные в положениях ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», но также и иные условия, согласованные сторонами. Однако расширение предмета договора о сетевой форме до предмета договора о совместной деятельности, имеющего «координирующую» направленность, представляется невозможным. С другой стороны, предмет и условия договора о совместной деятельности, предлагаемые в рассмотренных модельных актах, позволяют увидеть правомочность использования субъектами договора о совместной деятельности вместо договора о сетевой форме в целях осуществления образовательной деятельности по программам в сетевой форме. Для этого необходимо включить в договор о совместной деятельности существенные условия, представленные в положениях ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Выгода от использования в данном случае договора о совместной деятельности может выражаться в следующем.

Во-первых, создающим кластер организациям не требуется заключать два договора, если наряду с другими целями они преследуют и цель осуществления образовательной деятельности по программе в сетевой форме. В ином случае организациям потребуется сначала заключить договор о совместной деятельности как правовой основе создания кластера и впоследствии – отдельный договор о сетевой форме реализации образовательных программ. Преследуемые в кластере его участниками цели в общих чертах определяются на момент создания кластера, а значит, наличие в их чис-

ле образовательной деятельности по программам в сетевой форме позволяет зафиксировать такую цель в предмете и условиях договора о совместной деятельности. Как нами было продемонстрировано, препятствий для этого модельные акты не содержат. Прямой запрет для включения предмета и условий договора о сетевой форме в договор о совместной деятельности отсутствует и в положениях Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Такие размышления актуальны для любых категорий субъектов, создающих кластер: 1) только организации, осуществляющие образовательную деятельность; 2) организация, осуществляющая образовательную деятельность, и иная организация.

Во-вторых, заключая один договор о совместной деятельности, предусматривающий существенные условия сетевой формы, субъекты кластера могут урегулировать вопросы включенности конкретных участников в разработку, утверждение, реализацию образовательной программы в сетевой форме и нормативно связать достижение такой цели с другими целями кластера. Расширение предмета и условий договора о совместной деятельности также позволит унифицированно урегулировать вопросы внесения, планирования, использования разноплановых ресурсов, предоставляемых участниками кластера в том числе для образовательной деятельности по программе в сетевой форме.

В-третьих, используя договор о совместной деятельности, организации кластера вправе ожидать применения разработанной и сложившейся судебной практики в отношении данного вида договора. Такой вывод нельзя сделать в отношении договора о сетевой форме, практика применения судами которого в настоящий момент насчитывает несколько решений, рассматривающих считанные единицы из вопросов применения настоящего договора. Как мы отмечали в настоящей статье, включение существенных условий договора о сетевой форме в договор о совместной деятельности представляется нам органичным, поскольку предмет последнего в модельном законодательстве представлен открытым для согласования сторон.

Нормы Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности требуют от организации, осуществляющей образовательную деятельность, приложить к за-

явлению копию договора о сетевой форме, «заключенного в соответствии со статьей 15 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”». Как мы считаем, при таком подходе возможно предоставление организацией, осуществляющей образовательную деятельность, копии договора о совместной деятельности, включающего условия договора о сетевой форме. В свою очередь совместные разработка и утверждение образовательных программ, реализация которых запланирована в сетевой форме, не ограничивается моделью договора о сетевой форме, поскольку может осуществляться и на основании согласованных сторонами в договоре условий, соответствующих положениям ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Требование к реализации образовательной программы в сетевой форме предполагает совместную разработку и утверждение сторонами договора программ, а не согласование одним из участников образовательной программы, разработанной и реализуемой другим участником. Несоответствие действий участников требованию о совместной разработке и утверждению образовательных программ является нарушением лицензионных требований к образовательной деятельности. Такая постановка проблемы совместной деятельности организаций – сторон договора о сетевой форме в правоприменительной практике подтверждает нашу гипотезу о возможности использования договора о совместной деятельности, включающего зафиксированные в положениях ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» существенные условия. Так как договор о сетевой форме влечет совместную разработку и утверждение образовательной программы, осуществление данных действий не противоречит природе или предмету и модельного договора о совместной деятельности участников кластера.

Договор о совместной деятельности может включать существенные для договора о сетевой форме реализации образовательной программы условия, выполняя тем самым замысел законодателя, предлагающего сетевую форму как инновационный инструмент разработки, утверждения и реализации образовательных программ как исключительно организациями, осуществляющими образовательную деятельность, так и совместно с иными организациями. Распространение сетевой формы не только

на образовательную деятельность, но и на сферу научной деятельности позволяет уточнить перечень договоров, заключаемых участниками кластера для функционирования кластера. Как мы считаем, договор о сетевой форме и договор о совместной деятельности в научной сфере соотносятся аналогично примеру из образовательной сферы. Реализация стратегии

научно-технологического развития Российской Федерации является предпосылкой для появления на нормативном уровне договора о сетевой форме организации научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также договора о совместной деятельности для кластерных форм развития высокотехнологического бизнеса (кластеров).

Библиографический список

1. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 г. № 5-АД17-5.
2. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 марта 2017 г. № 09АП-1102/2017-ГК по делу № А40-62096/2016.
3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 апреля 2017 г. № 09АП-12854/2017 по делу № А40-207744/16.
4. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2017 г. по делу № А27-2475/2017.
5. Бабич, А.В. Сетевая форма обучения – современный способ обеспечения академической мобильности студентов / А.В. Бабич, И.А. Васильев, Н.И. Дивеева, Н.А. Шевелева // Петербургский юрист. – 2016. – № 4.
6. Баранков, В.Л. Правовые аспекты использования сетевой, электронной и дистанционной форм реализации образовательных программ // Журнал российского права. – 2017. – № 3 (243).
7. Васильев, И.А. Практика использования в Российской Федерации сетевой формы реализации образовательных программ / И.А. Васильев, М.Ю. Лаврикова, Н.А. Шевелева // Экономика, педагогика и право. – 2016. – Т. 4.
8. Грудцына, Л.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (поглавный) / Л.Ю. Грудцына, Ю.А. Дмитриев, А.А. Дорская. – М., 2013. – Серия «Актуальные комментарии».
9. Дорская, А.А. Рецензия на монографию Н.М. Ладнушкиной, Д.А. Пашенцева, С.И. Феклина «Образовательное право: вопросы теории и практики» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2017. – № 2 (26). – Рязань : Концепция, 2017. – 240 с.
10. Ладнушкина, Н.М. Образовательное право: вопросы теории и практики : моногр. / Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И. Феклин. – Рязань : Издательство «Концепция», 2017.
11. Пашенцев, Д.А. Образование как услуга: теоретико-правовой аспект // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегод. Междунар. науч. конф. памяти проф. Феликса Михайловича Рудинского. – Рязань : Издательство «Концепция», 2017.
12. Пашенцев, Д.А. Правовое регулирование инноваций в образовании : моногр. / Д.А. Пашенцев, Л.Ю. Грудцына, С.М. Петров, Е.А. Свиридова, В.В. Керимов. – Саратов, 2015.
13. Шевелева, Н.А. Базовая кафедра и сетевая форма реализации образовательных программ: проблемы соотношения / Н.А. Шевелева, М.Ю. Лаврикова, И.А. Васильев // Петербургский юрист. – 2016. – № 4.
14. Шевелева, Н.А. Сетевая форма обучения: состояние правового регулирования и перспективы развития // Н.А. Шевелева, М.Ю. Лаврикова, И.А. Васильев // Закон. – 2016. – № 5.
15. Vasiliev, I.A. Network forms of education programs: Russian and Overseas experiences // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14, Право. – 2016. – № 4.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ДОРЕНКО Ксения Сергеевна

Аннотация. В статье рассматривается «европейская социальная модель», благодаря которой люди не оставлены один на один с рынком, наоборот, они имеют доступ к одной из сильнейших систем социальной защиты в мире. Автор приходит к выводу о том, что при разработке стандартов единой социальной политики необходимо принимать во внимание целостную систему социально-экономических и политических отношений государства. Разработка единой стратегии социальной политики должна учитывать различия в менталитете и особенностях каждой конкретной страны.

Annotation. The article discusses the “European social model”, thanks to which people are not left alone with the market, on the contrary, they have access to one of the strongest social protection systems in the world. The author comes to the conclusion that when developing standards for a unified social policy, it is necessary to take into account the integral system of socio-economic and political relations of the state. The development of a single social policy strategy must take into account differences in the mentality and characteristics of each country.

Ключевые слова: социальная политика, Европейский союз, экономика, социальная модель, здравоохранение, массовая миграция, обучение, европейская социальная модель, безработица, права человека, государство.

Keywords: social policy, European Union, economy, social model, health, mass migration, education, European social model, unemployment, human rights, state.

Правовые основы социальной политики были заложены в учредительные документы Европейского союза. В качестве основного направления признано обеспечение социального развития в процессе интеграции стран-участниц и смягчение социальных последствий интеграции. На первом этапе интеграции был учрежден Европейский социальный фонд как финансовый инструмент социальной политики в соответствии с Программой социальных действий Европейского союза. По мере углубления интеграции для реализации идей единого рынка необходимо свободное перемещение и свобода деловой активности людей по всей территории сообщества. Это предполагает обеспечение равенства трудовых и социальных прав всего населения¹. Как верно отмечает О. Дамаскин, для этого необходимы дальнейшее развитие и гармонизация трудового и социального законодательства, а также

унификация национальных законодательств в данной сфере².

Социальная и экономическая стабильность, единый внутренний рынок и рынок труда, наднациональные институты управления, единый экономический и валютный союзы, единое пространство без границ, зона евро, европейское гражданство, чувство социальной защищенности – все эти впечатляющие завоевания объединенной Европы в течение полувека демонстрировали возможность устойчивого функционирования. При этом экономический рост не сопровождался ни сильными финансовыми катаклизмами, ни такими критическими выбросами социальной напряженности, которые могли бы иметь фатальные последствия. Создание единого экономического, валютного и географического пространства, по существу, служило лишь этапом на пути к единому социальному пространству как к стратегической цели европейской интеграции. В этом направлении уже сделаны определенные шаги в виде

¹ См., напр.: Мировая экономика и международный бизнес : учеб. / кол. авт. ; под ред. В.В. Полякова, Р.К. Щенкина. 3-е изд., стер. М. : КНОРУС, 2006 ; Право Европейского союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы. М. : Акسيوم, 2009.

² См.: Дамаскин О. Социальная политика Европейского союза: уроки для России // Обозреватель – Observer. 2005. № 12. URL : http://observer.materik.ru/observer/N12_2005/12_07.HTM

создания специальных наднациональных институтов для выработки единых для всего общества решений по таким вопросам, как массовая миграция, профессиональное обучение, здравоохранение, экология. Платформой для осуществления этих проектов должно выступать единое информационное пространство Европейского союза³.

Европейская стратегия развития изначально включала, пожалуй, всего два основных компонента: экономический рост и социальную сплоченность на основе справедливого распределения общественного богатства. На последующих этапах европейская социальная модель была дополнена требованиями охраны окружающей среды, формирования нового самосознания у граждан объединенной Европы и защиты их человеческого достоинства. Общие фундаментальные ценности европейской социальной модели сформулировал комиссар Еврокомиссии по вопросам занятости, социальной политики и равным возможностям В. Шпидла: «Приверженность демократии, отказ от любых форм дискриминации, всеобщий доступ к образованию, высококачественное и общедоступное здравоохранение, гендерное равенство, солидарность и справедливость, признание роли социальных партнеров и социального диалога»⁴. Эти базовые ценности должны разделяться всеми государствами Евросоюза независимо от национальных особенностей их социальных моделей.

Принципиальные установки Европейского союза в области занятости – создание единого рынка труда, увеличение его производительности и повышение качества рабочих мест, ликвидация всех видов дискриминации в сфере трудовых отношений, основанные на социальной сплоченности и социальной интеграции, – в условиях экономического спада смещаются на второй план под давлением безработицы⁵. Поэтому включение человеческого достоинства в систему общеевропейских ценностей мотивируется не только гуманитарными представлениями о необходимости уважения прав и свобод человеческой личности, но и вполне прагматическими соображениями о роли чело-

веческого капитала в обеспечении устойчивого экономического роста. Отсюда и проистекает повышенный интерес к образованию как к способу преумножения этого капитала. Неслучайно одной из важнейших составляющих Индекса развития человеческого потенциала (*Human Development Index*) является уровень образования населения и связанные с этим государственные и частные затраты⁶.

Образование, профессиональная подготовка и непрерывное обучение играют важную экономическую и социальную роль в системе политических установок Евросоюза. Возможность проживания, обучения и работы в других странах вносят основной вклад в межкультурное понимание, личностное развитие и полномасштабную реализацию экономического потенциала Европейского союза. Еврокомиссия обеспечивает стимуляцию и поддержку взаимного сотрудничества государств-членов в этой области, вкладывая средства в такие образовательные, профессиональные и воспитательные программы, как Программа непрерывного обучения⁷.

Целью европейской социальной политики является обеспечение достойного уровня жизни для всех граждан в активном и здоровом обществе. Политика направлена на помощь миллионам граждан Европейского союза, включая безработных, престарелых, людей с ограниченными физическими возможностями, людям, страдающим от социальной и расовой дискриминации. Благодаря европейской социальной модели люди не оставлены один на один с рынком, наоборот, они имеют доступ к одной из сильнейших систем социальной защиты в мире⁸. Одно из базовых положений, лежащих в основе такого подхода, гласит, что сильная конкуренция между компаниями необходима для обеспечения производительности и роста экономики, сильная социальная солидарность между людьми необходима для построения стабильного и ответственного общества.

Задачи социальной политики изначально были поставлены еще в Римском договоре. В частности, указывалось на необходимость

⁶ См.: Евростат. База данных. URL : www.epp.eurostat.ec.europa.eu

⁷ См., напр.: Айзинова И.М. Европейская социальная политика в период кризиса (обзор систем пенсионного обеспечения и здравоохранения в странах ЕС) // Научные труды ИНИП РАН. М. : МАКС Пресс, 2013.

⁸ См.: Международные экономические отношения : учеб. / Н.Н. Ливенцев [и др.] ; под ред. Н.Н. Ливенцева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Велби : Проспект, 2005.

³ См.: Sapir A. Globalization and the Reform of European Social Models (Background document for the presentation at ECOFIN informal Meeting in Manchester, 9 Sept. 2005. URL : <http://www.bruegel.org>

⁴ Цит. по: Каргалова М. Европейская социальная модель: содержание и перспективы. URL : <http://www.Lawvinrussia.ru>

⁵ См.: Каргалова М. Европейская социальная модель ...

гармонизации условий жизни и труда, улучшение возможностей занятости, повышение уровня жизни. С этой целью бы создан Европейский социальный фонд (ЕСФ). Однако, как признают в Евросоюзе, на практике к реальной работе в социальной области приступили лишь в середине 1970-х гг., после Парижской конференции 1972 г., поставившей цель активизировать деятельность в социальной сфере, ибо это одна из важнейших составляющих экономического и валютного союза. В конце 1980-х гг. в Европейском союзе стали сочетать регулирование с целью повышения трансграничной мобильности рабочих с анализом и распространением информации о содержании национальных курсов в области борьбы с безработицей. В 1992 г., в период обсуждения проекта Маастрихтского договора, Данией вновь – и опять безуспешно – был поднят вопрос о продвижении сотрудничества государств-членов в этой сфере⁹.

В течение 1990-х гг. большая часть европейских законов в социальной сфере основывались на Соглашении о социальной политике, прилагавшемся к протоколу к Маастрихтскому договору, и на Социальной хартии 1989 г., не носившей характера юридически обязывающего документа. Однако британское правительство того времени не подписывало ни Соглашение, ни Хартию. Предоставленное Великобританией исключение (*opt-out*) ограничивало возможность принятия европейского законодательства в социальной области, так как социальные обязательства и затраты, возложенные на фирмы тех стран, которые европейским законам подчинялись, порождали конкурентное преимущество для британских фирм, тоже пользовавшихся неограниченным доступом на европейский рынок. Восстановить единство в «социальном измерении» интеграции удалось в декабре 1997 г., когда лейбористское правительство, сменив консерваторов в Великобритании, одобрило Амстердамский договор, инкорпорировавший Маастрихтский социальный протокол. Статья 136 Амстердамского договора, который вступил в силу в мае 1999 г., подтверждает, что социальная политика – это отныне сфера совместной заботы Европейского сообщества и государств-членов. Договорные основы и процедуры принятия решений, действующие в отношении евро-

пейского законодательства в социальной области, прописаны в ст. 137, 139, 141¹⁰.

Амстердамский договор слегка модифицировал сферы применения квалифицированного большинства, единогласия, а также те, которые по-прежнему не входят в компетенцию сообщества. К ним относятся вопросы оплаты труда, право на ассоциацию, забастовку и локаут (увольнение работников по инициативе работодателя в связи с участием в коллективном трудовом споре или в забастовке)¹¹.

Отсутствие договорных оснований для вмешательства интеграционных институтов в разрешение вопросов оплаты труда, по-видимому, дало знать себя в той нарочитой осторожности, с которой Евросоюз повел себя в ходе противостояния профсоюзов Швеции использованию в стране труда низкооплачиваемых рабочих из стран-новичков. Профсоюзная кампания была начата в 2004 г. по поводу того, что тендер на постройку школы близ Стокгольма выиграла латвийская компания *L&P Baltic Bygg AB*, грубо занижившая и искажившая принятые в Швеции уровни зарплаток и стандарты условий труда. Шведы жестко и вполне резонно выступили против практики демпинговых зарплаток для иностранных работников на своей территории, требуя, чтобы латвийская компания платила рабочим в соответствии со шведскими стандартами. Компания же стала настаивать на том, что речь идет о нарушении шведами рыночного принципа свободы перемещения трудящихся и препятствовании здоровой конкуренции, взывая к поддержке Европейской комиссии. Как следует из заявления председателя Еврокомиссии Ж.М. Дуррау-Баррозу по данному поводу, Брюссель, вопреки латышским призывам, не усмотрел причин, чтобы наказать Стокгольм за якобы «нерыночное» поведение.

С Амстердамского договора началась также реформа структурных фондов ввиду предстоявшего расширения. В связи с этим «Повестка 2000» предусматривала, что расширение будет финансироваться в масштабе уже сложившейся политики сплочения за счет внутренней реформы бюджета, без привлечения дополнительных средств. Но Испания, Греция и Порту-

⁹ См., напр.: Мировая экономика и международный бизнес; Право Европейского союза ...

¹⁰ См.: Гусев А.А. Политика Европейского союза / Ин-т сравнит. политологии РАН. М., 2005.

¹¹ См.: Артамонова О.Н. Международная правосубъективность Европейского союза // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 30–42.

галия настояли на том, чтобы финансовые инструменты политики сплочения оставались открытыми и для стран зоны евро¹². Кроме того, в Ниццком договоре 2001 г. Испании удалось добиться сохранения принципа единогласия при решении вопроса о распределении таких средств на период до 2007 г. Между тем в связи с ростом безработицы, который в ряде стран Европейского союза не удается остановить до сих пор, решение проблем занятости постепенно выдвинулось на место основного приоритета в социальной политике Евросоюза. В 1993 г. Дания в очередной раз заняла позицию страны – председательницы в Совете и воспользовалась этим, чтобы поручить Комиссии составить Белую книгу о конкурентоспособности и занятости. Эта книга получила одобрение на сессии Европейского совета в декабре 1993 г., который доказал председателю Еврокомиссии Делору, что цель выработки европейской стратегии занятости все же пользуется существенной политической поддержкой¹³.

Кроме Белой книги 1993 г. появилась также Зеленая книга «Европейская социальная политика, размышления для Союза» – консультативный документ, опубликованный Комиссией в ноябре 1993 г., положения которого вызвали широкий отклик. Они были переработаны в Белой книге 1994 г. «Европейская социальная политика: путь для Союза». В последнем документе отмечалось, что, хотя социальные права в первую очередь рассматриваются в Евросоюзе сквозь призму труда и вознаграждения, необходимо развивать и систему общей европейской социальной защиты, основанной на социальных правах граждан как учреждающем элементе Европейского союза.

На сессии Европейского совета в Эссене в 1994 г. Комиссии и Совету было поручено следить за тем, что происходит с занятостью внутри отдельных стран, и ежегодно докладывать Евросовету о достигнутых результатах в борьбе с безработицей. Начиная с середины 1990-х гг., датские подходы к данной проблеме получили дополнительное подкрепление со сто-

роны новых стран-участниц (Швеции и Финляндии): растущее внимание на уровне Евросоюза стало уделяться взаимосвязи между экономической, социальной политикой и политикой занятости. Наконец, Европейская стратегия занятости (ЕСЗ, *European Employment strategy*) была кодифицирована в Амстердамском договоре и запущена в дело Люксембургской сессией Европейского совета в 1997 г., т. е. еще до вступления Амстердамского договора в силу. Впоследствии содействие обеспечению занятости было включено в список целей Евросоюза: речь идет о стремлении к достижению «высокого уровня занятости», при котором не наносился бы ущерб конкурентоспособности¹⁴.

В сфере социальной политики источником полномочий ЕС служат разд. VIII «Занятость», две главы разд. XI ч. 3 Договора о ЕС – гл. 1 «Социальные положения» и гл. 2 «Европейский социальный фонд», а также положения о свободном передвижении работников, содержащиеся в гл. 1 разд. III ч. 3 Договора о ЕС. Важную роль при проведении общей социальной политики Евросоюза играют несколько документов, посвященных социальным правам личности:

– Хартия Европейского союза об основных правах 2000 г.;

– Европейская социальная хартия, подписанная под эгидой Совета Европы в 1961 г. и пересмотренная в 1996 г.;

– Хартия Сообщества об основных социальных правах трудящихся 1989 г.

Социальная политика, являясь одной из важнейших составляющих внутренней политики любой страны, регулирует социально-экономические отношения и находится в ведении правительства каждого отдельного государства. В последние десятилетия все большую актуальность приобретает задача формирования единой социальной политики Европейского союза. До настоящего времени социальной политике в процессе европейской интеграции придавалось второстепенное значение по сравнению с исследованиями политических и экономических ее аспектов. Уже с принятием Хартии социальных прав трудящихся, которая закрепила минимальные стандарты социального обеспечения и стала своеобразным прологом создания единой стратегии в этой области, наме-

¹² См.: Спиридонов И.А. *Мировая экономика* : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2007. (Высшее образование).

¹³ См., напр.: Стрежнева М. *Признаки нового этапа в институциональной эволюции ЕС: открытый метод координации* // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 9 ; Ее же. *Проблемы социальной политики в Европейском союзе* // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 8. С. 22–31.

¹⁴ См.: Гусев А.А. *Региональная политика. Европейская политика* : учеб. для вузов. М. : ГУ-ВШЭ. 2004. Т. 2.

тились трудности, связанные с формированием единой социальной стратегии, обусловленные в первую очередь разным уровнем экономического и политического развития, а также особенностями менталитета стран-членов Евросоюза. Некоторые требования Хартии для отдельных стран представлялись трудновыполнимыми. Следующим весомым вкладом в формирование основ единой социальной политики Европейского союза стало подписание Маастрихтского договора¹⁵.

Формирование единого рынка Евросоюзе и зоны евро способствовало уменьшению различий между национальными моделями участников этих объединений. Под воздействием данных факторов модели видоизменяются, обретают не свойственные им прежде черты. И все же, несмотря на схожесть процессов, происходящих в развитых странах, специфика региональных и национальных моделей сохраняется. На сегодняшний день можно говорить о четырех оформившихся моделях (или режимах): нордической, англосаксонской, континентальной и южноевропейской – а также об обширной группе стран с социалистическим прошлым, где социальное государство находится на стадии концептуального и институционального оформления. Между ними прослеживаются серьезные различия в таких плоскостях, как регулирование рынка труда, структура финансирования социальных расходов, государственная политика поддержки семей, масштабы инвестиций в человеческий капитал, вовлеченность бизнеса и «третьего сектора» в реализацию социальных программ¹⁶.

В связи с развитием интеграционных процессов, ростом конкуренции между странами за инвестиции и рынки сбыта уже с конца прошлого века все очевидней становится необходимость изменения подходов к социальной политике и развития новой социальной стратегии, отвечающей запросам современности. Влияние интеграции можно рассматривать в качестве предпосылки формирования единой социальной политики Евросоюза. Например, для функционирования единого рынка товаров необходимы равные права потребителей, т. е. встает вопрос о разработке общих минималь-

ных стандартов и правил, которые гарантируют эти права и действуют на территории всех государств – членов Евросоюза¹⁷. Противниками формирования единых стандартов социальной политики были более развитые страны, правительства которых опасались, что установление более низких стандартов может негативно повлиять на их национальные стандарты. Европейский союз представляет собой объединение относительно развитых стран, поэтому по мере его расширения возникает проблема социальной адаптации новых его членов с менее развитой экономикой. Решение этого вопроса заключается в самой сущности механизма социальной защиты, который обеспечивает унификацию качества жизни и по характеру своего воздействия на экономику играет роль стабилизатора и стимулятора экономического развития. Более высокие социальные стандарты позволяют слабым участникам повысить свой уровень благосостояния не только за счет развития собственной экономики и расширения рынков¹⁸.

Основой решения насущных социальных проблем и успешного введения единых стандартов является идея гармонизации национальных систем и постепенного выравнивания структур социальной политики и благосостояния общества стран – членов Евросоюза за счет формирования личной ответственности граждан в отношении собственного качества жизни; грамотных реформ со стороны правительств, в первую очередь на рынке труда и в системе социального обеспечения. Развитие прогрессивной и эффективной для всех стран Европы модели социальной политики станет следующим этапом на пути углубления интеграции между странами, а также адаптации отдельных государств в едином союзе. При решении этой задачи необходимо (особенно для бывших соцстран) решить вопрос о роли государства и о соотношении личной и государственной ответственности за перемены в социальном положении населения в целом и всех составляющих его групп¹⁹.

Одним из важных следствий европейской интеграции стало постепенное выравнивание уровней социально-экономического развития.

¹⁵ См.: Артамонова О.Н. Международная правосубъективность Европейского союза. С. 30–42.

¹⁶ См.: Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / под ред. Ю.Д. Квашнина. М.: ИМЭМО РАН, 2016.

¹⁷ См.: Право Европейского союза : учеб. для вузов / под ред. С.Ю. Кашкина. М.: Юристъ, 2006.

¹⁸ См.: Раджабова З.К. Мировая экономика : учеб. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 2007. (Высшее образование).

¹⁹ См.: Мировая экономика : учеб. / под ред. И.П. Николаевой. 3-е изд., перераб и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.

Тем не менее в структурах экономики и общества стран Евросоюза все еще обнаруживаются существенные различия, которые время от времени порождают коллизии и конфликты в объединении и таким образом тормозят центростремительные тенденции в регионе. Значительные страновые различия в режимах регулирования рынков труда и социального обеспечения ограничивают процесс формирования единого социального пространства – территориальной общности, где в соответствии с нормами и правом Европейского союза проводится его социальная политика. Вместе с тем у Евросоюза есть свое социальное измерение, которое включает деятельность структурных фондов, прежде всего Европейского социального фонда, проведение социально ориентированной общей сельскохозяйственной политики, совершенствование законодательства, регулирующего занятость и условия труда. Все большее значение приобретает следование общим для Евросоюза принципам равенства и недискриминации²⁰.

На наш взгляд, в последние десятилетия все большую актуальность приобретает задача формирования единой социальной политики Европейского союза. В связи с развитием интеграционных процессов, ростом конкуренции между странами за инвестиции и рынки сбыта уже с конца прошлого века все очевидней становится необходимость изменения подходов к социальной политике и развития новой социальной стратегии, отвечающей запросам современности²¹. Помимо процессов глобализации, с конца прошлого века многие государства объединенной Европы в большей или меньшей степени переживали кризисные социально-экономические явления, которые развивались взаимосвязанно: массовая безработица, инфляция, старение населения. Некоторые государства и сейчас продолжают находиться на пути реформ. Одним из выходов из сложившейся ситуации становятся социальные реформы и разработка единой стратегии социальной политики, которую целесообразно начать с создания единых стандартов социальной политики для

стран Евросоюза. В связи с расширением последнего, растущей интеграцией и старением населения целесообразно выделить три главных ориентира реформ: а) реформа рынка труда и сокращение безработицы путем реализации стратегии занятости, направленной на удлинение «трудовой жизни», введение обучения в ходе трудовой деятельности; б) реформирование системы страхования, в первую очередь обязательного пенсионного страхования; в) поощрение социальной интеграции и развитие иммиграционной политики.

Важной гарантией принципа равенства мужчины и женщины в профессиональной жизни является распространение принципа равенства полов на системы социальной защиты. Этому посвящена Директива Совета 79/7/ЕЭС от 19 декабря 1979 г. о поступательной имплементации принципа равенства мужчин и женщин в сфере социальной защиты²². В свою очередь Директива Совета 86/613/ЕЭС от 11 декабря 1986 г. о применении принципа равенства между мужчинами и женщинами, занятыми в том числе и в сельском хозяйстве, в качестве лица свободной профессии, а также защите лиц свободной профессии женского пола в течение беременности и материнства²³ распространяла рассматриваемый принцип на лиц свободных профессий.

При разработке стандартов единой социальной политики необходимо принимать во внимание целостную систему социально-экономических и политических отношений государства. Разработка единой стратегии социальной политики должна учитывать различия в менталитете и особенностях каждой конкретной страны²⁴.

Главная задача реформ заключается в создании условий для роста занятости, так как оборотная сторона высокой социальной защищенности состоит в снижении стимулов к поиску работы и потере профессиональных навыков. Необходимо стимулировать процесс социально-профессиональной интеграции безработных. Основной задачей правительств и национальных институтов власти является планирование экономики с целью создания рабочих мест и увеличения производительности труда.

²⁰ См.: Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее.

²¹ См., напр.: Европейское международное право: учеб. / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова, П.В. Саваськов. М., 2005 ; Международное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Ашовский Б.М. и др.] ; под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. 2-е изд., стер. М. : Омега-Л, 2007.

²² OJ 1979 L 006/24.

²³ OJ 1986 L 359/56.

²⁴ См.: Спиридонов И.А. Мировая экономика.

Библиографический список

1. Айзинова, И.М. Европейская социальная политика в период кризиса (обзор систем пенсионного обеспечения и здравоохранения в странах ЕС) // Научные труды ИПП РАН. – М. : МАКС Пресс, 2013.
2. Артамонова, О.Н. Международная правосубъективность Европейского союза // Журнал российского права. – 2006. – № 8.
3. Гусев, А.А. Политика Европейского союза / Ин-т сравнит. политологии РАН. – М., 2005.
4. Гусев, А.А. Региональная политика. Европейская политика : учеб. для вузов. – М. : ГУ-ВШЭ. 2004. – Т. 2.
5. Дамаскин, О. Социальная политика Европейского союза: уроки для России [Электронный ресурс] // Обозреватель – Observer. – 2005. – № 12. – Режим доступа : http://observer.materik.ru/observer/N12_2005/12_07.HTM
6. Европейское международное право : учеб. / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова, П.В. Саваськов. – М., 2005.
7. Евростат. База данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.epp.eurostat.ec.europa.eu
8. Каргалова, М. Европейская социальная модель: содержание и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.Lawvinrussia.ru>
9. Международное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Ашовский Б.М. и др.] ; под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. – 2-е изд., стер. – М. : Омега-Л, 2007.
10. Международные экономические отношения : учеб. / Н.Н. Ливенцев [и др.] ; под ред. Н.Н. Ливенцева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Велби : Проспект, 2005.
11. Мировая экономика : учеб. / под ред. И.П. Николаевой. – 3-е изд., перераб и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
12. Мировая экономика и международный бизнес : учеб. / кол. авт. ; под ред. В.В. Полякова, Р.К. Щенина. – 3-е изд., стер. – М. : КНОРУС, 2006.
13. Право Европейского союза : учеб. для вузов / под ред. С.Ю. Кашкина. – М. : Юристъ, 2006.
14. Право Европейского союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы. – М. : Аксиом, 2009.
15. Раджабова, З.К. Мировая экономика : учеб. – 2-е изд., испр. – М. : ИНФРА-М, 2007. – (Высшее образование).
16. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / под ред. Ю.Д. Квашнина. – М. : ИМЭМО РАН, 2016.
17. Спиридонов, И.А. Мировая экономика : учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2007. – (Высшее образование).
18. Стрежнева, М. Признаки нового этапа в институциональной эволюции ЕС: открытый метод координации // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 9.
19. Стрежнева, М. Проблемы социальной политики в Европейском союзе // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 8.
20. Sapir, A. Globalization and the Reform of European Social Models (Background document for the presentation at ECOFIN informal Meeting in Manchester, 9 Sept. 2005 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.bruegel.org>

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА КАК ОБЪЕКТ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ

**БУРАВЛЕВ Юрий Михайлович,
СИДОРОВА Светлана Андреевна**

***Аннотация.** В статье рассматривается государственная служба как объект внутреннего контроля. Авторы приходят к выводу о том, что в сфере государственной службы в настоящее время целостная система внутреннего контроля не сложилась, нет и единого методического центра, координирующего такую работу, не создан единый орган центрального управления системой государственной службы, что не позволяет осуществлять полноценный контроль за исполнением законодательства по вопросам государственной службы.*

***Annotation.** The article considers the state service as an object of internal control. The authors come to the conclusion that in the sphere of public service there is currently no complete internal control system, there is no single methodological center that coordinates such work, there is no single central authority for the management of the public service system, which does not allow full control over the implementation legislation on civil service issues.*

***Ключевые слова:** государственная служба, внутренний контроль, государственные органы, общественный контроль, парламентский контроль, прокурорский надзор.*

***Keywords:** state service, internal control, state bodies, public control, parliamentary control, prosecutor's supervision.*

Государственная служба, являясь особой разновидностью публичной деятельности, нуждается в полноценном контроле за ее осуществлением как со стороны самого государства, так и со стороны общественных институтов, а также граждан Российской Федерации.

Осуществление контроля может рассматриваться в качестве функции управленческой деятельности, реализация которой дисциплинирует работников государственного аппарата, является важнейшим средством профилактики правонарушений, особенно коррупционных проявлений на государственной службе, служит индикатором воплощения в жизнь принципов законности, неотвратимости ответственности и равенства перед законом. Эффективный контроль позволяет получать достоверную информацию о положении дел в государственном органе, о соблюдении требований законодательства в области государственной службы, своевременно выявлять дисциплинарные проступки, административные правона-

рушения, преступления, совершенные государственными служащими при исполнении ими должностных (служебных) обязанностей. Ни одно должностное лицо не должно находиться вне зоны контроля за его деятельностью (поведением), что не может рассматриваться как утрата доверия к работнику, как ущемление прав служащего, предусмотренных регламентирующими документами.

Анализ действующего законодательства о государственной службе и практики его реализации свидетельствует о том, что осуществлению контроля в отношении института государственной службы должного внимания не уделяется. Постулат о том, что в работе государственного аппарата в принципе не должны иметь место противоправные деяния, недостойное поведение и грубые нарушения этических норм во взаимоотношениях граждан с чиновничеством, не выдерживает проверку реальной действительностью. Следовательно, проблема осуществления полноценного и раз-

нообразного (по форме и содержанию) контроля за служебной деятельностью актуальна и в период утверждения в Российской Федерации правового государства. Более того, государственный, парламентский, ведомственный, общественный, медийный контроль наиболее реально обеспечивают демократические начала в работе государственных структур их должностных лиц, что в конечном итоге повышает эффективность государственного управления.

Вместе с тем в публикациях, посвященных государственной службе, вопросам теории и практики осуществления контроля отведено незначительное место, в лучшем случае анализируются лишь отдельные аспекты этой проблемы. В частности, в работе под редакцией А.В. Оболонского¹ в качестве форм контроля рассматриваются административная юстиция (как форма общественного контроля), судебный контроль, внутренний (внутриведомственный) контроль, контроль омбудсмена и прокурорский надзор.

Не оспаривая необходимость наличия разнообразных форм контроля за деятельностью государственных служащих, с отдельными утверждениями авторов указанной работы мы не можем согласиться по причине их некоторой противоречивости. Так, говоря об административной юстиции в *широком смысле*, авторы рассматривают ее как *способ* (обратим внимание: не форму, о чем утверждалось ранее, а способ) контроля над администрацией государственных органов и государственным служащими со стороны законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. В анализируемой работе характеризуется так называемая демократическая концепция контроля, в которой «гораздо более действенным признается контроль общества над государственной службой, осуществляемый через государственные же институты – прежде всего парламент и суды»². Следует, однако, уточнить, что и парламент, и суды – элементы государственного аппарата, реализующие государственно-властные полномочия, именно для этого они и созданы, так эти структуры воспринимаются в обыденном сознании граждан, которые никак не могут и не должны влиять, например, на работу суда.

¹ Государственная служба: комплексный подход / отв. ред. А.В. Оболонский. М., 2009. С. 159–174.

² Там же. С. 161.

На наш взгляд, и парламентский³, и судебный контроль – это разновидности государственного контроля, и если работу представительного органа с определенной долей условности можно рассматривать как форму реализации народом своего права на участие в управлении делами государства (в данном случае в виде контроля), то судебная власть осуществляется только судом, а судьи, как известно, независимы и несменяемы⁴. Гласность же в работе судей не может рассматриваться как форма контроля граждан и общественных объединений за их работой по отправлению правосудия.

Более убедительной представляется позиция авторов другой работы, в которой общественный контроль рассматривается как одна из форм осуществления демократии в России, реализации гражданами их конституционного права участвовать в управлении делами государства⁵. Основной особенностью данной формы контроля, как справедливо отмечается в этом издании, является возможность его осуществления различными общественными объединениями граждан, обществами потребителей и другими организациями, органами общественной самодеятельности, трудовыми коллективами, а также отдельными гражданами. Субъектный состав такой формы контроля позволяет утверждать, что в нем представлены основные слои общества и, следовательно, есть все основания отнести данную форму к общественному контролю.

Довольно спорно, на наш взгляд, сводить внутриведомственный контроль к реализации права граждан на обращения, что авторы анализируемой работы связывают с наличием Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁶. Сущность внутриведомственного контроля можно определить термином «самоконтроль», который федеральный орган исполнительной власти или иная властная структура осуществляют в границах данного государственного органа и преимуще-

³ См.: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Часть 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Словарь административного права / кол. авт. М., 1999. С. 170.

⁶ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ственно для внутриведомственных целей, в отношении подчиненных работников и в соответствии с актами отдельно взятого государственного органа. Кроме того, результаты контроля, как правило, являются информацией ограниченного распространения и широкой огласке не подлежат.

В другой публикации рассматривается система социально-правового контроля⁷, в которую, по мнению В.Д. Граждана, входят «два общих контрольных органа: Генеральная прокуратура РФ⁸ для контроля за исполнением законов и Счетная палата РФ для контроля в бюджетно-хозяйственной деятельности»⁹. Отраслевой же контроль, как полагает автор, осуществляют все федеральные службы. В анализируемой работе прослеживается обоснованное суждение об отсутствии в стране целостной системы контрольных органов. Отраслевые контрольные органы этот ученый предлагает передать в подчинение соответствующим министерствам, что, на наш взгляд, делать не следует.

В силу ограниченного объема публикации особенности осуществления контрольных функций Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, равно как и уполномоченных по иным вопросам (правам ребенка, правам бизнесменов и т. п.), а также прокурорского надзора не рассматриваются.

В осуществлении контроля большое значение имеют *административные процедуры*, под которыми в широком смысле принято понимать порядок осуществления органом исполнительной власти, должностным лицом установленных для него полномочий (порядок разработки, обсуждения и принятия правового акта, оформления документа, имеющего юридическое значение; порядок приема лица на государственную службу, прохождения аттестации и оформления соответствующих документов; порядок рассмотрения материалов о поощрении служащих, о привлечении к дисциплинарной ответственности; порядок оформления контрольно-надзорной деятельности¹⁰.

Административные процедуры трактуются также как порядок рассмотрения и разреше-

ния уполномоченным органом государственной власти (преимущественно исполнительной) конкретных индивидуальных дел, связанных с обращениями граждан и организаций в соответствующий орган в целях реализации или защиты своих прав и законных интересов.

В юридической литературе в качестве самостоятельной рассматривается *контрольно-надзорная административная процедура*.

Представляется, что произвольное толкование сущности и форм осуществления контроля происходит по причине методологических упущений, недостаточно полной разработанности данной категории в юридической науке, существующей терминологической неопределенности. Так, в философской трактовке термин «контроль» (от фр. *controle* – встречающая, вторичная запись с целью проверки первой) понимается как «проверка, наблюдение; часто употребляется в смысле англ. *control* (господство, насилие, власть)»¹¹. Происхождение термина «контроль» в науке управления толкуется также как производное от фр. *controle, om contrerole* – *список, ведущийся в двух экземплярах, om lat. contra* – *против urotulus* – *свиток* – одна из основных функций системы управления. Контроль осуществляется на основе наблюдения за поведением управляемой системы с целью обеспечения оптимального функционирования последней (измерение достигнутых результатов и соотнесение их с ожидаемыми результатами). На основе контроля осуществляется адаптация системы, т. е. принятие оптимизирующих управленческих решений¹².

В различных изданиях используются термины «контрольная власть»¹³, «контрольно-надзорная деятельность»¹⁴, «контроль общественный», «социально-правовой контроль», «принципы контроля», «контрольные функции» и другие словосочетания с термином «контроль».

Разумеется, понимание внутреннего контроля, обращенного непосредственно на систему государственной службы, нуждается в самостоятельной интерпретации на основе достигнутого научного знания.

⁷ Граждан В.Д. Государственная гражданская служба. М., 2011. С. 361–376.

⁸ Подробнее см.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1-ФЗ «О прокуратуре» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Граждан В.Д. Государственная гражданская служба. С. 362.

¹⁰ Словарь административного права. С. 10.

¹¹ Философский энциклопедический словарь. М., 2002. С. 221.

¹² URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1382526> (дата обращения: 16.02.2017).

¹³ См.: Большой юридический словарь. М., 1997. С. 313 ; Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 470.

¹⁴ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М., 2001. С. 438.

В Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации¹⁵ была отмечена низкая эффективность правовых и организационных мер контроля деятельности органов государственной власти и их аппаратов со стороны гражданского общества. В качестве одного из принципов взаимодействия государственной службы со структурами гражданского общества названа «*подконтрольность*» системы государственной службы государству и гражданскому обществу» (курсив наш. – Ю. Б.). Однако своего дальнейшего развития данное положение не получило, что превращает этот правильный по своей сути принцип в ничем не подкрепленную декларацию.

Разделом XIII анализируемого документа предполагалось также формирование трехуровневой системы управления государственной службой, которая, полагаем, могла бы полноценно осуществлять контрольные функции в области соблюдения законодательства о государственной службе в данной системе. К сожалению, данная задача до сих пор не решена.

В настоящее время контрольные полномочия по внутреннему аудиту в области государственной службы распределены между различными инстанциями и единого центра управления не имеют.

Деятельность отдельных государственных структур представляет научный (познавательный) интерес в силу их статусного положения и фактической значимости в сфере государственной службы и государственного управления. Это прежде всего относится к Администрации Президента РФ, в составе которой образованы Контрольное управление и Управление Президента по вопросам государственной службы и кадров. Отдельные контрольные полномочия реализует Управление Президента по вопросам противодействия коррупции. На официальном сайте Администрации главы государства размещена краткая информация о характере деятельности данных подразделений, но результаты их работы не отражены.

Примером ведомственного контроля может служить наличие Департамента управления делами и контроля Министерства финансов РФ¹⁶, а Федеральное казначейство, подве-

домственное Минфину России, осуществляет функции по предварительному и текущему контролю за ведением операций со средствами федерального бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств федерального бюджета¹⁷. В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» отражена также роль Федерального казначейства, это – платежная, учетная, *контрольная*, информационная система в области финансовой деятельности публично-правовых образований. Однако информация о внутриведомственном контроле в сфере гражданской службы на официальном сайте этих органов не размещена.

В системе исполнительной власти Российской Федерации образованы многочисленные контрольные и надзорные органы по различным направлениям деятельности, часть которых находится в ведении соответствующих министерств, иные же выведены из-под министерского подчинения и работают под началом Правительства РФ. Органами межведомственного контроля и надзора являются, например, Федеральная служба по надзору в сфере защиты права потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор России)¹⁸, Федеральная служба в области образования и науки (Рособрнадзор России)¹⁹, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор России)²⁰ и другие специализированные органы исполнительной власти, как правило, обладающие статусом федеральной службы и наделенные контрольными полномочиями.

Указанные государственные органы при осуществлении контрольных и надзорных полномочий действуют в соответствии с регламентирующими документами. Так, Рособрнадзор в своей деятельности руководствуется Положением о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки, утвержденным постановлением Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 594; Регламентом внутренней организации Рособрнадзора, утвержденным приказом Рособрнадзора от 19 июля 2011 г. № 1691 и другими нормативными правовыми актами внутриведомственной принадлежности.

Отдельные нормы служебного права позволяют обжаловать в порядке служебной под-

¹⁵ Утверждена Президентом РФ Пр-1496 от 15 августа 2001 г. Официально не публиковалась.

¹⁶ URL : <http://minfin.ru/ru/ministry/>

¹⁷ URL : <http://www.roskazna.ru/o-kaznachejstve/>

¹⁸ URL : <http://rospotrebнадзор.ru/deyatelnost/kadry.php>

¹⁹ URL : <http://obrnadzor.gov.ru/ru/>

²⁰ URL : <http://rkn.gov.ru>

чинности решения (действия, бездействие) руководителей государственных органов по вопросам государственной службы. Так, в п. 4 ст. 40 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» указано следующее: «Работники вправе обжаловать вышестоящему руководителю и (или) в суд решения руководителей органов и организаций прокуратуры по вопросам прохождения службы»²¹.

Таким образом, можно констатировать, что в сфере государственной службы в на-

стоящее время целостная система внутреннего контроля не сложилась, нет и единого методического центра, координирующего такую работу, до сих пор не создан единый орган центрального управления системой государственной службы, что не позволяет осуществлять полноценный контроль за исполнением законодательства по вопросам государственной службы, профилактики правонарушений в этой области профессиональной деятельности и противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации.

Библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1-ФЗ «О прокуратуре» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Большой юридический словарь. – М., 1997.
6. Государственная служба: комплексный подход / отв. ред. А.В. Оболонский. – М., 2009.
7. Граждан, В.Д. Государственная гражданская служба. – М., 2011.
8. Российская юридическая энциклопедия. – М., 1999.
9. Словарь административного права / кол. авт. – М., 1999.
10. Тихомирова, Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров. – М., 2001.
11. Философский энциклопедический словарь. – М., 2002.
12. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1382526> (дата обращения: 16.02.2017).
13. URL : <http://minfin.ru/ru/ministry/>
14. URL : <http://obrnadzor.gov.ru/ru/>
15. URL : <http://rkn.gov.ru>
16. URL : <http://rospotrebnadzor.ru/deyatelnost/kadry.php>
17. URL : <http://www.roskazna.ru/o-kaznachejstve/>

²¹ См.: Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

ПРОБЛЕМЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

ГАПОНОВ Олег Николаевич,
ИСАЕВ Виктор Михайлович

Аннотация. В статье анализируются проблемы применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях с учетом необходимости достижения целей их реализации. Анализируются ситуации высокой степени правовой неопределенности, возникающие в процессе реализации данных мер при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.

Annotation. In article problems of application of measures of ensuring production on cases of administrative offenses taking into account need of achievement of the goals of their realization are analyzed. The situations of high degree of legal uncertainty arising in the course of realization of these measures at implementation of production on cases of administrative offenses in the field of traffic are analyzed.

Ключевые слова: административное принуждение, административное правонарушение, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, дорожное движение, задержание транспортного средства.

Keywords: administrative coercion, administrative offense, measures of ensuring production on cases of administrative offenses, traffic, detention of the vehicle.

Для непосредственного воздействия на правонарушителя, сбора необходимой доказательственной базы действующее законодательство устанавливает обширный перечень мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Указанные меры принято считать одной из разновидностей мер административного принуждения, при этом следует отметить, что, несмотря на систематичность исследования вопросов административного принуждения, относительно классификации мер принуждения в литературе всегда существовало и существует достаточно большое разнообразие мнений ученых-административистов¹. Не претендуя в данном случае на полное рассмотрение всех существующих классификаций, отметим, что часто в качестве одного из критериев классификации используют цель применения соответствующих мер административного принуждения. При этом цели применения отдельных групп мер административного принуждения часто находят закрепление в действующем законодательстве.

Так, в соответствии с положениями ст. 27.1 КоАП РФ целями применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях являются: пресечение административного правонарушения, установление личности нарушителя, составление протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления. Очевидно, что именно вышеуказанные цели учитываются в КоАП РФ при дальнейшем законодательном закреплении оснований и порядка принятия принудительных процессуальных решений, совершения процессуальных действий, фиксации их хода и результатов. Кроме того, именно на них необходимо ориентироваться правоприменителям при решении вопроса о необходимости реализации различных мер обеспечения с учетом возможности достижения цели в конкретной ситуации.

Однако именно здесь и начинаются смысловые противоречия, которые вытекают из анализа соответствующих положений КоАП РФ.

¹ См.: Бахрах Д.Н. Административное право России : учеб. для вузов. М., 2010. С. 214 ; Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право : учеб. М., 2009. С. 586–589 ; и др.

Например, по нашему мнению, отнесение к целям применения мер обеспечения производства такой цели, как пресечение административного правонарушения, представляется не совсем корректным. В соответствии с общепринятой классификацией меры административного пресечения составляют самостоятельную группу мер административного принуждения, отличающуюся как целью применения, так и моментом непосредственной реализации. Следовательно, не следует смешивать цели применения двух самостоятельных групп мер принуждения в рамках одной правовой нормы, регламентирующей непосредственно применение мер обеспечения.

Кроме того, данная цель логически противоречит самому названию гл. 27 КоАП РФ. Толковый словарь В.И. Даля определяет термин обеспечение как «снабжение всем нужным»². Отталкиваясь от буквального значения слова, можно сделать вывод, что реализация мер обеспечения производства направлена на создание необходимых условий для всестороннего, полного, объективного и своевременного разрешения дела об административном правонарушении и обеспечение исполнения вынесенного постановления, т. е. обеспечение принятия административно-юрисдикционных решений, но никак не пресечение совершения административных правонарушений. Меры обеспечения, применяются уже непосредственно после окончания совершения противоправного деяния. Общая цель рассматриваемой группы состоит в реализации норм материального права, устанавливающих ответственность за совершение административного правонарушения. В этой связи меры обеспечения объективно не могут достичь цели пресечения и по своему характеру являются обеспечительными, процессуальными мерами (например, медицинское освидетельствование на состояние опьянения). По своей сути они являются дополнительными процессуальными обременениями, которые применяются в ходе разбирательства по факту совершенного правонарушения³.

² См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.

³ См.: Гапонов О.Н. Меры административно-процессуального принуждения как средство ограничения конституционных прав и свобод граждан // Конституционные ценности и развитие парламентаризма: к 20-летию Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Т.С. Болховитиной. Брянск : Изд-во Брян. филиала РАНХ и ГС, 2014 ; Исаев В.М. Административно-правовое регулирование задержания и запрещения эксплуатации транспортного средства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

Необходимо отметить, что основной целью мер обеспечения производства является создание условий для объективного, всестороннего и полного рассмотрения дела о правонарушении, а также исполнения административных наказаний. Следовательно, при решении вопроса о законности применения мер обеспечения производства необходимо учитывать в совокупности установленные основания, цели и условия их применения, т. е. уполномоченное лицо должно иметь на это как материальные, так и процессуальные основания. Под последними принято понимать наличие вынесенного уполномоченным на это должностным лицом процессуального документа, на основе которого осуществляется конкретное ограничение.

Проиллюстрируем вышеуказанные доводы на ситуациях применения конкретных мер обеспечения при производстве по делам об административных правонарушениях в сфере дорожного движения. В качестве примера проанализируем такую разновидность меры обеспечения, как задержание транспортного средства (ст. 27.13 КоАП РФ). Выбор проблемного аспекта обусловлен не только объемом споров и возмущений, вызываемых как у специалистов, так и у рядовых автолюбителей, но и отсутствием в достаточной степени нормативно урегулированного порядка применения данной принудительной меры.

Материальные основания задержания транспортного средства в административном порядке регламентированы ч. 1 ст. 27.13 КоАП РФ, в соответствии с которой за ряд нарушений правил эксплуатации транспортного средства оно задерживается до устранения причины задержания. Следовательно, именно устранение причин, послуживших основанием задержания транспортного средства, является основной задачей указанной меры принуждения, потому что устранение созданной правонарушителем опасности для иных участников дорожного движения и является пресечением правонарушения (устранением опасности). Однако уже на этом этапе возникают проблемы, позволяющие неоднозначно толковать материальные основания задержания транспортного средства. Прежде всего это связано с отсутствием в законодательстве разъяснения термина «устранение причины задержания транспортного средства», что создает определенные трудности в правоприменительной практике. В частности, одной из проблемных ситуаций

с большой долей правовой неопределенности является задержание транспортного средства за нарушение правил остановки или стоянки (ч. 4, 5 ст. 12.16 КоАП РФ, также ст. 2–4, 6 ст. 12.19 КоАП РФ).

Не оспаривая необходимость соблюдения Правил дорожного движения (далее – ПДД) и не вступая в полемику относительно целесообразности ряда положений ПДД, проанализируем лишь соотношение целей, закрепленных КоАП РФ, и реально получаемыми результатами правоприменительной деятельности.

Как уже отмечалось, пресекательная функция такой меры принуждения, как задержание транспортного средства, реализуется непосредственно в период времени, необходимого для перемещения автомобиля с того места, где правонарушитель оставил его в нарушение запретов и предписаний ПДД. После того, как перемещенное транспортное средство перестало создавать помеху другим участникам дорожного движения, а равно и предметом иного правонарушения, причина его задержания также устраняется. Однако одновременно появляется правовая коллизия, связанная с тем, как устранить уже устраненное, ведь логически причина задержания, а именно создание помех для движения транспортных средств и пешеходов, уже устранена с момента удаления автомобиля с запрещенного для стоянки места. Кроме того, ч. 10 ст. 27.13 КоАП РФ устанавливает, что возврат задержанных транспортных средств их владельцам, представителям владельцев или лицам, имеющим при себе документы, необходимые для управления данными транспортными средствами, осуществляется незамедлительно после устранения причины их задержания. Вроде бы все логично, причина задержания устранена – задержанное транспортное средство возвращается.

Однако остается открытым вопрос о том, кто и каким образом определяет устранение причины задержания и кто оплачивает перемещение и хранение транспортного средства. Несмотря на то, что КоАП РФ разводит эти категории и, кроме того, возлагает обязанность оплаты за перемещение и хранение непосредственно на «лицо, привлеченное к административной ответственности за административное правонарушение, повлекшее применение задержания транспортного средства», судебная практика содержит довольно противоречивые выводы. Прежде всего это связано с тем об-

стоятельством, что собственник транспортного средства и правонарушитель не всегда совпадают в одном лице. Кроме того, в отличие от ранее действовавшей редакции, ст. 27.13 КоАП РФ и Правил задержания транспортного средства, определявших единую процедуру выдачи задержанного транспортного средства на основании разрешения (в письменной форме) уполномоченного должностного лица, убедившегося в устранении причины задержания, в настоящее время единого алгоритма просто не существует, вследствие чего и возникают проблемные ситуации, не имеющие однозначного решения. Например, в одном случае Верховный Суд РФ⁴ разъясняет, что из норм права следует, что задержанное средство может быть возвращено при условии устранения причины задержания и оплаты расходов на перемещение и хранение задержанного транспортного средства, т. е. не разделяет две обязанности, и рассматривает устранение причин задержания и оплату хранения как единое целое. Однако в Определении Верховного Суда РФ от 15 мая 2017 г.⁵, принятом по аналогичному спору, присутствует иная точка зрения: расходы не подлежат взысканию с собственника по нормам гражданского законодательства в силу того, что возмещаются лицом, совершившим административное правонарушение.

Весьма интересными выводами по обсуждаемой проблеме поделилась доцент кафедры административного права имени Н.Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия, судья в отставке, кандидат юридических наук Т.В. Казина. Она, в частности, отмечает, что «на практике транспортное средство зачастую передается на специализированную стоянку в упрощенном порядке – путем составления акта о приеме-передаче. Территориальный орган ГИБДД в своем делопроизводстве имеет оформленный протокол об административном задержании, а сотрудники специализированной стоянки не отдают автомобиль, если не будет предоставлен протокол об административном правонарушении либо справка с разрешением на возврат. Более того, сотрудники правоохранительных органов не утруждают себя обязанностью исполнить им-

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 20 февраля 2013 г. № 46-АПГ13-1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 15 мая 2017 г. № 305-ЭС16-19928 по делу № А41-83533/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

перативную норму статьи 27.13 КоАП РФ следующего содержания: “Копия протокола о задержании транспортного средства, составленного в отсутствие водителя, с решением должностного лица о возврате задержанного транспортного средства вручается его владельцу, представителю владельца или лицу, имеющему при себе документы, необходимые для управления данным транспортным средством, незамедлительно после устранения причины задержания транспортного средства”. Протокол о задержании транспортного средства, составленный в отсутствие водителя, не только незамедлительно не вручается, но и не направляется по почте. Таким образом, обязанность, закрепленная в статье 27.13 КоАП РФ, представляет собой правовую фикцию»⁶.

Кроме того, немало вопросов возникает при анализе необходимости передачи полномочий по установлению платы за хранение задержанного транспортного средства органам власти субъекта РФ. Данное положение следовало бы решить на федеральном уровне, а именно более детально регламентировать процедуру транспортировки транспортного средства, его хранения и выдачи владельцу. В настоящее время договоры хранения заключаются с коммерческими организациями, для которых основной целью является извлечение прибыли. Следовательно, владельцы стоянок прежде всего заинтересованы в экономической выгоде, а не в результатах охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Вместе с тем, исходя из положений Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»⁷, основными принципами обеспечения безопасности дорожного движения являются: приоритет жизни и здоровья граждан, участвующих в дорожном движении, над экономическими результатами хозяйственной деятельности; приоритет ответственности государства за обеспечение безопасности дорожного движения над ответственностью граждан, участвующих в дорожном движении; соблюдение интересов граждан, общества и государства при обеспечении безопасности дорожного движения; программно-целевой подход к деятельности по обеспе-

чению безопасности дорожного движения. Следовательно, не совсем логично ожидать прогнозируемую экономическую прибыль за счет дополнительного обременения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Коммерческая целесообразность не отвечает как целям применения мер процессуального принуждения, так и принципам обеспечения безопасности дорожного движения. В связи с этим интересным представляется мнение доктора юридических наук С.М. Зырянова, предложившего в целях пресечения злоупотреблений, связанных с взиманием платы за хранение задержанных транспортных средств, отнести эти затраты к издержкам по делу об административном правонарушении⁸. Предложенный С.М. Зыряновым подход поддерживает и развивает профессор А.Ю. Соколов, полагающий, что, разрешая указанную проблему, законодателю следует исходить из следующего: хранение транспортного средства – это этап применения задержания транспортного средства как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, а не дополнительное наказание имущественного характера. Данные изменения должны исключить ситуации невозможности оплаты услуг специализированных стоянок⁹. Представляется, что реализация указанного предложения могла бы решить многие спорные моменты.

Кроме того, следует обратить внимание на тот факт, что в КоАП РФ отсутствуют нормы, регламентирующие процедуру обжалования мер обеспечения производства. Это создает коллизионную ситуацию, поскольку в гл. 30 КоАП РФ установлен порядок обжалования лишь постановлений по итогам рассмотрения дел. Из анализа КоАП РФ следует, что только защитник и представитель могут обжаловать применение мер обеспечения производства по делу. По логике вещей меру обеспечения производства по делу (например, незаконное задержание транспортного средства) можно обжаловать в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства РФ, т. е. в районный суд, в то время как рассмотрение

⁶ Казина Т.В. Правовые последствия административного задержания транспортного средства // Транспортное право. 2017. № 2. С. 22.

⁷ См.: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Зырянов С.М. Эвакуация транспортного средства – мера обеспечения производства или наказание // Административное право и процесс. 2005. № 1.

⁹ Соколов А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : моногр. М. : Норма, 2015. С. 163.

дела по существу, как правило, осуществляет мировой судья.

В связи с этим целесообразно предусмотреть возможность обжалования меры обеспечения производства по делу об административных правонарушениях путем обращения лица, в отношении которого они применены, в орган, судье или должностному лицу, к компетенции которых отнесено рассмотрение дела.

С учетом изложенного можно считать, что реализация отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях предполагает серьезные проблемные моменты, вызванные как несовершенством законодательства, так и сложностями правоприменительной практики. Решение этих вопросов будет в значительной степени способствовать укреплению законности при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Для успеха правоохранительной деятельности

необходимо обеспечить соответствие целей и оснований применяемых мер воздействия степени общественной опасности, реальным обстоятельствам конкретных проступков, личности нарушителей и их отношению к совершенным действиям.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно осуществить подробный анализ правового регулирования целей и оснований применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, но вышеприведенные доводы, очевидно, свидетельствуют об устойчивых коллизиях, существующих длительное время, между названием гл. 27 КоАП РФ, формулировкой целей реализации мер обеспечения, а также практикой их применения. Очевидно, что указанные коллизии носят системный характер и проявляются не только при производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Верховного Суда РФ от 20 февраля 2013 г. № 46-АПГ13-1 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Верховного Суда РФ от 15 мая 2017 г. № 305-ЭС16-19928 по делу № А41-83533/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Бахрах, Д.Н. Административное право России : учеб. для вузов. – М., 2010.
5. Гапонов, О.Н. Меры административно-процессуального принуждения как средство ограничения конституционных прав и свобод граждан // Конституционные ценности и развитие парламентаризма: к 20-летию Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Т.С. Болховитиной. – Брянск : Изд-во Брян. филиала РАНХ и ГС, 2014.
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 2006.
7. Зырянов, С.М. Эвакуация транспортного средства – мера обеспечения производства или наказание // Административное право и процесс. – 2005. – № 1.
8. Исаев, В.М. Административно-правовое регулирование задержания и запрещения эксплуатации транспортного средства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
9. Казина, Т.В. Правовые последствия административного задержания транспортного средства // Транспортное право. – 2017. – № 2.
10. Россинский, Б.В. Административное право : учеб. / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – М., 2009.
11. Соколов, А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : моногр. – М. : Норма, 2015.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ

СЕРГЕЕВ Александр Владимирович,
ВОРОБЬЕВ Николай Федорович

Аннотация. В статье анализируется опыт использования административно-правовых режимов в целях противодействия терроризму в государствах – участниках СНГ. Автор приходит к выводу о том, что современные государства для противодействия угрозам совершения преступлений террористической направленности используют меры административного воздействия. Комплексное организационно и законодательно обеспеченное применение таких мер осуществляется в виде административно-правовых режимов, являющихся наиболее эффективным инструментом противодействия терроризму и преступлениям террористической направленности.

Annotation. The article analyzes the experience of using administrative and legal regimes to counter terrorism in the CIS member states. The author comes to the conclusion that modern states use administrative measures to counter the threats of committing terrorist crimes. The complex organizational and legislative provision of such measures is implemented in the form of administrative and legal regimes, which are the most effective tool for countering terrorism and crimes of a terrorist nature.

Ключевые слова: административно-правовой режим, противодействие терроризму, государства – участники СНГ, контртеррористическая операция.

Keywords: administrative and legal regime, counteraction to terrorism, CIS member states, counter-terrorism operation.

В конце XX – начале XXI в. во всем мире, в том числе и в России, отмечается активизация деятельности террористических организаций. В Концепции общественной безопасности в Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. сказано, что уровень террористической угрозы на территории Российской Федерации продолжает оставаться высоким, масштабы последствий террористических актов значительны. Террористы стремятся расширить географию своей деятельности, на территории страны отмечается активность международных террористических организаций, которые привлекают наемников и боевиков, состоящих в экстремистских организациях, и оказывают им финансовую помощь, поставляют оружие¹.

Ю.С. Горбунов делает справедливый вывод, что до настоящего времени в свете новых террористических угроз остается слабой и недостаточно разработанной правовая база противодействия терроризму². Поэтому для четко-

го определения всех понятий и содержания мер в области противодействия терроризму, осуществления координации деятельности и взаимодействия между специальными службами и правоохранительными органами в данной области как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровне, выработки предложений по совершенствованию российского законодательства необходимо проведение сравнительно-правовых исследований законодательств России и зарубежных стран, прежде всего государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ).

Сравнительно-правовой метод является одним из важных средств изучения правовых явлений³. Благодаря его применению становится возможным раскрыть общее и особенное в правовых системах различных государств, выявить опыт, применимый в нашей стране.

Сравнительные исследования базируются на анализе национальной нормативной правовой основы борьбы с терроризмом каждого государ-

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г. // СПС «Гарант-Максимум».

² Горбунов Ю.С. К вопросу о правовом регулировании противодействия терроризму // Журнал российского права. 2007. № 2 // СПС «Гарант-Максимум».

³ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учеб. / под ред. В.А. Туманова. М. : Юристъ, 2003. С. 43.

ства СНГ, которая включает как конституцию государства, так и иные нормативные правовые акты, и прежде всего специализированные законы, устанавливающие правовые основы, принципы, организацию противодействия терроризму, регулирующие в том числе вопросы применения мер воздействия в условиях проведения контртеррористических операций. Эти вопросы уже затрагивались в ряде работ⁴, однако потребности практики противодействия терроризму требуют продолжения начатых исследований.

В государствах – участниках СНГ создана достаточно разработанная правовая основа противодействия терроризму, основу которой составляют *специализированные законы*: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁵; Закон Азербайджанской Республики от 18 июня 1999 г. № 687-IQ «О борьбе с терроризмом»⁶; Закон Республики Армения от 19 апреля 2005 г. № ЗР-79 «О борьбе с терроризмом»⁷; Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом»⁸; Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-І «О противодействии терроризму»⁹; Закон Кыргызской Республики от 8 ноября 2006 г. № 178 «О противодействии терроризму»¹⁰; Закон Республики Молдова от 12 октября 2001 г. № 539-XV «О борьбе с терроризмом»¹¹; Закон Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г.

⁴ Редкоус В.М. О законодательном закреплении полномочий органов национальной безопасности государств – участников СНГ в области борьбы с терроризмом // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 23–24 октября 2008 г. Тюмень: ТГАМЭУП, 2008. Вып. 5. С. 297–299; Сергеев А.В. Опыт применения административно-правовых режимов странами СНГ в целях обеспечения национальной безопасности // Вестник МФЮА. 2016. № 2. С. 154–164; и др.

⁵ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Закон Азербайджанской Республики от 18 июня 1999 г. № 687-IQ «О борьбе с терроризмом» // Сборник законодательства Азербайджанской Республики. 1999. № 8. Ст. 475.

⁷ Закон Республики Армения от 19 апреля 2005 г. № ЗР-79 «О борьбе с терроризмом». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=26063 (дата обращения: 12.11.2016).

⁸ Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 6, 2/825.

⁹ Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-І «О противодействии терроризму» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1999. № 19. Ст. 649.

¹⁰ Закон Кыргызской Республики от 8 ноября 2006 г. № 178 «О противодействии терроризму» // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 2006. № 10. Ст. 854.

¹¹ Закон Республики Молдова от 12 октября 2001 г. № 539-XV «О борьбе с терроризмом» // Официальный мониторинг Республики Молдова. 2001. № 147–149. 6 дек. Ст. 1163.

№ 845 «О борьбе с терроризмом»¹²; Закон Туркменистана от 15 августа 2003 г. № 190-II «О борьбе с терроризмом»¹³; Закон Республики Узбекистан от 15 декабря 2000 г. № 167-II «О борьбе с терроризмом»¹⁴; Закон Украины¹⁵ от 20 марта 2003 г. № 638-IV «О борьбе с терроризмом»¹⁶.

В области противодействия терроризму принимаются правовые акты концептуального характера¹⁷. Соответствующие положения находят отражение в документах концептуального характера в области национальной безопасности в целом¹⁸.

Анализ специальных законов в области противодействия терроризму показывает определенные различия в концептуальных подходах законодателей государств СНГ к определению и нормативному закреплению базовых понятий в рассматриваемой области, а также различную степень детализации в нормах права правового положения субъектов, осуществляющих противодействие терроризму, содержания различных видов осуществляемой в этих целях деятельности.

Концептуальный подход российского законодателя к определению соотношения понятий «противодействие терроризму» и «борьба с терроризмом» закреплён в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» и выражается в закреплённом определении, согласно которому «противодействие терроризму – деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по: а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению при-

¹² Закон Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845 «О борьбе с терроризмом». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2195 (дата обращения: 12.11.2016).

¹³ Закон Туркменистана от 15 августа 2003 г. № 190-II «О борьбе с терроризмом» // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2003. № 3. Ст. 28.

¹⁴ Закон Республики Узбекистан от 15 декабря 2000 г. № 167-II «О борьбе с терроризмом» // Народное слово. 2001. № 15 (2775). 20 янв.

¹⁵ О статусе Украины как государства – полноценного члена СНГ говорить затруднительно.

¹⁶ Закон Украины от 20 марта 2003 г. № 638-IV «О борьбе с терроризмом» // Ведомости Верховной Рады Украины. 2003. № 25. Ст. 180.

¹⁷ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г. // Рос. газ. 2009. 20 окт.; Указ Президента Украины от 25 апреля 2013 г. № 230/2013 «О Концепции борьбы с терроризмом» // Официальный вестник Украины. 2013. № 34. Ст. 1202.

¹⁸ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

чин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма».

Такой подход разделяют законодатели Казахстана и Кыргызстана. Если определение противодействия терроризму, закрепленное в Законе Кыргызской Республики «О противодействии терроризму», практически идентично российскому определению, то в Законе Республики Казахстан «О противодействии терроризму» противодействие терроризму определяется как деятельность государственных органов и органов местного самоуправления по профилактике терроризма; выявлению, пресечению террористической деятельности, раскрытию и расследованию террористических преступлений; минимизации и (или) ликвидации последствий терроризма путем оказания экстренной медицинской помощи, медикопсихологического сопровождения, проведения аварийно-спасательных и противопожарных мероприятий, восстановления нормального функционирования и экологической безопасности подвергшихся террористическому воздействию объектов, социальной реабилитации лиц, потерпевших в результате акта терроризма, и лиц, участвовавших в его пресечении, возмещения морального и материального вреда лицам, потерпевшим в результате акта терроризма. Деятельность по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма казахстанский законодатель раскрыл более подробно.

В целом понятием «борьба с терроризмом», которым оперируют законодатели Азербайджана, Армении, Беларуси, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины, охватывается властно-принудительная деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению, минимизации последствий террористической деятельности.

Как известно, «принуждение обусловлено объективными потребностями общества, является свойством государственной власти, поскольку оно – необходимый элемент всякой организации и качество всякой власти»¹⁹. В предметном проявлении, с точки зрения деятельности государ-

ственных органов, правовое принуждение определяется как процесс воздействия на управляемый объект с целью принудить его к должному поведению способами, указанными в законе²⁰. В большинстве случаев принуждение, применяемое к правонарушителям, можно назвать административным, поскольку оно реализуется органами исполнительной власти, а регулируется административно-правовыми нормами. Выражается этот вид принуждения «во внешнем государственно-правовом воздействии на сознание и поведение людей в форме ограничений личного, организационного или имущественного характера»²¹.

Во всех государствах СНГ (и всех странах мирового сообщества) законодательно закреплено право применения принуждения со стороны органов власти к правонарушителям, и чем большую угрозу для безопасности государства и общества представляют действия, тем более строгие меры принудительного воздействия применяются к лицу, их совершающему. К мерам принуждения, направленным на противодействие терроризму, можно отнести как меры профилактического воздействия, так и наиболее суровые наказания (как результат юридической ответственности) и меры пресечения, связанные с применением оружия должностными лицами органов власти.

По нашему мнению, термин «административное воздействие» будет точнее, чем административное принуждение, поскольку словарное значение слова «воздействовать» означает, «оказав влияние, добиться (добиваться) необходимого результата, оказать влияние на ход дела»²². Действительно, государственное управление как процесс достижения общественно-полезного результата шире и включает в себя не только принуждение, но и такие методы влияния, как убеждение, поощрение.

Таким образом, под *мерами административного воздействия*, направленными на противодействие терроризму, следует понимать урегулированные административно-правовыми нормами и применяемые субъектами управления организационные и правовые средства регулирования общественных отношений в целях

²⁰ Алексеев С.С. Теория права. М., 1993. С. 179.

²¹ Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Административное право. М., 2010. С. 206.

²² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. С. 183.

¹⁹ Козлов Ю.М., Попов Л.Л. Административное право России. М., 1999. С. 294.

ликвидации (минимизации) террористической угрозы.

Особенностями данных мер административного воздействия являются следующие: 1) они применяются уполномоченными государственными и муниципальными органами и должностными лицами в пределах предоставленных полномочий; 2) носят *принудительный* характер, так как направлены на побуждение адресата к определенному типу требуемого в данных условиях поведения путем возможности принудительного воздействия на волю и психику лица или деятельность организации; 3) носят *правоохранительный* характер; это проявляется в том, что данные меры направлены на обеспечение должного правопорядка, общественного порядка и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов государства и организаций в условиях борьбы с терроризмом; 4) носят *односторонний* характер, т. е. не требуют согласия другой стороны, являющейся при их применении уполномоченными органами и должностными лицами стороной обязанной, для которой выполнение предписаний является обязанностью; 5) могут быть предупредительного и пресекающего характера; 6) носят обеспечительный характер, так как направлены на достижение целей и задач, стоящих перед органами государственного управления; 7) влекут определенные правовые последствия как для физических лиц, так и для организаций; 8) их реализация не связана со служебными отношениями сторон, эти меры применяются к тем, кто не находится в служебном подчинении у субъекта государственного управления, применяющего данные меры; 9) характеризуются необязательным наличием правонарушения как основания их применения и вины тех, в отношении кого они применяются; основанием их применения является наличие террористической угрозы и (или) наступление особых, чрезвычайных обстоятельств, предусмотренных правовой нормой; 10) имеют пределы действия во времени, в пространстве и по кругу субъектов; 11) применяются в совокупности с иными специальными видами деятельности, осуществляемыми органами Федеральной службы безопасности.

Классификация предусмотренных российским законодательством мер административного воздействия в сфере противодействия терроризму может быть осуществлена по различным основаниям.

Во-первых, по субъектам, на которых они направлены:

– меры, применяемые непосредственно к личности физического лица (например, доставление подозреваемого в служебное помещение правоохранительного органа, удаление физических лиц с отдельных участков местности и объектов и т. д.);

– меры, применяемые к организациям (например, использование транспортных средств, принадлежащих организациям, ограничение или приостановление частной детективной и охранной деятельности и т. д.).

Во-вторых, по содержанию:

– меры личностного характера (проверка у физических лиц документов, удостоверяющих их личность; беспрепятственное проникновение лиц, проводящих контртеррористическую операцию, в жилые и иные принадлежащие физическим лицам помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения организаций независимо от форм собственности для осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом и др.);

– меры общережимного характера (усиление охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта, а также объектов, имеющих особую материальную, историческую, научную, художественную или культурную ценность);

– меры технического характера (приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, химически и биологически опасные вещества; приостановление оказания услуг связи и др.);

– меры медико-санитарного характера (введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических и других мероприятий и др.);

– меры, связанные с осуществлением лицензионно-разрешительной деятельности (ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств и ядовитых веществ, установление особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные или сильнодействующие вещества, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции; ограничение или приостановление частной детективной и охранной деятельности);

– меры специального или исключительно назначенного (ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, а также осуществление поиска на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях в целях выявления информации об обстоятельствах совершения террористического акта, о лицах, его подготовивших и совершивших, применение огнестрельного оружия, специальных средств и др.).

В-третьих, в зависимости от характера и направленности воздействия (меры убеждения, меры административного предупреждения, административного пресечения, меры административной ответственности).

Исполнение мер и временных ограничений гарантируется силой государственного принуждения, которая проявляется не только в предоставлении полномочным должностным лицам права требования соблюдения данных мер, контроля за этим, но и применения мер юридической ответственности.

Следует отметить, что наиболее близкими по содержанию к Федеральному закону «О противодействии терроризму» (13 из 14 пунктов перечня мер) являются нормы Закона Кыргызской Республики «О противодействии терроризму».

Анализ правовых актов стран СНГ показывает, что в них употребляются следующие названия: *операции, проводимые против террора* (Азербайджан); *антитеррористическая операция* (Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан, Украина); *контртеррористическая операция* (Армения, Беларусь, Молдова, Россия). Анализ их содержания позволяет признать эти определения равнопорядковыми, тождественными. В основе подходов к формулированию определений контртеррористической операции (далее – КТО) лежит представление о ней как о комплексе осуществляемых специальных мероприятий в целях прежде всего: 1) предотвращения террористических акций; 2) обеспечения безопасности физических лиц (граждан); 3) разоружения, обезвреживания террористов, обезвреживания взрывных устройств; 4) сведения до минимума возможного ущерба в результате террористической акции (минимизации последствий террористических действий, актов терроризма).

Следует отметить, что большинство законодателей государств СНГ связывают контр-

террористическую операцию с вышеназванными целями, и лишь законодатели Армении и Украины целью проведения КТО также называют и выявление террористической акции. По мнению авторов, этот подход расширяет и временной, и пространственный пределы проведения КТО, расширяет круг субъектов, осуществляющих КТО, что может привести к отождествлению КТО и борьбы с терроризмом или даже КТО и противодействия терроризму, что будет не совсем корректным.

Законодатели Беларуси к целям КТО справедливо относят, кроме иных, также обеспечение интересов государства; законодатели Казахстана, Кыргызстана и России вносят в определение КТО словосочетание «с применением боевой техники, оружия и специальных средств».

В законах государств СНГ употребляются термины: «правовой режим зоны операции, проводимой против террора» (Азербайджан); «правовой режим зоны осуществления контртеррористической операции» (Армения); «правовой режим в зоне проведения контртеррористической операции» (Беларусь); «правовой режим антитеррористической операции» (Казахстан); «правовой режим в зоне проведения антитеррористической операции» (Кыргызстан, Туркменистан); «режим в районе проведения антитеррористической операции на период ее проведения» (Украина).

Российский законодатель связывает *правовой режим контртеррористической операции* с пределами территории ее проведения и периодом ее проведения; законодатель Молдовы говорит о *зоне проведения контртеррористической операции*; законодатель Узбекистана – о правах лиц, *проводящих антитеррористическую операцию, в зоне ее проведения*.

Что касается правового режима контртеррористической операции, то о его существовании заявлено только в российском, казахстанском и украинском законодательстве, при этом все нормативные правовые акты государств СНГ предусматривают близкие по содержанию перечни мер административного воздействия, фактически являющихся средствами для создания и поддержания режима в зоне их проведения. И только казахстанский и украинский законодатели закрепляют определения правового режима антитеррористической операции.

В Законе Республики Казахстан «О противодействии терроризму» закрепляется, что *правовой режим антитеррористической опе-*

рации – особый режим функционирования государственных органов, осуществляющих противодействие терроризму, при котором в зоне проведения антитеррористической операции допускается установление отдельных мер, временных ограничений прав и свобод граждан, иностранцев и лиц без гражданства, а также прав юридических лиц на период проведения антитеррористической операции. В Законе Украины «О борьбе с терроризмом» устанавливается, что *режим в районе проведения антитеррористической операции* – это особый порядок, который может вводиться в районе проведения антитеррористической операции на время ее проведения и предусматривать предоставление субъектам борьбы с терроризмом определенных Законом специальных полномочий, необходимых для освобождения заложников, обеспечения безопасности и здоровья граждан, оказавшихся в районе проведения антитеррористической операции, нормального функционирования государственных органов, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций.

В связи с этим мы считаем необходимым для достижения правовой определенности в сфере противодействия терроризму нормативно закрепить понятие «правовой режим контртеррористической операции» в российском законодательстве. Предпринимавшиеся ранее попытки его сформулировать сложно назвать успешными. Так, по мнению В.В. Алешина, «под режимом контртеррористической операции следует понимать комплекс специальных мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и пресечение террористической акции, обеспечение безопасности граждан, юридических лиц и Российской Федерации, а также на минимизацию последствий террористической деятельности»²³. По сути, данный вариант определения переключается с мнением А.Н. Строителя, который считает, что «под режимом контртеррористической операции следует понимать комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических

лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта»²⁴. Сравниваем данное определение с нормой, содержащейся в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»: «Контртеррористическая операция – комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта». Легко заметить, что в обоих случаях допускаются одинаковые логические неточности, во-первых, отождествляются КТО и режим КТО, во-вторых, упускается правовая составляющая, хотя речь идет о *правовом режиме*.

Д.С. Рудьман под *правовым режимом контртеррористической операции* понимает особый правовой режим, вводимый указом Президента РФ в пределах территории проведения КТО в целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства, предполагающий расширение полномочий органов государственной власти и допускающий в качестве временной меры ограничения правосубъектности физических и юридических лиц²⁵. С данным автором также не во всем можно согласиться, поскольку решение о введении правового режима КТО может принять руководитель оперативного штаба по субъекту РФ; кроме того, представляется некорректным использование одного слова («режим») в названии понятия и в его определении.

По нашему мнению, под *правовым режимом контртеррористической операции* следует понимать нормативно закрепленный и организационно обеспеченный порядок деятельности физических и юридических лиц, государственных органов и их должностных лиц на территории проведения КТО, вводимый в целях пресечения и раскрытия преступлений

²³ Алешин В.В. Правовые основы применения режима чрезвычайного положения и режима контртеррористической операции // Современное право. 2006. № 4. С. 45.

²⁴ Строитель А.Н. Режимы чрезвычайного положения и контртеррористической операции – правовая основа в борьбе с терроризмом // Обозреватель. 2010. № 9. С. 91.

²⁵ Рудьман Д.С. Конституционно-правовые основы обеспечения органами внутренних дел прав и свобод человека и гражданина в условиях проведения контртеррористической операции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 7.

террористической направленности, минимизации их последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства, предусматривающий возможность применения специальных режимных мер и временных ограничений.

Сравнительно-правовой анализ законов государств СНГ о борьбе с терроризмом позволяет выделить характерные черты правового режима КТО²⁶: специальный характер цели правового режима КТО, ее комплексность, тесная связь с обеспечением национальной безопасности страны в целом; установление режимных правил преимущественно нормами административного права; возможность введения ограничений прав и свобод граждан; устанавливаемые пределы осуществления правового режима КТО в пространстве и во времени; возможность введения правового режима КТО по решению должностного лица, принявшего решение о ее проведении; создание системы управления проведением КТО, в которую входят как специально уполномоченные на принятие решений должностные лица, так и специально создаваемые органы (соответственно, руководитель КТО и оперативный штаб); возможность применения установленных законодательством временных ограничений; возможность применения при проведении КТО оружия, боевой техники, физической силы, специальных средств; установление административной ответственности физических и юридических лиц за нарушения правового режима КТО; установление социальной и правовой защиты лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, в том числе и участвовавших в КТО; участие в реализации правового режима КТО специально подготовленных сотрудников органов безопасности, правоохранительных органов, военнослужащих и иных лиц; использование специальных форм и методов достижения управленческих целей (например, оперативный штаб подготавливает боевые распоряжения (боевые приказы), другие документы, определяющие порядок подготовки и проведения КТО, ее правовой режим; проведение органами Федеральной службы безопасности оперативно-боевых мероприятий) и ряд других.

²⁶ Редкоус В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : моногр. – М.: Пятигорск, 2010. С. 245–246.

Наиболее важное значение в условиях правового режима КТО играют такие административно-правовые средства, как институт административной ответственности; меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (доставление, административное задержание, личный досмотр и ряд иных), а также иные меры административного принуждения. Применение данных мер позволяет создать административно-правовые условия для предотвращения террористической деятельности, эффективно осуществлять борьбу с терроризмом и минимизировать неблагоприятные последствия. Их особенностями, по мнению авторов, являются: нормативная закреплённость в законах государств СНГ о борьбе с терроризмом и иных законодательных актах; предупредительная направленность большинства административно-правовых средств; наличие норм, ограничивающих права и свободы граждан в условиях проведения КТО; осуществление реализации административно-правовых средств, как правило, в условиях проведения КТО; тесная взаимосвязь реализации административно-правовых средств с иными средствами противодействия терроризму, применяемыми в ходе осуществления оперативно-разыскной, контрразведывательной и разведывательной деятельности, и ряд других. Только комплексное использование всех административно-правовых средств в сочетании с иными мерами воздействия и видами деятельности уполномоченных органов и должностных лиц поможет эффективно осуществлять борьбу с терроризмом²⁷.

Законодательства государств СНГ содержат положения, которые могут быть адаптированы в российских условиях.

Например, ст. 13 Закона Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» устанавливает следующие права лиц, проводящих КТО, в зоне ее проведения: задерживать на срок до трех часов граждан в случае несанкционированного проникновения или попытки проникновения их в зону проведения КТО для установления целей этих действий, а также задерживать граждан при отсутствии у них документов, удостоверяющих их личность, для установления личности; входить беспрепятст-

²⁷ Редкоус В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 212.

венно, при необходимости с повреждением запирающих устройств и других предметов, в любое время суток в жилище или иные законные владения граждан и т. д.

В соответствии с п. 7 ст. 17 Закона Республики Казахстан «О борьбе с терроризмом» в границах зоны проведения антитеррористической операции лица, участвующие в антитеррористической операции, имеют право применять в отношении террористов оружие и специальные средства без предупреждения и ограничений, предусмотренных законодательством Республики Казахстан. Также устанавливается, что действия лиц, участвующих в проведении антитеррористической операции от ее начала и до момента завершения, считаются действиями, совершаемыми в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, что повышает правовую защищенность лиц, участвующих в КТО.

Статья 20 Закона Республики Молдова «О борьбе с терроризмом» регулирует порядок освобождения от ответственности за причинение ущерба. Так, при проведении КТО на основании законодательства и в установленных им пределах допускается вынужденное причинение ущерба здоровью (в том числе лишение жизни) и имуществу террористов. Лица, участ-

вующие в борьбе с терроризмом, освобождаются от ответственности за ущерб, причиненный при осуществлении КТО.

В законах ряда государств СНГ закрепляется обязанность граждан и иных субъектов содействовать государственным органам в противодействии терроризму. Так, например, в соответствии со ст. 10 Закона Кыргызской Республики «О противодействии терроризму» граждане Кыргызской Республики, исполняя свой гражданский долг, содействуют в противодействии терроризму и обязаны незамедлительно сообщать государственным органам, осуществляющим противодействие терроризму, ставшие им известными сведения о готовящемся или совершенном террористическом акте и т. д.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно утверждать, что современные государства для противодействия угрозам совершения преступлений террористической направленности используют меры административного воздействия. Комплексное организационно и законодательно обеспеченное применение таких мер осуществляется в виде административно-правовых режимов, являющихся наиболее эффективным инструментом противодействия терроризму и преступлениям террористической направленности.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г. // Рос. газ. – 2009. – 20 окт.
4. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г. // СПС «Гарант-Максимум».
5. Закон Азербайджанской Республики от 18 июня 1999 г. № 687-IQ «О борьбе с терроризмом» // Сборник законодательства Азербайджанской Республики. – 1999. – № 8. – Ст. 475.
6. Закон Кыргызской Республики от 8 ноября 2006 г. № 178 «О противодействии терроризму» // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. – 2006. – № 10. – Ст. 854.
7. Закон Республики Армения от 19 апреля 2005 г. № ЗР-79 «О борьбе с терроризмом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=26063 (дата обращения: 12.11.2016).
8. Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 6, 2/825.
9. Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-I «О противодействии терроризму» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 1999. – № 19. – Ст. 649.
10. Закон Республики Молдова от 12 октября 2001 г. № 539-XV «О борьбе с терроризмом» // Официальный монитор Республики Молдова. – 2001. – № 147–149. – 6 дек. – Ст. 1163.

11. Закон Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845 «О борьбе с терроризмом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2195 (дата обращения: 12.11.2016).
12. Закон Республики Узбекистан от 15 декабря 2000 г. № 167-II «О борьбе с терроризмом» // Народное слово. – 2001. – № 15 (2775). – 20 янв.
13. Закон Туркменистана от 15 августа 2003 г. № 190-II «О борьбе с терроризмом» // Ведомости Меджлиса Туркменистана. – 2003. – № 3. – Ст. 28.
14. Закон Украины от 20 марта 2003 г. № 638-IV «О борьбе с терроризмом» // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – № 25. – Ст. 180.
15. Указ Президента Украины от 25 апреля 2013 г. № 230/2013 «О Концепции борьбы с терроризмом» // Официальный вестник Украины. – 2013. – № 34. – Ст. 1202.
16. Алексеев, С.С. Теория права. – М., 1993.
17. Алешин, В.В. Правовые основы применения режима чрезвычайного положения и режима контртеррористической операции // Современное право. – 2006. – № 4.
18. Горбунов, Ю.С. К вопросу о правовом регулировании противодействия терроризму // Журнал российского права. – 2007. – № 2 // СПС «Гарант-Максимум».
19. Козлов, Ю.М. Административное право России / Ю.М. Козлов, Л.Л. Попов. – М., 1999.
20. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; РАН ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 1999.
21. Попов, Л.Л. Административное право / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. – М., 2010.
22. Редкоус, В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : моногр. – Пятигорск, 2010.
23. Редкоус, В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.
24. Редкоус, В.М. О законодательном закреплении полномочий органов национальной безопасности государств – участников СНГ в области борьбы с терроризмом // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 23–24 октября 2008 г. – Тюмень : ТГАМЭУП, 2008. – Вып. 5.
25. Рудьман, Д.С. Конституционно-правовые основы обеспечения органами внутренних дел прав и свобод человека и гражданина в условиях проведения контртеррористической операции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
26. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учеб. / под ред. В.А. Туманова. – М. : Юристъ, 2003.
27. Сергеев, А.В. Опыт применения административно-правовых режимов странами СНГ в целях обеспечения национальной безопасности // Вестник МФЮА. – 2016. – № 2.
28. Строителей, А.Н. Режимы чрезвычайного положения и контртеррористической операции – правовая основа в борьбе с терроризмом // Обозреватель. – 2010. – № 9.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуразаков Ахмед Абдурахманович – адъюнкт кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России.

E-mail: abdurazakov1982@gmail.com

Алексеев Кирилл Васильевич – декан факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат филологических наук, доцент.

E-mail: ki.alekseev@gmail.com

Артемова Оксана Евгеньевна – соискатель кафедры «Государственно-правовые дисциплины» Пензенского государственного университета.

E-mail: oksana_art2009@mail.ru

Ахметова Светлана Васильевна – соискатель Южно-Уральского государственного университета.

E-mail: s.v.ahmetova@mail.ru

Буравлев Юрий Михайлович – доцент кафедры финансового, административного права и основ правоведения Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: umb50@mail.ru

Васильев Илья Александрович – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: i.vasilev@spbu.ru

Верба Дина Валерьевна – соискатель кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург).

E-mail: svkomarov2008@yandex.ru

Воробьев Николай Федорович – доцент кафедры «Теория права и природоресурсное право» Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент, залуженный юрист Российской Федерации.

E-mail: nivo49@yandex.ru

Гапонов Олег Николаевич – доцент кафедры административного и уголовного права Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук.

E-mail: info@br.ranepa.ru

Глинин Роман Александрович – адвокат, соискатель Российской академии адвокатуры и нотариата.

E-mail: hamid.katibun@gmail.com

Гончаров Виталий Викторович – исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», кандидат юридических наук, профессор.

E-mail: niipgergo2009@mail.ru

Долотов Владимир – магистр права Балтийской международной академии (Рига, Латвия).

E-mail: vladimirsdolotovs@gmail.com

Доренко Ксения Сергеевна – старший преподаватель кафедры государственного управления и права Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.

E-mail: kdorenko@yahoo.com

Дорская Александра Андреевна – заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Жежелевская Ольга Юрьевна – судья Арбитражного суда г. Москвы.

E-mail: olga_zhezhevsk@mail.ru

Жильцов Николай Александрович – ректор Международного юридического института, кандидат юридических наук, профессор.

E-mail: zhiltsov-na@yandex.ru

Жунусканов Толыбек Жунусканович – аспирант кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург), адвокат Костанайской областной коллегии адвокатов Республики Казахстан.

E-mail: zhunuskanov_t@mail.ru

Звонарев Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета.

E-mail: dp-70@mail.ru

Иванчин Артем Владимирович – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, доктор юридических наук, доцент.

E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Ирошников Денис Владимирович – доцент кафедры «Теория права и природоресурсное право» Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: dv-iroshnikov@mail.ru

Исаев Виктор Михайлович – доцент кафедры конституционного и муниципального права Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук.

E-mail: info@br.ranepa.ru

Исаков Игорь Николаевич – доцент кафедры гражданского права и процесса Пятигорского филиала Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: kafedra-gpd@pfil.ncstu.ru

Колесников Андрей Владимирович – доцент кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: kaviras@yandex.ru

Коржиков Олег Николаевич – доцент кафедры уголовного права юридического

факультета Астраханского государственного университета, кандидат социологических наук.

E-mail: korzhikow@gmail.com

Ладнушкина Нина Михайловна – доцент кафедры международного права и прав человека Московского городского педагогического университета, кандидат педагогических наук, доцент.

E-mail: dp-70@mail.ru

Ларин Виктор Юрьевич – преподаватель Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

E-mail: v.yu.larin@yandex.ru

Ларина Любовь Юрьевна – доцент кафедры уголовного права и процесса Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: larina1708@yandex.ru

Михайлова Наталья Владимировна – профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: support_mosu@mvd.ru

Пантюхина Инга Владимировна – заведующая кафедрой уголовного права и процесса Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: i.pantjuhina@rsu.edu.ru

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета, ведущий научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: dp-70@mail.ru

Попов Константин Иванович – доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

E-mail: kipopov@mail.ru

Рейнгольд Валерий – профессор Балтийской международной академии (Рига, Латвия), доктор юридических наук, профессор.

E-mail: vladimirsdolotovs@gmail.com

Романова Ирина Николаевна – заведующая кафедрой гражданского права и процесса филиала Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани, кандидат юридических наук.

E-mail: Vip_IrinaRomanova@list.ru

Сабанина Наталья Олеговна – декан юридического факультета Университета российского инновационного образования (Новомосковский филиал), кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: nfulio@mail.ru

Сергеев Александр Владимирович – заведующий кафедрой административного и международного права, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: assergeev_2017@mail.ru

Сидорова Светлана Андреевна – заведующая кафедрой финансового, административного права и основ правоповедения Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: s.sidorova@rsu.edu.ru

Соколова Ольга Владимировна – заместитель декана юридического факультета, доцент кафедры уголовного права и процесса Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: olgasokolova.067@mail.ru

Соловьев Олег Геннадиевич – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: olegsol1961@yandex.ru

Чердаков Олег Иванович – проректор по научной и инновационной работе Международного юридического института, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: olegmui@mail.ru

Чупров Владимир Михайлович – и.о. ректора Новомосковского института повышения квалификации руководящих работников и специалистов химической промышленности, кандидат юридических наук.

E-mail: nipk@inbox.ru

Шуба Екатерина Сергеевна – ассистент кафедры уголовного права и процесса Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

E-mail: ekaterinashuba@rambler.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

Для публикации статьи (обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Юридическая наука» необходимо на адрес электронной почты **jur-science@mail.ru** направить оферту и текст рукописи.

Предложение делать оферты, а также текст оферты размещены в публичном доступе на сайте журнала по адресу: **<http://jur-science.com>**

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

Требования к оформлению материала

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски автоматические постраничные, кегль 12, поля 2,0 см.

Минимальный объем статьи – 12 страниц.

К статье прилагаются аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова.

Название статьи, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. Соответствие содержания рукописи ее названию,

8.1.2. Актуальность темы исследования,

8.1.3. Научная новизна полученных результатов,

8.1.4. Целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы,

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения),

8.1.7. Законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. Рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале,

8.3.2. Рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки,

8.3.3. Рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту),

8.3.4. Рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2–8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает главный редактор на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Редактор *Алексеев Кирил Васильевич*
Корректор *Смурова Надежда Васильевна*
Верстка *Каширина Ирина Ивановна*
Перевод на англ. *Старцева Мария Вадимовна*